

ББК 85.5
М 58

Вниманию оптовых покупателей!

Книги различных жанров
можно приобрести по адресу:
129348 Москва, ул. Красной сосны, 24,
издательство «Вече».
Телефоны: 188-88-02, 188-16-50, 182-40-74;
т/факс: 188-89-59, 188-00-73.
E-mail: veche@mail.sitek.net

ВВЕДЕНИЕ

Называть Русь языческой неправильно. Более того, это оскорбительно. Так называли первые христиане другие народы (языки), всех не христиан. Поэтому язычники – это и вообще не верующие в Бога, и исповедующие любые другие религии. Что же касается Руси, то задолго до христианства у нее была стройная, высокоморальная, опирающаяся на правильное мировоззрение религия. Это был монотеизм. Признавалось существование Единого Бога. Была в этой религии и Богоматерь.

Где эта религия? – спросите Вы. У нас на Руси ее за тысячу лет затоптали, очернили, осквернили, а затем и вообще извратили. Хочешь поработить народ, вынь из него душу. Это и старались делать наши князья и цари, для которых было главным держать в узде народ. Князья призвали на Русь византийских отцов церкви именно с этой целью. И не ошиблись. В них они нашли верных помощников в порабощении собственного народа. Церковь благословляла все бесчинства властей.

Какова же была религия у наших предков? Все знают индийские Веда или хотя бы слышали о них. Они известны во всем мире. Прекрасно изданные книги индийского эпоса продают или раздают на каждом перекрестке в Москве. Но мало кто знает, что индийским Ведам предшествовали Русские Веда. В индийском эпосе много утеряно. Многие события в Русских Ведах описываются подробно, в деталях, тогда как в Индийских Ведах время стерло многие из этих деталей. Мы раньше были одним народом, который пришел с Севера, и после длительной жизни на Русской низменности пошел в Индию, Иран и дальше. Поэтому и "Авеста" содержит те же Веда, только они существенно утратили конкретику. Кто хочет изучить Веда, тот должен начинать изучение с Русских

© Ю.В. Мизун, Ю.Г. Мизун, 2000.

© «Вече», 2000.

ISBN 5-7838-0734-6

Вед. Индийских Вед много, русских еще больше. Специалисты утверждают, что сейчас, сегодня можно опубликовать 1000 (тысячу!) томов Русских Вед. Почему их не публиковали? Пытались публиковать, но почти безрезультатно. Так, например, в 1881 году в Болгарии были изданы "Веды славян". Но в России их не заметили. Бал в Москве правили иностранцы, в основном немцы. Им наше прошлое всегда было неприемлемо, поскольку они старались представить наш народ скопищем холопов.

О ведической религии наших предков написал несколько прекрасных книг Александр Асов ("Славянские боги и рождение Руси", "Славянские руны и "Боянов гимн" и др.). Он перевел на современный русский язык бесценную "Велесову книгу", в которой изложена как история, так и религия наших предков. Мы не будем повторять то, что уже сделано (причем прекрасно) другими. Отсылаем читателя к этим книгам.

Асов писал: *"Следует отличать **русский ведизм** от иных вер ведического корня: всех разновидностей индуизма, зороастризма и иных, ибо **русский ведизм** — суть русская национальная разновидность ведической веры. Соответственно, русская ведическая культура — это русская национальная разновидность ведической культуры. Русский ведизм интернационален по содержанию настолько, насколько интернациональна сама ведическая вера, и национален по образу, языку и истоку"*.

Так, в "Велесовой книге" бога наших предков Сварога именуют Твастырем (Творцом). В Ведах Индии есть бог Тваштарь. Образ Твастыря Сварога в Индийской мифологии слился с образами ведийского Тваштара, а также Исвара (Господа Шивы), Индры (хозяина Сварги) и Брахмы. Шиванты отождествили творческую силу Сварога с Творящим Шивой. Так же поступили и поклоняющиеся Индре. Браманисты отождествили творящее Слово Сварога с Брахмой, состоящим из Вед. Это хорошо прослеживается по славянской иконографии Сварога. Она очень похожа на индуистскую иконографию Брахмы.

Мало кто знает, что тысячи лет до крещения Русь была православной. Русские еще в те далекие времена называли себя православными, ибо славили Правь, следовали Стезей Прави. Православие еще в то время называли Праведной верой, так как славяне ведали Правду, знали Права — Веды, древнейшие

Веды, священные предания об истоке Ведической веры. Ведическая вера была первой верой чуть ли не всех народов мира. В наше время десятая часть человечества исповедует ведическую религию. Только мы стыдливо говорим о своих предках как о язычниках, которые якобы верили примитивно и молились истуканам. Нет! Наши предки не были язычниками. Они были монотеистами, верили в Единого Бога, Богоматерь и Сына Божьего. Правь, откуда и православие, это Небесная Мать, которая покровительствует России. Ее звали Макошь. Она олицетворяет собой Небесный Закон. Наши предки верили в Троицу. Первый лик — Бог-Отец, второй лик — Сын Божий, третий лик — Мать Небесная. Она и есть Дух Бога, который привел в движение Мир. Все это имеет очень глубокий смысл. Мать дает жизнь Сыну. Значит, Мир изменяется: после Отца появляется Сын, потом Сын становится Отцом и вновь рождает Сына.

Против этой высококонравной веры боролись церковники. Но побороть ее они не смогли. Они смогли только переименовать православные праздники. Так церковный праздник Благовещения — это древний праздник Провещения Макоши (7 апреля). Не надо верить в многобожие славян. Они почитали всех богинь только ликами Единой Матери мира Макоши, Богоматери.

А теперь судите сами, были ли наши предки язычниками. Под язычеством понимают веру в бытие многих богов и отрицание бытия Единого Всевышнего Бога. На самом деле русский ведизм (праведизм) является древнейшей монотеистической верой, верой в бытие Всевышнего. Русский ведизм дошел до нас в виде устных преданий и в виде священных текстов.

Что же касается Руси, то она началась отнюдь не от момента крещения. В Русских ведах сказано, что в течение двадцати тысяч лет рождалась, гибла и вновь возрождалась Русь. Там же говорится, что прародина предков славян (первых ариев) находилась на Севере. Отсюда наши предки, которых вел Бог, двинулись вначале на Урал и в степи Семиречья, затем в Индию и Иран. Здесь из индоарийских родов выделились собственно славяне: те, кто славил богов и пращуров. Таким образом, Русь рождалась за тысячи лет до основания Киева — на-Днепре и крещения Руси.

В Русских ведах говорится о Завете нашего прародителя с Богом. Этот Завет назван "Законами Сварога" или "Заветом отца Ария". Прародителем славян был Дажбог. По этому Завету всем внукам Дажбога следует убежать от Кривды и следовать Правде, чтить Рода небесного и свой род. Почитать друзей и свою семью. Женам иметь только одного мужа. Разводы и многоженство допускалось в случае крайней нужды. Жениться можно было не более трех раз (по примеру Дажбога). Полагалось праздновать великие праздники и соблюдать посты. Заветом (Законами Сварога) освящалась власть вече. Высшая княжеская власть передавалась по наследству. Вече могло отлучить князя от власти, если дела князя были неуютны людям. В этом последнем параграфе Закона (Завета) кроется причина того, почему князьям нужно было Крещение Руси. Они таким путем надеялись получить неограниченную власть, и с помощью церкви они ее получили. А за симпатии к "язычеству" следовала смертная казнь. Хотели прошлое стереть из памяти навсегда. И в этом направлении много добились. Еще и сегодня приходится доказывать очевидное, подтверждаемое документально. Доказывать, что наши предки имели настоящую религию, высокоморальный гражданский кодекс, гуманное устройство общества и семьи. Очень многие, кого хорошо финансируют, стараются свести на нет эти доказательства, выдать их за недоразумение. Порочат целенаправленно наше прошлое многие политологические центры, и не только зарубежные, но и работающие в Москве. Так, в Москве этим занимается доктор антропологии и этнологии Российской академии наук В.А. Шнирельман, который успешно работает одновременно в Иерусалиме в Еврейском университете. Его уж очень заинтересовали и "Велесова книга" и мифы язычества. В своих книгах он рисует наше прошлое одной черной краской. "Велесова книга", конечно, по его убеждению, подделка. Ему вторит профессор Вашингтонского университета стратегических исследований У. Лаккер. Этим неблагодарным делом заняты и наши доморожденные "рыночники", которые считают, что продавать можно все, даже своих пращуров.

В данной ситуации мы должны объединиться и донести до наших детей и внуков их богатое духовное наследие, показать им, кто были наши предки, а значит — кто такие мы.

НАШИ ПРЕДКИ — СКИФЫ

Нашими предками являются скифы и родственные им киммерийцы. Имя легендарного Гомера означает "киммериец". В Библии он признается старшим сыном Япета. Именно Япет был родоначальником индоевропейских (арийских) народов. Далее, старшим сыном "Киммерийца" считался "Скиф". О киммерийцах пишет Гомер в "Иллиаде".

Письменные источники свидетельствуют, что в южнорусских степях киммерийцы обитали еще в 1 тыс. до н. э., в начале бронзового века. Культура их сложилась намного раньше. Археологические раскопки захоронений дают представление о хронологии. Вначале (примерно 3 тыс. до н. э.) захоронения имели ямную структуру. Погребения совершали в курганах. Для этого под курганом делали обычную яму. Специалисты эту культуру назвали "ямной". Ямную культуру археологи считают "протоарийской", то есть предшествующей арийской. Исследователь пишет, что "от нее исходили те импульсы, которые привели к сложению на обширных территориях Европы и Северной Азии в третьем и начале второго тысячелетия до новой эры народов индоевропейской семьи".

В начале второго тысячелетия до н. э. конструкция места для погребения под курганом усложняется: яму заменяет более сложное сооружение — катакомбы. Эту культуру, которая пришла на смену ямной, специалисты назвали катакомбной. Но в 1600–1000 гг. до н. э. катакомбную культуру сменила сруб-

ная. Суть состоит в том, что катакомбы под погребальным курганом укрепляли деревянным срубом. Это была эпоха поздней бронзы. На протяжении всей эпохи бронзы сохранялись преобладание типа керамики, жилища и т. п.

Установлено, что срубную культуру принесли киммерийцы. Это был народ, который занимался и земледелием и скотоводством. То, что обычай захоронения под курганами практически остался прежним, только несколько усовершенствовался, свидетельствует, что народы, жившие здесь в период ямной, катакомбной и срубной культуры, были родственными. Они имели по сути одну и ту же культуру (в разных стадиях развития). Полагают, что киммерийцы являлись прямыми наследниками степных ариев Восточно-Европейской равнины. Это те арии, которые остались "дома". Другие наследники расселились на огромной территории, как в Азии, так и в Европе. Поэтому в Библии киммерийцы названы старшим из народов индоевропейской семьи.

Название киммерийцы (кимры) означает "степняки". Слово "степь" в одном из древних арийских языков анатолийской группы было "гимра". Собственно, это слово широко распространено на всей Евразии. Так, "кимры" были известны и среди кельтов Британии, и на полуострове Ютландия, и в других местах. Еще Плутарх писал, что западноевропейские кимры произошли от смешения скифов и кельтов или от киммерийцев. В северной Европе долго сохранялась память о степной, киммерийской прародине. В преданиях Ирландии и Скандинавии говорится о том, что эти земли заселялись выходцами из причерноморских степей. В скандинавских сагах южная Россия – Скифия – называется "Великой Свитьод" ("Великой Швецией"). "Малая Свитьод", то есть собственно Швеция, считалась колонией "Великой Швеции". В этих легендах рассказывается о переселении в Западную Европу народов арийской семьи, которое произошло в конце 3 тыс. до н. э. Таким образом, вырисовывается следующая картина: причерноморские киммерийцы раннего железного века – это те степные арии, которые "остались у себя дома", а британские и скандинавские кимры, это те родственники, которые ушли далеко на запад.

В античную эпоху родство европейских народов между собой считалось очевидным. Римские и греческие авторы западных (кельтских) и восточных (скифских) "северных варваров" называли одинаково – "кельтоскифами". Они знали, что "кельтоскифы" являются наследниками Великой Киммерии. Археологи и историки логично считают, что киммерийцы в южнорусских степях были аборигенами, местными жителями с древнейших времен. Такие народы специалисты называют "автохтонами".

Данные археологических, антропологических, лингвистических и исторических исследований однозначно свидетельствуют об очень высоком уровне цивилизации киммерийцев-скифов, которая затем стала "прародительницей" многих цивилизаций и народов Старого Света. А сами киммерийцы-скифы были прямыми наследниками ариев.

Исторические памятники свидетельствуют о том, что скифы были известны окружающим их народам с древнейших времен. Их упоминает старейший греческий поэт Гесиод, который жил в VIII в. до н. э. В сказаниях о Геракле описано, как он получил свой лук из рук скифа Тевтара. Тевтар обучил Геракла стрельбе. Основатель многих царских династий Геракл, согласно традиции, жил и действовал в первой половине XIII в. до н. э. В греческих мифах об изобретении земледелия, лука, технологии выплавки меди и др. неизменно указывается на учителей-скифов. Таким образом, во времена Гомера и Гесиода (это начало 1-го тысячелетия до н. э.) греки знали и воспринимали скифов и киммерийцев как привычный народ. О них писали, их изображали. Значит, скифы жили рядом, а не где-то на краю земли, в медвежьем углу.

Геродот рассматривал две версии происхождения скифов. По одной, земной, версии скифы пришли из Азии и разгромили киммерийское царство в Причерноморье. По второй, небесной, версии скифы произошли от верховного божества и "богини географического места", дочери реки Борисфена (Днепра). По второй версии скифы являлись в степях Причерноморья аборигенами, коренным местным народом. На самом деле между обеими версиями принципиального различия нет, поскольку, как мы уже говорили, скифы были ближай-

шими соседями и родственниками киммерийцев. А киммерийцы были потомками восточной (волго-уральской) группы той же самой срубной культуры. Скифы пришли в Причерноморье не из "глубин Азии", а от берегов Волги. Кстати, в античные времена границей Европы и Азии считалась река Дон. Таким образом, скифы пришли от берегов Волги и Дона к берегам Днепра. Они именно пришли, а не совершали нашествие. При этом они не вытеснили полностью своих родственников-киммерийцев. Основной состав населения после прихода скифов сохранился. Поэтому и археологические культуры в разные периоды очень схожи. Их просто трудно отличить одну от другой. Археологи установили, что традиции эпохи киммерийской (эпоха поздней бронзы) сохранились на Дону и в скифское время (в железном веке). Это было возможным именно потому, что основной состав населения сохранялся. Это подтверждается следующим фактом. Пришедшие скифы не только сохранили погребальные обряды киммерийцев, но часто использовали старые киммерийские курганы для похорон своих людей. Это возможно только в одном случае – они посчитали эти курганы своими не по праву завоевателей, а по праву родственности, по праву крови.

Основной вывод такой – в железном веке в Поднепровье проживали в большинстве своем те же киммерийцы. Они только стали называться скифами, как и пришедшие к ним с востока скифы. Эту мысль подтверждают и слова Геродота, который замечал, что вообще народ скифов – весьма многочисленный, но настоящих скифов (то есть пришедших из Азии, из-за Дона) – мало. Специалисты говорят, что и скифы и киммерийцы происходили от народа срубной культуры.

Геродот описывает правление первых скифских царей. Они были общими предками как скифов, так и киммерийцев. Геродот указывает, что начало правления первых скифских царей имело место за тысячу лет до похода персидского царя Дария в Причерноморье, который хорошо датируется. Получается, что начало правления первых скифских царей приходится на 1500 г. до н. э. Это в точности совпадает с археологической датировкой начала срубной культуры, которая сформировалась в южно-уральском и волгодонском регионе в XVI в. до н. э.

Первых скифских (и киммерийских) царей звали Рипоксай, Арпоксай и Колоксай. Срубная культура унаследовала более древние арийские культуры бронзового века. Она сложилась в степном районе южного Приуралья – нижнего Поволжья – нижнего Дона в XVI в. до н. э. В эпоху средней бронзы к западу от Дона возникла культурная общность, которая имела несколько отличающиеся традиции. Она занимала территорию современной Украины. Это было в XVI–XIV вв. до н. э. Археологи и историки назвали эту культуру "культурой многоваликовой керамики". Эта культура очень сильно отличалась от классических степных культур эпохи бронзы. Здесь не применялся курганный обряд погребения. Полагают, что эта культура ("многоваликовая керамика") пришла на Украину из бассейна Дуная.

В эпоху средней бронзы Дон разделял две этнокультурные общности, которые, к сожалению, были враждебны друг другу. Берега Дона оцетинились мощными оборонительными сооружениями. Это были каменные крепости. Восточная Европа такое увидела впервые. Эти сооружения не уступали современным каменным крепостям на Балканах и Ближнем Востоке.

Оценив силы противника, юнорусские степняки "откапывались" на восток – в поволжские степи. Почти всю территорию современной Украины заняла общность, культура многоваликовой керамики. На Волге в XVI в. до н. э. и образовалось "скифо-киммерийское" царство (срубная культура).

Такое равновесие сохранялось в продолжение трех веков. Но в XIV в. до н. э. "скифо-киммерийское" царство прорвало оборону на Дону и двинулось на запад. Каменные крепости были разрушены. Они больше никогда не восстанавливались. В этом не было нужды, поскольку от Волги и Урала до Днепра и Днестра образовалась единая этнополитическая система.

Кстати, "скифы" является самоназванием. Греческие источники называют скифов сколотами. Территориально после падения Донской стены скифы находились восточнее Дона, а киммерийцы – западнее (территория сегодняшней Украины). К 1000 г. до н. э. единство скифов и киммерийцев распалось, как распалась общность Россия–Украина сейчас. Именно период разобщения скифов и киммерийцев, когда они даже враж-

довали между собой, описан в наиболее ранних античных источниках.

Примерно около 800 г. до н. э. скифы перешли через Дон и разрушили позднедревнюю культуру на нижнем Дону.

Надо заметить, что скифы при "нашествии" не уничтожали киммерийцев. Они устранили только правящую элиту. Сам киммерийский народ составил основу населения Скифии. Еще до этого из древней Киммерии происходили постоянные переселения в Европу и Азию, образовались новые царства и новые народы. При этом некоторые из них продолжали называться по-старому ("кимры"). Но часть населения оставалась верной своей родине и "свой дом" не покидала.

Специалисты, археологи и историки, считают, что в степях Южной России носители срубной культуры (киммерийцы) проживали с 1600 по 1000 гг. до н. э. После этого, с началом железного века, началось "скифское время". В это время скифы обосновались на Дону, где сложилось их государство, которое через несколько столетий распространилось и на Причерноморье. Научные археологические и исторические исследования подтвердили истинность информации о скифах, содержащейся в Библии. А там сказано, что Скиф был старшим сыном Киммерийца, а Киммерий был старшим сыном Арийца (Япета).

Мы уже говорили о том, что сами скифы (так их называли греки) себя называли сколотами. Об этом сказано у Геродота: "Общее же всех их (скифов) название — сколоты, по поименованию царя; скифами же называют их эллины". Сколоты — это не какая-то часть скифов, а все скифы. Кстати, к названию "сколоты" восходит современный этноним "славяне". "Сколот" образовано от древнего славянского слова "коло", круг. Оно было связано с культом круглого солнца. Отсюда — "коло" и "сколоты". В древнейших источниках говорится не о "славянах", а о "склавенах". Кстати, в испанском языке сохранилось слово "эсклаво". Ни в коем случае нельзя выводить слово "славяне" от слов "слава" или "слово". Это просто ненаучно. По названию "сколоты" славяне являются детьми Солнца, верующими в своего бога-прародителя Солнце.

Небезынтересно знать, что же было со скифами раньше, до того момента (3 тыс. до н. э.), как мы стали рассказывать о них. Помпей Трогу указывал, что скифы добивались господства над Азией трижды. Последний из периодов господства скифов над Азией относится к VII в. до н. э. Он подробно описан в античных источниках. Предыдущие подобные периоды приходились на бронзовый век.

Первый период скифского господства в Азии продолжался полторы тысячи лет. Он завершился около 2054 г. до н. э. Помпей Трог писал: "Азия платила им (скифам) дань в течение 1500 лет; конец уплате положил ассирийский царь Нин". Историк V в. н. э. писал: "За 1300 лет до основания Рима царь ассирийский Нин, поднявшись с юга от Красного моря, на крайнем севере опустошил и покорил Эвксинский Понт". Рим был основан в 753 г. до н. э. Значит, скифы господствовали в Азии в XXXVI—XXI вв. до н. э. Это была эпоха ранней бронзы. Именно на это время приходится период ямной культуры. В это время арии южнорусских степей расселялись по всем направлениям и создавали новые общности.

Ямная культура перешла в катакомбную около 2000 г. до н. э. Именно в это время скифы потеряли власть над Азией. Видимо, этот переход от одной культуры к другой не был безболезненным. Хотя собственно скифы и не уничтожали киммерийцев, которых они заняли, но проходящая при этом "перестройка" сильно ослабила государство. Несомненно, что она была связана с глубокими социально-политическими (а значит, и экономическими) изменениями, а может, и потрясениями. Ослабевшее государство скифов азиаты быстро сбросили со своих плеч. Период господства скифов над Азией хорошо описывается на основании археологических данных. Доказано, что во второй половине 4-го и до конца 3-го тысячелетия до н. э. народы, которые населяли южнорусские степи, господствовали в Азии и Восточном Средиземноморье как в культурном, так и в политическом плане. Античные историки понимали преемственность ариев эпохи ранней бронзы и скифов железного века.

Помпей Трог сообщает о скифах в связи с "царством амазонок". Это около XXI в. до н. э., сразу после прекращения

господства скифов в Передней Азии. В греческих преданиях "царству амазонок" отведено очень важное место. По свидетельству Помпея Трога, это женское царство было основано на южном берегу Черного моря "скифскими юношами царского рода" Плином и Сколопитом, которые были изгнаны со своей родины в результате "происков вельмож".

Историки склоняются к тому, что, действительно, было реальное политическое образование, известное как царство амазонок. Оно просуществовало в течение почти всего второго тысячелетия до н. э. Конечно, что касается подробностей из жизни амазонок, то греческие источники преувеличили особенности обычаев скифских женщин. Полагают, что страна амазонок это "страна коска", которая располагалась на малоазиатском побережье Черного моря. О ней содержатся сведения в хеттских и других источниках. Значительно позже, в середине века этноним "коска, касог, косок" встречался в Приазовье и на Кубани. Эти слова относятся еще к протоарийской эпохе. От него берет свое начало слово "казак". Говоря чисто формально, амазонки были казачками.

Основной базой, первоначальной родиной амазонок была Скифия. "Царство амазонок" поддерживало со Скифией политические и даже военные связи. Так, когда амазонки воевали с афинским царем Тезеем, скифский царь Сагил по просьбе царицы амазонок послал ей военную помощь. Отряды возглавил сын царя Панасагор. Поход амазонок не удался по банальной причине — скифы и амазонки перессорились. Это было в XIII в. до н. э., после этого амазонки обходились своими собственными военными силами. Более того, у них была весьма динамичная внешняя политика. Когда амазонками правила преемница Оритии царица Пентесилея, то амазонки в Троянской войне воевали на стороне Трои. Троя тогда была форпостом малоазиатской цивилизации на западе. На Трою тогда напали объединенные войска греков-ахейев (микенцев) и выходцев с берегов Азовского моря данайцев (танантов, донцов).

После того как была сломлена линия обороны по берегам Дона (в XIV в. до н. э.) скифы устремились на запад и юго-запад. Скифы направились на Балканы. После взятия Трои (около 1230-х годов до н. э.) ворота Азии были взломаны и на

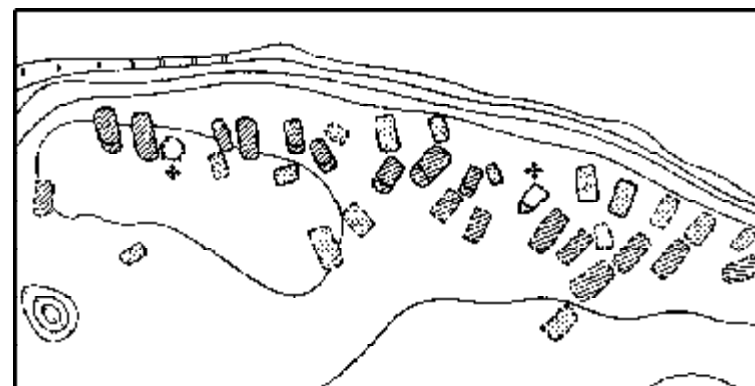

Рис. 1. План праславянской деревни XV–XII вв. до н. э. (раскопки С.С. Березанской у с. Пустынки). Крестиками отмечены два святилища

страны Восточного Средиземноморья обрушились полчища данайцев-танаитов. В египетских источниках эти походы описываются как нашествие "народов моря". Скифы захватили Боспорский пролив, проникли в Эгейду и дальше двинулись морским путем. Есть сведения в исторических источниках, что нападение скифов спровоцировали египтяне. Геродот пишет, что на скифов некогда ходил воевать "фараон Сесострис". Другой историк, Павел Оросий, пишет, что на Скифию напал "фараон Весоз". Конкретно таких фараонов в истории Египта не было. Указанные имена фараонов собирательные. Собственно, они могли относиться к разным периодам. Корнелий Тацит сообщает, что "царь Рамсес овладел Ливией, Эфиопией, странами мидян, персов и бактрийцев, а также Скифией". Правда, ясности нет, поскольку в XIII веке до н. э. в Египте правили поочередно многие фараоны по имени Рамсес. Конечно, военная кампания Египта против Скифии выглядит слишком грандиозно, но она не является поэтому не-реальной. Не менее грандиозным был и поход Дария, который повел в 512 г. до н. э. полмиллиона солдат из Малой Азии в Причерноморье. Правда, этот гигантизм кончился трагично для людей Дария — большинство из них из этого похода не вернулось обратно.

Что касается войны фараона Весоза против скифов, то Павел Оросий утверждает, что она имела место в 1234 г. до н. э. Он эти события описывает так:

“В 480 году до основания Рима царь египетский Весоз, или желая смешать войной юг и север, разделенные почти целым небом и морем пояса, или присоединить их к своему царству, первый объявил войну скифам, отправив вперед послов объявить врагам условия подчинения. На это скифы отвечают, что глупо богатейший царь предпринял войну против неимущих, ибо ему, наоборот, следует бояться, как бы не остаться, ввиду неизвестного исхода войны, без всяких выгод и с явными убытками. Затем им не приходится ждать, пока к ним придут, и они пойдут сами навстречу добыче.

Они не медлят, и за словом следует дело. Прежде всего, они принуждают самого Весоза в испуге бежать в свое царство, на оставленное же войско нападают и забирают все военные припасы. Они опустошили бы также весь Египет, если бы не были задержаны и отражены... болотами. Вернувшись тотчас назад, они бесконечной резней покорили всю Азию и сделали ее своей данницей...” Это и было “второе господство скифов”.

Страбон также писал о скифах, о вторжении “киммерийцев, которые в гомеровские времена или немного раньше опустошали набегами целую область от Восточного Босфора вплоть до Ионии”.

В ближневосточных источниках сообщается, что вторжение “северных варваров” в Восточное Средиземноморье происходило в XIII–XII вв. до н. э. Скифы сокрушили Хеттское царство, достигли Палестины и далее вторглись в Египет. В египетских источниках говорится о нашествии “народов моря”. Скифы из южнорусских степей через Балканы направлялись на Ближний Восток. Историки пришли к заключению, что и Троянскую войну и войны с хеттскими Мурсилисами и египетскими Рамсесами в конце второго тысячелетия до н. э. вели скифы.

Квинт Курций Руф в “Истории Александра Македонского” писал о Великой Скифии по состоянию на IV в. до н. э. следующее:

“Племя скифов, находясь недалеко от Фракии (то есть северных Балкан), распространяется на восток и север, но не граничит с сарматами, как некоторые полагали, а составляет их часть. Они занимают еще и другую область, прямо лежащую за Истром (Дунаем), и в то же время граничат с Бактрией (Средней Азией и Афганистаном), с крайними пределами Азии. Они населяют земли, находящиеся на севере; далее начинаются дремучие леса и обширные безлюдные края; те же, кто располагаются вдоль Танаиса (Дона) и Бактра (Средняя Азия), носят на себе следы одинаковой культуры”.

Таким образом, в период своего расцвета (800–400 гг. до н. э.) цивилизация скифов занимала огромные территории от устья Дуная до среднего течения Хуанхэ. В сферу влияния Великой Скифии на юге входили Иран, Северная Индия и северо-западные китайские царства. На рубеже 2-го и 1-го тысячелетий до н. э. в указанных странах правили династии, которые были основаны степными “ариями”.

Помпей Трог так писал о скифах: “Начало их (скифов) истории было не менее славно, чем их владычество, и доблестями мужей они прославились не более чем женщин; в самом деле, сами они были родоначальниками тарфян и бактрийцев, а жены их основали царство амазонок, так что если разобрать подвиги мужчин и женщин, то остается неизвестным, который пол был у них славнее...”

Владычества над Азией скифы добывались трижды; сами они постоянно оставались или не тронутыми, или не побежденными чуждым владычеством... Некогда два царя, осмелившиеся не покорить Скифию, а только войти в нее, именно Дарий и Филипп, с трудом нашли путь для бегства оттуда...”

Уровень технологий и культуры у скифов был очень высоким. Он был выше уровня большинства стран, и не было ни одной страны с более высоким уровнем развития. У скифов была своя железная руда, металлургия была на должном уровне. Производили сталь и железо не только в крупных городах, но даже и в мелких селениях. Поэтому у скифов было высококачественное оружие. Кроме того, у скифов были лихие кони. Силу скифов, базирующуюся на храбрости, коннице, прекрасном оружии, уважал “весь цивилизованный мир”.

В Иране и Индии на рубеже 2-го и 1-го тысячелетий до н. э. закрепились родственные скифам арийские династии. Волгодонские скифы были значительной политической силой. В Центральной Азии, согласно китайским хроникам, динлины, гуны и усунь успешно воевали с местными царствами. Завоевав их, они становились политической элитой.

Где же были народы, которых сейчас склонны причислять к цивилизованным? Для того, чтобы оказать сопротивление скифам, у них недоставало высоких технологий, высокой культуры и других качеств, в том числе и храбрости. Скифы были научены постоянно держать "огненные рубежи" на все четыре стороны. Поэтому справиться с ними никому было не по зубам. С ними не могли справиться даже свои. Иранцы, где правили потомки ариев в VI–V вв. до н. э. попытались одолеть скифов, но безрезультатно. Но скифы применили тактику "выжженной земли", и иранцы потерпели поражение. В борьбе с массагетами (родственными скифам) персы были разбиты, а их царь Кир Великий погиб. Александр Македонский в IV в. до н. э., как и его полководцы, терпели поражение во всех попытках разгромить скифов.

К скифам история несправедлива. Древние историки объективны, а современные заменяют историю политиканством. Вопреки правде они изображают скифов разрозненными отсталыми степными племенами, тогда как превозносятся мнимые "продвинутые" цивилизации. Где же была их "продвинутость", когда у скифов они учились технологиям, военной стратегии, культуре. Говоря современным языком, можно утверждать, что у скифов уровень "промышленного развития" был безусловно выше, чем у "цивилизованных" южан. К промышленному развитию надо добавить высокий уровень сельскохозяйственного производства. Например, первые шаги к культивации растений были сделаны именно у скифов, а не на "цивилизованном" юге. Широко применялась ирригация. Именно с территорий, занятых скифами, наиболее ранние сельскохозяйственные культуры распространились в Переднюю Азию и Северный Китай. Это ячмень, полба, просо и др. Историки полагают, что железный век начался со Скифии. Во всяком случае, скифы всегда имели железное оружие. Для этого

было все необходимое. Три четверти запасов железных руд Евразии сосредоточено в Центральной России. Для металлургии нужен древесный уголь. Для его получения были самые крупные запасы сырья. Не надо забывать, что железный век не случайно наступил тогда, когда степные арии появились в Иране, Индии, на Балканах, в Северном Китае.

"Северные варвары" (скифы) лидировали и в духовной культуре. Они создали "Веды" и "Авесту", на которых выросла индийская и иранская культуры. Кто занес на юг Балкан "гомеровский эпос"? Арии! Более того, специалисты склоняются к тому, что практически все системы прогрессивной слоговой и алфавитной письменности цивилизаций Южной Азии и Средиземноморья восходят к одному источнику, место которого в Северной Евразии. Таким образом, следует пересмотреть понятие "варвары". Римляне, которые кичились своими дворцами и храмами, роскошью и украшениями, развратом и беззаконием, беспредельным насилием над личностью и рабством, отнесли свою цивилизацию к "продвинутой", передовой. Тех, у кого жизнь была организована на здоровой материальной и духовной основе, — они называли варварами. Теперь мы понимаем, какими варварами были наши предки — скифы. Они создали в Северной Евразии раннего железного века "великую скифскую империю", которая была не монархической, но республиканской, не унитарной, но федеративной. Она состояла из сложной иерархической структуры мелких общин — племен — союзов племени.

Для того, чтобы любой организм полноценно жил и развивался (это справедливо и по отношению к обществу), он должен быть всегда нагруженным, он не должен расслабляться. Как только в обществе появляется паразитирующий слой, как только интерес личный преобладает над общественным, как только богатые в сто раз богаче бедных, наступает фаза разложения и гибели общества. Так погибали все общества. Если мы не остановим такие же процессы в современной России, то мы также погибнем. Надо четко понимать, что европейская и американская цивилизации уже вступили в фазу разрушения и гибели. Мы еще можем выбрать иной путь, путь, который ближе к естественным законам.

Что же касается скифов, то и они не миновали стадии разложения. Уже к IV в. до н. э. их государство превратилось в наследственную монархию с правящей аристократией, с центрами городского типа. Влияние античной Греции было колоссальным. Это влияние было разлагающим. Геродот приводит рассказ, который может служить иллюстрацией того, как "развитые" общества влияют на "развивающиеся". Скифский царь Скила (сын фракийской царевны) слишком увлекся приключениями ласкового Средиземноморья. Без колебаний он сменил религию и стал принимать участие в мистериях "вакхического" культа. Но его подданные, "северные варвары", не привыкшие к такой распущенности, не одобрили своего царя и... казнили его. К сожалению, хирургическое лечение общества часто запаздывает. Скифское царство во II в. до н. э. уже не могло вернуть свою жизненность и силу. Путь в "цивилизацию" оказался для него губительным. Погубили его савроматы (сарматы), которые пришли с востока, с Волги и Дона.

Савроматы, или сарматы, были восточными соседями скифам, начиная с VI в. до н. э. До этого они занимали южное Приуралье, а также территории севернее Арала. Они были предшественниками (потомками) той части Андроновской культуры, которая на рубеже второго и первого столетий осталась на месте. Около 600 г. до н. э. савроматы вышли к Дону, а во II в. до н. э. уже занимали все северное Причерноморье. Действует безжалостный закон природы: сильный и здоровый народ вытесняет слабого и разлагающегося. Как в свое время скифы поглотили киммерийцев, так потом их поглотили савроматы (тоже арийцы). Геродот свидетельствует, что савроматы произошли от брака скифских юношей с амазонками. Язык у них был скифский (диалект).

Савроматы встали на сторону своих родственников, скифов, когда в 512 г. до н. э. Дарий вторгся в Причерноморье. Дария победили, но скифы продолжали сползать по наклонной вниз. Уже в IV в. до н. э. западные скифы были разгромлены войсками Филиппа Македонского. А в это время их восточные соседи-родственники укрепились. Савроматы в это время трансформировались в сарматов. И это была не смена вывески. Исторических данных об этих процессах мало, но

археологические находки позволяют заключить, что к ним влились некоторые народности с востока и привнесли свою культуру. Это вливание свежей крови оздоровило общность савроматов. Образовалось новое сильное государство. С этих пор подданные этого государства стали называться сарматами. С этого времени сарматы стали доминировать в южнорусских степях. Ослабевающие скифы продержались еще два века. Последним их убежищем после этого был Крым, где они доживали еще несколько столетий. Полный контроль над всем Причерноморьем сарматы установили в 175 г. до н. э. Общественная система как будто пришла в состояние, которое было 600 лет до этого, когда одна этнополитическая система занимала территории от устья Дуная до Кавказа и Урала. Новой такой общностью стали сарматы.

У сарматов был общинный строй. Сарматы не истребляли скифский народ. Была смещена только правящая верхушка, а простые скифы влились в новую общность. Часть скифов, как уже говорилось, закрепилась в Крыму, где они постепенно смешались с местным населением, таврами. Здесь они продержались до II–III вв. н. э. Другая часть военно-политической элиты ушла на территорию северного Прудунавья, в Дакию. Здесь они продержались, как и в Крыму, до того же времени II–III вв. н. э. Это было время "великого переселения народов", которое смело не только скифов, но и сарматов. Кстати, крымские скифы не были полностью автономны. Они потом входили в общесарматскую политическую систему. Перекопский ров между степью и Крымом скифы создали в III–II вв. до н. э., чтобы защищаться от сарматов. Но потом он был заброшен, а военные сооружения с южной границы Крыма укрепились. Столицу крымских скифов Севастополь греки называли "Неаполь".

У сарматов, как, впрочем, и у скифов, была региональная структура государства. В эпоху скифского царства были регионы паралотов, авхатов, катнаров и траспиев. В сарматскую эпоху имелись три региона: роксаланов (Причерноморье), аорсов (Приазовье – нижний Дон) и сираков (восточное Приазовье, Кубань). Исходным центром формирования сарматской государственности было нижневолжское территори-

альное объединение. Оно также входило в сарматское государство. Ясно, что эти региональные образования были обусловлены естественными, а точнее, географическими условиями.

Поволжские сарматы назывались аланами. Историк I в. н. э. Иосиф Флавий в своих работах сообщал, что аланы находятся вокруг Танаиса и "Меотийского озера". Это в нижнем Подонье, где ранее был союз аорсов. В начале новой эры имело место новое движение с востока на запад (по линии Волга — Дон). Каждое такое движение стимулировало усиление государственности, усиление, оздоровление общества. Это свойственно как отдельному человеку, так и обществу. При появлении угрозы для жизни он (оно) мобилизуется. Отсюда и положительная роль внешнего врага.

В наше время разложившаяся верхушка России стесняется говорить о внешнем враге. В то же время основа общества — простой народ — моментально сплачивается при угрозе исламских экстремистов. Чтобы карась не дремал, всегда нужна щука. Зажиревшие, зажавшиеся цивилизации, которые и защитников себе покупают за деньги, не понимают, что это и есть конец. Если пользоваться костылем, то здоровая нога отмирает и человек станет инвалидом. Поэтому надо стремиться не к роскоши и изобилию, а к необходимому минимуму, при котором каждый член общества работает "на полную катушку". И, конечно, нельзя личное ставить выше общественного. Надо исходить из лозунга: "Ответственные личности составляют свободное общество". Личность свободной в принципе быть не может. Может ли палец быть свободным от человека, которому он принадлежит. Поэтому государство должно отстаивать не интересы сверхбогатых одиночек, а интересы общества, большинства людей. Если в современной России удастся создать такую государственность, то мы не пропадем. Более того, мы пойдем далеко вперед, как шли наши достойные предки скифы.

Что же касается аланов, то они стали доминировать в Сарматии. Вскоре сарматов вообще стали называть аланами, а страну Аланией. По свидетельству античных историков, Сарматия (Алания) распространялась не только в пределах степной зоны Южной России, но занимала и лесную зону. Ее владения про-

стирались далеко к северу. Страбон писал, что "области за страной роксаланов необитаемы вследствие холода". Другими словами, сарматы-роксаланы проживали на севере вплоть до глухой тайги и тундры Заполярья. В начале V в. н. э. Маркиан писал: "Река Рудон течет из аланской горы; у этой горы и вообще в той области живет на широком пространстве народ алан-сармант, в земле которых находятся истоки реки Борисфена, впадающей в Понт". Река Рудон — это Западная Двина, Аланские горы — это Валдайская возвышенность. Значит, в начале новой эры аланы-сарматы обитали не только в степи, но и на территории современной Белоруссии, а также Средней России. Таким образом, лес и степь Восточноевропейской равнины в то время заселял единый народ сарматов-аланов, наследников скифов.

Общество сарматов было построено на здоровой основе. Женщины были так же активны, как и мужчины. Женщины владели всеми видами оружия. А оружие в то время было самое разное, а главное тяжелое (лук, короткий меч, длинные мечи и копья, а также броня для защиты коня и всадника). Сарматские царицы весьма успешно царствовали и сами вели войска в сражение. У сарматов (аланов) не было матриархата. У них был равноправный брак с правом развода с обеих сторон. Все это очень сильно контрастировало по сравнению с обычаями разложившегося общества греков.

Сарматы не только надежно защищали свою огромную территорию, которая простиралась до Дуная, но и оказывали влияние на жизнь и политику всего региона Балканы — Малая Азия. Показательно свидетельство Полибия, что мирный договор между Понтом, Пергамом, Вифинией и Каппадокией (это греческие государства) был заключен в 179 г. до н. э. именно при содействии царя Гатала.

Политическое могущество государства — это верхушка айсберга, нижней частью которого является могущество экономическое и даже культурное (духовное). Без духовного "могущества" не может быть монолитного, сильного государства. У сарматов этот принцип проявил себя в полном объеме. Во времена сарматов Северное Причерноморье и Приазовье покрылись сетью городов и крепостей. В это же время (и это понят-

но) южнорусские степи стали вывозить зерно в больших количествах в средиземноморские "полицы". Афины уже с IV в. до н. э. полностью зависели от поставок сарматского зерна через Боспор. Так что у наших предков с сельским хозяйством все было в порядке. Они не позволяли унижать себя гуманитарной помощью своих прежних врагов. Оборонная промышленность у наших предков не просто функционировала исправно, но и развивалась опережающими темпами. Ее основой служила металлургия, которая не стояла на месте. Успехи металлургии позволили создавать новый, тяжелый тип вооружения. Он включал в себя кольчугу из пластин и шлем, а также длинные и тяжелые обоюдоострые мечи. Все это дополнялось длинными копьями. Старались делать (и делали!) не то, что было у противника, а то, что значительно превосходило по тактико-техническим данным вооружение противника. И это им удавалось. По качеству вооружения сарматов значительно превосходило все то, что было у реальных и потенциальных противников. Военное снаряжение римских легионеров было значительно хуже. Это признают авторитетные историки. А главное, об этом свидетельствуют факты: без превосходного оружия сарматы не смогли бы установить контроль чуть ли не над всей Евразией.

Правильная, здоровая жизнь сильных и независимых сарматов стимулировала оздоровление жизни и укрепление государственности и других "родственников" сарматов. Среди таких "родственников" были в III в. до н. э. парфяне, одна из групп среднеазиатских саков (скифов), которые занимали территорию современной Туркмении. Они разгромили империю Селевкидов и даже завоевали Иран. В тот же период на Греко-Бактрийское царство (оставшийся кусок от империи Александра Македонского) напали "родственники" сарматов из южной Сибири. Другие родственники сарматов (скифов) создали в Средней Азии Кушанское царство и через какое-то время завоевали северную Индию и Афганистан.

"Родственники" не чуждались друг друга. Показательно, что парфянское царство основал в 251 г. до н. э. выходец с Дона Арсак. Мы уже видели, как аланы, проживающие в волго-уральских степях, стремились вместе с причерноморскими

сарматами объединить все сарматские земли в одном аланском государстве.

Таким образом, Великая Скифия в начале новой эры была столь же могущественной, как и в начале железного века. Под ее контроль попала почти вся Южная Азия (Иран и Северная Индия). На западе границы Скифии-Сарматии проходили по берегам Вислы и Дуная. Такие же границы имела Российская империя до 1917 года. Балтийское море в античную эпоху называлось Скифским или Сарматским морем. И все потому, что юго-восточное побережье Балтики входило в состав Скифии-Сарматии. Так, Тацит употреблял термин "сарматы" в качестве общего названия населения Восточно-Европейской равнины — от Балтики до Волги. И речь шла не об отдельных племенах, а об одном большом народе. Аммиан Марцеллин писал так: "Аланы... населяют бесконечные пустоши скифии... в другой части страны (к востоку от реки Дон) аланы поднимаются на восток, разделенные на многочисленные и немногочисленные роды, они выдвинуты далеко в Азию и, как я слышал, живут вплоть до реки Ганг, которая протекает через территорию Индии и вливается в Южный океан... Почти все аланы высоки и симпатичны, их волосы скорее светлы, свирепостью своего взгляда они внушают страх, как бы они не сдерживались. Они легки и активны в использовании оружия".

Показательно, что гордый Рим платил дань сарматам-роксаланам на западе, у Дуная, за соблюдение мира. Платили даже такие сильные императоры, как Траян и Адриан.

Но беда пришла с востока, с территории современной Монголии. Там сложилось сильное государство тюркоязычных монголоидов — хуннов. Они-то и стали теснить сибирских и центрально-азиатских скифов, которые лидировали на просторах Евразии. О скифах-сибиряках, исседонах и аримасках Геродот писал так: "Все они, кроме лишь гипербореев (жителей Крайнего севера), всегда ведут соседственные войны, начиная с аримасков: аримаски выгоняют из земли исседонов, исседоны — скифов, скифы же теснят кимерян, обитающих у южного моря, и под таковым гнетом оные оставляют страну". Об этой тенденции мы уже говорили. Она подтверждается археологическими исследованиями. Действительно, ев-

ропейские регионы Великой Скифии испытывали на себе давление из Сибири и Центральной Азии. Благодаря этому давлению и восстанавливалось скифское государство. Восстанавливали государство скифы в 1000–800 гг. до н. э., сарматы в 400–200 гг. до н. э. и аланы во II в. н. э.

Положительное влияние восточных нашествий оборвали хунны примерно в VI в. н. э. Они одолели сибирский центр Великой Скифии и открыли период губительных нашествий с востока. Так продолжалось вплоть до VII в. н. э.

ГОРОДА ВЕЛИКОЙ СКИФИИ

Часть городов, созданных скифами, разрушена, а другая часть существует до сих пор.

В VII в. до н. э. Великая Скифия была сильной и процветающей. Процветала ее промышленность, сельское хозяйство, военный комплекс. Жизнь общества строилась на здоровой основе: не было гаремов, гетер, извращений вроде группового секса, не было чрезмерной роскоши и, что очень важно, не было рабства. Кроме того, не было какого-либо ущемления прав женщин. Вот таким было общество, которое с малых лет нам изображают как диких варваров, которому противостояли цивилизованная Римская империя и Греция. У развитых, процветающих, "продвинутых" римлян все строилось на рабском труде, на полном бесправии простого народа, на полном пренебрежении хоть какими-либо моральными нормами. Это была не цивилизация, а цивилизованная помойка, в которой в наше время оказалась Америка и цивилизованная Европа. И мы, загипнотизированные западной демократией, как кролики, смотрим туда же. В период с 1-го тысячелетия до н. э. до 1-го тысячелетия н. э. в Приазовье-Причерноморье было построено значительное число городов. Это была прибрежная зона, принадлежащая Скифии. В то же время известно, что строили города или участвовали в их строительстве греки. На каких принципах строилось взаимодействие скифов и греков? На принципах принуждения, колонизации греками прибрежной зоны Скифии?

Это абсолютно исключено. Во-первых, ни в одном источнике, прямом или косвенном, о какой-либо войне скифов с греками не упоминается. Во-вторых, и что более важно, грекам Скифия была не по зубам. Ведь это было время могущества Скифии, когда огромные армии скифов через Кавказ и Переднюю Азию вторгались и громили там такие "сверхдержавы", как Ассирия. А тут скифы уступили бы свое побережье каким-то грекам. Более того, в то время скифо-киммерийские войска вторгались и на Балканы и устрашали тамошние греческие полисы. Все исторические достоверные источники свидетельствуют о том, что римско-эллинистическому миру никогда не удавалось добиться перевеса над скифами и закрепиться на северных берегах Черного, а тем более Азовского морей. Так, в VI в. н. э. Прокопий Кесарийский признавал, что "местности же вокруг Понта Эвксинского, простирающиеся от Византии до Местийского озера, описать все точно невозможно, так как из-за варваров, обитающих к северу от Истра, называемого Данувием, этот берег совершенно недоступен для римлян". Только в период расцвета Римской империи ее владения простирались до устья Истра (Дуная), с одной стороны, и до устья Фасиса (Риони) в стране колхов, то есть Грузии, с другой. Римляне пытались завладеть Крымом и Причерноморьем и при императоре Августе, и при Антониях. Но ни разу их походы не были успешными, и северный берег Понта оставался "недоступен для римлян".

Так почему же греки строили города (или участвовали в их строительстве) на скифском побережье? Тут может быть только одно объяснение – это строительство было "совместным предприятием" двух взаимно заинтересованных соседей. Недалеко от города воздвигались вдоль границы между компаньонами (но на скифской территории). Хотя скифы и не нуждались в импорте (у них было все свое, а излишки они экспортировали), тем не менее они были заинтересованы в строительстве городов-портов на своем побережье. Но эти города были полностью под юрисдикцией скифов, по крайней мере в VII–VI вв. до н. э. Возможно, они начали несколько обособляться в V–IV вв. до н. э. когда скифская держава несколько ослабла. Таким образом, прибрежные города-порты ("полисы") создавались для облегчения посредничества между двумя цивилиза-

циями – континентальной скифской и морской греческой. Надо забыть басни о том, что цивилизованные греки несли культуру варварам скифам. Отношения скифской и греческой цивилизации в области культуры были как минимум равноправные. Хотя при этом не надо забывать, что греки почерпнули у скифов много полезного для себя и вообще прогрессивного.

Крупнейшим портом северо-западного Причерноморья (в устье Днепра) был Борисфен, или Ольвия, что значит "счастливая". Название порта Борисфен является не греческим, а местным – скифским. Город находился под прямым политическим контролем скифов и сарматов. Именно здесь скифский царь Скил слишком увлекся "прелестями" греческой цивилизации и даже поменял религию. Поэтому его, как отщепенца, свои родичи казнили.

До постройки крупного города-порта там уже был городок, состоящий из однокамерных домов-полужемлянок. Эти дома очень похожи на жилища местного северочерноморского населения. Эти постройки не имели ничего общего с греческой архитектурой.

Свидетельством того, что Борисфен-Ольвия был скифским городом, говорит факт, что там выпускались бронзовые монеты – "стрелки", которые имели оригинальную форму двухлопастных стрел очень древнего типа. Не надо удивляться – настоящие наконечники стрел у скифов издавна выполняли функции денег. Ольвийские "стрелки" были деньгами и только деньгами. Они только имитировали форму более ранних денег скифов.

История Ольвии такова. В VII–V вв. до н. э. город Ольвия, как и соседние с ним города, были построены скифами без участия греков. Они предназначались для торговли с соседями-греками. В 331 г. до н. э. Ольвию попытался взять штурмом полководец Александра Македонского Зопирион. Но жители Ольвии (борисфениты), а также соседние скифы разгромили македонскую армию. Напомним, что в те времена настоящие греческие "полисы" считали Македонию своим собственным национальным политическим центром. Вывод из этого такой – Ольвия служила форпостом, который прикрывал Скифию от экспансии со стороны Средиземноморья, но никак не наоборот.

Скифы господствовали в Ольвии по крайней мере до II в. до н. э. Это подтверждают выпущенные в Ольвии монеты с изображением царя скифов Скилура. В то время скифам подчинялись и города западного берега Крыма. Главным из этих городов была Керкинитида (Евпатория). Через какое-то время эстафета политической власти перешла к сарматам. Об этом свидетельствуют записи Диона Хрисостома, который посетил Ольвию в 82 г. н. э. Он писал, что реки Днепр (Борисфен) и Буг (Гипанис) впадают в море около "крепости Алектор", которая принадлежит "супруге сарматского царя". Таким образом, военная крепость сарматов перекрывала устья Днепра и Буга и полностью контролировала окрестные города. Самым крупным из этих городов была Ольвия. Хрисостом свидетельствует, что все жители Ольвии одеты "по-скифски", то есть в штаны и сапоги, носят бороды, прекрасно умеют обращаться с конями... Хрисостом сообщал также, что жители Ольвии из всей греческой культуры интересуются только древним эпосом "Илиадой". Не вызывает сомнений, что одетые "по-скифски" жители Ольвии не были греками. Иначе они были бы одеты в хитоны. Конечно, в городе были и греки, скорее всего греческие купцы. Но их было немного.

Кроме того, Дион Хрисостом сообщает о городе Ольвии следующее: "Город Борисфенитов по своей величине уже не соответствует своей былой славе, чему виной постоянные войны и разрушения. Ведь этот город, построенный очень давно, в самой гуще варварских племен, и при том, пожалуй, наиболее воинственных, постоянно подвергается нападениям, и не раз был захвачен врагами. Последнее и наиболее страшное разрушение он претерпел около ста пятидесяти лет тому назад. В ту пору геты захватили и этот город, и многие другие по левому берегу Понта до самой Аполлонии. Поэтому положение греков, живших в этом краю, стало очень тяжким: некоторые города вовсе не были заселены заново, другие едва-едва, причем по большей части в них поселились варвары. Немало городов в разных областях подвергалось захвату и разрушению, так как греческие поселения рассеяны повсюду".

После того как геты были отбиты, Ольвия снова оказалась у своих хозяев-скифов. Дион Хрисостом об этом пишет так: "Бо-

рисфениты после разрушения своего города снова, собравшись вместе, заселили его, по-видимому, согласно желанию скифов, которые хотели вести торговлю с греками, приехавшими в эту гавань. Когда город стал необитаем, греки стали заезжать в него, так как у них не находилось земляков, у которых они могли бы остановиться..." Из этого древнего текста подтверждается главное: и скифы и греки были заинтересованы в торговле, поэтому они нуждались друг в друге. Посредниками в этих отношениях были жители города "борисфениты".

На месте современного Севастополя в те времена был город Херсонес Таврический. Само название города восходит к культу солнечного бога славян (и скифов) Хорса. Так, на полуострове Ютландии в древности был известен Херсонес киммерийский. Поэтому можно не сомневаться, что название Херсонес (Корсунь) относится к киммерийской, а возможно, и к более ранней эпохе.

Среди городов южного берега Крыма Херсонес был самым важным. Иногда ему подчинялось западное побережье с центром в Керкинитиде (Евпатории). Иногда же западное побережье входило в ту же политическую систему, что и Ольвия. Что же касается восточного берега Крыма, то он входил в Восторское царство.

Поселения на месте современного Севастополя существовали еще в начале первого тысячелетия до н. э. Построенный здесь город Херсонес изначально принадлежал тавроскифам. Жителями города всегда были скифы, и город никогда не был греческим. Жители города давали клятву определенного содержания. При этом они призывали в свидетели своих главных богов: Зевса, Гею, Геракла и Деву. Вы скажете, что это же греческие боги. Так нас учили. Но на самом деле это совсем не так. Сами греки утверждали, что Геракл является прародителем скифов. В Элладе Геракл был всего-навсего героем эпоса. В Скифии он был одним из главных богов. Что касается Зевса и Геи, то у скифов они были богами неба и земли (мужское и женское начала), верховной супружеской парой, которая правила миром. То, что это верховные боги скифов, подтверждает сам Геродот. У греков тоже был Зевс, но с другими функциями. Там богом неба был Уран, он же был супругом Земли – Геи. Со временем

культ Урана как высшего бога-творца вообще ушел на задний план. Культ херсонесской Девы сильно отличался от греческого. Только скифы в своих клятвах ставили рядом Деву и Зевса.

Местное население Херсонеса составляли не просто скифы, а тавроскифы. То, что это так, подтверждается и преемственностью Херсонеса с местными поселениями эпохи бронзы, и его названием и общим обликом самого города и его жителей. Конечно, в городе проживали и греки, но они не создали Херсонес.

Херсонес был на стыке двух народов, как и Ольвия, но принадлежал он скифам. При этом Херсонес имел статус независимого государства-города (своего рода самоуправление). С начала II в. до н. э. Херсонес был склонен к союзу с Понтом — эллиническим царством севера Малой Азии. Около 107 г. до н. э. Херсонес вошел в состав империи Митридата Понтийского. После разгрома этой империи Херсонес был подчинен Босфорским царством. В конце I и в начале II века н. э. Херсонес подчинился Риму. В составе цивилизации "Средиземья" Херсонес оставался до 18-го столетия.

На месте современного Симферополя в те древние времена находился город Неаполь (Новгород) Скифский, о чем мы уже говорили. Название "Новый город" вполне оправдано, поскольку город, действительно, стал новой столицей скифского царства (Крымского). Прежняя столица скифского царства находилась на Днепре.

По материальной культуре у Херсонеса (Севастополя) и Неаполя Скифского (Симферополя) очень много общего. Это и один и тот же тип городских стен, такие же дома, общественные здания с колоннами, одинаковые статуи богов. Сходными были погребения, одинаковая керамика. Неаполю Скифскому повезло в том, что он был столицей скифов. Поэтому никто не осмелился представить его как греческий город, как... поступали фальсификаторы истории с другими приграничными городами Скифии.

Скифы создали мощные фортификационные сооружения, и прежде всего со стороны Херсонеса. Расчет был правильным: предполагаемый противник после взятия Херсонеса устремится на столицу. На рубеже II и I в. до н. э. события развивались

именно так. Войска Понтийского царства вначале высадились в Херсонесе, а затем устремились на Неаполь Скифский.

Археолог П.Н. Шульц так описывает укрепления города: "Неаполь Скифский был огражден оборонительной стеной в III веке до н. э. Она была сложена из крупных необработанных камней на глиняном растворе. Ширина ее первоначально доходила до 2,5 м. Позднее стену расширяли и укрепляли пристройкой новых панцирных поясов. Общая ширина стен достигает 8,5 м, а в некоторых местах достигает до 12,4 м. Таких мощных стен не было ни в одном древнем городе северного Причерноморья — ни в Ольвии, ни в Пантикапее, ни в Херсонесе". Показательно, что изображения скифских царей, найденные археологами при раскопках города, очень сильно напоминают средневековые изображения русских князей. Одно из изображений скифских царей предвосхищает "канонические" изображения святого Георгия.

В столице имелся мавзолей правителей скифского царства. Он располагался вне городских укреплений, у стен скифской столицы. Поразительно не только это, но и то, что первоначально он стоял открытым. Поразительно потому, что он был переполнен золотом. На основании материалов раскопок П.Н. Шульц пишет: "Казалось, что даже не защищенный еще стенами он оберегал город, так же как и жители его были призваны оберегать священный прах своих властителей". В мавзолее в самой древней и богатой гробнице был погребен скифский царь Скилуг. Он в свое время основал тавроскифскую державу. Его изображения широко известны, поскольку имелись на монетах, а также на каменном рельефе. Это был мудрый царь (совет которого пришелся бы впору последним политикам Советского Союза). Царь учил своих сыновей любой ценой сохранять единство народа. Он показал им наглядно, как легко переломать отдельные прутья, которые раньше составляли целый пучок, переломить который не так-то просто. Наши руководители этого не знали, поскольку вместо объективной истории изучали марксизм-ленинизм.

В склепах скифского некрополя на стенах археологами были обнаружены высокохудожественные росписи. Так, например, на стене одного из склепов изображен "бородатый скиф в вы-

сокой шапке, в мягких сапогах. На нем широкополый кафтан с откидными рукавами, напоминающий древнерусские кафтаны. Скиф играет на лире...” На другой стене “мы видим скифа, выезжающего на охоту. Он сидит на статном тонконогом коне, напоминающем арабского скакуна, в правой руке держит повод, в левой – копье. На голове у него остроконечная шапка. А перед ним две собаки – красная и черная; с яростью и вместе с тем со страхом набрасываются они на дикого ошетилившегося кабана...” Эти слова принадлежат П.Н. Шульцу.

Крымские скифы занимались земледелием и скотоводством, особенно коневодством. Но земледелие было на первом месте. Изображенная псовая охота – это так, баловство. В те времена она была привилегией скифской аристократии. Как мы уже говорили, скифы экспортировали зерно в больших количествах в Рим и Грецию. Из Средиземноморья они импортировали оливковое масло и вино. Местные жители занимались традиционной скифской лепной керамикой, изготовлением посуды на гончарном круге и др. Все это однозначно говорит за то, что уже в III–II вв. до н. э. тавроскифы по уровню культуры были нисколько не ниже греков.

За всю свою 700-летнюю историю Неаполь Скифский только один раз был взят врагами (Митридатом Понтийским). Об этом говорят и следы пожара, датированного концом II в. до н. э. В конце IV в. н. э. город был разрушен гуннами. Оставшиеся в живых жители его оставили. С этого момента началась эпоха запустения города. Но полностью город не погиб. Из исторических источников (греческого труда “Жития св. Стефана Сурожского”) явствует, что еще в конце VIII в. н. э. некий русский князь Бравлин из Новгорода Скифского совершил нападение на восточнокрымский город Сурож, который тогда принадлежал грекам. Это сообщение вполне понятно, так как византийцы называли русскими только скифов, которые жили в Крыму (тавроскифов).

В связи с этим сообщением специалисты задают себе вопрос – возможно, с самого начала не было никакого Неаполя Скифского, а был просто Новгород Скифский? Вполне возможно, что и так. Просто греки перевели название на свой язык.

Уже говорилось о Боспорском царстве. Оно моложе описанных городов скифов. Города выросли в VII в. до н. э., а Боспорское царство Меотиды как самостоятельное возникло около 480 г. до н. э. Столицей этого царства стал город Пантикапей (это современная Керчь). Название города Пантикапей – не греческое, переводится “путь рыбы”. Городу Пантикапей подчинялись на крымской стороне города Нимфей, Мирмекий, Киммерик, Гиритака и Феодосия, а на таманской стороне города Фанагория, Гермоносса (современная Тамань) и Синдская гавань (современная Анапа). Со временем Боспор усиливался и подчинил себе почти все Приазовье вплоть до устья Дуная, а также значительную часть Кубани.

Боспорское царство было меото-сарматским царством. О первой династии боспорских царей, которые правили с 480 по 433 гг. до н. э. (Археонактидов), мало что известно. В 438 до н. э. Спартак основал династию, которая правила царством три с половиной столетия. Эта династия, бесспорно, была не греческой. Боевую силу Боспора составляла скифская конница.

Политическая структура Боспорского царства обеспечивала существование и развитие общества. Это создавало полный контраст с античными “парламентскими демократиями”, которые перемежались с непрочными диктатурами (тираниями). Демократия – это не более чем игра слов. Ведь как можно осуществить на деле демократию – то есть власть народа. Власть – это принятие властных, судьбоносных для народа решений. Принять ответственное решение, касающееся всего народа, может только тот, кто имеет всю полноту информации. Далее эту сложнейшую информацию, касающуюся всех сторон жизни твоего народа и твоих соседей, надо детально, с умом проанализировать, и только после этого на основании результатов этого анализа (с несколькими сценариями на будущее) можно принимать решение – властное, судьбоносное решение. Если этого нет, то это попадание пальцем в небо. А дальше скажите, способен ли народ, каждый член общества в отдельности на это? Конечно нет! Поэтому при чем тут демократия, – власть народа? Демократическую политическую систему ловко и хитро используют отдельные личности и группы политиков, которые стремятся заручиться голосами изби-

рателей и дальше действовать от имени избирателей. Сами же избиратели в большинстве случаев исходят из личных симпатий или антипатий избираемого и ни о каком глубоком, объективном анализе ситуации, а тем более о прогнозе не может быть и речи. Поэтому этот обман, лежащий на поверхности, называть властью народа нельзя. Современная демократия, как и древняя, никогда не выведет народ на дорогу устойчивого развития, и тем более процветания. Мы за последние десять лет начинаем в этом убеждаться, но еще стесняемся в этом признаться. Те, кто хочет нас разрушить и похоронить (а точнее подчинить себе) окончательно, ждут от нас демократии. Они знают, что если мы будем идти по пути "демократии", то их планы осуществляются. Но наш народ, похоже, уже сыт демократией и понимает, что нужна твердая рука, нужен порядок, нужна диктатура закона. А это уж как поперек горла нашим западным друзьям-партнерам. Но мы надеемся, что народ не позволит себя одурачить и его не подведет природное чутье и природная народная мудрость.

Вернемся к скифам. Их политическое устройство с высокой семейной моралью, с отрицанием рабства и разврата было намного выше гнилых греческих демократий, при которых человека можно было убить, поработить, искалечить в один миг. Что же касается скифского царства, то оно не было основано на тирании. Это было полноценное царство — наследственная монархия. Без тирании и деспотизма.

Боспорским царством правила местная династия в течение тысячелетий. Местная — это значит "не греческая", а скифская. Династия Спартакидов пала в 107 г. до н. э. под ударами воинства Понтийского царства. Это царство располагалось на территории современной Турции. Но когда римляне разгромили Понтийское царство, которым в то время правил Митридат, Боспорское царство стало свободным и даже сумело отразить нашествие римлян. Римляне освободили их на свою голову. В 47 г. до н. э. власть в Боспорском царстве перешла к новой династии. Основатель новой династии Рескупоридов взял власть силой. Эта династия правила в течение четырех столетий.

Основатель новой династии происходил из приазовских меотов-аспургиан. Слово "асы" (ясы) означает "живущие в

крепостях". Слово "пургос" означает "башня". "Асы" — это одно из древнейших наименований ариев. Это название сохранилось в скандинавских и индийских преданиях об Асгарде — городе асов. В первом тысячелетии н. э., а также в средние века донские и азовские армасы носили имя "асы". Несколько представителей новой боспорской династии носили имя "Савромат". Неудивительно, что основную военную силу Боспорского царства составляли сарматские всадники.

Боспорскому царству противостояла Римская империя. Во время императоров Траяна и Адриана Рим был наиболее сильным. В то время римские гарнизоны стояли в Херсонесе и низовьях Днепра. Но только здесь и только в это время. Рим никогда не владел всем прибрежным Причерноморьем. За исключением только этого промежутка времени Боспорское царство было независимым. Оно чеканило собственные монеты вплоть до середины IV в. н. э.

Рим все время давил на Боспор и пытался всячески вмешиваться в его внутренние дела. Но в большинстве случаев Боспор давал Риму достойный отпор. Во II веке н. э. крайними владениями римлян на востоке Черного моря были Херсонес и Диоскуриода (современные Сухуми). Флавий Аррион, который посетил Диоскуриоду в 134 году н. э., составил краткое описание пути на Боспор. Это описание адресовалось императору Адриану. Это было что-то вроде разведывательных данных о противнике. Описывались пути, пригодные для военных экспедиций. Это еще раз говорит о том, что Боспор римским не был. Мало того, Боспорское царство не подчинилось Римской империи даже на вершине ее могущества. Это царство выполняло роль заслона и перекрывало римлянам путь во внутреннюю Евразию.

Одной из причин того, что Боспорское царство просуществовало так долго (целое тысячелетие), было то, что в нем все время сохранялась политическая стабильность. Там за 800 лет сменились только две династии. Значит, секрет стабильности отнюдь не в проведении выборов каждые 2–4 года, а в том, как организована жизнь общества, какова его мораль и духовные устои. Шарахания от выборов до выборов никогда не заменят подлинной политической стабильности.

Боспорское царство было восстановлено как Тмутараканское княжество в рамках государственности варяжской Руси. В это время все царства испытали новый подъем.

Город Пантикапей (современный Керчь), который был заселен уже в бронзовом веке, сохранял свое могущество в V в. до н. э. — IV в. н. э. Это была столица Босфорского царства. В VII–VIII вв. н. э. город, после временного упадка, возродился в составе Хазарии. С конца VIII в. н. э. он стал именоваться Корчев. После он вошел в состав русского Тмутараканского княжества (X–XII вв. н. э.). Столицей Тмутараканского княжества стал другой город Боспора — Гермонесса. Он был переименован в город Тмутаракань. Это страшное название произошло от «тагма-тархан». Таким было название сарматских военачальников. Кстати, первого царя скифов звали Торгитай.

Что касается города Боспора Киммерийского (Феодосия), то он был заселен еще в неолите. Процветал он в бронзовом и железном веках. Гунны разрушили и этот город. Но в V–VI вв. н. э. город оправился от разгрома и превратился в поселение аланов. С конца VI в. н. э. город перешел к Хазарии, а с X в. н. э. он получил наименование Кафы. Затем в XI веке город вошел в состав Тмутараканского княжества.

На месте современного города Судак был в древности построен город Сурож (от имени древнего арийского солнечного бога Сурьи). Он был заселен в эпоху бронзы и в раннем железном веке. Существовал город и в античный период (с IV в. до н. э.). В 212 г. н. э. алано-сарматы построили здесь крепость под названием «Сутдея». А в русских летописях город назывался Сурож. Поэтому и Азовское море называлось Сурожским.

Монголо-татарское нашествие печально сказалось на всех этих городах. После нашествия Крым колонизировали предпримчивые средиземцы. Татары отдали Феодосию с 1270 г. н. э. генуэзцам. Им же татары в 1318 г. н. э. отдали и город Керчь. Те же носители высокой цивилизации превратили эти города в крупнейшие центры работорговли. Торговали рабами-славянами. Их так и называли — esclavo, slaves. Татары и Европа делили прибыли за рабов между собой. Европа, которая всегда хотела выглядеть в роли носителя цивилизации, культуры для России, на самом деле мечтала (и мечтает) торговать сла-

вянскими рабами. Только в конце XVIII в. н. э. Крымско-татарское ханство было раздавлено. Только после этого солнечные города Крыма и Приазовья возвратились в Россию.

Богатую историю имеет город Танаис, который был основан сарматами на реке Дон. В начале (с начала эпохи бронзы) на этом месте было поселение, жителями которого были скифы и сарматы. Те же самые, которые жили в Крыму, в Приазовье и на Кубани. Вопрос о греческом происхождении города абсолютно отпадает. Греки, как физические лица, в городе не проживали. Все признаки материальной культуры свидетельствуют однозначно в пользу вышеуказанного. Приведем только некоторые факты. Анализ лепной керамики, обнаруженной археологами в бывшем Танаисе, показал, что она принадлежала местному населению, конкретнее, «она была распространена в местах обитания сарматов». Это заключение специалистов. Далее, на знаменитой плите Трифона, которая была найдена в Танаисе, изображен Трифон, сын Андромена. Он сидит на коне вполоборота и держит наготове двумя руками длинное и тяжелое копье. Одет он в пластинчатый панцирь, на голове у него шлем. Ясно, что на плите изображен не грек.

Специалисты проводили антропологические исследования и выявили, что в городе жили: люди с чисто сарматскими чертами и другие — коренное население Приазовья (синды и меоты). Для этих местных жителей были характерны «скорченные захоронения». Такой обряд захоронения сложился в южной России еще в каменном веке. И вообще все особенности погребений (долбленные гробы-колоды, курганные насыпи) имеют местное, меото-сарматское происхождение. Такие же обряды погребения были характерны и для славян раннего средневековья.

Одежда жителей города (судя по ее металлическим деталям-застежкам) была такая же, как и у жителей других сарматских городов. Имеются и другие доказательства того, что город Танаис на Дону был основан сарматами. Первое время он прямо входил в состав сарматского государства.

Что же касается самого названия Танаис, то оно означает то же, что и Дон. И слово «Дон» и слово «Тана/Танаис» являются разными формами одного и того же слова, которое некогда означало у ариев «река», «вода». В древности Дон еще

называли "Сину". В средние века это название переименовали в "Синяя вода". Слово "Сину" имеет аналоги в санскрите: Синд, Синдху. Эти слова также означают "река". Кстати, слово "дон" входит в название и других рек Восточной Европы (Днепр-Данапр, Дунай). Но только Дон назывался просто "Река". В раннем средневековье Дон, как и Волгу, называли "Русской Рекой".

У города Танаиса были очень широкие международные связи. Свидетельств этому много. Например, в городе обнаружены стеклянные сосуды прекрасного качества и широкого ассортимента. Они принадлежали к "кельтскому типу", который был хорошо известен в эпоху поздней античности. Это III–IV вв. н. э. Стекло такого (кельтского) типа изготавливалось в долине Рейна. Отсюда оно экспортировалось практически по всей Римской империи, а также по Северной и Центральной Европе. Наши мастера в Танаисе изготавливали "кельтское" стекло (посуду) сами, и не хуже, чем на Рейне. Специалисты, правда, считают: "Не исключено, что в Танаисе работали приезжие стеклодувы". Мы же абсолютно уверены, что у наших предков, которые умели подковать блоху, никакой нужды в этом не было. Кстати, и в районе Бахчисарая была обнаружена стеклянная мастерская, где изготавливали такую же прекрасную посуду.

Изготавливали у себя по иностранным образцам не только стеклянную посуду, но и различную фурнитуру, в частности, фибулы среднеевропейских форм. Фибулы — это металлические детали-застежки. Одежда разрушается временем, а фибулы, будучи металлическими, сохраняются тысячелетиями. По ним археологи определяют не только тип одежды (тип культуры), но и пути распространения данной культуры и территории, на которые она распространялась. Что касается фибул, найденных археологами в Танаисе, то еще во II–I вв. до н. э. были в ходу "пружинные броши". Они неизменно обнаруживались в местах проживания предков славян. В III в. н. э. фибулы изменили свой стиль и форму. Это произошло очень резко. Такие же фибулы (новые) археологи находят в юго-восточной Прибалтике, в нижневисленской культуре (р. Висла), в Словакии, Моравии и на Эльбе. Далее: те же самые фибулы были

найжены и во всей северо-понтийской зоне. Анализ показывает, что фибулы среднеевропейских форм не импортировались, не ввозились, а изготавливались по образцам на месте.

Почему так резко произошла перемена? С чем это было связано? Резкие перемены произошли потому, что в первой половине III в. н. э. в Причерноморье возникла империя готов. Государство готов формально было основано династией из Скандинавии. Но практически, реально оно было образовано силами среднеевропейских вендов. При этом надо иметь в виду, что вендская Германия в начале новой эры еще не была "германоязычной". В Германии еще жили славяно-вендские народы. Из исторических источников следует, что к Танаису продвинулись и, видимо, его заняли герулы — одно из славяно-вендских народов Северной Германии. Найденные в Танаисе фибулы и были занесены герулами, а точнее, была занесена технология их изготовления. Эти фибулы сильно отличались от готских, которые обнаруживаются в Причерноморье.

Любопытно, что в III–IV вв. н. э. в Танаисе были фибулы восточно-сарматского типа. Хотя это и понятно. Танаис в эту эпоху был буфером между двумя крупными государственными образованиями: с запада это была готская империя Причерноморья (образованная германскими вендами), а с востока это было волго-донское царство, основанное аланами-сарматами. Но готы взяли верх, и в 250 г. н. э. город Танаис ими был разрушен. В 330-е годы н. э. город был частично восстановлен, но гунны в конце IV в. н. э. его уничтожили окончательно. Интересно, что византийские, арабские и персидские авторы сообщают о том, что готы разрушили город в устье Дона, но называют этот город не Танаис, а Россия. Это, в общем, неудивительно: раз Дон называли Русской Рекой, то и город на Реке называли Россией. Логично.

Скифское, а затем и сарматское государства контролировали практически всю степную зону к северу от Кавказского хребта (вплоть до предгорий). Южной границей Великой Скифии служили высокие горные вершины. Но это была граница, и ее надо было охранять, держать на замке. Поэтому скифы еще в начале первого тысячелетия до н. э. создавали здесь мощные крепости.

Одна из таких крепостей, видимо самая важная, была расположена в том месте, где Каспийское море подходит вплотную к горам. Месторасположение этой крепости было выбрано не случайно — она находилась на единственной на Восточном Кавказе дороге на юг. Поэтому крепость называли "Каспийскими воротами". На месте этой крепости сейчас стоит город Дербент.

Первое упоминание "Каспийских ворот" имеется уже у Гекатея Милетского. Это VI в. до н. э. В IV в. до н. э. о крепости пишет Харес Мителенский. Этот автор описывал события, происходившие в VIII–VII вв. до н. э. В персидской хронике "Дербентнаме" указана точная дата основания города-крепости. Это 733 г. до н. э. Истинность этой даты подтверждается археологическими раскопками, которые были проведены в Дербенте. Собственно до того, как здесь возник город-крепость, на этом месте существовало поселение. Оно возникло еще в раннем бронзовом веке. Это в конце 4-го и начале 3-го тысячелетия до н. э. Но и тогда поселение возникло прежде всех в военных, оборонительных целях. В этом месте были налицо уникальные природные условия, благоприятные для сооружения военных укреплений. Но в то древнее время была построена не крепость в современном смысле слова, а нечто попроще.

В конце VIII в. до н. э. на вершине холма была построена крепость, стены которой имели семиметровую толщину. Историк об этом пишет так: "В это время здесь был основан мощный укрепленный пункт, который существовал и развивался, господствуя над проходом, вплоть до сасанидского проникновения (тысячу лет спустя) и возведения иранцами тут нового типа оборонительных сооружений, частично воспринявших планировку древних укреплений Дербента. Этот мощный опорный пункт возник на базе поселения предскифского времени, сменившего здесь в IX–VIII вв. до н. э. более древнее поселение бронзового века".

Город Дербент в IV в. н. э. был захвачен иранцами (сасанидскими шахами). Иранские историки тут же приписали иранцам и возведение крепости. А на самом деле ее создали скифы за тысячу лет до прихода сасанидских шахов. Скифы же возвели эту крепость не случайно. В конце VIII в. до н. э. скифы из южнорусских степей двинулись в Переднюю Азию. На своем

пути они и создали столь нужное в военном отношении оружие. Дербент часто оказывался на передовой. Об этом свидетельствуют раскопки. Уже в VIII в. до н. э. на дербентском холме обнаруживаются следы пожара. Здесь же найдены изящные скифские наконечники стрел и рядом наконечники стрел закавказские. Как отмечают историки, эти наконечники были массивными и неуклюжими. Об этом историк пишет так: "Подобные наконечники стрел (скифские) были найдены у стен Ашшура и Вавилона, в слоях древних городов Урарту Тейшебанни и Аргиштихинили. Эти города пали в разгар активности скифов в Передней Азии в VII и начале VI в. до н. э., и во многих других городах древнего Востока..."

Дербент был скифской крепостью. Они его построили, они его и защищали, поскольку они там жили. Об этом свидетельствует и найденная археологами керамика. Керамика VIII–VII вв. до н. э., найденная при раскопках Дербента, была скифской. Это типичные горшки и котелки полусферической формы.

Авторство скифов подтверждает и Геродот. Он писал, что скифы вторгались в Азию "по верхней дороге, имея по правую руку Кавказские горы". Это значит, что скифы вторгались в Азию именно через Дербентский проход. Клинобитные таблички 722–715 гг. до н. э. содержат сообщения ассирийских источников о поражении, которое понесли урарты от северного народа "гимирри". Скифы основали крепость Дербент несколько раньше своего похода в Азию.

Они пришли не на пустое место. Здесь жили кавказские народы. Поэтому в строительстве крепости, естественно, принимали участие не только скифы. Но не будь здесь скифов, этой крепости здесь бы не было. Собственно, ситуация на Кавказе была такая же, как и сейчас. Тогда были скифы и местное население, сейчас там русские (бывшие скифы) плюс местное население.

Нужна ли была мощным, экспансивным скифам эта крепость? Нужна и очень. Не надо забывать, с кем они имели дело. Их противниками были далеко не слабые рабовладельческие империи ближнего Востока. И то, что крепость горела уже вскоре после ее возведения, говорит о том, что они пытались уничтожить этот форпост скифов.

Историки подтверждают, что походы скифов в Азию были ответной реакцией на агрессию с юга. И эта реакция скифов положила конец урарто-ассирийской агрессии.

В VI в. до н. э. место скифов заняли их родственники сарматы (а точнее, они смешались). Но положение Дербента осталось прежним, и крепость делала свое дело. Для южных держав она была закрыта на замок и открывалась только для того, чтобы выпустить своих защитников скифов-сарматов. За всю историю Дербентский проход никогда не принадлежал ни Риму, ни Парфянской (иранской) империи. Только Нерон пошел в поход к Каспийским воротам, и он вынужден был вернуться. Но попытка Нерона не осталась безнаказанной. Между 72 и 74 гг. н. э. сарматы-аланы пошли походом в Закавказье и на Мидию. Парфянский царь Вологез попросил помощи у своих врагов-римлян, но они отказали. О походах сарматов на юг в 134–135 гг. н. э. через Дербент сообщает историк Дион Кассио. Иосиф Флавий и Тацит сообщают о том, что сарматы-аланы участвовали в войнах римлян и их союзников армян с Ираном.

Историк Фавст Бузонд (IV в. н. э.) в своей "Истории Армении" сообщает, что область Дербента была подвластна царю родственных аланам маскутов Санесану. Этот царь назван "артакидским царем маскутов... ибо и их цари и армянские цари были одного и того же происхождения и рода". Фактически это является подтверждением того, что Дербент принадлежал аланам. Кстати, имя властителя Дербента Санесана упоминается и в русских летописях. Там рассказывается о договоре "храбро-сердного народа славенского, славнейшего и знатнейшего колена русского" с державой Александра Македонского. Об этом сказано в Никаноровской летописи. Что же касается того, что "аршакидские цари и армянские цари были одного и того же происхождения и рода", о чем сообщает Фавий Бузонд, то он, действительно, прав. Надо только пояснить, что не армянские правители "внедрились" на Северный Кавказ, а наоборот. Ведь Аршак, основатель династии, которая правила в античные времена в Иране и Армении, был родом из донских сарматов (!).

Археологические раскопки подтверждают, что еще в первые века новой эры "Каспийские ворота" полностью контролировались волго-донскими аланами. Практически вся кера-

мика Дербента античной эпохи имеет сарматское происхождение: те же горшки, миски и кувшины с кавказскими формами, которые были в прежний период. Такая же керамика была в то время и в Танаисе.

Сарматское государство в начале новой эры ослабло. Города сарматов приходили в упадок. Это коснулось и Дербента. Но примерно к III в. н. э. Дербент возродился. Он стал крупным городом. Влияние сарматов на кавказские народы не ограничивалось военной сферой. Имея хорошо развитое сельское хозяйство, с применением передовых технологий земледелия, сарматы оказали благоприятное влияние на развитие кавказских народов. Так, под влиянием сарматов усилилась Кавказская Албания. Особенно хорошо у нее пошли дела с земледелием, которое было основано на искусственном орошении, технологию которого они заимствовали у сарматов.

Беда в Дербент пришла внезапно, в пору его расцвета. В середине III в. н. э. город полностью уничтожили войска шаха Шапура Первого. Тогда же был разрушен и город Танаис. Но закрепиться персам на севере не удалось. В начале IV в. н. э. Дербент снова возродился из пепла. Но мирная жизнь длилась не долго. Уже в конце того же столетия гунны нанесли городу последний, смертельный удар. Его судьбу разделил и город Танаис. Лишенная поддержки сарматов-аланов, погибла и Кавказская Албания. И не только она. Погибли и другие государства Закавказья, которые раньше держались за счет поддержки сарматов-аланов. Ясно, что сами они не могли противостоять мощным агрессорам.

Гунны, завладев Дербентом и другими городами сарматов, вторглись в Закавказье и Иран (395 г. н. э.). Но здесь они встретили достойный отпор. В результате контроль над "Каспийскими воротами" перешел к иранским шахам. Они укрепили и перестроили крепость по-своему. Так северо-восточный Кавказ почти на полтора тысячелетия вышел из-под контроля Сарматии. Затем Дербентом владели арабы. Русские вернулись в Дербент, построенный их предками-скифами, только в XVIII столетии. 23 августа 1722 года в Дербент прибыл Петр Первый. Горожане преподнесли ему не только ключи от города, но и историческую хронику "Дербент наш".

Великая Скифия воздвигла много городов. Среди них был и Хорезм (солнечный город) на Амударье в Средней Азии. Этот город, как и Херсонес в Крыму, назван в честь бога Хорса, которого почитали в Скифии. Этот город был оазисом в центре среднеазиатских пустынь. Он был хорошо известен еще в средневековье.

К сожалению, многие исторические источники и памятники, свидетельствующие о жизни города, были уничтожены кровожадными войсками-мусульманами. Ими город был взят в 712 г. н. э. Предводитель воинства Кутейба распорядился все ценности культурные и исторические уничтожить. Великий хорезмиец Ал-Бируни об этом писал так: "И всеми способами рассеял и уничтожил Кутейба всех, кто знал письменность хорезмийцев, кто хранил их предания, всех ученых, что были среди них, так что покрылось все это мраком и нет истинных знаний о том, что было известно из их истории "во время нашествия к ним ислама..."

Но часть истории осталась в земле. И археологи ее извлекают. Они установили, что Хорезм возник на рубеже V–IV вв. до н. э. В то же примерно время возникли и северопонтийские "полисы". Основали город скифы-массагеты, которые до этого мигрировали в оазисы Средней Азии. Вначале Хорезм был центром, столицей самостоятельного, автономного государства. Оно не входило ни в одну из больших империй. Но оно постоянно подвергалось нападениям со стороны мощных империй с юга. Однако ни персидские Ахемениды, ни Александр Македонский не смогли овладеть Хорезмом. Но им противостоял не один город. Ясно, что его защищали мощные силы среднеазиатских скифов-массагетов. Персы их называли саками. Опять та же ситуация. Скифы-саки основали город как форпост на южной границе Великой Скифии с тем, чтобы противостоять давлению с южного направления.

Примерно во II в. до н. э. Скифия укрепилась, и давление с севера стало преобладать над давлением с юга. Так, из среды скифов-саков Средней Азии вышли парфяне. Они установили контроль над Ираном. А из среды восточнотуркестанских скифов вышли кушаны. Они же завоевали большую часть Средней Азии, а также Северной Индии. Хорезм вошел в сферу влияния Кушанской империи.

Когда же в III в. н. э. Кушанская империя распалась, Хорезм стал самостоятельным государством. Он самостоятельно чеканил свою монету. Это было время расцвета города, подъема его культуры и уровня духовной жизни. К этому периоду относятся наиболее яркие памятники. Резиденция царей Хорезма замок Топрак-Кала описан историками так:

"Грандиозный замок-дворец подавляет своим суровым величием. Карликами перед ним кажутся огромные большесемейные жилые дома города. Центральный массив замка поднимается на 16 метров над уровнем моря, а три башни, каждая 40 на 40 метров площадью, вздымают свои плоские вершины на 25 метров". Общая площадь комплекса достигает 11 тыс. кв. м. В царском замке обнаружены статуи из алебастра, монументальная скульптура, настенная живопись и др. Здесь было все то, что развитые цивилизации юга считали свойственным только им. Все здесь было очень талантливо и со вкусом сделано. Что касается настенной живописи, то она историками описана так: "Сочетания цветов поражают смелостью и разнообразием: изображения даются на алом, темно-синем, черном фоне, образуя поразительные цветовые комбинации. Особенно запоминаются сцены охоты, выполненные в сероватых и охристо-желтых тонах на интенсивно алом фоне, изящные белые и красные линии, разбросанные по темно-синему фону, изображенное в розоватых тонах лицо человека на синем фоне, белые с красным растительные узоры..."

Как считают специалисты, в этом стиле есть что-то напоминающее сарматские росписи керченских катакомб. Похожая яркая живопись была обнаружена археологами и в других центрах Средней Азии, которые были основаны сарматами. Раскопки древних городов Средней Азии это подтверждают. Ученые о результатах этих исследований пишут так: "Теперь нельзя уверять, что в Средней Азии нет своей самобытной культуры: факты не только опровергают это, но в некоторых случаях переворачивают вопрос о приоритете в пользу среднеазиатских народов. Памятниками живописи античной и дофеодальной эпохи оказался богат не Иран, а Средняя Азия".

Такой вывод специалистов вполне естественный. Культурный уровень Средней Азии определялся культурным уровнем

нем Великой Скифии, а там он всегда был несколько выше, чем у ее соседей — южных стран. Собственно, это соотношение сохранилось до наших дней.

Как только Хорезм оторвался от Великой Скифии, он очень быстро пришел в упадок. То же происходит и сейчас с республиками, их культурами, которые оказались отрезанными от России. Они деградируют на глазах.

Связи Хорезма со Скифией оборвались в III–IV вв. н. э. Основатель новой династии царь Африг перенес столицу из Хорезма в город Кят.

Надо сказать, что крестьяне в то время еще не были крепостными. Это в свободной Скифии было невозможно. Только потом все на просторах большой Великой Скифии погрузились в рабство. А в то время был государственно-общинный строй, который объединил свободных общинников и военно-культурную элиту в единое целое, в единую общность.

К сожалению, этот оптимальный общественный строй не выдержал натиска диких мусульман. Историк на основании документальных источников так описывает дальнейшую судьбу Хорезма:

“На протяжении 30-х годов VII века мекканско-мединская военно-разбойничья политическая община подчиняет себе всю Аравию и начинает набеги на территорию азиатских владений Византии и на Иран... В 651 году арабы впервые появились на границах Средней Азии под стенами Мерва, Герата, Балха, ограничиваясь на первых порах лишь заключением договоров и наложением значительных контрибуций. Мерв и Балх становятся оперативными базами для дальнейших грабительских набегов вглубь Средней Азии. Война длилась в течение полтора года лет. И в 712 году страна была полностью захвачена войсками Кутейбы-Ибн-Муслина.

В средние века Хорезм оставался крупным земледельческим и торговым центром. Через него осуществлялась связь между Европой и Южной и Центральной Азией. В XII веке Хорезм обрел независимость. Население увеличилось в 4 раза. Известный путешественник Якут так писал о Хорезме 1219 года: “Не думаю, чтобы в мире были где-нибудь обширные земли шире хорезмских и более заселенные, при том, что

жители приучены к трудной жизни и довольству немногим. Большинство селений Хорезма-города имеют рынки, жизненные припасы и лавки. Как редкость бывают селения, в которых нет рынка. Все это при общей безопасности и полной безмятежности”.

Но эта безмятежность продлилась недолго. Татаро-монголы разгромили все. И только в 20-м столетии, когда Россия вернулась в Среднюю Азию, прежний уровень экономики был восстановлен и превзойден.

НАЧАЛО РУССКИХ

Слово "Русь" начало появляться в исторических источниках с VII века н. э. В это время на территории Восточно-Европейской равнины, по данным археологии, появились культуры, которые специалисты связывают с восточными славянами-русскими.

Кто же такие русские? Кто были их предки? Археолог П.Г. Шульц, руководивший раскопками Симферополя (Неаполя Скифского) в 1945 г., сделал такие выводы:

"...Скифы представлялись многим дикими кочевниками, не знавшими городов и городской культуры, не имевшими своего государства. Некоторые ученые считали, что скифы — это кочевые орды не то монгольского, не то иранского происхождения. Считали, что скифы существовали на протяжении пяти-шести веков, а после войны с Диофантом, полководцем царя Митридата Понтийского, они якобы пропали неизвестно куда и как.

Разве могла внезапно исчезнуть такая большая и могущественная народность, о многочисленности, смелости и непобедимости которой много и единодушно писали древние авторы?

Раскопки советских археологов на Днепре, Буге, Днестре, на Дону, Кубани и в особенности раскопки Неаполя Скифского полностью опровергают эти неправильные лженаучные представления о скифских племенах. Скифы никуда не исчезли и не пропадали...

Скифы создали не только свое государство, но и свою городскую культуру. Мы знакомимся в Неаполе с памятниками скифской архитектуры, с его мощными оборонительными стенами и башнями, с исключительно интересным мавзолеем, парадными сооружениями, украшавшимися скульптурами, с жильными оштукатуренными домами, крытыми черепицей...

Но особенно важно то, что в характере скифских поселений и жилищ, в погребальном обряде (обычай хоронить в курганах и закалывать боевого коня), в скифских росписях, в предметах ремесла, в частности в посуде, деревянной резьбе, орнаменте, в одежде, мы находим все больше и больше общих черт с культурой и бытом древних славян".

Кстати, М.В. Ломоносов писал, что среди "древних родоначальников нынешнего российского народа... скифы не последнюю часть составляют".

Мы не будем останавливаться подробно на том, кому и зачем надо было усомниться в том, что скифы являются предками русских. Укажем только единое мнение объективных исследователей о том, что данной проблемой занимались преимущественно немцы. А они тасовали факты так, чтобы они одни были истинными наследниками ариев. Это давало им моральное право претендовать на всю территорию, которую ранее занимали арии. Вот вам и научная объективность!

Читателю же небезынтересно будет узнать хотя бы часть фактов, на основании которых специалисты сделали окончательный вывод о том, что нашими предками являются скифы-сарматы-аланы.

Первый факт — точное физическое соответствие русских (славян) и раннесредневековых аланов, "античных" сарматов, скифов железного века, киммерийцев эпохи поздней бронзы... и даже "ариев" древнейшей культуры. Все антропологические данные подтверждают, что в формировании современного русского типа главное значение имела именно "степная", скифо-сарматская составляющая. Специалист по данной проблеме академик В.П. Алексеев писал: "Несомненно, что большая часть населения, проживающая в южнорусских степях в середине первого тысячелетия до н. э., является физическими предками восточнославянских племен эпохи

средневековья". Скифский антропологический тип обнаруживает преемственность, по крайней мере, со времен бронзового века.

Современные научные методики, применяемые в антропологии сейчас, позволяющие различить антропологический тип не только двух разных народов, но даже разных "племенных" групп внутри одного и того же народа. Поэтому выводам антропологов следует полностью доверять. Собственно, это и не удивительно. Даже неспециалист отметит сходство между современными русскими и древними скифами. Это можно видеть как по сохранившимся изображениям, так и по описаниям современников. Общий внешний вид такой: довольно высокий рост, стройное и крепкое сложение, светлые глаза и волосы русого оттенка. Фактически это и есть типичные черты "нордической" белой расы.

Очевидцы свидетельствуют следующее. Во втором веке до н. э. Клавдий Гален писал о "всем скифском племени", что у них волосы умеренно растущие, тонкие, прямые и русые, кожа мягкая, белая и лишенная волос. В IV в. н. э. Аммон Марцеллин об аланах писал так: "Почти все аланы высоки ростом и красивы, с умеренно-белокурыми волосами..." В VI в. н. э. Проконий Кесарийский писал о славянах так: "Все они рослы и сильны, цвет лица имеют не совсем белый, волосы ни русые, ни вполне черные, но рыжеватые..." В X в. н. э. Ибн-Фадлан писал так: "И не видел я людей с более совершенными телами, чем они. Они подобны пальмам, румяны, красны..."

Что касается изображений скифов, то они очень красноречивы. Митридат Первый, который основал Парфянскую империю, а в 141 г. до н. э. был признан царем Вавилонии, имел чисто русские черты лица. Это хорошо видно на его изображениях, на монетах. Носил он прическу "под горшок" с узкой лентой-повязкой и бороду. Именно в таком виде изображают древнерусских мужиков. Помпей Трог писал, что Митридат был "человеком необыкновенной доблести". Будем помнить русское имя Дмитрий.

На территории современной Туркмении при раскопках дворца в древней столице Парфянского царства Нисе обнаружили "голову воина в шлеме". Это была часть статуи, которая не сохранилась. У этого воина лицо русского богатыря, на-

пример, Добрыни Никитича. Там же в Нисе был обнаружен женский скульптурный портрет. На нем изображена амазонка Родогунду. Она была парфянской принцессой, которая стала женой одного из селевкидских царевичей. Полиен об амазонке Родогунду рассказал такую быль. Когда она мыла волосы, ей сообщили о восстании одного из подвластных народов. Родогунда тут же села на коня и повела войско в бой и поклялась, что прической займется только после того, как усмирит восставших. Свою клятву она сдержала. Похоже, что это было на самом деле: с тех пор ее изображение на печати парфянских царей чеканили с распущенными волосами. О ней писали многие современники. Так, греческий автор Филострат писал так: "Она приносит жертву богам и благодарность... она молится, чтобы боги и впредь дали ей побеждать врагов, как она победила их теперь... Глаза у нее, меняя свой цвет, от голубых переходят в темно-синие, получая свою веселость от данного настроения, свою красоту от природы, повелительный взгляд от сознания власти". На портрете из Нисы изображена именно такая женщина. Портрет исполнен в реалистической манере. Мы видим утонченную красоту и чисто русские (притом великорусские) черты лица.

Скифы хоронили под курганами и воинов, которые в бою пропали без вести. В Южной Сибири в таком кургане, где не было и не должно было быть тела умершего, обнаружили медальон с портретом воина. На медальоне явно европеоидный овал лица и выдающийся нос. Прорезается и некоторая "скуловатость" и "косица" в глазах. Коренные русские жители Сибири выглядят именно так. Так что были обнаружены изображения не только полностью русского типа, но и разных подтипов, которые существуют и в наше время.

Одежда наших предков не очень сильно отличалась от той, которую носили русские еще недавно. Мужской костюм был изображен на настенных фресках, на золотых украшениях, на вазах и т.д. Он состоял из длинной рубахи, кафтана с поясом и длинными откидными рукавами. Была и плащ-накидка с застежкой на груди или на одном плече. Далее были широкие шаровары, или, наоборот, узкие штаны, заправленные в мягкие кожаные сапоги. Что касается лица, то борода была обяза-

тельной. У причерноморских скифов были довольно длинные волосы. У сарматов была короткая стрижка. Среднеазиатские саки и парфяне стриглись "под горшок".

На первый взгляд ничего особенного, обычный костюм. Но это сейчас. А тогда мало кто носил "штаны обыкновенные". Цивилизованные римляне и греки обходились короткими туниками (распашенками). Нельзя сказать, что зимой в Италии так жарко. Вряд ли римляне так спасались от жары. Понятно, что в такой экстравагантной одежде ни греческая, ни римская армия не смогли прорваться в русские степи. Кстати, в цивилизованной Западной Европе "штаны длинные, обыкновенные" носят только в последние два столетия. В средние века европейские мужчины обходились чулками (каждая штанина по отдельности). И только с XVI века одевали чулки с короткими шортиками. Простое дело – штаны, а додумались до них только наши предки, которых цивилизованные европейцы считали дикими, как и сейчас считают нас, хотя все основные открытия принадлежат русским (или россиянам).

В наше время в цивилизованном мире женщины носят "брючный костюм". А наши предки еще в древности поняли его практичность и открыли его для своих женщин. На греческих вазах были изображены амазонки в мужских "брючных костюмах". Но это была рабочая одежда амазонок. На выход, для красоты сарматские и скифские женщины надевали длинные платья. Они были украшены вышивками, бусами и пуговицами, бисерными обшивками на груди, рукавах и подоле. Платья шились из доморощенной шерсти. Использовалась и импортная парча.

О длинном платье можно сказать то же, что и о мужском костюме. Такие платья в других странах в то время не носили. Одевались в драпировки из цельного куска ткани вроде индийского сари или иранского хитона. В халаты одевались на востоке Азии. В Северной и Западной Европе были в ходу рубашки с юбками, а также сарафаны. Настоящие длинные платья, оканчивается, носили только сарматские женщины. В наше время южнорусский женский костюм как раз и представляет собой именно платье, украшенное бисером, тесьмой и вышивками.

Подобие русских и сарматов-скифов не ограничивается внешним видом и одеждой. Практически полное совпадение

прослеживается и в бытовых предметах, а также в произведениях прикладного искусства. Совпадают техника, стиль, узоры и т.п. Об этом академик П.Н. Шульц писал так: "В жилых помещениях скифской столицы Крыма – Неаполя – находили красивые пластинки из резной кости, которыми украшались скифские ларцы. Узоры, с любовью выполненные скифскими народными резчиками, живо напоминают по своему характеру русскую резьбу по дереву". Так, в материальной культуре населения средневекового Чернигово-Северского княжества древние традиции полностью сохранились. Поэтому их можно сравнивать с аналогичными предметами у сарматов. Один из элементов – спиральные кольца. Сарматские амазонки носили спиралевидные украшения самых разных видов. Это и кольца и разные браслеты. В указанном русском княжестве также применяли украшения – височные кольца в форме спирали. Такие височные кольца служат для поддержания прически в виде длинных кос, которые уложены вокруг головы. Они считаются самыми характерными для славян в раннем средневековье. Такие же кольца были обнаружены среди вещей античной эпохи. Их датируют началом второго тысячелетия до н. э.

Изобразительное искусство на Руси несет на себе следы влияния скифского изобразительного искусства. Академик П.Н. Шульц пишет об этом так: "Портретные рельефы, найденные на городище Неаполя (в Крыму), в особенности изображение юного Палака (сына царя Скилура) на коне, отличаются самобытным характером. Они чем-то напоминают позднейшие изображения Георгия Победоносца в древнерусском искусстве... У одного из военачальников (погребенного в мавзолее Неаполя) был найден резной камень из темно-красного сердолика в форме скарабея. На оборотной его стороне с необыкновенным искусством вырезана портретная голова бородатого скифа в высокой шапке. Его облик близок к образам древнерусских князей".

Подобные результаты дает и сравнение жилища скифов и русских. Скифы жили в добротных каменных домах с черепичной крышей. Изображения их сохранились на росписях. П.Н. Шульц пишет, что такой дом представлял собой "жилище с двухскатной крышей, навесы которой защищают стены от стока воды. На коньке крыши вертикально поставлена стре-

ла, по сторонам ее как бы вырезанные из дерева головы двух коней, обращенные мордами в разные стороны. Все это живо напоминает нам русскую избу с такими же резными коньками на такой же крыше". На Алтае строили такие же дома, только деревянные. Основное жилище древних сибиряков — деревянная изба. Если у скифов были избы каменные и деревянные, то это значит, что они жили оседло. Значит, не стоит говорить о том, что скифы были кочевниками. Скифы изобрели и степную юрту. Она служила жилищем только летом, была что-то вроде палатки.

Больше всего археологи доверяют керамике. Она им говорит абсолютно обо всем. Так вот, они достоверно установили, что лепная керамика сарматской эпохи очень похожа на средневековую русскую лепную керамику. Многие образцы сохранились до сих пор. Это и кувшины с выпуклыми боками и горлом, который расширяется кверху ("глечик"), и полусферический, яйцообразный горшок, и миска обыкновенная, и многое другое. Основной тип сарматской керамики — яйцообразный горшок — не меняется с пятого тысячелетия до н. э.

Таким образом, образцы материальной культуры не менялись на протяжении тысячелетий. В то же время антропологический тип населения степей Южной России оставался абсолютно неизменным. И это начиная примерно с 5-го тысячелетия до н. э. Примерно с 3-го тысячелетия до н. э. существовал обряд погребения под курганами. Он же сохранился вплоть до раннего средневековья. Только принятие христианства этот обряд изменило. Но в течение тысячелетий сохранилась не только форма обряда. Хоронили под одним и тем же курганом многих и многих и в разное время. Значит, этот погребальный курган считали своим родным. Никто не похоронит своих в кургане другого народа. А раз хоронили в одном кургане, начиная от периода ранней бронзы и до средних веков, то это был один народ.

Таким образом, до принятия христианства одни и те же традиции и верования поддерживались на территории современной России (и даже на больших территориях) на протяжении 4-х тысяч лет. Сюда включается и "историческая" эпоха славян раннего средневековья.

О городах скифов мы уже сказали. Повторим только, что они тоже отражают полную преемственность. Например, многослойные селища в долине Оскола обнаруживают слои, начиная с эпохи бронзы и далее до средневековья. И даже до XVII–XVIII вв. н. э. Или: Воргальское городище, что в Липецкой области содержит материалы эпохи бронзы, раннего железа славяно-русского времени. Городища в Курской области в бассейне Сейма содержат материалы от периода раннего железа до славянской Роменской культуры. Этот ряд фактов можно продолжать бесконечно.

Делаем основное заключение: существовала преемственность культуры населения средневековой Руси по отношению к степной культуре эпохи бронзы и железного века.

Для большей убедительности сравним нравы скифов и славян (русских). Так, Геродот писал, что скифы любили попариться в баньках, поклонялись мечу как символу бога войны, возводили курганы над могилами умерших вождей. Они, скрепляя договор, пили вино с кровью; когда предсказывали будущее, то гадали на ивовых прутьях и липовом мочале. Это читается так, как будто написано о средневековых славянах. У скифов был еще обычай снимать скальп с поверженного врага. Они отделяли череп в форме чаши. У славян этот обычай отменило христианство. Оно же прекратило захоронения в курганах.

Нравы и социальное устройство у славян в Средние века остались такими же, какими они были у скифов. Основной была территориальная община. Она состояла из лично свободных полноправных людей. Полное неприятие рабства. Более того, на деле реализовано равенство мужчин и женщин. Женщины наравне с мужчинами несли воинскую службу. Мало кто знает, что еще в VII в. н. э. Константинополь штурмовали славянские воины-женщины. Да и в X в. н. э. в войске Святослава были женщины.

Мы уже говорили о том, что скифы вели оседлый образ жизни. Они были как скотоводами, так и земледельцами. Кроме того, они были умельцами металлургами, строителями городов. Они делали превосходное оружие по самым новым технологиям. В этом вопросе они также были впереди всех.

СЛАВЯНЕ В ЕВРОПЕ

Жители Скандинавии, норвежцы, датчане и шведы, сложились как национальные формирования не раньше XVII–XVIII вв. н. э. Естественно, шведы не могли основать Русь, поскольку в VII–XI веках их как таковых вообще не было. Кто же был тогда на территории современной Скандинавии? Славяне. Поэтому ученые и говорят о том, что Скандинавия – это русская земля. Что об этом свидетельствует?

Что касается территории Норвегии, то факты говорят о следующем. Существенную информацию ученые получают путем анализа и сопоставления языка норвежцев, имен и названий.

Современные названия Норвегии – Норге и Нордмен являются не норвежскими, а заимствованы из германского. В хрониках и сагах Норвегия называется Норега, а норвеги – норегги. Идем дальше: логично Норега заменить на Норек, а норегги на норекси. Тут явное сходство (просто совпадение) с летописной землей Нориком, которая была родиной славян. Эти славяне назывались русами-нориками. Никто не спорит с тем, что предки норегов (современных норвежцев) не являлись аборигенами, а пришли на эту территорию с юго-востока в 3–2-м тысячелетии до н. э. Раз так, то совпадение названий, приведенное выше, не случайное. Историки свидетельствуют о том, что в середине первого тысячелетия н. э. на территории современной Норвегии (в Нореге – Норике) проживали племена хайлегов, треидов, ранриков, раумов, аугендов, граниев и рутов. Рути –

это балтийские славяне, которых еще называли русами. По количественному составу именно русы-рути составляли основу народонаселения Норега – Норегга, то есть населения, жившего в то время на территории современной Норвегии.

По внешнему виду, антропологически, норвежцы-норегги относятся к балтийскому типу большой европеоидной расы. Западнорусские славяне Балтийского и Североморского побережий относятся к тому же типу. Это, прежде всего, высокий рост. Недавно Ибн Фаддан писал о русах: "Они высоки, как пальмы, и красны лицом". Само слово рути-русы означает "светлые, красные, рыжие". Просятся слова "рудый", "русый" и др.

Славянское происхождение норвежцев выдает и их язык. Само слово, понятие, "язык" норвежцы до сих пор обозначают словом "мол". Примеры: риксмол – государственный язык, букмол – книжный язык, лансмол – язык страны. Здесь "мол" является русско-славянским корнем. Это очевидно из сравнения: мол-ва, мол-вить, мол-итва, мол-чать и т.д. "Мол" имеет значение "речь", "язык". Далее. Норвежский язык еще обозначают словом "норек" с четким суффиксом "-ек". Но этот суффикс является типичным для славянского языка. Но окончание в норвежском языке потеряно. Если его восстановить, то получится "норек-ий, точно также как "русск-ий, норикск-ий, славянск-ий. Любопытно, что в летописях часто встречается и обратная трансформация. Написано "язык словенск". Точно так же, как и "язык норск". Таким образом, на языковом, архаическом уровне в Норвегии – Нореге мы имеем дело со славянской речью – языком-молвой. Кстати, не надо быть специалистом по архаическим языкам, достаточно взять в руки русско-норвежский словарь и там на норвежском языке вы прочитаете "russik-norsk". Это в полном соответствии со славянским, русским словообразованием. Обратите внимание, не "russian-norwegian", а "russik-norsk". Точно так же в норвежском языке образованы по славянскому образцу и другие прилагательные. Например, "historisk" – "исторический", "asket-asketisk" – "аскет-аскетический" и т.п. Да, этот язык, который в конце концов стал современным норвежским, находился под огромным тысячелетним давлением германского. Но тем не менее в нем не были уничтожены полностью изначальные славянские корни славяно-русского (рути-русы) начала.

Такой же анализ других языков современных скандинавских народов однозначно говорит в пользу их славянского происхождения. Но поскольку вопрос принципиально важен, поскольку это вопрос о том, кем мы были раньше — рабами шведов или свободным, могучим народом, то мы по следам ученых приведем доказательства этого. Наш читатель, наш современник должен знать истину, иначе он не может быть достойным называться славянином, русским.

Итак, на Фарерских островах проживают фарерцы. Это, главным образом, переселенцы из Норвегии — Норега, то есть норвежцы. Внешний, антропологический тип западнославянский, тот же, что и у норвежцев. Сами жители Фарерских островов называют себя “фэррой-нгары”. Первая часть этого слова происходит от “франки” по схеме — “фаранк — фаранц — варанк — варанц”. Вторая часть слова — “ар”. Это словообразующее славяно-русское “ар-арь”. Оно несет мужское, деятельное начало. Оно приставляется к корню-существительному по схеме: “ток-арь, слес-арь, пах-арь” и так далее. Более древнее “рыбарь”, т.е. рыбак. Отсюда произошло и немецкое словообразующее “er-он”. Оно не является древним и образовалось посредством воздействия славяно-балтийских языков. Немецкое “er” и “Herr” (господин, хозяин) развивались от славяно-русского “арь-ярь”. Например, славянское “Яровит” преобразовалось в немецкое “Herovit”. Слово “арь” восходит к праиндоевропейскому “арь-ярь”, а “ярь-яр” — это мужская жизненная, пассионарная сила, энергия. В образовании народности фарерцев сыграли определенную роль и кельты. Кельты — это галаты-сколоты. Они отпочковались от индоевропейского этнодрева русов-индоевропейцев еще до распада германо-балто-славянской общности. Кельты мало отличались от русов-славян в языково-культурном отношении еще в первом тысячелетии н. э. Поэтому не надо думать, что кельтское влияние на славян является чудим. Таким образом, фарерцы-варанц-яры в VII–XII веках, это не кто иные, как русы-славяне.

Кем же по происхождению являются исланды, жители современной Исландии? Сами себя они называют — ислендингар. Это значит — исландик-ар, исландик-яр, что означает “исландские яры” или “островные яры”. Кстати, данные “яры”

также являются выходцами из славяно-русской Норвегии — Норегии — Норика. Этнической основой исландов (“островных яров”) являются нореги-норики-руги-русы. Некоторую примесь составляют кельты-ирландцы. Кстати “Ир=Айр=ар-яр”. Таким образом, “ир-ландия” — это “страна яров”. Некоторую (даже значительную) примесь у исландцев составили “британцы”. Кто такие “британцы”? Это бывшие рабы, которых русы-руги-нореги завозили на острова современной Великобритании. Эта информация содержится даже в справочнике “Народы мира”. Эти рабы-германцы, которых завозили на острова свободные русы-руги-норики (то есть славяне этнические) со временем расплодились. Они постепенно повлияли на язык и культуру “островных яров”. Эта историческая правда не всем нравится. Сейчас у нас, в свободной демократической России, в большом ходу литература, в которой все представлено наоборот: славяне — рабы и господа — германцы. Больше всего этой целенаправленной лжи в переводных детских энциклопедиях. Делают все с умом — надо с молоком матери внушить славянам, что они всегда были рабами, чтобы они не смели возмущаться, когда американцы обучают их демократии с помощью точечных ударов. Благо, никто (ни государство, ни общественность) в современной России этой политике оболванивания не препятствует. Как же — все хотят слыть демократами: свобода на первом месте, свобода во всем. Не будем далее анализировать происхождение исландцев на основании их языка. Скажем только, что в их языке хорошо сохранилась основа средних веков. Вы можете при случае полистать словарь исландского языка, и там вы найдете множество корневых основ общего исходного языка русов-яров. Показательно, что в исландском языке, как и в русском, сохранилась практика употребления имен с отчествами. У романо-германцев эта практика утеряна.

Не менее интересные результаты дает анализ датского языка. Современное название Дании — Данмарк, но это германизм. На самом деле в основе названия четко просматривается славяно-русский корень “дон-дань”. Если обратиться к истории, то его смысл станет понятным. В средневековье Дания господствовала над соседними землями и народами. Их она обложила данью. Отсюда и само слово “Дания”. Сами датчане называли

себя "данскере", то есть "данск ере" = "данские яры". Здесь присутствуют славяно-русские суффиксы "-ск". Словосочетание "датско-русский (словарь) звучит на датском не "дониш-русиш" и тем более не "донинш-рашен", а именно "dansk-russisk". Тот же справочник "Народы мира" признает, что в образовании датского языка принимал участие язык прибалтийских славян. Там указано, что, кроме того, в образовании датского языка принимали участие и языки данов и фризов. Но! И даны и фризы были не менее славянами, чем другие прибалтийские и неприбалтийские славяне. Что касается данов, то их язык понятен славянам без перевода. Внешне, антропологически даны относятся к атлантико-балтийской расе. Фризы — это "варяги" в древнерусской форме "варязи-врязи", где "в" = "ф". Таким образом, "фриз" = "врязь". Поразительное сходство древнерусского языка с древнефризским отмечал еще Герман Голлман. Это и неудивительно, поскольку этнические составляющие "донских яров" являются чисто русско-славянскими. Откуда же взялись даны? Во втором тысячелетии до н. э. они, как и норвеги-норвики, пришли в Скандинавию с юго-востока. Конечно, пришли не собственно даны (не норвеги и свеи), а пришли их общие предки. Только значительно позже они разделились на данов, норвегов, свеев. Подобное произошло и с русскими, которые поделались на великороссов, малороссов и белоруссов. Поэтому скандинавы на первом этапе, до разделения, говорили на одном языке, который в Западной Европе называют "древнескандинавским". Но им следовало бы заглянуть в проблему глубже и этот "древнескандинавский" язык был бы на самом деле славянским. Эту истину доказывать не надо, она лежит на поверхности. Достаточно заглянуть в словари и древние записи. Кстати, легко убедиться, что княжеские, королевские и прочие имена у скандинавов имеют двусложное славяно-русское происхождение. Конечно, написание и звучание их несколько искажено, поскольку они длительное время находились в употреблении в германо-язычной среде.

Шведы в этом плане не являются исключением. В наше время Швеция называется "Sveriga" (Сверика). В древности она называлась "Sverika". Предками шведов были свионы, или свеи. Они впервые были описаны Тацитом. Во "Введении в герман-

скую филологию" сказано: "Возможно, в слове "свеи" представлен тот же корень, что и в русском "свой". Сами шведы называют себя — свенскар. Переводится это очень просто и логично: "свенок ар" = "свенские яры". Здесь те же самые славянские прилагательные. Шведско-русский значит "svensk-risk", индийский значит "indisk" и т.д.

Западные специалисты утверждают, что шведский (свенский) язык входит в северную подгруппу германской группы языков. Но это абсолютно неверно. Рассмотрим один пример. Работа на шведском (свенск-ом) языке означает "arbete". По правилам древнерусского образуем слово "работник". Для этого присоединяем мужское активное начало "ар". Получим "работ-арь". Это в древнерусском. В шведском находим то же самое "arbet-ar". "Работница" — "arbetar-gka". Но! Вы скажите, что "arbete" (арбайте) — слово германское. Специалисты знают (и никто об этом не спорит), что "арбайте" попало в германский язык из славянских языков. То, что при этом произошло со словом, специалисты называют "перевертыши". Это, когда "раб" превращается в "арб", "род" — в "арт" и т.д. Таких перевертышей при переходе из славянских языков в германские много. Так что arbete произошло от славянского "работа". Можно дальше анализ не проводить. Он больше интересен специалистам. Нам же важно подчеркнуть, что шведский язык изначально является славянским языком. Конечно, он очень сильно германизирован и латинизирован. Тем более при письме используется латиница. Но никто не может спорить, что основа шведского языка — славяно-русская. На этот очевидный факт может закрывать глаза только тот, кто, вопреки истине, старается унижить все славянское и возвысить над ним все западное, германское.

Еще несколько слов о варягах. Современные шведы и свеи-варяги VII–XI веков говорили на разных языках. Если бы они вдруг оказались вместе, то они бы не поняли друг друга. Дело в том, что современный шведский язык был образован на много столетий после того, как жили свеи-варяги, в конце XVII века. Этот язык формировался при самом активном участии немцев, поэтому он максимально германизирован и латинизирован.

Внешне (антропологически) предки шведов относились к балтийскому типу атланти-балтийской расы. Но в образовании шведов приняли участие и готы-хатты. Но и эти племена славянские, а не германские. Их причисляют к германским только на том — единственном — основании, что их Тацит упоминает как живущих в Германии. Но надо знать, что сам Тацит, как и другие античные авторы, никогда не понимал под Германией страну, в которой жили этнические германцы. Что же касается готов (которые были славянами), то они отличались от материковых свеев. Сами готы были на острове Готланд. Но это отличие было только в рамках славянской общности. Западные специалисты рассматривают три подгруппы германских языков. Восточную подгруппу якобы составляли вымершие языки готский, бургундский, вандалский, гопидский и герульский. Но на самом деле все эти языки были славянские. И об этом хорошо знали сами немцы. Великий немец Фридрих II предупреждал своих соотечественников, чтобы они избегали столкновения с жестоким и непобедимым народом. Он писал: "Русские происходят от гепидов, разрушивших Римскую империю". Фридрих это знал, а его внуки и правнуки забыли. А вспомнить это очень несложно. Просто надо взглянуть на готский и бургундский языки. В них так много древних готско-скандинавских изоглосс (языковых соответствий, равенств), что доказывать родство этих языков с негерманским, так называемым "древнескандинавским (который был славянским)", нет нужды. Оно налицо. Это и не удивительно, поскольку археология доказывает, что все народности, которые причисляют к "восточной германской языковой подгруппе", вышли из Скандинавии, а точнее — из балтийской зоны. Таким образом, герулы, гепиды, готы, бургунцы и вандалы-венеды говорили на западно-северных славянских диалектах. На этом языке говорили и славяноязычные предки шведов, норвежцев, датчан, исландцев, то есть свеи, норрики и доны.

Надо еще раз подчеркнуть, что к Скандинавии и скандинавам первого тысячелетия н. э. германцы не имеют ни малейшего отношения. Так, Птолемей Балтийское море называл Венедским, то есть Славянским. Тысячу лет назад лет здесь не было никаких реальных германцев — "дойче", которые были

бы носителями диалектов германского языка. Это подтверждают данные археологии, письменные источники, данные топонимики, лингвистики и антропологии.

Очень показательно, что финны доньше называют Скандинавию Ruostі потому, что в Скандинавии жили русы — индоевропейский народ славянской языковой группы. Поэтому естественно, что страну называли по самоназванию проживающего там народа. Ее называли словом, трансформированным в финно-угорских диалектах: "Русь" и есть "Ruotsi". В конце слова "i" заменяет мягкий знак, которого в латинице нет. Значит, Русь Скандинавская (!), и в этом нет никаких сомнений, как нет сомнений в том, что была Русь Московская, Русь Киевская, Русь Рюгенская, Русь Полабская, Русь Подкарпатская...

Рассматривая хронологию событий, надо иметь в виду, что самоназвание древнейшего суперэтнуса праиндоевропейцев есть русы. Позднее возникло название славяне. Славяне являются прямой ветвью — продолжением русов. Поэтому русы — это не племя или племенной союз. Это суперэтнос с многотысячелетней историей. Он рассеян по Европе и Азии, но сохраняется как единый суперэтнос. Собственно, об этом сказано и в "Повести временных лет". В 862 году, по свидетельству "Повести": "Реша русь, чюдь, славени и кривичи и вси: "Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет. Да поидите княжить и володеть и нами". И избраша три брата с роды своими, пояша по себе всю русь...". Этот текст предельно ясен: Русь Новгородская позвала Русь Скандинавскую, то есть прямых этнических, антропологических, языковых родичей своих, русов-славян. Так эти две Руси объединились, поскольку они составляли (вместе с другими) единый суперэтнос.

Сейчас знает каждый слова: "Страна у нас большая, порядку только нет!" Но в "Повести временных лет" сказано не "порядку", а "наряду". А это не одно и то же. Наряд — это структуры, обеспечивающие законность. Ученым легче было перевести словом "порядок". Другим "ученым" захотелось выставить дело так, что славяне-рабы пригласили господствовать над собой господ-варягов. Эти "ученые" отработывали свой хлеб — они старались доказать, что славяне только и могли что быть рабами. Значит, и сейчас надо обращаться с ними таким же образом.

В первом тысячелетии н. э. в Центральной, Северной и Восточной Европе безраздельно господствовали славяне-русы. Славяне проживали и в циркум балтийской зоне, которая захватывала и побережье Северного моря. Здесь проживали славяне, русы, варяги. Скандинавы-норманны были того же рода-племени, что и славяне Восточной и Центральной Европы. В тот период русы-славяне были преобладающим населением Европы. Кстати, и до сих пор в Европе славяне являются самой многочисленной этническо-языковой группой. Она более многочисленна, чем германцы, или романцы. При этом надо учитывать, что больше половины славян в Европе ассимилировалась в "шведов, немцев, австрийцев" и др.

Хотя скандинавские русы-славяне и были родственниками новгородских и киевских русов, нельзя представлять дело так, что они находились на более высоком уровне развития. Во "Введении в германскую филологию" сказано: "Дело в том, что в рассматриваемый период Русь находилась на более высокой ступени исторического развития: здесь уже существовали города, а в Скандинавии они возникли позднее, Русь называлась скандинавами Гардарикой — "страной городов". На Руси раньше начали складываться феодальные отношения. Христианизация Руси произошла раньше, чем христианизация скандинавских стран".

Исторические источники свидетельствуют, что скандинавские гости, которые побывали на Руси, быстро перенимали обычаи и моду. Они возвращались назад в русских меховых шапках, в русских рубахах, штанах, сапогах, плащах. Эту городскую русскую моду они вводили в своих поселениях-виках. Слово *vic*, то есть "вис, весь", означает селение, поселок, деревню. Слово же викинг-викинк-викинкс-ий" означает "поселковый, сельский, деревенский, выходец из деревни". Установлено, что варяги-скандинавы хорошо понимали поляков и других славян. Это и понятно — все они говорили на диалектах одного и того же языка. Таким образом, варяги-скандинавы находились в провинции и вели себя соответствующим образом. Они охотно шли на службу к русским князьям. Провинциальная (поселковая) скандинавская молодежь мечтала об этом, но брали туда только отменных воинов. Вполне понятно и есте-

ственно, что варяги-скандинавы никогда не разбойничали на Руси. Они торговали, служили, оседали мирно и тихо в среде, которая была им близка как этнически, так и языково, в среде, находящейся на более высоком уровне развития.

Другое дело на западе Европы, где уровень развития был ниже. Там варяги чувствовали себя героями и были таковыми. Там они позволяли себе все. Недаром невольничьи рынки Востока были наводнены рабами, которых захватили варяги на территориях, которые сейчас занимает Германия, Франция, Англия. Кстати, набеги на земли будущей Франции начались только после того, как там была свергнута славяно-русская династия Меровингов. Меровинги исповедовали ортодоксально-православную веру. Варяги угоняли в рабство даже британских католических монахов. Кстати, английский язык появился только в XVII веке в результате соединения вульгаризированной латыни и германских диалектов. В VII-XII веках "англо-саксонские" монастырские хроники составлялись на латыни. Они проникнуты ненавистью к варягам-норманнам. Но все это Славянской Скандинавии не прошло даром. Латинско-германский Рим сделал все для того, чтобы за свои вторжения в "зоны влияния" папского престола варяги-русы лишились своего языка, земель, культуры. В результате тотального давления на них они полностью ассимилировались со своими гонителями. Но этот процесс был очень длительным. Историки свидетельствуют, что даже в XII-XIV веках скандинавы (исторические аборигены) говорили на языке, приближенном к славянским диалектам. Этот язык относился к балтославянской группе индоевропейской языковой семьи. У этого языка был явный крен в сторону славянской группы.

Рассмотрим подробнее положение славян в Европе в то время. Славянскую Скандинавию с юго-востока и юга окружали прибалтийские, поодерские, полабские славяне, руги, венеды, руяне, вильцы, сербы и т.д. Все они были частями единой славянской общности. Весь этот букет славян простирался далеко на юг. Там на юге была с коренным славянским населением Малая Азия, Балканский полуостров.

Что же касается германцев, то по-настоящему они к тому времени еще не родились. Это явно следует из слов Тацита:

"...марси, гембривии, свевы, вандилии — эти имена подлин- ные и древние. Напротив, слово Германия — новое и недавно вошедшее в обиход, ибо те, кто первыми переправились че- рез Рейн и прогнали галлов, ныне известные под именем тун- тров, тогда прозывались германцами. Таким образом, наиме- нование племени постепенно возоблададо и распространилось на весь народ; вначале все из страха обозначали его по имени победителей, а затем, после того как это название укорени- лось, он и сам стал называть себя германцами".

Таким образом, возникло название, а народа такого не было. Были разные, очень разные племена. На больших терри- ториях действовали вандалы. Вандалы — славяне. Готы — тоже славяне. Их язык подтверждает это. Приведем несколько приме- ров: "давер" — дверь, "дайтл" — доля, "ого" — око, "твадже" — дважды, "хлайб" — хлеб, "нав" — навь (мертвец), "гаст" — гость, "мейна" — меня, "мец" — меч, "сотжан" — сажать, "глаз" — янтарь, от слова "глаз". Именно отсюда и стекло по- германски "glas". Кстати, по-готски стеклянный сосуд — "стикл". Готы сами называли себя "гутлиуда" (готы люди). Вестготы на- зывали себя "tervingi" ("лесные"). По-готски, как и по-русски, "трава" — это "дерево, древо". Везде славяно-русские оконча- ния — "ники". Например, лесные вестготы — древники (дере- веньки), древляне. "Тревинги" — древляне.

Готы были, как и большинство русов, русоволосы и свет- логлазы. Говорили на славянских диалектах, носили славянс- кие имена. Как известно, немцы объединились только в 1871 году под эгидой Пруссии. Пруссы — это западные балты, а на самом деле — славяне "по-русски" или же смешанные балто-славяне. В "Лингвистическом словаре" указывается на "особую близость прусского и славянского языков". Таким образом, немцев-дой- че объединили восточные немцы (то есть ассимилированные славяне и балты). Даже в наше время население Германии очень разнородно. Так же было и раньше. М. Ломоносов об этом писал так: "Народ российский по великому пространству обитающий, невзирая на дальнейшее расстояние, говорит повсюду вразумитель- ным друг другу языком в городах и селах. Напротив того, в некоторых других государствах, например, в Германии — ба- варский крестьянин мало понимает мекленбургского, или бран-

дербургский швабского, хотя того же немецкого народа". Но немецкий народ никогда единым не был. Как ни странно, кон- солидация немцев (баварцев, саксонцев, швабов, тюрингцев и т.д.) всегда шла только на востоке — там, где проживало исто- рически онемеченное славянское население. Именно там к XVII веку сложился на основе саксонского языка классический, литературный немецкий язык.

Основой немецкой (дойче) народностью считаются фран- ки, саксы, аламань и кельты. Внешне, антропологически нем- цы-дойче очень разнообразны. На севере и северо-западе — представители атланти-балтийской расы, в центре и на восто- ке — центрально-европейской и восточноевропейской расы. Но если исключить крайности, то расово немцы и славяне прак- тически неотличимы.

Карл Великий формировал Германию руками славян. Он руками одних славян уничтожал других славян. Так, в войне с саксами Карл Великий использовал славян ободритов. Их даже в латинских хрониках называют "наши славяне" ("skbavi nostri"). В 798 году славянские войска под водительством ободритского князя Дражко разгромили (для Карла Великого) под Свинта- ной (Цветана) саксов-норд-альбингов. Были захвачены обшир- ные земли, а 4000 этнически родственных ободритам воинов было физически уничтожено. Сербы и чешско-моравские сла- вяне составляли здоровую силу Карла в его войне с вильцами. Вильцы были одним из самых непокорных славянских племен.

Баварцы, саксонцы, тиральцы и прочие были объедине- ны словом "дойче" ("диутисце"). Это последнее слово являет- ся славянским "дивтисцы". Народный язык назывался "diutisk", то есть "дивтиск-ий" язык. В это время "германский" народ сам себя называл "diutishiu linte" — "дивтисские люди". Тако- во происхождение слова "дойче". И не только слова. Из таких славян образовалась германская нация. Тысячу лет назад Ев- ропы была заселена славянами. Тех, кто были германцами, было очень немного. Они скрывались где-то в горных и лесных малодоступных местах. Их влияние было невелико. Тяготели они к средиземноморскому югу.

Карл Великий недаром писал, что предки русских, гепи- ды, разрушили Рим. Так оно и было. Славяне, действительно,

принимали самое активное участие в разгроме Римской империи. Первые дружины вестготов пересекли границу Римской империи на Дунае в 375 году. Это были "тервинги" — древляне. В 375 году русы-славяне разгромили римские легионы и двинулись по Империи. В 410 году они завладели Римом, который к тому времени был столицей Западной Римской империи. В 419 году тервинги-древляне основали на землях Империи первое "варварское королевство", по сути, это было первое княжество северных русов, созданное на землях южных русов-расенов-этрусков, которых раньше истребили римляне.

Это было начало. В 440 году свои княжества на юге Европы основали вандалы, которые, несомненно, были русами-славянами. Они действовали на пару с русами — выходцами с Медвежьего острова. Последних звали бургунцы.

В 455 году вандалы-венецы захватили Рим. Но они его не разрушали. Разжалась собственная пружина Рима, и маргинальные христиане-предкатолики свели счеты со своими язычниками. Позднее эти погромы языческих храмов и уничтожение языческих статуй-богов были списаны на славян-вандалов, которые на самом деле были веротерпимыми.

В 476 году славянский князь Одоакр со своими дружинами завладел Римом окончательно. Славяне на этом не остановились. Боевые дружины вандалов-венецов, готов-древлян и других штурмовали Пиренейский полуостров, Северную Африку, Восточную Европу.

Но уже к VI–VII векам романский юг восстановил всю власть над италийскими землями. В VIII веке Карл Великий нанес мощный удар по славянской Европе (силами самих славян, о чем мы уже говорили).

Кто такие были франки? Правильное, исходное не франки, а франци. Отсюда и Франция. Окончания -ци, -цы являются типичными славянскими. Далее, не францы, а вранцы. Переходы "ф" и "в" в германо-славянских заимствованиях типичны. А если вранцы, то это "вороны". Именно поэтому Герман Голлман писал: "Мы должны искать первобытных русов между Ютландией, Францией и Англией, и, следовательно, отечество варяго-русов нам надлежит полагать на берегу Немецкого моря..." А это на родине поморских франков.

Кстати, князей Меровингов в "германской" традиции называли Вельсунгами. Это от слова "Велес". Именно Велесом клялись русы-варяги под Царьградом-Константинополем, когда подписывали мирный договор с римлянами.

Значит, франки — славянский этнос. Недаром основателя династии в V веке звали Меровой. Это типичное славянское имя. Славянские имена были и у других представителей династии Меровингов. Это и Хлодвиг, и Хлотарь, и др. Но царская династия русов-славян была свергнута. Историк об этом пишет так: "Каролингская узурпация не только закрепила разделение Европы, но и явилась источником цареборческой, антивизантийской, а затем и антирусской политики Запада на протяжении более тысячи лет, вплоть до настоящего времени".

Е. Классен писал: "Меровей-Винделик, который был венецом-вандалом и родоначальник Меровингов, ввел славянский алфавит у побежденных им народов и старался ввести и сам язык славянский". Кстати, от династии Меровея пошли австрийские Габсбурги, английские Плантагенеты, а также другие королевские династические линии (датская, испанская и др.).

В V–VII вв. н. э. латынь еще полностью не распространилась в Галлии-Франции. Французов как таковых еще не было. Они появились как народность только к XV–XVI векам. В те времена на этой территории проживали кельты. Они уже успели утратить многие славянские признаки и существенно изменились под действием римско-латинского владычества.

Кельтов называли по-разному: галлы, галаты, галици-галичи, сколоты. Это один из древнейших народов Европы. До сих пор сохранились живые кельтские языки: ирландский, шотландский, бретанский. Но они разительно отличаются от общекельтского, поскольку за два тысячелетия испытали на себе колоссальное внешнее воздействие.

Исконные кельты — уникальная народность, и отношение к ней других народов было особым. Как известно, кельты поклонялись священным деревьям. Кельтские жрецы назывались друидами от слова "древо, дерево". Это слово не общеевропейское, а славянское. Религию друидов мы описали в книге "Тайны богов и религий".

Любопытно, что слово "кельты" имеет сакральный смысл. Неудивительно, что другие народы считали, что даже в имени кельтов заключена некая волшебная сила. В согласных "кл" заключены понятия "коло" — "круг, кольцо, женское начало" и "кол" — "штырь, меч, ваджра-налица, мужское начало". "Клт" вместе — это слияние мужского и женского начал, таинство зарождения жизни, мира, вселенной. Русское слово "колокол" — "кол в коло", штырь — било в округлом объеме. Колокол порождает чудо, священный звук — энергию. Поэтому колокол является предметом сакрального значения. Взятые по отдельности, "кол" и "коло" содержат в себе множество мистических свойств и значений. А взятые в совокупности они рожают целую гамму таких мистических свойств. Отсюда и происходит русское "колд-ун": клт — колд — колд. Поэтому можно сказать, что галаты-кельты — это народ колдунов. Во главе их стояли жрецы-волхвы "друиды" — поклонники "древа". Почему в кельтском языке выступает славянская, русская основа? Во-первых, раннеиндоевропейский праязык является языком русов-праиндоевропейцев. Во-вторых, русы-славяне в Центральной Европе жили в течение целых тысячелетий. Хотя кельты и отпочковались от единого этнодрева русов-индоевропейцев, но они остались родственниками русов, жили с ними бок о бок в течение столь продолжительного времени. Установлено, что в первом тысячелетии н. э. кельты говорили на языке очень близком к славянскому. Некоторые ученые полагают, что они говорили в это время на славянском. Так или иначе, важно только то, что кельты и славяне находились в очень тесном родстве и в период I–V вв. н. э. разделять их друг от друга весьма проблематично.

В то время славяно-кельты (русо-кельты) своим князьям давали славяно-кельтские имена, что естественно. Поэтому кроме Меровея мы встречаем Клодионев, Хлодвига, Клотарей. Обратите внимание, что во всех этих именах корневая основа есть "клт", "клд", что, как мы видели выше, означает "жрец", "волхв" — то же самое, что в современном произношении "колд-ун". В то время у кельтов духовная и светская власть была в одних руках — у царя-жреца, у князя-жреца. Таким был князь-волхв Всеслав. Полагают, что Меровея-колдов свергли именно поэтому. В Риме полагали, что духовная

власть должна принадлежать только им, поэтому они и свергли славянскую династию Меровереев. Собственно, это было началом уничтожения русов и вообще славянства в Западной, Центральной и Северной Европе. Католический юг начал массированное наступление на славян. При этом главным действующим лицом, главным палачом стал Карл Великий. Даже "германцы" действия Карла Великого называли "истребительными войнами против арийцев". Уничтожались именно арийские этносы, многочисленные славянские этносы Европы.

В это время были только славяне, различные славянские этносы. "Немцев-германцев-дойче" не было и в помине. И еще много веков спустя, в XVIII в. н. э., у разрозненных "немецких" племен не было общего языка. Отдельные "немецкие" племена формировались очень долго (в течение многих веков) в процессе вторжения не арийских племен, а так же европеоидно-негроидных племен. Они время от времени вторгались в Европу с латинского юга. Поэтому ни о каком общем немецком языке не может быть и речи. Немецкий литературный язык был создан совсем недавно (в XVIII веке). И после этого создавались спешно "германская" мифология, "германская" история, "германская" лингвистика. Совершался величайший обман, подлог: мифологию, историю, лингвистику протаскивали вглубь тысячелетий. Утверждали, что был древний германский язык. Любопытно, что это рвение охватило все стороны жизни новоиспеченного "древнего" народа, этноса. Так, в XVIII–XIX вв. по берегам Рейна и другим местам, как грибы, росли "средневековые, мрачные, в тевтонском духе" замки-новоделы.

Остановимся кратко на англичанах. На Британские острова прибывали разные племена, народности. Некоторых завозили силой и делали рабами. По данным археологии, можно утверждать, что первыми на острова перебрались с континента в 3-м тысячелетии до н. э. иберийцы с Пиренейского полуострова. У них был доиндоевропейский язык. Позднее, во 2-м тысячелетии до н. э., на Британские острова переселились протославянские этносы — скотты и пикты. В VII в. до н. э. на островах поселяются галлы-кельты ("гэлы"). Это были праславяне и носители праславянских диалектов. Спустя два века с материка на острова приходят кельто-славяне (бритты). Еще

через четыре столетия туда же приходят белги. Это тоже кельтские племена. Таким образом, к началу новой эры Британские острова населяют в основном галлы-кельты-колды, которые обособились от материковых своих родственников. Конечно, нельзя сказать, что они были на все сто процентов славянами. Но славянский элемент у жителей Британских островов две тысячи лет тому назад был весьма существенным.

Британию завоевывают римские легионы с I в. н. э. Это меняет как языковой строй, так и состав этнический проживающих на островах. Но уже через двести лет на острова Британии вторгаются племена англвов, саксов и готов. Западные специалисты относят их к "западногерманским племенам". Что касается англвов, то они до высадки на острова жили в исконной славянской земле Слезвик (Шлезвиге). Эта земля изначально была заселена русами-славянами. Ютландия была заселена славянами-помоами. Отсюда юты пришли в Британию. Юты сами себя называли "гуть". Это все те же готы. Поэтому можно выстроить такой ряд: кельты – юты – гуть – готы – геты – хотты – хатты. Это все одно и то же племя русов-славян. Что касается саксов, то мы о них уже рассказывали. Подчеркнем еще раз, что не существовало никаких западногерманских племен, как это представляют политизированные историки Запада.

Итог всех этих миграций оказался следующим. К VI–VIII вв. н. э. на островах Британии жили доиндоевропейские племена иберов. Кроме них там проживали кельто-славяне. Ранее они отпочковались от протоиндоевропейцев-русов. Это произошло за одну-две тысячи лет до того, как сформировались славяне как таковые – "классические" славяне. Кроме того, на островах Британии к этому времени проживали и непосредственно славяне-русы (англы, саксы, юты). Часть романских поселений также оставалась на островах. Такой национальный состав, если можно так выразиться, имело население Британских островов к VIII в. н. э.

Что касается ютов-готов, то они принесли в Британию и славянских богов – Чернобога и Хорста. Вождями их были князья Хенгиста и Харза. Археологи обнаружили захоронение в Саттон-Ху славянского князя Родволода (Рэдвальда).

Но миграционные потоки на Британские острова на этом не прекратились. Уже с конца VIII в. н. э. на острова начинают вторгаться северные русы (скандинавы-варяги). Это были главным образом даны. В итоге северные русы устанавливают над Британскими островами свою власть. Это владычество русов продержалось чуть больше ста лет. Но уже в начале X в. н. э. власть англо-саксов на островах восстанавливается. В XI в. н. э. сильно активизируется католический романский папский юг. В 1066 году романизированные нормандские варяги-русы заволадевают островами. Говорили они на смеси латыни и старофранцузского языка. Их владычество длилось долго. Происходил длительный процесс взаимовлияния "вульгарна" (народной) латыни и поздних германских диалектов. В результате этого сложного процесса и образовался современный английский язык. Он имеет романскую основу. Остальная часть современного английского языка – это искусственные элементы. Поэтому многие специалисты недоумевают, почему английский язык был отнесен в группу германских языков. Это нечто вроде "эсперанто", искусственный язык. Некоторые специалисты-языковеды (например А. Шлейхер) английский язык даже не включают в схему развития индоевропейских языков.

Таким образом, не было никакого древнеанглийского языка в VI–XI веках. О таком языке могут говорить только те, кто стремится вопреки истине углубить корни английского народа. На самом деле, и это подтверждается историей, археологией и языковедением, были изначально славяно-русские диалекты. Дальше эти диалекты в продолжение более чем тысячи лет были сильно искажены и изменены разными другими языками и наречиями. Это и латынь (искаженная), и старофранцузский, и латиногерманский, и многие другие. Поэтому от славянского здесь остались только отдельные следы. Они видны везде. Только один пример. Памятник "древнеанглийской письменности" называется "Беовульф". Вульф значит волк. А "бео" значит "бел", то есть белый. Значит, Беовульф – это Беоволк, то есть Белый волк. Вот вам и вся "древнеанглийская письменность" (на славянской основе). На латыни были написаны "Церковные истории". Автор их Беда Достопочтенный. Если даже эта фамилия и написана по-латыни, нетрудно увидеть, что она славянская.

Как мы уже говорили, английский язык является искусственным языком, выработанным для общения германо-романцев. Что же касается самих обитателей Британских островов, то они антропологически (по внешнему виду) и до настоящего времени являются славяно-русами. Такими же являются северные и восточные немцы, шведы, датчане, норвежцы и исландцы. Примерно 60–80 % состава этих народов – это ассимилированные славяне. Только они говорят на привнесенных языках. Все это четко просматривается даже сейчас. А тысячу лет назад эти славяне-русы говорили на славяно-русских диалектах.

Многое из сказанного может у читателя вызвать некоторые сомнения. И это неудивительно. Слишком долго нам не говорили правду. Мы все пытались прорубить окно в Европу. Сейчас мы прорубили такое окно, что НАТО находится на нашей территории – в Прибалтике и в Киеве. Так вот, слишком долго нас изображали такими беспомощными, неприспособленными, недоразвитыми, нуждающимися в западном свете, что сейчас уже объективная истина воспринимается с недоверием. А ведь в этой истине сила нашего духа, наше самосознание, наша национальная гордость.

Приводимые выше данные не являются домыслами или благими пожеланиями журналистов, беллетристов. Это признанные результаты исследований, которые провели ученые, и не только наши. Эти результаты подтверждаются данными археологии, историческими источниками и анализом языков. В последнем случае специалисты исследуют не только лексические составы языков (родные слова), но и тип и строй разных языков. Тип и строй у каждого языка (или у группы языков) свой, как у каждого человека свое лицо. Человек может понимать чужой язык и говорить на нем, но по тому, как он строит фразы, вы без сомнения поймете, иностранец он или свой. Так, строй английского языка является аналитическим. Принципиально от английского отличаются немецкий и шведский языки. Их строй является аналитико-синтетическим. Так называемые "древнеанглийский" и "древнегерманский" языки являются языками с окончаниями у существительных, прилагательных, местоимений и глаголов. Это признаки и русского (и вообще славянских) языка. Поэтому никто не оспаривает, что как "древнеан-

глийский", так и "древнегерманские" языки по своему строю и типу входят в группу славянских языков с окончаниями (флективных языков). В эту группу входит и русский язык. Все это является неоспоримым доказательством того, что "древние германцы" не кто иные, как славяне-русы. В этом случае нельзя ничего поделывать. Даже хроники, рукописи и разные свидетельства культуры можно подделывать. Можно исказить антропологические данные. Можно даже изменить (подменить) лексику. Но подделывать и исказить строй и тип языка абсолютно невозможно. Поэтому приведенные выше результаты не могут быть поставлены под сомнение.

Таким образом, в первом тысячелетии в Европе была следующая картина. Русов-варягов окружали никакие не "германцы", а самые реальные славянские этносы, разновидности одного большого суперэтноса русов. Таким образом, те, кого античные авторы считали "германцами", были русами.

Подведем краткие итоги. В первую тысячу лет новой эры Скандинавию, а также все прилегающие к ней земли населяли славянские племена русов. Моря Северное и Балтийское были внутренними славяно-русскими морями. Викинги были славянами, поэтому все их перемещения, как и перемещения других славянских племен, были внутренним делом, внутренним процессом внутри славянского суперэтноса. Конечно, не были внутренним делом походы русов-викингов на Париж, который к тому времени был оккупирован романо-германским Римом. Так же надо расценивать и походы славян-русов (варягов) на Сицилию, Корсику, Неаполь, а также в арабские и прикаспийские земли.

Что же касается славянского суперэтноса, то в первом тысячелетии новой эры он занимал всю Северную, Западную, Центральную и Восточную Европу. Это подтверждается античными историками. Тацит пишет, что "Германия" – та область, где проживают русы. Само слово "германцы" происходит от "яр-ман" что значит "арий", ярый, яр-человек, яр-муж. А это и было родовое самоназвание русов, то есть они так называли сами себя. Поэтому надо забыть о каких-то особых германских ариях. Их никогда не было. Арии были только одни. Просто слово, название "арии", которыми были славяне-русы, позже

присвоили себе пришлые молодые народности, которые заняли земли славян. Самых славян, проживающих на этих землях, эти пришельцы частично ассимилировали. Таким образом, русы-славяне в течение нескольких тысячелетий были аборигенами в Европе. Они были основным, коренным этносом на всей территории Европы. Это подтверждается разными данными – археологии, антропологии, языкознания, данными, полученными из анализа мифов, данными этнологии, а также топонимикой всей территории Европы.

Важным историческим фактом в истории славян-русов является завоевание ими в IV–V вв. н. э. Римской империи, которая в последующем из Державы расенов-этрусков (то есть южных русов-славян) превратилась в империю средиземноморско-расовых романцев. Это были европоиды южного типа с большой негроидной и переднеазиатской – семитской примесью. В VI–VII вв. н. э. Римская империя восстановилась и приняла лицо воинствующего католицизма. Она широким фронтом пошла в наступление на славян. При этом главной ударной силой в борьбе со славянами были романские и молодые германские этносы. Рим всегда действовал по принципу – разделяй и властвуй. Поэтому он использовал и славян в борьбе против славян. И сейчас у той же западной силы тот же принцип. Запад очень надеется, что ему удастся использовать Украину (хотя бы ее территорию и полигоны) в борьбе с Россией. Период с VI по XIV вв. н. э. был победоносным для католического Рима: многие славянские народности на всей территории Европы были истреблены, а многие были покорены и ассимилированы. Они потеряли частично или полностью свой язык, свою культуру. Славянские языки искоренялись насильственно, ассимиляция славян проходила под палкой, а точнее под мечом. Облик Европы менялся в соответствии с идеологией католического Рима. Это геноцид “варваров-язычников”, “еретиков-ортодоксов” (то есть православных). Право на жизнь имело только католичество. Мы являемся свидетелями продолжения этой политики – не только морального, но и военного давления на славян в Европе. Но сейчас надо говорить не столько о католическом Риме, сколько об агрессивности германо-романского мира с американского континента (США, Канада). Давление на Россию идет

по всем фронтам. При этом даже не заботятся о какой-либо видимости истины. Используются ложь, обман, фальсификация и подлог. Запад вмешивается во внутренние дела России, надеясь развалить ее изнутри. Эти “друзья России” очень большую надежду возлагали на Чечню. Они лелеяли эту раковую опухоль на теле России, и их очень устраивало положение дел с правами человека в Чечне. Это несмотря на то что и их представителям отрубали головы. Но их цель была выше – развалить Россию, поэтому они все это не видели. Поэтому они этих убийц принимают на самом высшем уровне.

Мы живем в очень ответственное время, время, когда решается – жить ли нам свободными или раствориться в этой изжившей себя западной цивилизации, цивилизации силы, насилия, извращенных представлений о правах народов. Ученые об этом пишут так:

“Мы должны четко знать, что самое страшное и действительное оружие, которым уничтожат арийский славяно-русский мир, это отнюдь не “высокоточные” ракеты с лазерным наведением, не кассетные и графитовые бомбы, не напалм и распыленные радиоактивные отходы, а идеологическая обработка умов – идеологическое оружие, оружие массовой пропаганды – это и есть то супероружие тотального поражения, которым стираются с лица земли страны и народы: сначала в умах, в памяти, в хрониках искажается, затем уничтожается их прошлое, их история, одновременно с этим внедряются в массовое сознание необходимые историко-идеологические установки, затем вступает в силу прямая языковая, культурная и ментальная экспансия – народ перестает ощущать себя единой культурно-языковой общностью, наделенной исторической памятью, и, соответственно, перестает существовать как нечто целостное – и поглощается, подвергается ассимиляции или частичному истреблению с последующей ассимиляцией остатков населения”.

Этот процесс идет очень быстро и действительно угрожает России больше, чем любое оружие массового уничтожения. В этом процессе на глазах исчезают славянские народы как таковые. Вместо них остается “нечто” без собственного достоинства, исторической памяти и главного стержня, который определяет будущее. Их будущее – безликая ассимиляция и

обезличка и... подчинение новой для них системе. Система, которая призвана обеспечивать "национальные" интересы сверхдержавы, охватившей своими щупальцами весь мир. Так, уже исчезли австрийцы-славяне, чьи отцы и деды вообще не знали немецкого языка. Они превратились в безликих австрийцев. Жители Литвы и Латвии очень быстро ассимилируются из русских в литовцев и латышей. Уже сейчас их дети не знают русского языка. Поразительно, что славяне Черногории переходят на итальянский язык. Не отстают от них и славяне Македонии — они переходят на греческий. Современная Украина из кожи вон лезет, чтобы распрощаться с русским языком. Хотя с потерей русского языка она превращается в глубокую провинцию, но это ее не останавливает. Она считает, что просторы Украины как потенциальные полигоны НАТО — это залог благополучия, ее прекрасная перспектива. И зачем ей русский язык? Она скоро откажется и от своего украинского и перейдет на какой-либо "эсперанто" из 1000 слов, который употребляют натовские солдаты. Это тот вектор, в направлении которого идет уничтожение славянского суперэтноса. Россия должна найти в себе силы, чтобы остановить этот процесс. В противном случае через сто—двести лет останутся одни названия, свидетельствующие о великом русском народе. Но этого не произойдет. Не может быть сомнения в том, что российский народ из кризисного состояния возродится сильным, здоровым, справедливым и честным. Он спасет не только себя. Но и других. Но для этого он должен помнить, что около тысячи лет на этнополитической карте Европы были Русь Киевская, Русь Новгородская, Русь Полабская, Русь Рюгенская и Русь Скандинавская. Наши дети должны учиться на нашей истинной истории, славной истории, а не по прекрасно изданным энциклопедиям, согласно которым славяне всегда были рабами. Мы должны защитить общество, нашу молодежь, наше будущее от этой целенаправленной лжи.

ИСТОРИЯ СЛАВЯН

В I в. н. э. несомненно, был единый этнос венедов-славян, который назывался так по культуре Венеры — Лады. В то время единый славянский народ не был еще разделен на западных, восточных и южных славян. Об этом имеются неоспоримые исторические доказательства. Их можно проследить по всей Европе. Начиная от Ладолги мы далее имеем: Вена, Венев, Венгрия, Венеция, Венспилля, Женева, Генуя, Иена, Венерон, Венессен, Венло, Ладенбург, Венето, Венсинн. Тот же корень имеют русские слова "веннок, венец, венчание, жена, женщина", обряд "вено".

Римский историк Плиний в I веке упоминает славян под именем "венеды". В то время их не разделяли на западных — "венедов" и восточных славян — "антов". В Древнем Риме Венера почиталась как прародительница Римского народа. Сам Рим основал сын Венеры — троянец Эней, который спасся после разгрома Трои. Детальный анализ слов дает ценную информацию о славянах. Так, слог Аен в латинском написании Энся — Аепса правильно надо читать как Ven (Вен). Если восстановить истину, то надо читать не Эней, а Веней. Энейцы в таком случае — это Венеды (Aeneode). Значит, Вергилий написал не поэму "Энеида", а поэму "Венеда".

Такой же анализ можно провести и других слов. Так, слово "храм" в этом случае прозвучит как "ведес" (aedes), "воздух" будет "веер" (aer), а "эфир" при этом станет просто "ветер" (aether). Чем дальше мы следуем по этому пути, тем более

удивительные вещи открываются нам. Оказывается, что "топор" по-древнеримски (!) означает "секира", от глагола "сечь". Пастух превращается в "пастора" (от слова "пасти"). При этом оказывается, что на латинском "окулист" происходит от слова "око". Далее: слово "юстиция" происходит от слова "установить", "устав". Этот ряд слов и понятий можно бесконечно продолжить. Так, абсолютно совпадают в русском (славянском) глаголы "вертеть", "вопить", "видеть", "орати" (пахать) и многие другие. Это о чем-то говорит!

Остановимся только на одном слове. В русском речении лось назывался "слон сохатая", большое животное, прямо как слон, но с сохой на голове. Как это понять? Когда наши предки-славяне пришли с юга, где им приходилось воевать, ставя "за-слоны" за слонами, которые могут "слоняться" и на которых можно опереться "прислонившись", то они и называли лося "слон сохатая". Можно не сомневаться, что слово "слон" имеется в русском языке не одну тысячу лет. Таких слов в современном русском языке множество. Например: "ведь", "дева", "колдун", "рада", "сыть" и другие.

Историю протославян можно проследить за пять тысячелетий до новой эры. На фоне истории протославян римский орнамент, чудесный в своей лаконичной выразительности, выглядит просто копией. Здесь совпадение во всем полное. Например, при сравнении римской и славянской традиции хранения урн с прахом предков в святом углу дома, видим полное совпадение этого обряда вплоть до ритуала почитания.

О чем это говорит? Кто у кого что заимствовал? Никто! У римского и славянского народов единые корни, поэтому совпадают культовые и этнические традиции.

Что же было во время принятия христианства? Русь обладала полноценной государственностью с большим, очень большим стажем. Первичным государственно-организующим началом для русов и вообще для славян было "земледелие". Русь окончательно укрепилась как могучая держава в результате монополизации пути и "из варяг — в греки". Все это было до крещения Руси, до принятия христианства, которое многие расценивают как фактор создания государственности на Руси. В наше время

русская православная церковь постоянно эксплуатирует этот абсолютно неправильный тезис, тезис о том, что именно благодаря ей укрепилась государственность на Руси. Ей бы очень хотелось встать выше государственных структур. Но что поделаться — такова суть власти — стремиться встать выше всех.

Чаще всего представляют дело так, что Европа пожаловала нам христианство, которое повысило авторитет варварской Руси. Более того, благодаря этому акту Русь была "введена в Европу". Но все это никак не соответствует действительности. Во-первых, Европа задолго до этого почти вся была славянской, о чем говорилось выше. Во-вторых, не надо так высоко возвышать Европу. Она подчинялась каждому, у кого была сила, и не могла позволить себе слишком кичиться собой и брезговать теми, кто был сильным. Напомним, что Европа терпела и Митру под Царьградом, и мусульман — в Будапеште и на Пиренеях. Европейские дворы отдавали своих дочерей разным завоевателям, всяким там Митридатам. Об этом надо помнить в настоящее время. Европа всегда будет уважать только силу. Если она ее перестанет ощущать, то ею овладеет такой дурман, который сейчас овладел Польшей, которая и государством-то никогда не была. Сейчас же она претендует на земли Украины, Белоруссии и Литвы. А дальше посмотрит, не завладеть ли Москвой. Но скоро поляки отрезвеют, хотя им и удалось здорово подпортить жизнь украинскому народу. Западные бендеровцы уж очень суеются, хотя пора бы им понять, что они тащат не только Украину, но и себя самих в пропасть. В пропасть, из которой их не вытащит никакая Европа.

Доверчивый российский народ готов протянуть руку братства каждому. Но многие оценивают это как признак слабости. Наши отечественные предатели с усердием пересматривают историю России с тем, чтобы очернить народ и ущемить его дух. Но ничего не выйдет, господа. Вы делаете свое черное дело за доллары. А российский народ имеет многотысячелетнюю традицию, культуру, историю и так просто, за здорово живешь, его не разложить. Ни зарубежным, ни "родным" оппонентам. А родных очень много, и они авторитетны. Они "любят" Россию и стараются для ее будущего. Но лучше бы они этого не делали.

Так, уважаемый всеми академик Дмитрий Лихачев считал началом русской культуры год крещения Киевской Руси (988 год). Он писал:

“Сама по себе культура не имеет начальной даты. Но если говорить об условной дате начала русской литературы, то я, по своему разумению, считал бы самой обоснованной 988 год. Надо ли оттягивать юбилейные даты вглубь времен? Нужна ли нам дата двухтысячелетия или полуторатысячелетия? С нашими мировыми достижениями в области всех видов искусств вряд ли такая дата чем-либо возвысит русскую культуру. Основное, что сделано мировым славянством для мировой культуры, сделано за последнее тысячелетие. Остальное лишь предполагаемые ценности”. Вот так лихо Лихачев отрезал несколько тысячелетий русской (славянской) культуры просто так, за ненадобностью. Дескать, и без этого много, с лихвой. Но ведь суть не в том – много или мало. Суть в истине, в той внутренней пружине, которая движет народом, в его уровне развития, в его культуре, в его потенциале. Особенно важно последнее. Но важно и прошлое. Прошлое (дохристианское) состояние русских (славян) Лихачев рисует так:

“Между тем стремление вырваться из-под угнетающего воздействия одиночества среди редко населенных лесов, болот и степей, страх покинутости, боязнь грозных явлений природы заставляет людей искать объединения. Кругом были “немцы”, то есть люди, не говорившие на доступном пониманию языке, враги, приходившие на Русь “из невести”, а граничившая с Русью степная полоса – это “страна неизвестная...”

Это сказано о народе, который ранее заселял почти всю Европу, братом которому был римский народ и многие другие народы.

То, что сказал о русских Д. Лихачев, для нас не ново. Так, еще М.В. Ломоносов боролся с такими “умными” толкованиями об отсталом русском народе. Правда, он боролся с немецкими, а не с нашими родными авторитетами. Он всячески боролся с идеями “внесения” государственности извне и утверждениями о славянском варварстве. М.В. Ломоносов писал так:

“Сие так чудно, что ежели бы господин Миллер умел изобразить живым штилем, то он бы Россию сделал столь бед-

ным народом, каким еще ни один и самый подлый народ ни от какого писателя не представлен. Что славенский народ был в нынешних российских пределах еще прежде рождения Христова, то неоспоримо доказать можно”.

У Д. Лихачева об этом сказано так: “...в I веке восточных славян еще не существовало – они не оформились в единый народ”. Надо отдать должное Екатерине II, которая, в отличие от академика Д. Лихачева, понимала суть очень глубоко. В “Записках касательно русской истории” она, в частности, писала: “Они (славяне) древнее Нестора письменность имели, да оные утрачены или еще не отысканы и потому до нас не дошли. Славяне задолго до Рождества Христова письма имели”.

Так что же на самом деле было во время крещения Киевской Руси? Что говорит история об этом времени? По Лихачеву, “кругом были одни немцы”. А на самом деле в эту эпоху вплоть до границ нынешней Франции разливалось славянское море – море единого этноса, который говорил почти на едином языке, не испорченном еще немецкими, турецкими, угаро-дзунгарскими (то есть монгольскими), арабскими и другими завоевателями! Об этом М.В. Ломоносов сказал так:

“Славянский язык ни от греческого, ни от латинского, ни от какого другого не происходит; следовательно, сам собою состоит уже от самых древних времен, и многочисленные оные славенские народы говорили славенским языком еще прежде Рождества Христова”.

Об этом говорит красноречиво история. В те времена Лейпциг назывался Липском. Он был центром славянской области лужичан, потомки которых живут там и поныне. Дрезден был Дроздянами, Мейсен – Мишнами, а Мерзебург – Межибором. Все эти земли населяли нишане, мильчане, сермичане, дечане и хутичи. Знаменитый Брандербург на севере в то время величался Брандибором. Это был центр обширных славянских княжеств, которые были завоеваны немцами только в XII веке. Все это в границах современной Германии. О Польше можно не говорить. Далее к югу находилась Червоная (Красная) Русь. Позднее она называлась Подкарпатская Русь. Ее заселяли русины. Она вошла в состав государства Русь в 981 году.

Значит, еще до крещения Руси Великоморавская Держава славян, объединенная Пражскими княжествами, простиралась на огромной территории. Еще южнее были земли угорских славян, которые до сих пор украинцами называются Угорщиной (у гор). На берегу Дуная тогда стояли Вышеград и Новгород, Печи (современный Пешт). Эта область Венгрии (Угорщины) вплоть до 1400–1600 годов называлась Новоградом. Хуангары (джунгары, уйгуры) завоевали и стали поработать эту страну только в X веке. Еще южнее была Валахия и Болгарское царство. Австрия – это Острия. Она в то время еще не подвергалась глубокой германизации. Она управлялась славянскими князьями с городами Виндебож (Вена), Светла (Цветль), Ракоусы и др.

Так как же быть со "страхом покинутости" славян, которые, по словам Д. Лихачева, испытывали "угнетающее воздействие одиночества"? Как же они не заметили, что вокруг них братья-славяне? Почему им мерещились одни только "немцы"? Может, "боязнь грозных явлений природы" мешала им выйти из "редкозаселенных лесов, болот и степей"? Это что, новейшие открытия истории? Отнюдь нет. Об этом сказано, например, в "Повести временных лет", в источнике, который доступен всем, и является признанным авторитетом для всех. Так вот, в "Повести временных лет" сказано:

"В лето 6477 (969 г.) Рече Святослав к матери своей и к боярам своим: "Не любо ми есть в Киеве быти, хочу жити в Переяславци на Дунае, яко то есть середя земли моей, яко тут вся балагая сходятся: от Грек золото, поволоки, вина и овошья различныя, из Чех же, из Угорь серебро и комони..."

Таким образом, из исторического документа следует, что в Русском государстве знали и о Великоморавской державе, и об Угорщине! Не просто знали, но и активно общались, торговали. Во всяком случае, по лесам никто не прятался, никто не боялся "немцев" и не был запуган стихией.

Не было такого и в дальнейшей истории славян. Спустя четыре столетия, после углубления расслоения славянских языков, запорожцы, которые находились под литовско-польской оккупацией, отправляли в Чехию войсковые дру-

жины на помощь гуситам в борьбе с закованным в броню рыцарством "всей просвещенной Европы".

Все это было на Западе. Что же творилось на юге, где Лихачев увидел только "степную полосу" – "страну неизвестную"? Так ли уж эта "страна" была неизвестной для русских?

В этой "степной полосе" кочевниками дирижировали две крупнейшие державы: Византия и Хазария. Именно Хазария направляла сюда орды печенегов и натравливала на перекочевавших в этот район хунгар. В результате хунгары (венгры) были вытеснены в Европу. Арабы называли хунгар-баджгард, то есть башкирами. Так появилась долго кочевавшая в литературе легенда о приуральском и приволжском происхождении угаро-финских племен. Именно Хазария сообщала Арабскому Халифату, что защищает мусульманский мир от русов. Она неоднократно насылала кочевые орды на русские города. Каганат контролировал речные пути и задерживал русов, "прибывающих на кораблях" по Волге. В 965 году Святослав наносит смертельный удар по Каганату. Об этом в летописи сказано так:

"В лето 6473. Иде Святослав на козары; слышавши козары, изидоша с князем своим Коганом и сступишася битися, и бывши брани, одоле Святослав козаром и град их и Белу Вежу взя".

Мы привели только незначительную часть фактов. Но и они свидетельствуют о том, что славянская культура положила фундамент всей европейской цивилизации. И пора забыть наговоры о том, что просвещенная уже Европа привнесла нам культуру в готовой совершенной форме, а мы – просто варварские азиаты-славяне. Последняя позиция, распространяемая не только нашими противниками, но и "друзьями" унижает не только наш народ, но в равной степени и христианскую церковь, поскольку церковь является одной из форм мирозерцания народа. Знать это навязываемое нам унижение очень важно сейчас, когда нашему народу так необходимо опереться на свое далекое-далекое прошлое. А прошлое России и всех славян – светлое и достойное. Это прошлое народа, у которого нет пределов древности. Этим прошлым каждый русский человек может гордиться, он его должен знать, черпать из него силы.

ХРОНОЛОГИЯ ПРАСЛАВЯН

Проследим хронологию праславян и славян по "Велесовой книге".

Народ жил в Семиречье. Но в какой-то кульминационный момент:

"Вот прилетела к нам птица, и села на дерево, и стала петь, и всякое перо ее иное, и сияет цветами разными. И стало в ночи, как днем, и поет она песни о битвах и междоусобицах.

Вспомним о том, как сражались с врагами отцы наши, которые ныне с неба синего смотрят на нас и хорошо улыбаются нам. И так мы не одни, а с отцами нашими. И мыслим мы о помощи Перуновой, и видим, как скачет по небу всадник на белом коне. И поднимает Он меч до небес, и рассекает облака, и гром гремит, и течет вода живая на нас. И мы пьем ее, ибо все то, что от Сварогато, к нам жизнью течет. И это мы будем пить, ибо это — источник жизни божьей на земле...

...И было так — потомок, чувствуя славу свою, держал в сердце своем Русь, которая есть и пребудет землей нашей. И ее мы обороняли от врагов, и умирали за нее, как день умирает без Солнца и как Солнце гаснет. И тогда становилось темно, и приходил вечер, и ветер умирал, и наступала ночь...

...Велес учил праотцев наших землю пахать и злаки сеять, и жать солому на полях страдных, и ставить снопы в жилище, и чтить Его как Отца божьего.

Отцам нашим и матерям слава! Так как они учили нас чтить богов наших и водили за руку стезей правой. Так мы шли, и не были нахлебниками, а были русскими славянами, которые богам славу поют и потому суть славяне.

...Создались разные роды в Семиречье, где мы обитали за морем в крае зеленом, когда были скотоводами. И было это в древности до исхода нашего к Карпатской горе. И было это за тысячу триста лет до Германареха... А до этого были отцы наши на берегах моря у Ра-реки (Волги). И с великими трудностями для нас мы переправили своих людей и скот на сей берег, и пошли к Дону, и там готов увидели на юге и Готское море. И увидели мы против себя вооруженных готов и так были вынуждены биться за жизнь и проживание свое, когда гунны шли по стопам отцов наших и, нападая на них, людей били и забирали скот.

И так род славян ушел в земли, где солнце спит в ночи, и где много травы и тучных лугов, и где реки от рыб полны, и где никто не умирает.

Готы же были тогда в крае зеленом и немного опередили отцов наших, идущих от Ра-реки. Ра-река (Волга) великая, она отдаляет нас от иных людей и течет в море Фасисте (Каспийское).

Тут муж рода Белояру перешел по ту сторону Ра-реки и упредил там синьских купцов, идущих к фряженцам, поскольку гунны на острове своем поджидали гостей-купцов и обирали их.

И было это за полстолетия до Алдореха. А еще раньше, в древности, род Белояров был сильным. И от гуннов торговцы прятались за мужами Белояровыми и говорили, что дают се ребро и два коня золота, чтобы пройти и избежать угрозы гуннской, и так пройти мимо готов, также суровых в битве, и дойти до Днепра. И кони у них бесчисленны, и дважды берут они дань. Из-за того купцы, стекавшиеся к нам, вернулись в Китай и не приходили уж никогда больше.

...Мы происходили от Дажбога, и стали славны, славя богов наших, и никогда не просили и не молили их о благе своем. И вот боги говорят нам: "Ходите по Руси, и никогда к врагам!"...

...И вот князя нашего избрали, чтобы он заботился о нас. Так как перейдет враг на границу нашу, если он ее не будет оберегать, созывая рать.

А какие мы сами — то Сноп знает, так как мы молили, славу вознося, но никогда не просили Его, и никогда не требовали с Него то, что необходимо нам для жизни...

...И сему богу Огнику Семарглу говорим мы: "Покажись и восстань на небесах и сети аж до мерцающего рассвета!".

Мы называем его по имени Огне-боже и идем трудиться. И так всякий день, сотворивши молитву и удовлетворивши тело едой, идем в поля наши трудиться, как боги велют всякому мужу, которому предназначено работать ради хлеба своего.

Дажбоговы внуки-любимцы божеские и, божий плуг в деснице держа, воспевали мы славу Сурье, и думаем об этом до вечера. И пять раз в день прославляем мы богов, и выпиваем сурицу (напиток) в знак благодати и общности с богами, которые во Сварге также пьют за наше счастье.

Как воспоем славу Сурье, то золотой конь Сурьи вскочит на небеса. А когда мы приходим домой, потрудившись, там огонь зажигаем и идем ужинать. Говорим, что есть любовь божеская к нам, и затем мы отходим ко сну, ибо день прошел и наступила тьма.

Так отдавали мы десятую часть отцам нашим и сотую — властям. И так мы пребываем славными, ибо славим богов наших, и молимся с телами, омытыми чистой водой.

...Старшего в роде мы избирали в князья, который в старое время становился нашим вождем, нанятым в тот раз всеми. Те же князья были долгое время, пока греки не пришли и не настал этому конец, и (ныне) мы должны обеспечивать из (княжьего) рода потомков, чтобы они правили нами.

А после Богумира был Орей с сынами. А когда гунны затеяли великую войну за образование своей великой земли, мы ушли вон оттуда на Русь. Ныне пришли иные времена, и мы должны браться за гужи и тянуть вперед. И не будет о нас сказано, что мы оставили наши земли и вязи иные, но скажут о нас, что мы сильно бились за себя.

Борусичи не оставили грекам земли свои и бились за них. В те времена Ра-река (Волга) была границей с иными земля-

ми, и тогда возжаждали враги наши идти на нас, и должны мы были бороться за внучат наших, чтобы удержать степи наши и не отдать землю иным. Так же и мы должны были делать, чтобы не сжигать дубы и поля свои, а сеять на них и жать жниву в полях, ибо имели мы степи травяные и должны были водить скот, оберегая его от врагов.

И был в те времена осевший огнешанин. И был он благ, и боги дали ему много овец и скота, пасущегося в степях. И было много травы, и боги давали его скоту приплод и умножали его.

И вот предстал пред его очами странник и сказал ему, чтобы его сыны пошли в землю иную и край чудесный — туда, где заходит Солнце, — туда, где оно спит на золотом одре. И когда прискачет туда всадник, он скажет Солнцу:

"Иди, Солнце, в свои синие луга. Ты должно подняться в колесницу свою и взойти с Зарей на Востоке".

И так сказав, скачет он в иные края. И вечер прискакивает вслед за ним. И этот всадник говорит:

"Солнце зашло за горы свои и покинуло свою золотую колесницу. И ее ворожеи желают утаить."

И тут приближается всадник скачущий в иные края. И так Заря идет, и несет искры свои, и одежды Дажбоговы трясет, и искры разлетаются до края небесного.

Так он сказал.

И тогда двое сыновей пошли туда, куда заходит солнце, и видели они там много чудес и зланные травы. И возвратились к отцу и сказали ему, что прекрасен тот край.

И многие племена и роды изъявили желание следовать по тропе той, и пришли они все к тому осевшему (огнишанину).

И тут приказал отец Орей сыновьям своим — быть впереди всех родов. И не захотели они делиться на этих и тех. И тогда князь единый повел своих людей на полдень — отец Орей повел их в край морской. И была там сушь великая и пустыня. И пошли они в горы, и там поселились на полувеке, и собрали большую конницу, прежде, чем идти в края чужие.

И в тех краях воины встали на их тропе, и они принудили их сражаться и были разбиты. И тогда они пошли дальше, и увидели теплые земли, и пренебрегли ими, так как могучие чужие племена там сидели. И шли они дальше.

И так боги вели их как своих детей. И добрались они до горы великой. И, пововав там, двинулись далее.

И с тех пор мы должны были помнить об этом и тянулись за своими, и так же как отцы наши очищались мольбою, омываясь, и, умываясь, мольбы творили о чистоте души своей и тела, поскольку это умывание установил для нас Сварог, и Купалец указывал нам на это. И мы не смели этим пренебрегать, и мыли свои тела, и умывали дух свой в чистой воде живой...

...Кисек же тот шел, и вел родичей по степям со скотом своим на полдень, и туда, где солнце сияет, прибыл.

И придя к нему, отец Орей сказал: "Мы оба имели детей, и мужей и жен". А старшие имели войны с врагами. И так решали, чтобы племена соединяли овец своих и скот и становились племенем единым. И это же боги предлагают нам. Мы же видели доблесть их с тех пор и во веки вечные".

А когда подсчитывать стали голоса, одни — рекли, чтобы быть едиными, другие рекли — иначе. И тогда отец Орей отвел стада свои и людей от них. И увел их далеко и там сказал: "Здесь мы воздвигаем град. Отныне здесь Голунь, которая прежде была голой степью и лесом".

И Киська ушел прочь. И также увел людей своих в иные места, чтобы не смешались они с людьми отца Орея.

И те предки наши, так сотворив, на землях тех осели.

И так Киська отошел со своими людьми и создал землю иную. И там поселились они, и таким образом определились и отмежевались, и решили быть чужими один другому. Все они хлеб и соль имели и не перечили друг другу.

И был Киська тот славен, и люди отца Орея славны, так как в ту пору слава текла к ним и поля знали их мечи и стрелы.

И пришли язи в их край, и начали забирать скотину. И тогда Кисек пошел на них. Бился с ними сначала день, потом второй, и люди его бились. И грех пришел в те места, и многие его останки, и людей убивали мечами.

И так сказал отец Орей:

"Грешим мы с родичами своими, и потому от мертвых черно и мертвечину едят, что мы сдерживаем себя".

И стало мерзко на сердце Ориевом, и возопил он родичам:

"Поддержите Кисека и людей его! Седлайте все коней!"

И тогда бросились все на язов и бились с ними до тех пор, пока не разбили их. И тут начали ведать истину, что мы имели силу лишь тогда, когда были вместе — тогда никто не мог одолеть нас. То же истинно, что нас не одолели обоих, ибо мы — русские и себе славу получили от врагов, проклинающих нас.

Они же, видя жите наше, искушались взять братьев наших, и серебро с наших мечей, и гончарные горшки, из которых их сыны ели бы.

...Кисек (обращался) к людям своим перед нападением, и они возненавидели врагов, и пошли на них, и победили. И это мы имели знак того могущества, которого не могла дать явь врагам. Сами мы были слабыми — и так получили большую силу, а враги не такую большую, ибо мы — русские, а враги — нет.

И там, где пролита кровь наша, — там и земля наша. И это враги знают. И так они стремятся (захватить землю). Но их старания к смерти приведут, как это было в старину во времена отцов наших.

Говорили мы эти слова наизусть, и ни одно слово из тех слов не было утрачено. И говорили мы братьям нашим, что сила божеская будет на вас, и вы окончательно победите врагов ваших, которые хотят ваших земель. И тогда они уста свои наполнят, полакав жидкой грязью, и не будут браниться.

Будьте сынами своих богов, и сила их пребудет на вас до конца!

Не имели мы хлеба, чтобы насытить наше чрево, ибо он сожжен огнем. И коровы наши страдали, так же как и мы, пока быстро мы не охватили юг сталью и не стали сильнее врагов наших...

...И тот Орей, старый отец, сказал:

"Идем из земли той, где наших братьев убивают. А то они и старого отца забьют, как забивают коров и зверей. Они и скотину нашу крадут, и детей убивают".

Как только старый отец это изрек, мы ушли в иные земли, в которых течет мед и молоко. И эти земли искали все три сына Орея. И это были — Кий, Пашек и Горовато, от коих истекли три славных племени. (...) сыновья были храбрыми, водили

дружины, садились на коней и ехали... И за ними шли дружины юношей, скот, коровы, повозки с запряженными в них быками... овцы... дети, охраняемые старцами, а также больные люди.

Так шли на юг к морю и мечами разили врагов, шли до горы великой, до долины с травами, где много злаков. И там освоился Кий, который начал обустраивать Киев, ставший русским...

...И когда чехи (пошли) к закату солнца с воинами своими и хорваты забрали своих воинов, тогда некоторая часть чехов поселилась с русскими, а также их земля не отделилась, и с ними образовалась Русколань.

Кий же уселся в Киеве. И мы ему подчинились, а с ними Русь собралась воедино, а если будет с нами иная сила, то не пойдем на нее, потому что она с Русью...

...Вначале мы были там, где заходит Солнце, а оттуда пошли к Солнцу до Непры-реки (к Днепру), и взял там Кий укрепленный град, в котором пребывали иные славянские роды. И там мы поселились, огни зажгли Дубу и Снопу, которые и есть Сварог — пращур наш.

И в тот раз напал на нас новый враг, который в этой сечи кровь пращуров наших пил. И рати свои устремил на них Кий, увидя вражеских воинов. И воины Перуна бросились на них, и тратили силу до тех пор, пока те не побежали, показывая свои зады.

И вот племя напало на нас, и сеча была великая, и похищено было все до последнего. И видя это, наши воины говорили:

“Боги наши прогонят врагов наших, ибо Вышень грядет на смертных!”

И говорил он нам: “Дети, огораживайте свои города от нападений, чтобы были они суровыми и крепкими!..”

...И вот отец Орей шел перед нами, а Кий вел русов, и Щек вел свои племена, а Хорев своих хорват, и шли они из земель тех. И так было внушено богами, когда отошли Хорев и Щек отсюда, чтобы мы сели в Карпатских горах. И там были другие города, построенные иньми, и нажили иные соплеменники богатство великое.

И вот враги напали на нас, и мы побежали к Киеву-граду и до Голуни, и там поселились, огни свои возжигая до Сварги и жертвы творя в благодарность богам и также себе.

И тут Кий умер, тридцать лет владев нами. А после него был Лебедян, его же называли Славен, и тот жил двадцать лет. Потом был Верен из Великограда — также двадцать. Затем Сережень — десять.

С теми львами побеждали витязи врагов, несшихся лихими тысячами-тьмами на сынов наших и грядущих на нас и на вас.

И тут готы пришли в степи, зло творя нам. И тогда доблесть получили праотцы наши, боясь за жизнь. И стали славянами, ибо славили богов. И так мы — от богов внуки Сварога нашего и Дажбога. И тогда мы терпели зло, а прежде силу имели великую и защищались от нашествия готов-врагов почти шесть лет.

И тут ильмеры нас поддержали, и мы побили вражеских витязей. И так десять царей взяли — тех, что были как волки, принявшие львиную храбрость. Когда мы на них напали, те начали хитрить: “Мол, мы — иные!” И для иной брани они мечи сохранили, и стали менять овец и овощи, и клялись самим небом...

...Предрешено было в старые времена, чтобы мы сплотились с иньми и создали (Русколань?) великую. Рождена была Русколань наша близ Голуни, где стало у нас триста городов и сел — дубовых домов с очагами. Там и Перун наш, и земля наша.

Вендов, которые ушли на запад Солнца, и там перед врагами землю пахут и шаткую веру имеют, всегда побеждают из-за иной веры. Боровин же говорил, что он силен, и люди его верят словам тем. А иные сами глупцы изумленные и не верили в это до тех пор, пока не прозрели.

Венды! Вернитесь на земли наши в степи древние! И поглядите на вспаханные поля, которые были бедными до прихода нашего из Семиречья, пока от врагов-дасу нами не были очищены...

...Принеся в жертву белых коней, ушли мы из Семиречья с гор Иррийских из Загорья и шли век. И так как пришли в Двуречье, мы разбили там всех своей конницей, и (затем) пошли в землю Сирии. И там остановились, а после шли горами великими, и снегами, и льдами, и притекли в степи со своими стадами. И там скифами перво-наперво были наречены наши пращурь.

И вот после этих битв мы пришли к Карпатским горам, и там поставили над собой пять князей, и города и села (строили), и были теснимы многими врагами...

...Мы решили построить сто городов: Хорсунь и иные, затем возведенные. Но Русколань раздирали смуты, творившиеся на юге, а борусы на севере много претерпели. Потому что (враги) не хотели нашего породнения, чтобы русские роды соединились. А в Русколани те же два рода оборонялись в Сурож, и звали суронжане русов и борусов на битву и борьбу.

И вот праотцы наши были словно медведи с мечами. И так им в старые времена говорили: делайте железо и берегите коней, которые текут от богов к нам.

И так была Русолань сильной и твердой. И было это из-за Перуна, поддерживавшего нас. Сколько раз мы извлекали меч и отражали врагов от себя, ибо вожди Ориевых родов были сильны.

Было это в старину. В это же время мы не имели единства. И были мы как овца без Велеса... А он говорил нам, что мы должны ходить прямо, и никогда — криво, но мы его не послушали.

Напрасно мы не остерегались, и потому (нас) праотцов забрали — и были угнаны русы Набсуром. И случилось это из-за вражеских (нашествий), и напали на нас отсюда и до светлого моря, и пошли мы клонить головы свои под вражеские бичи. И те сильные (враги) на Русь напали с трех сторон. И наши люди пошли под Набсура-царя. А затем ушли в солнечный Египет. И долго в те годы давали мы дань. Но прошли дни, и русы убежали от Набсура!...

...А князем был тогда Набсур, который нас под себя взял. И мы отдавали ему своих юношей для войны, и тогда мы претерпевали побои палками по половым органам, и чреслам, и щекам, и не могли это стерпеть.

Мы не могли так. И говорили, что это нам не по сердцу. И было это в тот день, когда случилось великое землетрясение, и земля вертелась, и многие возносились к Сварге. И тогда кони и волы метались и ревели.

И забрали мы свои стада, и бросились к северу, и спасли наши души. И так, если будем мы хранимы богами, не утратим мы своих сынов, дочерей, а также жен, и будем мы просто

передавать им наследство. И не будем мы сметены, потому что не пойдем впереди рати (Набсура). И дань будет наша. Мы ходили, словно потомки псов, и могли быть горды, что не берегли себя...

...Были они у Карани, и это был маленький город на берегах морских русских. И там был князь, который повелел бить эллинов и отогнать их от Руси. И он снарядил рать и конницу, и пошел на них, и боролся с ними. А эллины плакали о печали своей и просили, чтобы им платили дань. И собирали с них дань — овец на заклятие и вино.

И тогда эллины, видя, что русичи много пьют, решили на них наброситься и побороть их.

И пришел волхв на заклятие и брат его Соловей. И они сказали русичам: "Не напивайтесь этими дарами!" Но русичи их не послушали. И вот напились. И в тот день эллины набросились на них и разбили их. И погибель свою видя, русичи отошли в степи.

И там осели, и силы свои собрали, и пошли обратно на врагов, и победили их, ибо боги нас поддержали, и руки наши укрепили, и мы одержали победу.

И вот бьются враги и так говорят, что они расстригут овец и сами будут тем краем владеть, так как он прекрасный, и они его не отдали.

И вот мы Триглаву молились великому и малому. И тот Триглав предостерегал нас, и быстро он скакал на коне, врагов поражая. И мы увидели то, что боги берут верх над врагами. И увидели, что убитые врагами мертвы. И нам за ними следует убивать и видеть много мертвых тел и то, как великая рать Перунова набросится на них и их разобьет.

И вот Сварог, который создал нас, сказал Орю:

"Сотворены вы из пальцев моих. И будут про вас говорить, что вы — сыны творца, и станете вы как сыны творца, и будете как дети мои, и Дажбог будет отцом вашим. И вы его должны слушаться, и он вам скажет, что вам иметь, и о том, что вам делать, и как говорить, и что творить. И вы будете народом великим, и победите вы весь свет, и растопчите роды иные, которые извлекают свои силы из камня, и творят чудеса — повозки без коней, и делают разные чудеса без кудесников.

И тогда всякий из вас будет ходить словно кудесник, и пропитание для воинов будет создаваться с помощью заклятий. Но воины станут рабами многословия, и от многих тех словес вы лишитесь мужества, и станете рабами дани и золотых монет, и за монеты захотите продаться врагам.

И тогда вам боги скажут:

“Любите завет отца Орея! Он для вас – свет зеленый и жизнь! И любите друзей своих, и будьте мирными между родами!”

И с тех пор было семьдесят князей наших, таких как Мезислав, Боруслав, Комонебранец и Горислав. И тогда иных избирали на вече, а других на вече отлучали, если люди не хотели их.

В то время князи много трудились. И был тогда Къшек велик и мудр. И умер он, а после него были иные, и каждый творил что-нибудь хорошее. И русичи это удержат в памяти, потому что мы всегда их славим на каждой тризне. Трижды почитается память их сыновьями, и никто не смеет об этом забыть, так как получит проклятье божеское и человеческое и люди имя его охают навеки...

...И вот, умом и храбростью окрепнув, пошли мы к восходу Солнца, с обеих сторон реки видя. И там осели, где Матерь Сва указала, и она обе стороны крыльями отвоевала, и также забрала землю ту, и обороняла ее от дасу и гуннов, а также к готам обратила стрелы и мечи отточенные...

...От морских берегов Готского моря шли мы до Днепра, и нигде не видели иных бродяг, таких же, как русские, а видели свободные племена гуннов и языгов. И сами их бояр увидели, которые с нами стали воевать и раздирали нас на части.

От утра до утра мы видели зло, которое творилось на Руси, и ждали, когда придет добро. А оно не придет никогда, если мы силы свои не сплотим, и не дойдет до нас одна мысль, которую глаголет нам глас праотцов. Внимайте ему – и потому ничего другого не делайте! И тогда пойдем мы в степи наши бороться за жизнь нашу, ибо мы – воины княжеские, а не скоты бессловесные, которые не ведают (что творят)...

...В те времена был Богумир – муж Славы, и имел он троих дочерей и двух сыновей. Они привели скот в степи и там

жили среди трав, как и во времена отцов. И были они послушны богам, имели разум, все схватывающий.

И там мать их, которую звали Славуня, им приготавливала все необходимое. И сказала она Богумиру на седьмой день: “Мы должны выдать своих дочерей замуж, чтобы увидеть внуков”.

Так сказала она, и запряг Богумир повозку и поехал куда глаза глядят. И доехал до дуба, стоящего в поле, и остался ночевать у костра. И увидел он в вечерних сумерках, что к нему подъезжают три мужа на конях. И сказали они:

– Здрав будь! Что ищешь ты?

И поведал им Богумир о печали своей. А они ему ответили, что сами в походе, дабы найти себе жен. И вернулся Богумир в степи свои и привел трех мужей дочерям.

Отсюда начало трем родам. И соединились они и славны были. Отсюда идут древяне, кривичи и поляне, ибо первая дочь Богумира имела имя – Древа, а другая – Скрева, а третья – Полева.

Сыновья же Богумира имели имена – Сева, и младший – Рус. От них идут северяне и русы.

Три же мужа были, все три – Утренник, Полуденник и Вечерник...

...И были князья Славе с братом его Скифом. И тогда узнали они о распре великой на востоке и так сказали:

“Идем в землю Ильмерскую!”

И так решили, чтобы старший сын остался у старца Ильмера. И пришли они на север, и там Славен основал свой город. А брат его Скиф был у моря, и был он стар, и имел сына своего Венда, а после него был внук, который был владыццем южных степей.

И крови много там лилось оттого, что была распря великая за посевы и пашни по обе стороны от Дона и до гор русских, и до пастбищ карпатских.

И там они начали рядить и выбрали Кола, и был он для них вождем, а также он отпор врагам творил. И поразил он их, и отбил от них. И о том с родом своим говорил, создав единое вече, чтобы создалась земля наша.

И после стояла земля та пятьсот лет, а затем началась между русскими усобица, и враждовали мы, и силу тратили, и имели между собой беспокойство и разлад.

И тогда пришли враги на отцов наших с юга и сразились с Киевской землей за морское побережье и степи. После отошли на север и стоворились с фряжцами, которые тоже пришли на помощь врагам. И в таком положении Скифия оказалась, и сразилась с вражьей силою, и победила ее. И так были гунны попораны, которые на Русь наступали, и были они в тот раз отбиты. И это был знак: мол, если будем то и ныне творить, это же будем иметь...

...Муж правый не тот, кто совершает омовения и хочет быть правым, а тот, у кого слава и деяния совпадают. Об этом было сказано в древности, чтобы мы всегда творили хорошее, так же как деды наши. И мы вспахиваем полосы и будем со временем весьма славными.

Но Борусь и Русь были разбиты рукой вражеской, и творились тогда злодеяния. И князь наш был немощен, и послал он сынов своих на брань, и полегли они, сраженные врагом, ибо пренебрегли тем, что решило вече. Не уважали (решение) и потому были разбиты, и потому у нас взяли дань.

И не так ли мы решаем ныне: "Князья — суть наши, и не следует им ходить на полдень (на юг), чтобы добывать землю для нас и для наших детей".

А там (на юге) греки нападали на нас, как только Борусь от нас отделилась. И была сеча великая, и много месяцев (она продолжалась). Сто раз возрождалась Русь — и сто раз была разбита от полуночи до полудня (от севера до юга).

И так водили скот праотцы наши, и были отцом Ореем уведены в край русский, потому что, оставаясь, претерпели бы многое. И кончились ранения, и не стало холода, как только дошли до сего места и поселились огнищанами на земле русской.

И вот прошли две тьмы, а за этими двумя тьмами пришли варяги и отобрали землю у хазар, на которых мы работали и кому платили дань.

И еще был народ ильмерский, имевший от ста до двухсот краев. Народ же наш позднее пришел из русской земли и поселился среди ильмерцев. И были они нам братья, подобные нам. И даже если они от нас отличались, все же охраняли нас от зла.

И не раз собиралось вече. И то, что было постановлено, то провозглашалось и принималось за истину. А что не было принято, не должно было быть. Избирали мы князя от собрания и до собрания, и так мы жили и им помогали, и было так.

И много мы знали и делали в очагах сосуды гончарные, взяв хорошей земли (глины), а также мы умели разводить скот, как и отцы наши...

...мы были принуждены укрыться в лесах, и жили мы там охотниками и рыболовами. И там мы могли уклониться от угрозы. Так мы пережили одну тьму — и начали грады и огнищанские села ставить повсюду.

После другой тьмы был великий холод, и мы отправились на полдень (на юг), потому что там места злачные. И там римляне забирали наш скот по цене, которая была нам угодна, и перед нами они держали слово. И отправились мы к южному зеленотравью и имели много скота...

...После пошли к озеру Ильмень и там основали Новгород. И отныне мы здесь пребываем...

...Подробнее о начале нашем мы расскажем так.

За тысячу пятьсот лет до Дира прадеды наши дошли до Карпатской горы, и там они осели и жили спокойно, потому что роды управлялись отцами родичей, и старшим в роде был Щеко из иранцев.

И Паркун нам благоволил, и тут мы стали чехами и так жили пятьсот лет, а потом ушли от чехов на восход Солнца, и шли до Непры (Днепра). Река же та течет к морю, и мы у нее уселись на севере — там, где (речка), именуемая Припятью, втекает (в Днепр). И там мы поселились, и пятьсот лет вечем управлялись, и были богами хранимы от многих, называемых языгами.

И было там много ильмерцев — оседлых огнищан. И так мы скот водили в степи и там были хранимы богами. Может быть, это предвидел отец Орей — что мы будем иметь много золота и будем жить богато...

...И вот языцы отошли на полдень (на юг) и оставили нас одних. И так шли мы туда, куда выводят скот и быков наших. И вешали тут птицы Сирины, во множестве прилетая к нам. И галки, и вороны над едой летали, и было в степях много еды, так как напало на нас племя костобокых.

И открылись многие раны, и пролилась кровь. Те внезапно отсекали головы врагам своим, и их ели вороны.

И так Стрибы свищут в степях, и бури гудят до полуночи. Небезопасна была та сеча великая. Языци и костобокие разили и со злобой утекали и воровали быков наших. И так продолжалась эта борьба двести лет.

И наши родичи тогда ушли к ляхам и там осели за сто лет до готов Германареха. А те озлобились на нас, и тут была борьба великая, и готы были потеснены и отогнаны к Донцу и Дону. И Германарех пил вино за дружбу с нами после наших воевод. И так была утверждена новая жизнь...

...Смотри, Русь, как велик ум божеский, единый с нами, и ему творите (славу), и провозглашайте ее с богами воедино... Бренная есть наша жизнь, и мы сами — также, и словно коням нашим, нам придется работать, живя на земле с тельцами и овцами в сытости и убегая от врагов на север...

...Мы должны сражаться и животы положить за землю нашу. Она тянется от нас до полян, и дреговичей, и русов, тянется до моря и гор, до степей полуденных. И это есть Русь. И только от Руси мы имели помощь, потому что мы — Дажбоговы внуки. Мы молили Патара Дья, чтобы он низверг огонь, чтобы он позволил Матери Сва славу принести на крыльях своих праотцам нашим.

И ей мы песни поем возле костров вечерних, где мы рассказываем старыми словами о славе нашей, о святом Семиречье нашем, где мы имели города, где отцы наши сражались. И ту землю мы покинули, идя к земле иной, где мы должны теперь удержаться. И в древности мы взяли Голунь нашу, и в этой земле сотворили и города, и села, и очаги.

И вот омоем телеса наши и души наши, чтобы была чистою Русская Голунь, где сильно бьются и на врагов наводят страх и изумление. Ибо от пастбищ, где овцы ходят, простирается земля на день пути от нас до иных, где творится иное, где были мы в старые времена, где одолели нас. И там мы узрели руку, угрожающую нам, и видели суровый день, который хотел крови. И мы ее прольем на землю свою русскую... В русских городах камни вопиют нам, и мы решились идти и смотреть смерти (в глаза)...

Почтите сына моего, который умер за нее...

...И когда после готской войны обрушилась Русколань, мы ее оставили, и притекли к Киеву, и уселись на земле той, где мы вступили в борьбу со степными врагами. И тут мы оборонялись от них.

И так было через тысячу триста лет после века Кия, через триста лет после жизни в Карпатах и тысячу — после основания Киева. Тогда одна часть ушла к Голуни и там осталась, а другая (дошла) до града Киева. И первая — это русколань, а другая — те, которые сурень чтили, ходили за скотом и стада водили десять веков по земле нашей (т.е. сурожцы?).

И вот та Голунь была градом славным и имела триста городов сильных. А Киев-град имел меньше: десять городов на юге, немного сел — и все. А до этого все роды их были в степях на юге, они сеяли, жали сито. И там отдавали (продукты) грекам в обмен на золотые цепи, монеты и ожерелья. И сами носили их в обмен на пиво и вино и разводили овец для этого обмена.

И те русы создали на юге град сильный Сурож, который не создать грекам, но они его разрушили и хотели русских побить, и потому мы ходили на них и разрушали села греческие. Злины же сии — враги русколанам и враги богам нашим. В Греции ведь не богов почитают, а людей, высеченных из камня, подобных мужам. А наши боги — суть образы.

И когда бились с готами, которые надевали на головы свои воловьи и коровьи рога, и кожами облекали чресла свои, и мнили этим утратить русских, тогда мы снимали свои портики, и, оголя чресла свои, шли в бой, и их побороли. И с тех пор мы ходим оголенными на сражения и побеждаем.

И также, когда греки стояли, боясь вынуть меч из ножен, они были измождены своим одеянием, и были словно жертва, которая должна пасть на землю, и та будет пить ее кровь, когда из нее при умерщвлении будет исходить жизнь...

...Когда наши прашуры сотворили Сурож, начали греки приходить гостями на наши торжища. И, прибывая, все осматривали, и, видя землю нашу, посылали к ним множество юношей, и строили дома и грады для мены и торговли.

И вдруг мы увидели воинов их с мечами и в доспехах, и скоро землю нашу они прибрали к своим рукам, и пошла

иная игра. И тут мы увидели, что греки празднуют, а славяне на них работают. И так земля наша, которая четыре века была у нас, стала греческой. И мы сами оказались как псы, и выгнали нас оттуда камнями вон. И та земля отречилась. И теперь мы должны были снова ее доставать, проливая кровь свою, чтобы она опять стала родной и богатой.

И летела в небе Перуница, и несла рог славы, и мы его выпили до дна. И витязей у нас стало в десять раз больше, чем у врагов наших. И та Перуница сказала:

“Как же вы, русские, проспали пашню свою? С этого дня вы должны бороться за нее!”

И тогда Сурья сказала:

“Идите, русские, и делайте это!”

И когда мы пришли в край свой, то ударились в (городскую) стену, и проделали в ней дыру для себя и для наших, и оказались тогда сами у себя. (И решили:)

“Кому присудил Перун, тот попадет в рай — есть яства вечные в Сварге. Быть может, мы сегодня погибнем, но мы не имеем иных ворот к жизни. И лучше быть мертвым, чем быть живым и рабствовать на чужих. И никогда не живет раб лучше деспота, даже если тот ему потакает. Мы должны были слушать князей наших и воевать за землю нашу, как она говорит нам”.

И тут Индра пришел к нам, чтобы мы сохранили свою силу в бою и стали твердыми, чтобы витязи наши одолели, ибо сила наша — божеская, и нам не быть побежденными на поле.

Принесли мы жертвы богам своим на Руси, и гадали, смотря на полет птиц, и увидели, что враги должны быть повержены долу в прах и в кровь.

И если мы кольцо (стен) пробить осмелимся, то за ним окажутся греки, которые не имеют силы, ибо они обабились — и мечи имеют тонкие, и щиты легкие, и скоро они устают и на землю бросаются по слабости своей. И не успевают получить помощь от василийцев, и потому они должны будут сами встать на защиту свою.

И та Сурож нашей была — и станет нашей, и не должны мы их слушать.

Они говорили, что установили у нас их письменность, чтобы мы приняли ее и утратили свою. Но вспомните о том

Иларе, который хотел учить детей наших и должен был прятаться в домах наших, чтобы мы не знали, что он учит наши письма и то, как приносить жертвы богам нашим.

И я вам поведал о том, что вы победили греков. И будет так, как было, ибо я ясно видел Кия — отца нашего, и он сказал мне, что мы уничтожим их, и унизим Хорсунь — для нас постыдную мерзость, и будем великой державой с князьями нашими, городами великими, несчетным железом, и будет у нас без числа потомков, а греков уменьшится, и будут они на быстрое дивиться и качать головами.

Делайте так, ибо будут у нас и грозы многие, и громы гремящие, и два (княжества) объединятся, и встанет другое новое. И так мы победим окончательно, утвердимся навеки. Много дадут нам боги, и ничто нас не унижит. Встаньте, как львы, — один за одного! И держитесь за князя своего. И Перун будет с вами и даст вам победу.

Слава богам нашим до конца веков! И земле той — Руси отцовской, земле нашей — всяких благ! И так будет всегда, ибо эти слова от богов...

...И вот храбрый поборол ту злую силу — обе сотни опоясанных воинов. И мы должны были сохранить порванные одежды и поставили для богов хранилище. И приходили к стене дубовой и к другой стене — и там хранили подвиги наших богов.

Мы имели много хранилищ в Новгороде на реке Волхове, имели и в Киеве — граде в Божьих лесах. А также имели на Вольни дулебское хранилище и в Суроже на синем Сурожском мире.

И это великое оскорбление для нас, что в сурожских хранилищах, добытых врагами, боги наши повержены во прах и должны валяться, так как русичи не имеют сил, чтобы одолеть врагов в бою.

И мы имели рваные одежды такие же, как у странника, который ходил ночью по лесам и порвал одежду свою на куски. Так же и русские имели лохмотья на теле русском. И мы не берегли одежды, лишь стремились славить богов, которые не приемлют от нас жертв, потому что они раздражены нашей леностью...

...И это также русские, которые избирают своих князей. Это делалось в каждом роде, а роды давали от каждого племени своего князя, а князя избирали старшего князя. И тот был вождем в сражениях. И так мы жили в земле той до тех пор, пока враги не пришли к нам и не разбили нас.

Это Греция пришла на ту землю, и осела на ней, и не заботилась о Руси. И вот русы вынули мечи, и напали на греков, и отогнали их от своих морских берегов. И тогда греки привели рати, защищенные железными бронями. И была сеча великая, и вороны там граяли при виде человечины, разбросанной по полю. И ели они останки, и граяли враны над врагами, и великий грай стоял в поле том. И ели они останки греческие, русские не трогая. Там они защиту имели, так как боги не желали гибели русских...

...И вот Германарех пришел на север к нам, и мы должны были оборонять земли свои, а также идти на него, ибо готская земля — наша. Ее белогоры сеяли и усеивали костями своими и кровью своей поливали — и потому она наша...

...А в те века мы управлялись родами и князьями. И был князь Бравлин, который отобрал у эллинов берега морские. И после битвы мы пришли жить туда, и там разводили скотину, и скифам давали попасти скотину в степях. И тогда терпели беду они, потому что греки снова сидели в Голуни, а когда приходили в города — злобствовали на нас. В те времена мы ушли прочь на север, и там были двести лет, и там мы остались с тех пор и доньше...

...И тут родичи начали делить — кому быть старшим. Кий отошел к отцам и праотцам умершим. Кий ушел от нас — и притекла беда. И тут великая свара одолела русских, которые принялись биться за разделение — и разделились. И тут греки от своих земель жать стали. А мы на битву не имели сил, чтобы сойтись в крут и по крыльям. И всякий был сам по себе, поглядывая на соседей своих. И от того веры не имели, что мужи, идя к сече и идя обратно, принимались браниться — мол, при походах Кия было лучше, при Кие с вечера заранее шла речь о победе. И тогда пели о походах отцов своих о том, что когда Русколань пала ниц из-за сражений с готами и гуннами, тогда создалась Киевская Русь и Антия, и готы этого устрани-

лись и ушли вон к своему краю. И мы ведали про два края — один вендов, а другой — готов. И тут готы пришли к нам, и готы эти усилились, а венды ослабели. А вокруг нас была чужь, а также была литва, и они назывались ильмами, а от нас они были наречены ильмерцами...

...От Орея — это общий наш отец с борунами — от Ра-реки (Волги) до Непры (Днепра) роды управлялись родичами (старейшинами) и вечем. Всякий род назначал себе родича, который был суть правящим. А когда мы пошли к горе, тогда (избрали) князя, воеводу над людьми, чтобы он воевал с врагами во славу Перуна.

И это Дажбогова помощь возвратилась к нам! Так земля та стала русской из-за борьбы русов и борусов. И великая непрестанная битва шла во всякий час. И многие были в то время убиты, но вражий натиск был в то время окончательно сокрушен.

И тут Германарех пришел к нам и напал на нас. И так нас сровняли с землей, когда мы бились. И пришлось нам из-за готов между двух огней тлеть и воспламеняться. И тут пришла великая беда, и живо наше было спалено, и не осталось селения, где бы не было дыма и пепелища.

И тут прилетела к нам птица божеская и сказала:

“Идите на полночь и набросьтесь на тех, которые приходят к селам нашим и пашням”.

И так сотворили мы — ушли на полночь, и постарались (бороться) с ними. И в этой распре мы их победили. И так пришли мы к ним, и встали станом на реке Дон — там, где были римляне, и так набросились на них и бились много. Тут некоторые хотели нас быстро опростоволосить — и вместо этого сами опростоволосились. И тут была тьма опростоволосенных воинов. Великие шли снега, голод мучил наших людей, оставшихся у реки и лишившихся всего. В тот раз волки страдали, потому что не могли заглатывать тварей (лесных)...

...Так сто двадцать лет (продолжалась) война. Готы пришли “на плечах” гуннов, и (отошли) на полночь, и осели между Ра-рекой (Волгой) и Двиной.

Германарех и Гуларех привели их в новые земли, ибо гунны с бредущими быками своими стали станом в том краю.

Там было много коней и быков, трава злачная, вода живая. И тут Гуларех привел новые силы свои и отразил главные силы гуннов, многие их которых текли на нас.

И тут родичи собрались на конях идти на них. И была суровая сеча там тридцать дней. И русы пустили готов в свои земли. И от этого злые пошли времена.

Напали на нас римляне... ополчились и готы с севера и с юга. И тогда великая кровь лилась... И там борьба была... Там много травы полегло, угодной богам и людям.

И вот не могли мы ни к чему иному прибегнуть, кроме как выбрать князя из вождей, который был бы от осени до весны и которому мы платили бы дань от полюдья...

...Сотекайтесь и идите, братья наши, племя с племенем, род с родом, и сражайтесь — как это и надлежит нам — за себя на землях наших. И никогда не должно быть по-иному! Ибо мы — русские, славящие богов наших песнями нашими и плясками, и зрелищами, которые мы устраиваем во славу богов.

И вот мы осели на землях и начали перстами прикладывать ее к ранам своим и толочь ее. И после смерти представляли перед Марморой, которая рекла нам: "Я не буду винить того, кто наполнен землей, и не могу его отделить от нее". И боги, находящиеся там, после нее говорили: "Оттого ты русич и останешься им, что набрал землю в свои раны и принес ее в Навь".

В те времена, пока князей избирали, многие вожди и князи были. И всякое то княжение на вече утверждалось простыми мужиками. И так постановляли: "Землю пашите — себе, а князь пусть, согласно решению, защищает людей". А хлеб, и еду, и все, что нужно для жизни, он от своих людей каждый день имел. (Ныне же) иные князи и подати берут, и сынам своим власть дают от отца к сыну и также от деда к правнуку...

...И бросается на врагов, бьет крыльями мать Сва и кличет нам, чтобы мы шли за землю нашу, и бились за очаги нашего племени, ибо мы — русичи.

Собирайтесь и теките, братья наши, — племя за племенем, род за родом! И боритесь с врагами на земле нашей, как и надлежит нам и никогда иным. Здесь и умрите, но не поворачивайте назад! И ничто вас не устрашит, и ничего с вами

не станется, потому что в руках Сварожьих. И он поведет вас во всякий день к схваткам и сражениям многим.

И каждый раз, когда приходил враг на нас, мы сами брали мечи и одерживали победы.

Было возвещено от Матери Сва, что будущее наше — славно. И мы притекали к смерти, как к празднику. Было предсказано это нам в старые времена, когда у нас были храмы свои в Карпатах, когда мы принимали купцов — арабов и иных. И те гости почитали Радогощ, и мы брали в те дни пошлину и собирали ее честно, потому что чтили богов. И нам было повелено чтить их. И мы имели на то указание в наше время, чтобы мы не принимали шаткую (веру) и отцам нашим почести воздавали, а не просто от безделья приходили к деревьям.

И будут руки наши утруждены не от плуга, а от тяжелых мечей, так как нам повелено идти к границам нашим и стеречь их от врагов.

И вот думы, въздымаясь, текут к небу. И это означает скорбь великую для отцов, детей и матерей наших. И это означает — пришло время борьбы. И мы не смеем говорить о других делах, а только об этом. И вот пришли варяги к Днепру, и забрали землю нашу, и увели людей. И земля теперь под ними...

...И вот был Воронежцем местом, где готы усилились. А Русь там билась, и в том граде нас было мало. И так после битвы, сожегши его в прах, и пепел ветрами развеявши во все стороны по полям, (готы) место сие оставили.

Не благословляйте ту землю русскую! Не озирайтесь на нее, но и не забывайте ее!

Там же кровь отцов наших лилась, и потому мы по праву приходили туда. И от этого Воронежца слава течет по Руси, и ее Сварог имеет.

Берите ее всеми силами, возвратите ее со своими князьями, освободите блаженную русскую землю! Ибо это прекрасные пашни, которые могут дать пропитание — ругу для князей и для огнищан — их слуг. (Сделайте так, чтобы) от нее имели те, кто освободит ее в сече, ругу особую — еду и питье, которую будут давать от своего времени и до смерти.

И полегли они. И так многие сложили кости свои на равнине, и мы получили урок так же, как анты во времена Ме-

зенмира. И мы, славу похоще богам, так и называемся славянами, мы никогда не просили ничего, лишь славу пели. И когда моление творили, омывали телеса наши и рекли славу, а также...

...И был в степи боярин Скотень, живший своим трудом, и не попал он под власть хазар. И потому что был он иранцем, он попросил помощь у иранцев. И они прислали конницу и разбили (хазар). Рассказывают, что некоторые русичи остались под хазарами, а некоторые добрались до града Киева и там поселились. Те же русичи, кто не хотел ходить под хазарами, пошли к Скотеню.

И так Русь собралась на равнине. Иранцы издревле с нас не брали дань, а также разрешали русским жить по-русски. А хазары русичей брали на работы, взимали с нас дань, и брали и детей, и жен, и очень зло били, и творили зло.

И тут готы пришли и напали на Русь, а Скотень был рядом... И он препоясался мечом, и пращурьы наши выступили против них, и тогда иранская конница потекла к ним и разбила готов. И были готы рассеяны и бежали с поля, ибо кровь тут лилась русская, черемная. И землю ту мы забрали. Растекалась Русь в готской земле, и мечами мы уничтожили всякого, и земли их себе присвоили.

И тут хазары напали на нас, утративших вече, и "пожали" нас. И тут русичи ринулись в битву, как львы, говоря: "Мы пропали, если о нас не позаботится Перун". И он помог нам. И готы были побеждены, а до них первыми — хазары были низвержены в прах и рассеяны. И тут Русь затихла, но говорили мы: это ли еще будет...

Хазары же убежали до Волги, Дона и Донца. И там срам они поимели, и повергли мечи свои в землю, и потекли куда глаза глядят.

И в тот раз готы переместились, и отошли на север, и там изгнали язов, идя далее, ибо Русь устроилась на их земле, взятой и реками русской крови политой...

...А в другое тысячелетие мы подверглись разделению, и тогда убьло самостоятельности и пришлось отрабатывать чужим дань; вначале — готам, которые крепко нас обдирали, а затем — хазарам, которые убивали.

Явился каган, и он не радел о нас. Вначале он пришел с купцами на Русь, и были они велеречивы, а потом стали злы и стали русичей притеснять.

И мы стали говорить: "Куда мы пойдём от них? Где будем мы вольными? Мы сиры весьма, и рука божеская от нас от-вратилась, ибо тысячу двадцать лет не могли мы сотворить Русь, и потому к нам пришли варяги и забрали у нас эти места".

Мы — сыновья великой Руси, которая создавалась от севера, так как не было у нас иной возможности. Мы собрались в лесах ильмерских, куда пришла небольшая часть людей из Киева, ибо в нем уселись варяги, которые суть — хищники, повесившие Свентояров. И сделали они это, чтобы увидели мы тело боярина Гордыни нашего, который поразил готов вместе со Скотичем. И было это славное деяние после прихода славянских людей на Русь после десяти столетий и трех лет, ибо, наглея и грабя, они на нас напали.

И было это, когда Свентояр, один из князей, которого выбрали борусичи в Русколани, взял русколани, и (алан?), и борусов, и вооружил их, и пошел на готов из Воронежа, и было их десять тысяч отборных конных воинов и ни одного пешего. И так набросился на них, и была сеча злой и краткой. И она становилась все суровой к вечеру, и готы были поражены...

...И вот после тысячи трехсот лет от Карпатского исхода Аскольд злой пришел к нам. Тут согнулся народ мой от ладони его, и сделал он так, что любой пошел под стяги наши. Захвачены врагами мы можем быть на Руси, но Сварог — Бог наш, а не иные боги, а без Сварога мы не имеем ничего, кроме смерти. А она не страшила нас, коль мы на нее были обречены, ибо Сварог звал нас, и мы шли к нему.

И вот мы шли, ибо Мать Сва пела песнь ратную, и должны мы были ее слушать, чтобы не пришлось отдавать грекам наши травы и скот наш. А они нам каменья дают грызть, потому что у нас зубы очень твердые и острые.

Это нам говорят сами враги, что мы страшно рычали по ночам на людей, которые суть греки. И спрашивали нас народы: кто есть мы? И мы отвечали им, что мы — люди, не име-

ющие края, и правят нами греки и варяги. И что же мы поведаем детям нашим, которые нам будут плевать в глаза — и будут правы?

И вот дружина собралась под наши стяги, и скажем мы всякому, что не должны мы есть, будучи на поле брани, чтобы мы отбирали греческую еду, а не брали то, что не съедем (с собой). Ибо Матерь Сва поет над нами, и должны мы стягам нашим дать трепетать на ветру, а коням нашим — скакать по степям.

И подняли мы прах военный за собой и дали врагам вдохнуть его. И в тот первый день сечи имели мы двести убитых за Русь. Вечная им слава! И приходили к нам люди, но не имели мы бояр, чтобы прийти... и справиться тризну славную по врагам.

Налетим соколами на Хорсунь, чтобы взять еду, и добро, и скот, но не будем греков полонить. Они же нас знают как злых, но мы — добрые на Руси. И не будет с нами тот, кто, взяв чужое, говорит, что делает добро. И не будем мы такими, как они, ведь нас ведет наша Ясунь, и потому постараясь трудами нашими победить всех врагов до единого.

Словно соколы нападем на них и бросимся в грозную битву, ибо Матерь Сва поет во Сварзе о подвигах ратных. Мы ушли от своего дома и потекли мы на врагов, и дали им отведать русского меча, (и увидели они), как секут ясуни.

Не говорите же, что мы не могли ничего иного делать, а только идти вперед. Не должны мы это говорить, ибо не могли мы повернуть вспять перед (Матерью) Сва. И быстро мы шли, а кто быстро идет, тот имеет славу, а кто идет потише, на того вороны каркают и куры кличут. Но мы не быки, а русы чистые...

...И вот мы покорились иным, потому что был голод и мы были сирыми и нищими. Те же железо наточили, чтобы наши животы вспороть. От этого все и произошло, и потому были сирыми и нищими. Аскольд и Рюрик по Днепру ходят и людей наших вызывают на бой. Но так как мы Дира имели у себя, мы не хотели сами идти к ним.

И это будет нам уроком, чтобы мы осознали наши ошибки, чтобы все было иначе в наше время.

И вот Аскольд воинов своих посадил на ладьи и пошел грабить в другие места. И стало так, и пошел он на греков, чтобы уничтожить города их и приносить жертвы богам в их землях. Но нам не следует делать так, ибо Аскольд не русич, а варяг, и хочет он попрасть мощь русскую, но погибнет, делая зло. И Рюрик не русич, потому что он, как лис, рыскал с хитростью в степи и убивал купцов, которые ему доверялись.

Мы на старые погребалища ходили и там размышляли, где лежат наши пращурсы под травой зеленой. И теперь мы поняли, как быть и за кем идти...

...Было возведено от Матери Сва, что будущее наше — славно. И мы притекали к смерти, как к празднику. Было предсказано это нам в старые времена, когда у нас были храмы свои в Карпатах, когда мы принимали купцов — арабов иных. И те гости почитали Радогощ, и мы брали в те дни пошлину и собирали ее честно, потому что чтили богов. И нам было повелено чтить их. И мы имели на то указание в наше время, чтобы мы не принимали шаткую (веру) и отцам нашим почести воздавали, а не просто от безделья приходили к деревьям.

И будут руки наши утруждены не от плуга, а от тяжелых мечей, так как нам повелено идти к границам нашим и стеречь их от врагов.

И вот думы, въздымаясь, текут к небу. И это означает скорбь великую для отцов, детей и матерей наших. И это означает — пришло время борьбы. И мы не смеем говорить о других делах, а только об этом. И вот пришли варяги к Днепру, и забрали землю нашу, и увели людей. И земля теперь под ними.

Не угоняйте людей! А если не согласитесь на это, испробуйте наши мечи. Отвадьте Рюрика от земель наших, гоните его с глаз долой туда, откуда пришел.

И вот границы наши врагами сокрушены, и землю нашу попирает враг. И это обязанность наша (защитать землю), и мы не желаем иной рати...

...Время было весьма спокойное, дни же те были ясные, и сушь была у нас суровая. И потому жатва та не уродилась, и мы ушли в иную землю и там задержались.

Русь была растоптана греками и римлянами, которые шли по берегам морским до Сурожи. И там создали они сурожский

край, ибо там был град Сурожь, подданный Киеву. И было это создание не добрым, а злым, потому что из-за него начались битвы.

И тут впервые варяги пришли на Русь. Аскольд силою разгромил нашего князя и победил его. Аскольд, а после него — Дир уселись у нас как непрошеные князья. И они начали княжить над нами и стали вождями самого Огнебога, очаги хранящего. И потому отвратил он лик свой от нас, что мы имели князя, крещенного греками. Аскольд — темный воин и так сегодня греками просвещен, что никаких русов нет, а есть варвары. Но мы это могли осмелеть, так как были же кимры, также наши отцы, и они римлян потрясали, а греков разметали, как испуганных поросят!..

...Тот вождь предлагал по его потребности. Но тут наступала или засуха, или иная беда. А этот Аскольд приносил жертвы чужим богам, а не богам нашим, как было заведено отцами нашими — и не должно быть по-иному!

А греки хотят нас окрестить, чтобы мы забыли богов наших и так обратились к ним, чтобы стричь с нас дань, подобно пастырям, стекающим в Скифию.

Не позволяйте волкам похищать агнцев, которые суть дети Солнца!

Трава зеленая — это знак божий. Мы должны собирать ее в сосуд для осушивания, дабы на собраниях наших воспеть богов в мерцающем небе и отцу нашему Дажбогу жертву творить. А она в Ирии уже священна во сто крат...

РЕЛИГИЯ СЛАВЯН — ДУША НАРОДА

Религия славян складывалась на протяжении тысячелетий. Ее формировала окружающая среда, окружающий славян мир. Славяне за свою многотысячную историю прошли через все. Они испытали поражения и возрождения, живя в разных местах — от Алтая до Великобритании. Их теснили не только другие народы и племена, но и природная стихия, внезапно выступающая в облике смертельного врага. В таких условиях сохранить жизненный дух и здоровье, не упадническое начало, можно было только одним путем — правильно вписаться во все происходящее, в действующие в природе, во Вселенной законы. Знания об этих законах давались нелегко, по крупицам. Но их берегли и преумножали. Они служили для разработки правил поведения каждого человека в отдельности и всего племени в целом. Они служили руководством к действию, к правильной организации жизни всех и вся. В этих условиях человек сумел правильно понять свое место в окружающем его мире. Он четко знал, что с природой надо жить мирно, по-братски, не обижая, и не побеждая ее. Тогда человек правильно воспринимал и единство всего мира и то, что этот мир управляется едиными для всех без исключения законами. А раз есть единые для всей Вселенной законы, значит есть и единый Творец этих законов, единый Вседержитель, на котором все в мире держится. Пришло четкое понимание того, что этот Вседержитель не может быть личностью. Это субстанция,

которая пронизывает все и вся, содержится во всем, проявляет себя во всем. Наш предок чувствовал себя частицей этого "всего" и строил свою практическую жизнь исходя из этого очень непростого тезиса.

В наше время человеческая цивилизация зашла в тупик именно потому, что человек не придерживается этого принципа. Он решил, что ему разрешено все, и поэтому решил победить природу. В результате он привел в непригодность всю окружающую среду, разрушив озоновый слой, загрязнив воду, недра и воздух вредными для живого веществами и радиоактивными отходами. Только сейчас современный человек начал понимать, что надо что-то делать, как-то менять ситуацию. Он заговорил об альтернативной цивилизации, о том, что пора одуматься и относиться к природе по-божески.

Наш предок был умнее. Да, собственно, иначе он бы не выжил. Он создал систему правил поведения для себя, которую не разрешал нарушать никому. Тогда не говорили о правах человека и о пресловутой свободе личности. Тогда все племя, весь народ жил как единый организм и не стоял вопрос о том, чтобы дать свободу личности в ущерб интересам всего народа, в ущерб окружающей природе.

Законы поведения, которые вырабатывал наш предок, принимали форму культов. Так создавалась культура, цементирующая общество, делающая его жизнеспособным. И в этой культуре не было абсолютно ничего, что бы было "высосано из пальца", придумано просто так. Здесь все целесообразно и жизненно. Поэтому религии, народной традиции следовали в течение тысячелетий. Утратив свои традиции, народ погибает, рассеивается, теряет свое лицо, свою силу, свою самобытность, свой живительный дух.

Под угрозой такой гибели находился славянский народ (русский народ) и тысячу лет назад, когда князья в борьбе с собственным народом решили сломать народные традиции, народную религию, которая, кстати, была абсолютно правильной. Наши предки – язычники верили в единого Бога Вседержителя, не приносили жертв никаким идолам, были высокоморальными благодаря предписаниям языческой религии. Почему же князья русские пошли на такое самоубий-

ство? Только потому, что это было нужно им для укрепления собственной власти над собственным народом. Князьям нужно было подавить демократию внутри общества. Им надоело подчиняться решениям вече, и лучшим способом было призвать монархическую силу из-за границы. Самой выраженной монархической силой в те времена была христианская церковь, которая давно отошла от демократических принципов, от принципов выборности и голосования. В христианской церкви действовал принцип: не пастыри для верующей общины, а община для пастырей. Именно в интересах властьпредержащих было проведено крещение Руси, которое обернулось ужасными страданиями (и не только духовными, но и физическими) народа с богатейшей культурой, традициями, с правильным представлением об окружающем его мире.

Все это самоуничтожение надо было чем-то оправдать. Поэтому появился миф о дикой Руси, которой Запад принес светоч знаний и культуры, о неспособности русских создать свою государственность без вмешательства (помощи Запада) и т.д. Русская православная церковь до сих пор считает своей главной заслугой перед русским народом – создание государственности на Руси. Почему-то все забыли о том, что государственность (и далеко не худшая) была на Руси за тысячи лет до крещения.

Князья затоптали в грязь религию своего народа, и это вернулось к ним бумерангом через тысячу лет. Да, собственно, и значительно раньше. Стройность веры была нарушена, и практически все последнее тысячелетие прошло под знаком борьбы (духовной и физической) с собственным народом. То, во что верил народ, заплывывалось и искажалось. Добрые боги представлялись злодеями, хорошие обычаи изображались как служение демонам. Все это не могло не сказаться на духе народа. Насилие все больше и больше заполняло Русь, Россию, пока оно, переполнив чашу, не вылилось на всех, в том числе и на саму Православную церковь. Так прошло еще почти сто лет, и мы стоим у "разбитого корыта". Заманить народ в Православие уже трудно, а восстановить язычество – невозможно. Это значило бы восстановить мораль, главные человеческие ценности, восстановить дух некогда единого, монолитно-

го, сильного народа. Специалистам остается только заявлять, что "язычество нужно изучать как древнейший период нашей культуры, жизни наших пращуров, что укрепит наш дух, даст каждому из нас прочность духовно-национальной почвы, которая поможет выстоять в самые тяжелые моменты бытия".

Мы разделяем эту веру, поскольку иначе не только выстоять, но и жить невозможно.

Приведенная выше цитата принадлежит А. Баженовой.

ЯЗЫЧЕСТВО — РЕЛИГИЯ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Единый Бог, Вседержитель у разных славянских племен имел разные собственные имена: Яровит, Световид, Ригевит, Макошь, Златая Баба, Дидилия, Зизя и т.д.*

Одним из наиболее известных богов восточнославянских племен был Дажбог. В "Слове о полку Игореве" сказано, что все русские являются внуками Дажбога. Как и в других религиях, родословная людей доводилась до самого главного бога. Или, другими словами, главный бог считался дедом, предком, пращуром, прародителям. Этот главный бог был дающим, подателем земных благ. Он охранял свой род. Этот главный бог дал человеку все: солнце, тепло, свет, движение (как движение в природе, так и календарное движение — смену дня и ночи, времен года, лет и т.д.). Этот главный бог обозначал практически все, весь мир, всю Вселенную. Этот бог, как и все родовые боги, нес светлое мужское начало, небесное начало. Женское начало считалось земным, рождающим и почему-то темным. Дажбога еще называют "огонь Сварожич". Сварог — это бог неба (в понимании космоса). Поэтому Дажбог как "огонь Сварожич" означает огонь (свет) небесный.

* Поскольку в прошлом ученые по-разному представляли славянских богов, мы не стали выводить некие средние образы, а даем многоплановую картину богов. При этом повторы неизбежны.

Хранителем и подателем добра, удачи, справедливости, счастья и вообще всех благ является Белбог. Отсюда слово "благо". В связи с этим богом очень любопытно происхождение слова "правосудие". Белбога изображали с куском железа в правой руке. Отсюда "право". Дело в том, что славянам издревле был известен способ восстановления справедливости путем испытания жезлом. Испытание проводилось так. Тому, кого подозревали в каком-либо проступке, давали в правую руку раскаленный кусок железа. Надо было пройти с железом в руке шагов десять. Невинным (правым) признавали того, чья рука после этого испытания оставалась невредимой. Таким образом, верховные славянские боги были и Высшими Судьями, Совестью, Ревнителями Справедливости. Они также несли функцию Бога Карающего, который охранял род от нравственного падения.

Собственно, из язычества очень много утеряно. Сохранились крохи, поскольку язычество вытеснялось христианством и государством в течение тысячелетия. Оно не только вытеснялось и разрушалось, но и искажалось. Оставались языческие свидетельства только в глубинке. Примером этого служит четырехликая статуя Световида и его храм. Этот языческий храм существовал вплоть до XII века, и поэтому сохранилось его описание, а также описание ритуала празднества в честь Световида. Эти празднества были приурочены к окончанию жатвы, проводились они в августе. В дар богу приносили собранные с полей, садов и огородов плоды. Световид стоял с "рогом изобилия". Его наполняли молодым вином, которое символизировало надежду на хороший урожай будущего года. В жертву Световиду приносили множество молодых животных. Но это была разумная "жертва". Животных не сжигали на жертвеннике, а просто тут же съедали во время пира. Таким образом, это был праздник урожая.

Бог Световид был хорошо известен не только восточным, но и западным славянам. Он был высшим богом, всеобъемлющим, охватывающим "весь белый свет". Кстати, игры в честь бога Световида назывались у всех славян (русских, украинцев, белорусов и во всем славянском мире) одинаково – "святки".

Бог Ругевит был верховным богом одного из славянских племен на острове Ругене. Рути (луги) – название племени. Слово "вити" означает жизнь. Таким образом, Ругевит состо-

ит из тех же двух слов – свет и жизнь. Статуя Ругевита на острове была сделана из огромного дуба. Здесь же находился храм Ругевита, стены которого были сделаны из красных ковров или красных тканей. У этого бога было семь лиц, а на его поясе висели семь мечей с ножами. Один меч бог держал в правой руке. Это и понятно, поскольку Ругевит стоял на страже жизни своего племени.

Этих богов, самых верховных, считали одновременно своими предками, пращурами, воинственными защитниками и покровителями племени, своего рода и народа. Их изображали с ярко выраженными мужескими атрибутами, воинственными, всевидящими небесными предками племени. Поэтому к именам самых храбрых князей, настоящих мужчин приставляли приставки "яр", "буй", "тур".

Что касается наиболее широко известного языческого бога Ярило, то представление о нем, как о боге Солнца, принципиально неправильное. Корень слова "яр" однозначно связывается с мужской силой, мужским семенем, с рождением. Во время празднования летних святок изготавливали из травы чучело Ярилы.

Что же касается бога Солнца, то им был бог Хорс. Наиболее широко он известен у южных славян, где больше солнца. В "Слове о полку Игореве" говорится о том, что князь Всеслав, пробираясь ночами в Тмутаракань, "великому Хорсави волком путь перерыскаше". Это значит, что князь успевал до восхода солнца. По-видимому, южный город Корсунь также назван в честь бога Хорс (Хорсунь). Название бога происходит от корня "хоро", что значит круг, солярный знак солнца. Отсюда образовались и слова "хоровод", "хоромы" (круговая застройка двора). Круг обозначает и слово "коло". В современном украинском языке коло – это окружность. От слова "коло" происходит "колесо", символ солнца. Неудивительно, что жившие на юге праславяне называли себя потомками солнца (бога Солнца) – скототами. Их самый известный царь носил имя Колокай (царь солнечного народа, народа, происходящего от солнца).

Богу солнца Хорсу посвящены два очень больших праздника язычников. Это день летнего солнцестояния в июне и день зимнего солнцестояния в декабре. В летний праздник Хорса с

горы к реке обязательно скатывали тяжелое колесо — солярный знак солнца. Это должно было означать откат солнца на зиму. В декабрьский праздник Хорса чествовали Коляду, Ярилу и др.

Коляда тоже происходит от корня "коло". Само слово Коляда является уменьшительно-ласковым. Это солнце-младенец. Его представляли или мальчиком, или девочкой. Собственно, для детей род не имеет значения. Тем более что солнце вообще среднего рода — "оно". Божество Коляда возникло из праздника зимнего солнцеворота, из представления о рождении молодого солнца, солнца будущего года. Собственно, мы тоже говорим "новый год" и изображаем его в виде мальчика, который летит в космосе. Это говорит в нас язычество.

Поворот солнца на весну начинается 25 декабря. Недаром на это же время приходится Рождество Христово. Считалось, что Коляду захватила в плен злая ведьма Зима. Она превратила его в волчонка, в лютого (поэтому самый холодный месяц зимы февраль назван лютым). (На украинском языке февраль — лютий). Коляда явится во всем блеске своей красоты только тогда, когда с него будет снята волчья шкура. Она должна быть сожжена на огне, который явится весной.

Коляда праздновалась в зимние святки с 25 декабря (сочельник, сочельник) по 6 января (Велесов день). Этот период совпадает с сильными морозами. Кстати, слово "мороз" происходит от Мора (смерть). Слово "вьюга" происходит от Вит.

Зимние святки праздновались очень ярко. Солнце наряжали в сарафан и кокошник. Оно едет "в малеваному возочку на вороному конечку" в теплые страны, то есть к весне и лету. В природе все готовилось к возрождению. Юноши и девушки в эти дни "наряжались в хари" или в "лярвы и страшила". По дворам ходили ряженые, пели колядки — песни, прославляющие Коляду, дающему всем блага. Ряженые прославляли благополучие дома и семьи. Они желали всего, "что хозяину нраво". После они весело требовали гостинцев и подарков (а точнее, отдарков за колядование). При этом скупым они предрекали разорение. Подарки были весьма символические — обрядовое печенье: баранки, коровки, козульки, пироги и караваи. Все это символизировало плодородие. Слово каравай происходит от корня крава — корова. Он символизировал тучность коровы.

В зимние святки по ночам гадали, каким будет будущий урожай и приплод. Больше всего гадали на брачные союзы. В процессе гадания общались с древней славянской богиней Сречей. Она представлялась в виде красивой девушки-пряжи, которая прядет нить судьбы, нить жизни. Имя богини не случайно: Сречи — Встречи. Надо отметить, что у разных славянских племен слова "суд", "рок", "доля", "судьба", "жребий", "кош", "приговор", "решение", "выбор" имеют одно и то же значение.

Богиня Среча работает (прядет нить судьбы) ночью. Поэтому и гадают ночью. Чаще всего гадали на суженых. Кстати, слово "невестка" буквально значит "неизвестная". У некоторых восточнославянских племен богиней судьбы была Макошь. Она покровительствовала домашним работам, в том числе и прядению. Недаром славяне на прялках зачастую изображали, как они себе представляют окружающий их мир. Это представление было зашифровано разными знаками и символами.

Рис. 2. Донце прялки с громовым знаком

Во время зимних святок днями проходили ладины, то есть стоворы невест. За ними следовали свадьбы.

Практически праздники всех религий связаны с особыми условиями в природе, в частности с солнцестояниями. Неудивительно, что на период зимних святок (языческих) приходилось и Рождество. Но христианские пастыри всячески очерняли языческие святки, представляя их как самые неистовые гульбища нечистых духов и злых ведьм. По представлениям распространителей христианства эти нечисти даже скрадывали месяц и звезды. Поэтому все заволакивается в это время морозною заволокою и кажется почти мертвым. Христианские пастыри также неистово боролись с языческими летними святками, приходящимися на день летнего солнцестояния. Это был праздник Купало. В этот день солнце (Хорс, Коло) выезжает из своего небесного чертога в нарядной колеснице навстречу своему супругу-месяцу. Было принято караулить встречу месяца с солнцем в ночь на 24 июня. Не ложились спать и наблюдали, как "солнце грае". Наблюдали с ритуальных холмов, которые в разных местностях назывались по-разному. Возле Переславля За-

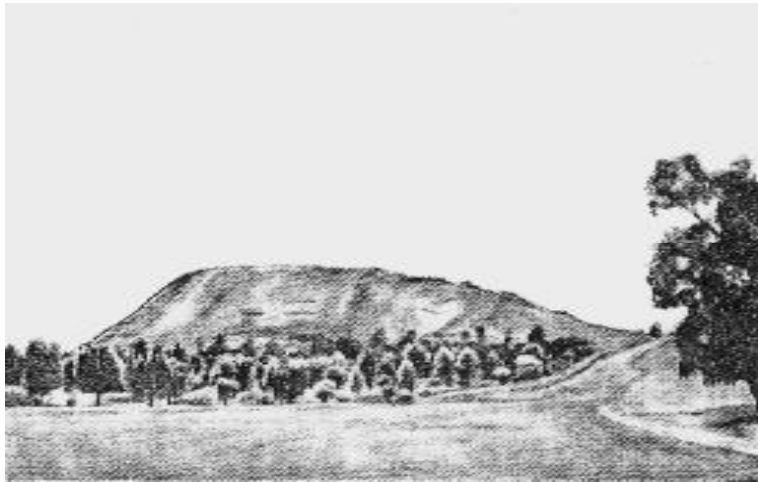

Рис. 3. Славянское городище-святилище Девичья гора на Днепре у с. Триполье

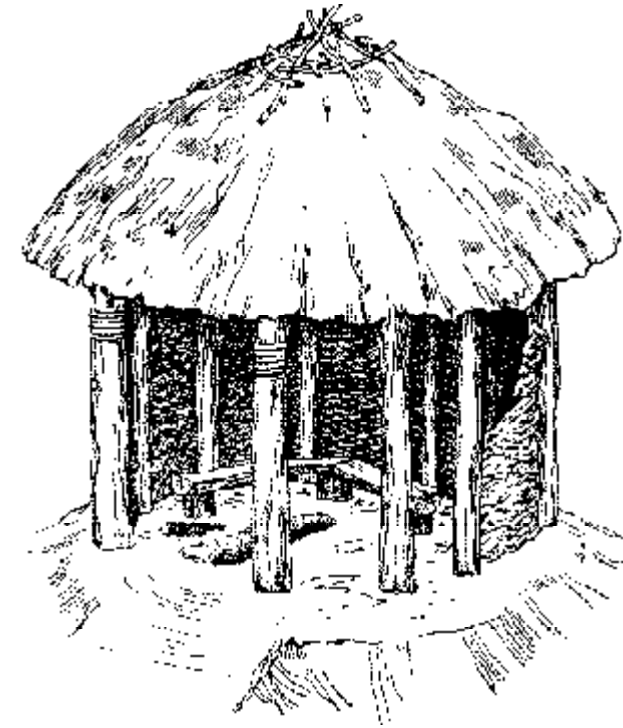

Рис. 4. Святилище с жерновками (Пустынка. Реконструкция С.С. Везанской)

лесского — Ярилина плешь, близ Саратова — Лысая гора. В других областях были Воробьевы, Девичьи или Девины горы (рис. 3–6). Кто не ушел на холмы, собирались на полянах у рек. Тут они жгли костры, пели, водили хороводы, ручейки. Прыгали через костер, испытывая не только ловкость, но и судьбу. При этом высокий прыжок означал исполнение задуманного. Было весело. С шутками, притворными плачами и озорными песнями тут сжигали соломенные куклы Ярилы, Купалы, Кострубоньки или Костромы. Слово "костра" означало одеревеневшие части льна и (или) конопли.

На рассвете все празднующие купались. Так они омовением снимали с себя злые немощи и болезни.

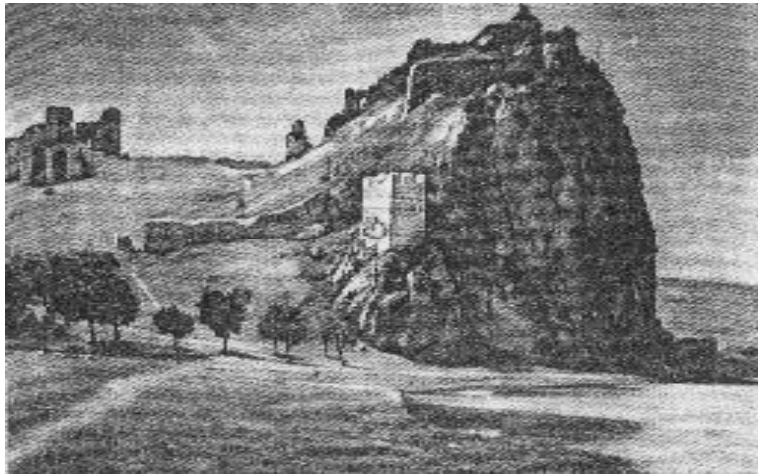

Рис. 5. Ритуальное городище Девин на Дунае

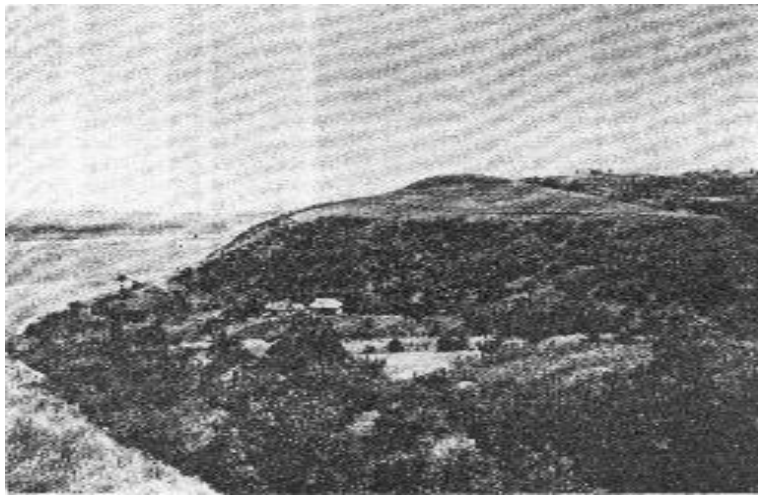

Рис. 6. Гора Красуха у с. Витачева на Днепре. Место старинных игр и хороводов

День летнего солнцестояния — это время максимального развития творческих сил природы, ее потенциала. В это время Ярило или другие божества мужского семени выполнили свою миссию, поскольку брошенное в землю зерно проросло и дало всходы. Поэтому Ярило, Купало могут умереть до следующей весны, их чучела сжигали. Кстати, Купало происходит от слова купа — куст, сноп растений, травы.

Естественно, что в купальскую ночь происходили разные чудеса. Цвели редкие загадочные травы, такие как разрыв-трава, папоротник и т.д. Открывались невиданные клады.

Всем известен праздник Ивана Купалы. Он образовался в результате слияния праздника Купалы с праздником Ивана дня (имеется в виду Иоанн Креститель).

К богам Световид, Белбог, Дажбог, Ругевит и Яровит близок бог западных славян Перун. Это бог-громовержец. На Русь он пришел незадолго до крещения. В Киеве князь Владимир воздвиг ему статую. В Новгороде статую Перуну воздвиг дядя Владимира — Добрыня. У бога Перуна была целая свита богов, богинь и божков. Это Гром, Молния (тетушка Малань-ица, молнии и стрелы называли также перунами). В эту свиту входили Град, Дождь, русалки и водяные, ветры на все четыре стороны света. Поэтому день Перуна — четверг. Отсюда остались выражения: "после дождичка в четверг", "чистый четверг". Иногда принималось, что ветров семь, девять, двенадцать и просто много. Недаром было сказано: "Перун есть много".

Богу Перуну, как и другим богам — стихиям природы — служат богатъри, велеты. Плохо людям, если они разгуливаются. Тогда с гор камни выворачиваются, деревья валятся, реки запруживаются завалами. Таких богатърей множество. Это: Горыня, Верни-гора, Валигора, Вертигор, Дубыня, Дубодер, Ветродуб, Вырвидуб, Елиня (ель), Лесиня (лес), Дужня (дути гнет), Бор, Верни-вода, Запри-вода, Поток-богатърь, Усыня, Медведко, Соловей-разбойник (ураганный ветер), Сила-царевич, Иван Попялов (Попел), Святорг, Вода и т.д.

Перуна и его свиту не только почитали. Их и боялись. Поэтому Перуну посвящались леса и реки, которые считались священными. Такими были Буг и Волхов.

С Перуном связаны и змеи. У змей было несколько значений и назначений. Славяне вспоминали змей в два праздника (речь идет об ужах). Один из них – 25 марта. Это время, когда в "хрюеву росу" выгоняют скот и змеи выползают из-под земли. Земля становится теплой, можно начинать сельскохозяйственные работы. Второй праздник змей – 14 сентября. В то время змеи уходят, а земледельческий цикл в основном завершается. То ли это праздники змей, то ли праздники начала и конца земледельческих работ? Но тут главное не это, а то, что все праздники в язычестве были связаны с природными явлениями, от которых зависела жизнь людей. Что же касается змей, то они символизировали своим появлением и уходом начало и конец земледельческого периода. Они были своего рода климатическими часами. Полагали также, что змеи помогают вымалывать дождь. Это казалось вполне логичным, поскольку любящие молоко змеи могли попросить и небесного молока, которое в виде дождя падает с неба. В сказках змеи часто сосут молоко у коров или у облаков.

В быту были широко распространены изображения змей (змейки). Они, например, украшали древние сосуды с водой (рис. 7). Эти божественные змеи символизировали тучи небесные, грозовые, а также вообще мощный разгул стихии. Как правило, это змеи не простые, а многоглавые. Если отсечешь одну голову, на ее месте вырастает новая. И она пускает огненные языки (то есть молнии). Это же свита Перуна-громовержца. Широко известен Змей-Горыныч – сын горы небесной, то есть тучи. Эти змеи похищают красавиц. Они могут похитить луну, звезды и даже Солнце. Они могут моментально превращаться в девушку или юношу. Связано это с омоложением природы после дождя и после каждой зимы. Имеются у змей и другие функции. Они являются хранителями несметных кладов, а также целебных трав, живой и мертвой воды. Поэтому – то змея является символом врачевания. Естественно, что это родственно и индоевропейской мифологии. Там эту роль выполняют Индра, Донор, Асклепий и Панацея.

Змеи были и в услужении богов подземного царства – Вия, Смерти, Мары, Чернобога, Кашея и других. Там они стерегут преисподнюю. Здесь в этом качестве встречаем не толь-

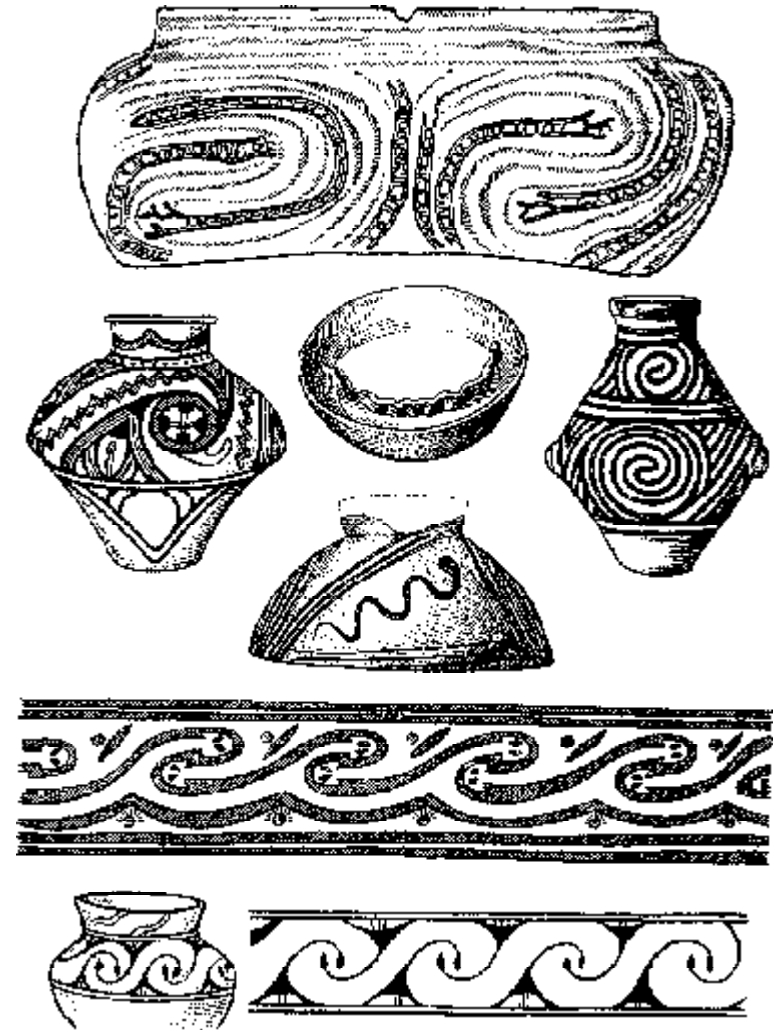

Рис. 7. Змеиный узор. Змея (уж) как символ дождя

ко змей, но и Ящера и реже Рыбу. Вообще Ящер достаточно часто встречается в народных песнях далеких времен. Иногда его просто называют Яша.

Христианство не могло задуть язычество полностью. Так появился праздник Ивана Купала. Так же христиане стали чествовать змей на Юрьев день (Юрий – Георгий) 23 апреля.

Одним из древнейших богов восточных славян был Велес. В древние времена немало племен (у которых преобладала охота) верили в то, что их предком был могучий исполинский зверь. Это был или медведь, или олень, или ящур-пращур и т.д. Полагали, что бог, от которого ведется данный род, может попадаться только на время, и то только в виде зверя. Основное место его пребывания – небесные чертоги, где-то в созвездии Большой Медведицы. Велес вначале покровительствовал охотникам. На обожествленного зверя нельзя было охотиться. Самого бога-зверя называли "волохатый", "волохатый", "волос", "велес". "Vel" – корень слов со значением "мертвый". Считалось, что умереть, преставиться – значит преставиться душой к небесным предкам, душа которых улетела на небо. Культ бога Велеса связывали с предками, с урожаем, с благополучием рода. На сжатом поле оставляли "жменю колосьев Волосу на бородку". Такой обычай был у многих. О нем говорится и в Библии (Ветхий Завет). На самом деле оставляли птицам или бедным (нищим).

Основным богатством племени был скот. Поэтому Велес был так почитен. Он фактически был богом богатства. Кстати, корень "воло", "vlo" является составной частью слова "володеть" (владеть).

Культ Велеса восходит по времени к культу Рода и Рожаниц (рис. 8–14). Род иногда отождествлялся с фаласом (это как в Индии), а иногда с зерном. Имелось в виду не только обычное, но и солнечное, и дождевое зерно, которое оплодотворяет землю. Рожаницы – это женское рождающее начало, которое дает жизнь всему живому: человеку, животным и растениям. Постепенно функции Рода и Рожаниц существенно расширились, и одновременно они стали верховными богами. У них появились имена собственные – Яровит, Световид, Ригевит, Макошь, Златая Баба, Дидилия, Зизя и т.д.

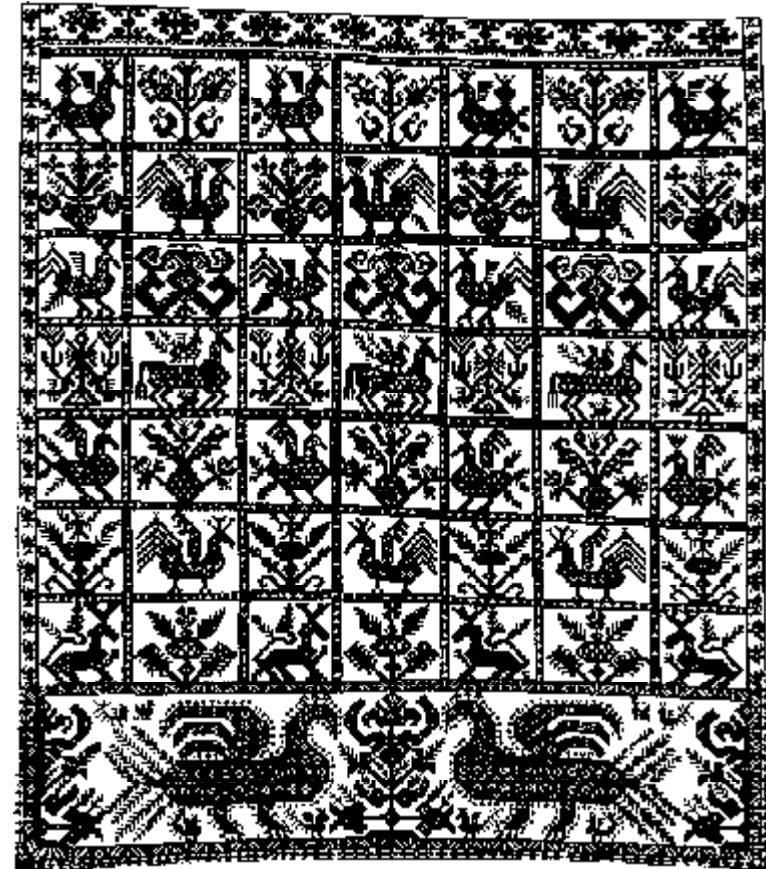

Рис. 8. Вышитая завеса с изображением птиц и пяти вариантов рожаниц

Славяне чествовали Велеса вместе с Ярилой три раза в году: 4 июня на праздник семик, с 20 по 25 марта на масляничную неделю и с 25 декабря по 6 января на зимние святки. Водили хороводы, пели, целовались через венок из свежих цветов и зелени. Христианство не могло полностью побороть культ Велеса. Взамен Велесову дню 6 января был введен Власов день 11 февраля.

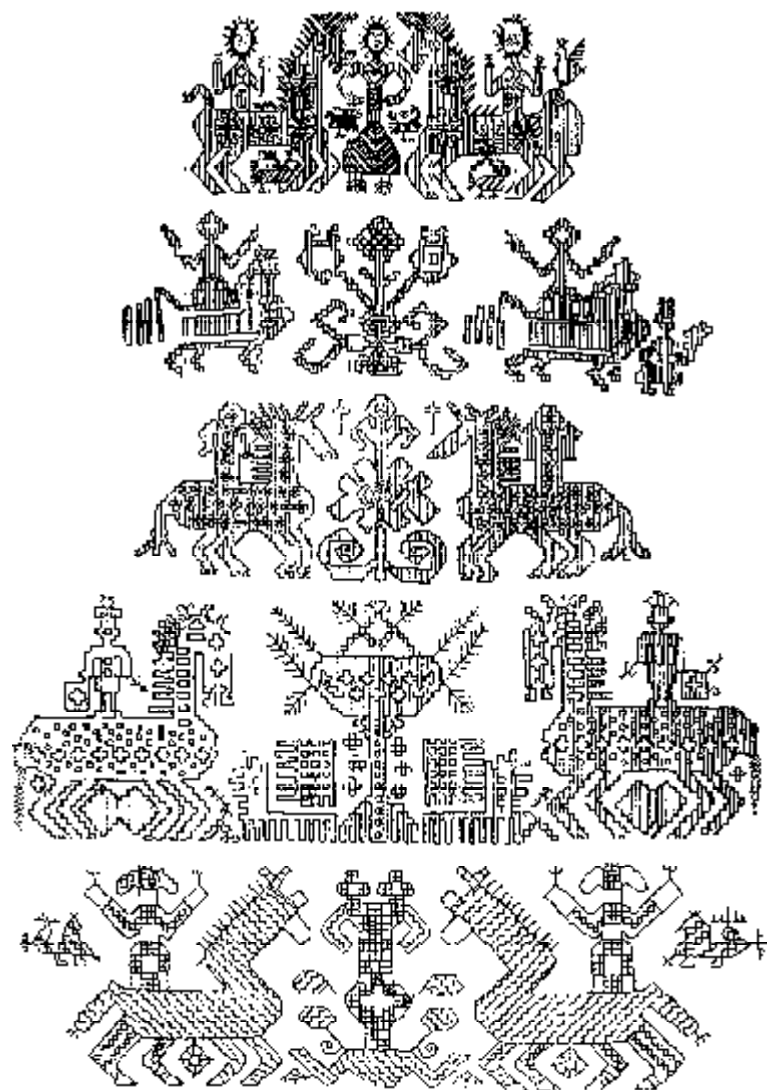

Рис. 9. Фигура рожаницы иногда заменяет центральную женскую фигуру в трехчастной композиции. Возможно, что это более позднее осмысление

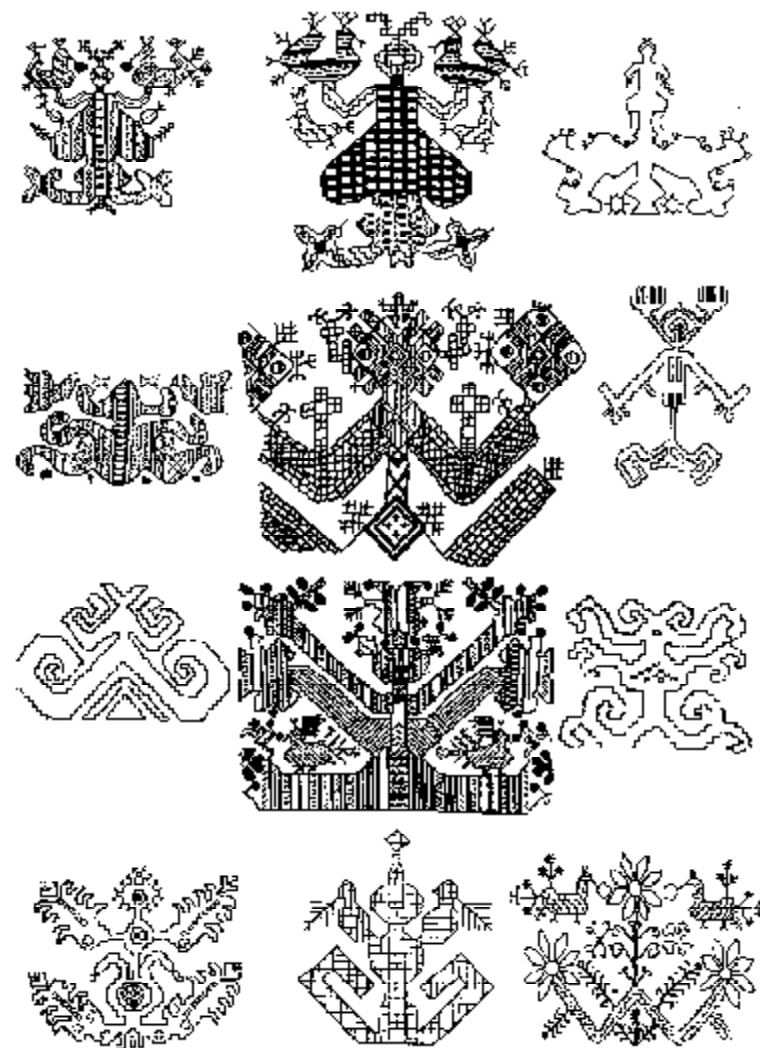

Рис. 10. Изображение рожаниц в русской вышивке в образе рожавшей в поле женщины

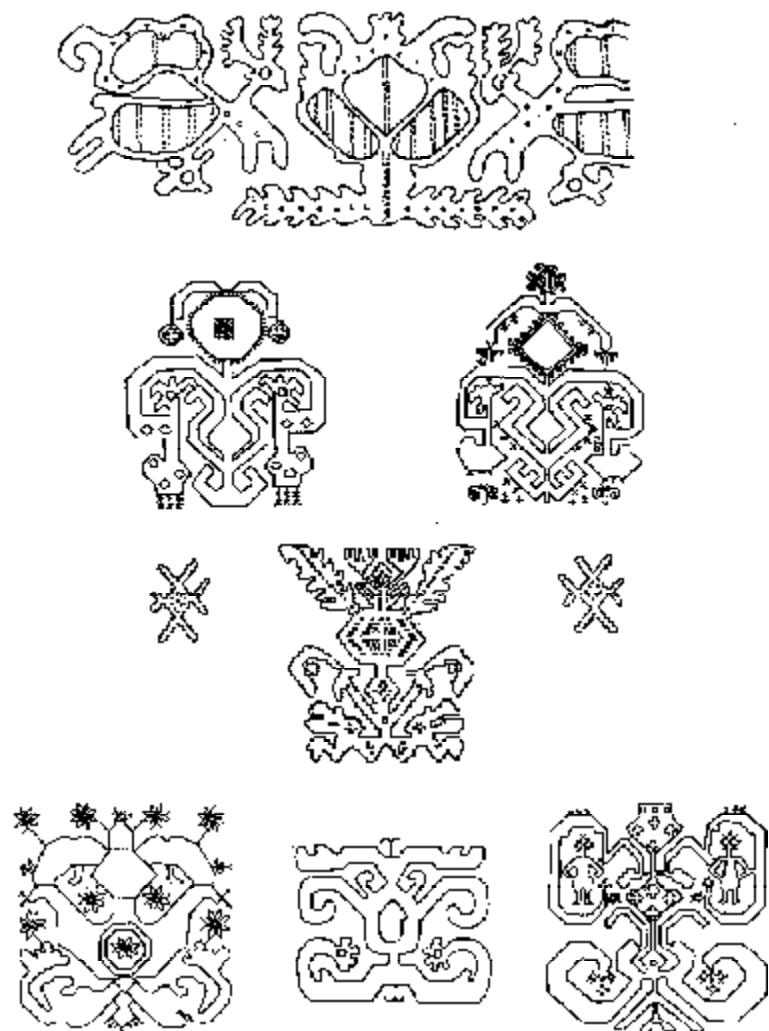

Рис. 11. Рожаницы, рожающие "оленьцов малых"

Рис. 12. Славянские рожаницы. Деревянная скульптура из Фишеринзеля (Южная Прибалтика)

Как известно, на Руси были и волхвы. Корень этого слова также происходит от "волохатый", "волосатый". Волхвы на службе (при исполнении ритуальных танцев, заклинаний, обрядов) одевались в шкуру (длаку) медведя или же другого животного. Они сосредотачивали тайные знания. Это своего рода мудрецы древности.

Почетное место среди богов славян занимали богини-женщины. Их культ восходил к древнему культу Рожаниц и, кроме того, к богам индоевропейского мира. У западных славян была богиня Триглава (Тригла). У нее были не три головы, а три лица. Ее статуи ставили только под открытым небом — на горах, пригорках, у дорог. Это была богиня Земли. В индийской мифологии имеется Трилока. Слово "лока" означает место, определенный пространственный предел. Трилока символизировала собой Вселенную, состоящую из неба и воды, земли и воды, подземного нижнего мира и воды, то есть из трех частей, членов.

В индийской языческой мифологии существовал тройственный образ бога Тримурти: Брахма — творец мира, Вишну — его хранитель, Шива — разрушитель. Вначале все три функции представлял Вишну. А в первом тысячелетии до н. э. они перешли к Шиву. Имена божеств во многом созвучны: Жива (Шива — жизнь, бог жизни); Сива; Дива; Дева, Дзива,

Рис. 13. Парные женские божества (рожаницы). Внизу – типичный трипольский сосуд с четырьмя грудями; средний рис. в правом ряду – средневековое

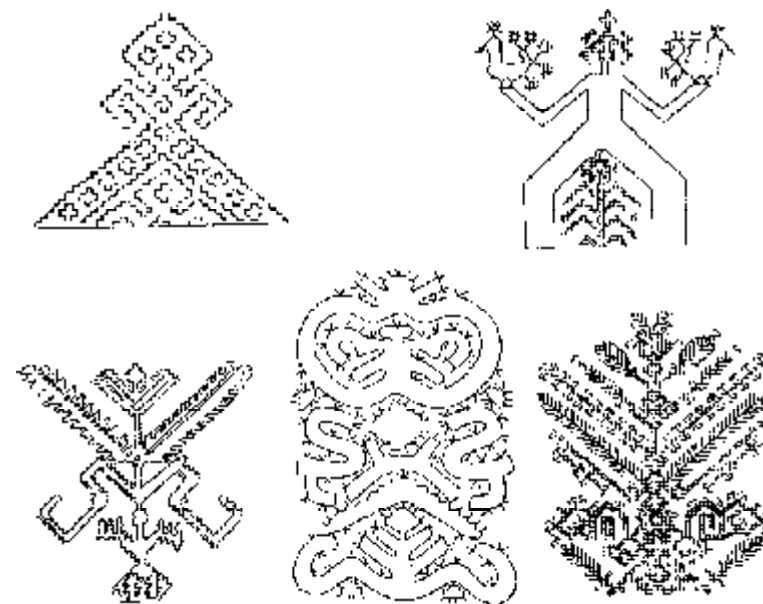

Рис. 14. Рожаницы: мать и дочь

Зива, Циза, Зиза, Дидилия (от дитя); Ляля (Леля, Лель) и т.д. Все эти богини воплощали в себе движение жизни на земле.

Слово "жива" (Шива) прослеживается в словах: живот, жилье, нажива, наживаться (богатеть), выжить, зажить, жито, житница, живность (съестные припасы), жировать (материальное довольство), зажиточный, пожить (пастбище).

Одной из главных богинь восточных славян является Макошь. Ма – значит мать, кошь – кошелка, корзина, кошара. Значит, это богиня – мать хорошего урожая (наполненных кошей). Не надо путать ее с богиней плодородия, она богиня урожая, подательница благ, то есть богиня итогов, результатов сельскохозяйственного года.

Но урожай всегда зависел не только от труда. Он зависел от условий, от случая. Поэтому богиня Макошь одновременно по своей сути и богиня судьбы. Атрибутом ее является рог изобилия. Эта богиня имела много обязанностей, и весьма кон-

кретных. Она покровительствовала домашнему очагу, стригла овец, пряла, наказывала нерадивых. В Белоруссии предупреждают, что нежеже оставлять на ночь кудель, а то "Макоша опряде". Кроме того, Макоша покровительствовала браку и семейному счастью. Она пряла "нить судьбы". Как мы уже говорили, судьба — это среча. Сербы говорят: "Несреча тонко пряде". Это значит — не судьба, тонкая нить в любой момент оборваться может.

Русское православие не смогло справиться с богиней Макошь, и она преобразилась в Параскеву Пятницу. Она кроме всего прочего хозяйствовала на торгу, покровительствовала торговле. В Новгороде уже в 1207 году ей даже церковь выстроили. В последующем такие же храмы были возведены в Москве и Чернигове. На Руси торговый день — пятница.

Праздник Параскевы Пятницы 28 октября. Он приурочен ко времени, когда начинаются зимние работы: ткачество, прядение, подготовка приданого и т.п.

Лада являлась богиней любви, красоты и очарования. Праздник Лады весной, когда сама природа вступает в союз с Ярилой. Гореть — значит любить. Поэтому в эти дни играли в горелки. Любовь сравнивали с красным цветом, огнем, жаром и даже пожаром. Красный цвет — это родство, род, кровь, любовь. Слово "лад" многозначное. Прежде всего, это супружеское согласие, основанное на любви. Ладить — это значить жить любовно, ладковать — сватать, лады — помолвка, ладило — сват, ладушки — уговор о приданом, ладканя — свадебная песня, ладный — хороший, красивый. Ладой называли любимую.

У богини Лады было дитя. Это Лель (мальчик) или Ляля (девочка). Дитя Лады побуждает природу к оплодотворению. Людей оно понуждает к брачным союзам.

22 апреля обычно проводился весенний праздник — мельник, на котором девушки выбирали Лялю. Ее наряжали в белые одежды, перевязывали руки и талию свежей зеленью. На голову Ляле надевали венок из весенних цветов. Ляля становилась на время богиней. Поэтому вокруг нее водили хороводы, пели песни и просили об урожае. Специально разодетые девушки в платьях с бахромой внизу (додолы) молили о дожде, исполняя специальный танец.

Был у Лады и второй сын — Полеля. Он был богом супружества. Его изображали в простой будничной рубахе и терновом венке. Он подавал такой же терновый венок своей супруге. Реальная жизнь это тернии, а семейное счастье — это терпение.

С богиней Ладой также связан Зничь. Это огонь, жар, пыл, пламя любовное, священный пыл любви. Отсюда "навзничь".

Древние славяне поклонялись упырям и берегиням. Берегини — это что-то вроде греческих пенатов. Они хранили (берегли) благополучие разных мест и видов природы. Берегли они и дом. Что касается домовых духов, то их было множество: домовый, кутный бог, дед, спорыньи и спехи (то есть духи, которые способствовали делам людей). Были также дрема (домашнее мирное божество сна), баюнок (сказочник, сказочник ночной, песенник колыбельный, окоемы, прокураты, прокуды (плуты, неслухи, проказники), банник (дух бани), злыдни (украинское "бодай вас злыдни побили!"), бесы, черти, шишиги, божество беспокойных снов и ночных явлений. Кстати, праславянское "чъерт" значит проклятый, перешедший черту, границу.

Что же касается берегинь, то их было много. Они оберегали человека всюду: дома, в лесу, в поле, на воде. Берегини оберегали посевы, скотные дворы, детей. Детям они пели колыбельные песни и рассказывали сказки (байки) и навевали сны. Некоторые из берегинь получили собственно-групповые, а кто — групповые имена. Такими были русалки, лешие и т.д.

Дед (дид) — это прародитель, предок. Многие вели свой род непосредственно от Перуна. Поэтому их Дед был сам Перун. Собственно, Дед — это хранитель рода и, конечно, прежде всего детей. Это старейшина, который умиряет страсти внутри клана, хранит основные принципы морали рода. Он строго следит за их исполнением. На Украине и в Белоруссии дидом называли домовое божество, которое охраняет домашний очаг (уклад), печной огонь, который символизировал малый огонь самого Перуна, который находился на небе. Дедом называли также и лесное божество, в обязанности которого входило хранить Перунов клад (золото, серебро). Речь идет, конечно, о молниях, грозах, серебряном дожде. К деду прибегали за помощью, чтобы он помог открыть клад. Верили в то,

что где огонек блеснет, там клад этот. Огонек — молния, а клад — гроза с дождем. Это было жизненно важно для людей, для урожая.

Что касается Бабы, то наиболее древней из них является Баба Яга. Страшной Бабу Ягу сделали православные отцы. На самом деле у славян она была очень милой берегиней. Она была очень заботливой берегиней. Называлась она не Яга, а Яшка. Огрубленным "Яга" ее стали звать потом, когда стали бороться с язычеством и порочить его.

В славянских песнях Яшей называли Ящура, который некогда жил на земле прародителя всего живого. Отсюда и название — пращур. Сама Баба Яга изначально была древним исключительным божеством, хранительницей рода и традиций, затем и околodomашнего (а часто и лесного) пространства. Специалист пишет так: "В период насаждения христианства всем языческим богам и божествам, духам, в том числе и оберегающим людей (берегиням) придавались злые, демонические черты, уродливость внешнего вида и характера, злые намерения". Не пощадили и добрую Бабу Яшку и превратили в такое злое страшлище.

Моложе Бабы Яги были и другие прародительницы. Это и Златая Баба, и Златая Мать, и Макошь, и другие.

Берегиням христиане также придавали злые черты. Таковыми берегинями были: лесовик, лесунок, лешак, дикий музик, Микола Дуплянский, попутник, боровик, лукавый (потому что согнутый и искривленный, как лук, и такой же внутренне, душевно), дед, дедок. Сюда же относятся и бесы. Славянское слово "бес" обозначает буквально "без". Например: человек без совести — это бес. Также человек без Бога, без понятия (знания), добра, справедливости, чести, ума и т.д. Все эти "без" считались бес-ами. Дальше следовали черти, шишиги, мавки лесные, упыри, анчутки (это помесь черта и утки), оборотни, волкодлаки (длака — шкура), нетопыри, чудо-юдо, лесной царь, судички и гарцуки (мелкие духи, помощники Перуна), лихо одноглазое, птица Страх-Рах и другие лесные обитатели.

Хозяин леса, леший, порой не отличался от людей, но чаще всего он был одет в звериную шкуру. Иногда он был с

рогами, копытами и т.д. Леший был наделен отрицательными признаками: левая сторона была запахнута на правую, левый лапоть падает на правую ногу. Леший мог быть одноглазым или кривым на левый глаз, хромым на левую ногу и т.п. Полагают, что отрицательными (левыми) качествами лешего могли наградить христиане.

Зимой лешие в лесу притихали. Там активничали перуновы помощники. Это калинники (от слова "калить"): Морозко, Трескунец, Карачун и другие. Идя в лес, человек всегда был настороже. Но, с другой стороны, он всегда мог рассчитывать и на неожиданную помощь лесного божества, хозяина леса. Поэтому человек старался ему понравиться. А это конкретно значило: не вредить лесу, не бить без нужды зверей, не ломать зря деревья и кусты, не засорять лес, даже не кричать громко, не нарушать тишину и покой природы. Так языческая религия воспитывала в человеке правильное отношение к окружающему его миру.

У древних славян было божество сна и ночных привидений. Звали ее кикимора (шишимора). Из нее отцы православия пытались сделать злого духа. Вторая часть слова — мора — означает богиня смерти (Мора, Мор, Мара). Но кикимора все же не смерть. На самом деле кикимора — это слабое отражение лишь страха смерти, или даже просто страха.

Христианство блестяще справилось с русалками, которые у славян до христианства были добрыми, очень отзывчивыми и ответственными берегинями (рис. 15). Славяне изображали берегинь-русалок всегда с женским лицом и грудью, рыбьим туловищем и хвостом. Задача русалки была в том, чтобы помогать странствующему, плывущему, терпящему бедствие добраться до берега. Но христианство опорочило русалок и наговаривало, что они являются утопленницами и умершими некрещеными детьми. Так русалок стали бояться. Наговаривали, что русалки самые опасные для людей с 19 по 24 июня, то есть перед Иваном Купалой, особенно в четверг (Перунов день). В эту неделю пели русальные песни, вешали на деревья и кусты пряжу, нитки, полотенца. Полагали, что это станет одеждой для русалок. Кто-то их хотел задобрить, а кто-то их просто жалел. Подобные функции, как и берегини, выполня-

ла священная крылатая собака Семаргл. Она охраняла семена и посевы. Это было воплощение вооруженного (воинственно-го) добра. Позднее Семаргла стали называть Переплутом. Культ Переплута справлялся в русальную неделю. В это время в его обязанности входило охранять корни растений. Семена и посевы стали оберегать Ядрей и Обилуха.

Рис. 15. Вилы-русалки ("сирины") на колтах и других предметах

Роль берегинь выполняли также птицы с женским лицом. Это возрождающаяся из пепла птица Феникс, сладкозвучная Сирия, Стратим (мать всем птицам, старейшая и самая большая), Жар-птица, девушки-лебеди (лебедушки), а также Ноготь-птица.

Как и у других народов, у славян были среди богов мифические полуживотные-полулюди. Их еще называли химерическими или химерами. Много о берегинях мы не знаем и уже не узнаем. Еще меньше известно о химерических существах. Было широко распространено собачье имя Полкан (полконь), то есть полуконь. Он охранял солнечных коней Световида, коней или стада богов солнца или же богов-громовержцев.

Русский Конек-горбунок тоже полуконь. Известна была и Сивка-бурка. Все эти персонажи по внешнему виду невзрачны, они наполовину или намного меньше героических коней Бога. Некоторые из этих полуконей даже уродливы. У них или длинные уши, или горб, и т.п. Они наполовину кони, а наполовину люди. Они хорошо понимают дела людей, богов и бесов и даже говорят человеческим голосом и языком. В отличие от зверей, они различают добро и зло и, более того, своими действиями активно утверждают добро. Это и неудивительно, поскольку они относятся к берегиням. А берегини имели основную задачу — делать добро, оберегать людей, природу и все живое от зла, беды и всяких несчастий.

Одно из древнейших божеств-берегинь было божество границ — Чур. Это необыкновенное божество. Имя его произошло от "щур". Речь идет о защите границ земли, о защите собственности на землю. Если в данной земле покоились пращурь (предки) данного рода и она переходила в наследство из рода в род, то это считалось законом, земля считалась неприкосновенной и ее нельзя было отдать кому-то другому. Чтобы этого не произошло противозаконно, эту землю, ее границы оберегало божество Чур. Тот же, кто не уважает святости этих границ и передвигает камни на меже, не находит себе покоя после смерти. Их души после смерти блуждают и не находят себе пристанища. Они не просто блуждают, но вынуждены вечно таскать камни (символ межевых камней) и носиться по полям. Они нигде не находят себе покоя. Их можно даже видеть ночью —

блуждающие ночные огоньки на полях — это их души. Так что у древних славян право частной собственности на землю было неприкосновенным. Иначе как можно было гарантировать оседлость и вообще стабильность. Отсюда выражение: "чур-мое". Но это не все. Чур выступал гарантом гуманных, нравственных принципов. Он следил, чтобы все делилось по справедливости. Поэтому мы и сейчас говорим: "чур-пополам!", "чур-вместе!"

Кстати, от слова "чур" происходит и слова "черт", "очерт", "очерчивать". У древних славян, праславян словом "чъерт" называли тех, кто нарушал границы, межевые, географические. Без сомнения, что такой человек неизбежно нарушал и нравственные принципы. Он подменял добро злом. Его считали проклятым.

Жизнь неотделима от смерти. Поэтому во всех религиях были (и есть) боги, которые отвечают за эту проблему. У славян среди богов смерти и подземного царства был бог Чернобог. Его имя говорит само за себя. Он был властителем подземного мира, представителем тьмы. С Чернобогом связаны такие понятия, как "черная душа" (человек, потерянный для благородства), "черный день" ("день бедствия") и вообще все черное, трагическое.

Главным служителем Чернобога был Вий (Ний). Он судил мертвых. Но судил справедливо. Человек любого племени и любой религии никогда не мог примириться с тем, что те, кто жили незаконно, не по совести, обманывая других и несправедливо пользуясь не принадлежащими им благами, уходят из этой жизни ненаказанными. Где же Бог, гарант справедливости? — спрашивали они. И отвечали сами себе: Бог накажет их на том свете. Согласитесь, что без такой веры жизнь стала бы невыносимой. Поэтому и наши предки-славяне верили искренне в то, что отомститься, отольется чужое горе. Если не на этом, то на том свете. Как и многие другие народы, славяне полагали, что место казни, кары прегрешивших находится внутри Земли. Вий был связан со смертью во всех ее проявлениях — со смертью природы зимой, с наказанием грешников после их смерти. Считали, что он за грехи насыпает ночные кошмары, а также неприятные видения и привидения. Конечно, Вий наказывал только тех, у кого была не чиста совесть.

Что же касается сезонной смерти природы зимой, то с ней связан и Кашей, который был (а, возможно, и есть) божеством подземного царства. Кашей — это символ окостенения, оцепенения от мороза всей природы в зимнюю пору. Имя Кашей происходит от корня "кошт", "кость", "костлявый". Вспомним сказки с участием Кашея. Многие их герои в какое-то время превращаются в камень, лед или просто окостеневают. После этого кульминационного момента в сказках появляется спаситель. Это или красная девица, или добрый молодец (весна, солнце), или кто-то еще. Окостеневшие персонажи оживают или от поцелуя (солнечного луча), или от слезинки (капели). Отсюда же происходят "кошун", "колдун", "кошуну творить", "кошунствовать".

Понятия "вязень" — "узьень" также определенным образом связаны с этим. Узник — это враг, который попал в плен. Об этом сказано в "Слове о полку Игореве" и во многих русских сказках. Там "кашей" употребляется в смысле "узник". Но надо иметь в виду, что Кашей не является богом смерти, хотя он со смертью и связан. Его власть недолговечна.

Богиней смерти у славян была Мара (Мор). Отсюда и происходят "умереть", "смерть", "мрут", "вымирают", "мертвые".

Где смерть, там и печаль. Женскими божествами смертной печали у славян были Карна и Жели. Эти божества упоминаются в "Слове о полку Игореве". От Карны происходит "Окарнать", постигла "кара". Были и другие женские божества смертельной печали. Это Кручина и Журба. Они воплощали беспредельное сострадание. Наши предки глубоко верили в то, что любое обращение к этим божествам в минуты горя будет услышано и помощь придет. Поэтому в славянском фольклоре очень много плачей и причитаний. Известно не только специалистам-врачам, но и любому, что в минуты горя важно выплакаться. Но христианские отцы это запретили. Были даже указы, указания русских царей, помазанников божьих, что такие плачи (например, за умершими) запрещаются под страхом смерти. Страшно подумать — запрещалось несчастному человеку вволю выплакаться. Это ли не насилие?

У славян "нечет" является неблагоприятным признаком. В частности, это касается слова "три". Именно "три" часто встре-

чается в заклинаниях. Так в "Слове о полку Игореве" Ярославна плачет: "Светлое и трехсветлое солнце!" Отсюда происходит и слово "Тризна". Тризна — это день, установленный в память умершего, который включал в свою программу несколько ритуальных действий. Тризной называют и погребальные игры воинов. Ими напоминали о земных делах умершего, а также о том, что человек одинаково принадлежит трем мирам: небесному, земному и подземному. Отсюда и происходит слово "три". После погребальных игр была трава. Это поминки, которые не следует путать с тризной. В современном украинском языке словом "трава" обозначают любую пищу, еду. Религия позволяла держать нравственность на высоком уровне. Этому помогали боги и божества. Собственно ни в одной истинной религии нет ни одного персонажа, который бы не "работал" на укрепление, очищение, повышение жизнеспособности человеческого общества. На эту же общую, генеральную идею, задачу работают и отрицательные персонажи. Человека удержать в нравственных рамках невозможно. Необходимым и весьма эффективным всегда оказывался и страх. Это подтверждает не только история религий, но и история общества. Без органов принуждения, основой которых является страх, не удавалось создать стабильного общества. Поэтому надо понимать, что боги нужны все, и добрые и злые. Иначе человека в рамках не удержать. Можно, конечно, функции всех богов (больших и малых, злых и добрых) сосредоточить в одних руках, в лице одного бога. Но, по сути, это ничего не меняет, только такая схема доходит до обывателя хуже. Образность всегда более убедительна, более эффективна. Поэтому не надо слишком рьяно бороться с многобожием, если среди этих богов имеется самый главный, самый важный, самый изначальный. Все это в язычестве славян было. А главное в этой религии было все то, что удерживало человека от всего плохого как в отношении других людей, так и в его отношении к окружающему миру. Человек знал, что каждое его доброе начинание получит поддержку со стороны высших сил, богов, богинь, берегинь и т.д. В то же время он нисколько не сомневался в том, что за злые дела он будет неизбежно наказан. Если бы в наше время удалось организовать такую систе-

му стимуляции добрых дел и ответственности за злые дела, то мы очень быстро подняли бы уровень морали в обществе, уровень его жизнеспособности, уровень его духовного здоровья, да и не только духовного. Система гражданских законов никогда не будет столь действенна, как система религиозных представлений, пропущенных в образы через душу каждого. Первая система — это переполненные тюрьмы, которые не исправляют, но окончательно калечат. А вторая система была значительно менее губительной, поскольку значительная часть общества придерживалась предписанной религии. Мы говорим "была" потому, что сейчас христианская система со своей задачей явно не справляется. Такое впечатление, что наша христианская система — русское православие не только не справляется со своей задачей, но и демонстративно не стремится к этому. Она отгородилась от народа не только золочеными одеждами, но и никому не понятным древнецерковным языком. Наш самый главный пастырь мотивировал это тем, что этот язык "богоугоден". Значит, все мы с вами говорим на языке, который Богу не угоден. Выходят книги для юношества и школ, половина текстов которых изложена на этом непонятном языке. Так почему бы не перейти вообще на латынь, иврит или греческий? Эти языки можно было бы выучить. Мы уже писали в книге "Библия, Коран и современный мир", что наши православные пастыри делают все для того, чтобы оттолкнуть от себя думающую часть современного общества. Они все еще мыслят категориями Византии, с завыванием расппевают никому не понятные гимны, закрывая глаза на то, что суть учения Христа состоит в главном — в помощи ближнему.

Но вернемся к древним нашим предкам, у которых было все — земля, правильная вера, вера в свои силы и справедливость на земле. Но в один прекрасный день у них это отняли свои же князья. Отняли гражданские права, отняли богов и берегинь, отняли веру в себя и в свою землю. Так князья в своих корыстных интересах, в интересах господства над собственным народом обездолили этот народ, лишив его веры, традиций и защиты. И это было названо — ошастливили диких славян.

БОГИ СЛАВЯН

Древние славяне Родом называли всю Вселенную, включающую в себя всех богов – и небесных и пекельных. Сварог – это небесный бог, дед богов, старший бог Рода божьего. Род выступал в двух ипостасях: как бог Вселенной и как домашний бог-предок, прашур. Род – отец и мать всех богов. По сути, это сама Вселенная. Род редко выступал как личность, и потому славили не его, а Сварога. Сварог был мужским воплощением Рода.

Очень принципиальным является то, что древние славяне верили в единого небесного Бога, – Вседержителя. Называли они этого единого Бога разными именами: Сварогом, Перуном, Свентовитом и, наконец, Триглавом, то есть Троицей. Славянская Троица расшифровывается так: Сварог – Бог отец, Перун-сын, Свентовит – святой дух. Эти три ипостаси составляют дохристианскую Троицу. В Велесовой книге говорится о “великой тайне” триединства Перуна, Сварога и Свентовита. Остальные боги полностью подчиняются Небесному Вседержителю – Триглаву.

В частности, для каждого месяца был свой бог. Название месяцев и имена богов совпадали: Белояр, Ладо, Купала, Сенич, Житнич, Венич, Зернич, Овсенич, Просич, Студич, Ледич и Лютнич. Были и боги, которые покровительствовали различным видам деятельности и явлениям природы. В XIX

веке Г. Глинка классифицировал славянских богов на высपरенних, преисподних, земных и водных. В работе “Древняя религия славян” он пишет:

“Итак, в число превысперенних богов поставлю обоженные существа вне земли находящиеся, а не оную только показывающие свои действия, ошутительные человеку. И таковые боги будут:

Перун, движение эфира, гром.
Златая Баба, тишина, покой.
Световид, солнце, жизненная теплота.
Знич, начальный огонь, эфир.
Белбог, благо и добро, начало.
Сильный бог, крепкий бог.
Дажбог, благополучие.
Живот, сохранение жизни.
Лед, война.
Коляда, мир.
Услад, удовольствие.
Лада, красота.

Дети ее:

Леля, любовь.
Полеля, брак.
Дид, супружество.
Дидилия, деторождение.
Мерцана, заря, богиня жатвы.

Земные – те, коих свойства отвлечены от земных полезных произведений, для жизненных человека потреб, или токмо к удовольствиям оных служащих, и которых они, кажется, были покровителями.

Тригла, земля.
Волос, Макошь, боги, покровительствующие скоту.
Купало, земные плоды.
Родомысл, податель благих советов.

Съва, богиня плодов.
 Зевана, богиня звероловства.
 Чур, бог межей.
 Проне, или Прове, бог прорекания.
 Родегаст, бог страннопримства и городов.
 Корс, бог пьянства.
 Ясса.
 Позвизд, бог бурь и ветров.
 Догода, зефир.
 Зимцерла, или Зимстерла, весна.
 Зимерзла, зима.

Преисподние боги, кои изображают собою месть и казнь, последующую за беззаконием и пороком.

Ний, владычествующий над преисподними странами.
 Чернобог, бог отмщения.
 Яга баба.
 Кикимора, бог сна.

Водные, коих власть простирается над водами, оные суть:

Царь морской	Русалки.
Чудо морское.	Водовики, водяные черти.

Духи:

Лешие.	Куды.
Домовые.	Черти.
Стени.	Бесы.
Лизуны.	

Полубоги, или богатыри:

Полканы.	Волхв.
Волоты.	Волховец.
Славян.	Рудоток.

Озера обоженные:

Ильмер.
 Студенец.

Реки:

Буг.
 Дон.

Мы уже говорили о том, что вера славян является естественной, по словам Глинки, "чистейшей". Глинка пишет:

"Их боги суть естественные действия, благотворением своим имеющие на человека влияние и служащие к страху и совершенства обоженные". М.М. Херасков (1733–1807) в поэме "Владимир возрожденный", которая была издана в 1787 году, об этом писал так:

В чем Север признавал священны божества;
 То были действия и свойства Естества,
 Морские слабости, сердец слепые страсти.

Глинка сюда добавляет "добрыя и благотворительные деяния".

Таким образом, все боги славян естественные, они соответствуют сути и строению окружающего мира. Многие исследователи за эталон принимают языческих богов античной Греции и Рима. Боги Рима не в счет – они скопированы с греческих богов. Принято у других народов искать соответствие греческим богам. Так же поступали и со славянскими богами. Но такой подход оскорбляет. Если можно так выразиться, славянские боги выше греческих. Бог, а точнее его образ, вид, задачи и т.п. – это творение человека, а точнее, видение истинного Бога человеком. По этому творению можно судить о человеке, о народе. Так вот, боги славян идеальные, они идеально соответствуют устройству окружающего мира, они соответствуют добрым, милосердным, разумным славянам. В этом смысле Глинка и говорил о "чистейшей" вере славян. Он ут-

верждает, что у славян нет ни одного бога, которого бы можно было считать обиженным человеком. Но это есть у греков, не говоря уже о римлянах. Конечно, это же свойственно египтянам, ассирийцам и финикийцам. Славяне знали и понимали, что "смертные не могут быть бессмертны". Глинка еще более ста лет назад хорошо понимал, что на самом деле представляет собой западное просвещение для славян, для России. Он написал слова, актуальные и сегодня: "Положение простое, но, мнится, худо вразумленное народами, хвалящими своим просвещением, и нашими во многом учителями".

Что касается иерархии богов славян, то Глинка о них пишет так:

"Славяне верили во Всевышнее Существо, Существо Всемогущее, всетворящее, собственное наименование которого было Бог. Прочие же были ему как бы подчиненные, или больше, лицеобразованные свойства природы. Бог, яко податель света, теплоты, плодородия земли и оживитель природы назван Световидом; а отвлеченно оный же будет бог просвещения и света ума. Бог, причиняющий гром, молнию, наречен Перуном; он же в отвлеченности есть бог, устрашающий яростью эфирно-огненных ударов, беззаконников. Бел-бог, или добрый бог, есть податель всяких благ. Крепкий бог, одно из свойств Вышняго, божество подлинно нравственное". Далее Глинка пишет:

"...славянское баснобожие было рассудительное, боги же их из отвлеченных понятий были лицеобразны, и притом часто остроумно и всегда верно. Если отнимем мы баснословие названия, то ныне и мы не иначе мыслим, и предки наши; кажется даже, что сей способ мыслить всем просвещенным народам общий. Красота, любовь, брак, замужество, деторождение суть у всех человеков понятия и действия сцепляющиеся. Солнце благоденствует земной природе; гром наводит страх; золотая природа, общая людей мать; благость, крепость, подавание благ, животодательство, свыше проистекающее, суть идеи древних, на коих они создали храм своего многообразия".

О славянских языческих богах мы, конечно, знаем не все. Многого утеряно. Ученые черпают материал из русских летописей, а также различных поучений против язычества,

которые были составлены в XI–XIV вв. Однако в этих материалах информация очень ограниченная. Это главным образом имена богов и указания, как бороться с языческими обрядами и божествами. Кстати, те, кто это воплощал в жизнь – христианские миссионеры, – тоже оставили значительную информацию в своих донесениях руководству церкви. Много таких данных оставили после себя католические миссионеры, которые трудились на поле брани с язычеством западных славян. В их донесениях содержатся многие подробности о храмах, богах и богинях, о языческих праздниках. В донесениях описывались и идолы язычников. В более поздних русских записях XV–XVII вв. описано язычество, сформированное христианством. Это главным образом пережиточные обрядовые формы этнографического порядка. К сожалению, большинство из авторов этих записей рассматривают языческих богов под углом зрения греческой и римской мифологии. Они пытаются найти у славян что-то вроде Юпитера, Венеры, Марса, Цереры и т.д. Очень информативны сами названия, например урочищ. Например, "Перунова Гора", "Волосова Улица", "Перынья Рень", "Перуна Дубрава", "Ярилова Плешь" и т.п. По таким названиям можно изучать не только географию распространения языческих богов и божеств, но и другие аспекты язычества. Кроме того, информацию о язычестве содержит фольклор славянских народов. В обрядовых песнях мы находим имена тех или иных богов, а также встречаемся с живой, одухотворенной природой. Каждое природное явление – это что-то личностное, одухотворенное. Примером может служить Коляда – бог праздничный. Он органически слит с предновогодней Колядой. Более того, в данном случае божество родилось из праздника, а не наоборот. С принятием христианства процесс рождения личностных богов язычников не оборвался. Безымянные берегини и упыри получали свои имена. В Чудовском списке "Слово об идеалах" (христианском) говорится, что уже в XVI веке появилось множество духов, которых называли по имени: домового называли Кутный бог (кут значит угол), появились боги Ядрей и Обилуха, которые отвечали за урожай (количество и качество). В этот период появились и другие язы-

ческие боги — Попутник, Лесной бог, Спорыньи и Спех. Последние помогали человеческим делам, успеху этих дел.

Можно называть их богами? Специалисты называют их то богами, то духами-демонами. Для нас ясно одно, что они не были главными богами, а стояли где-то в нижнем иерархическом ряду. Но важно не это. Важно то, что у наших предков каждый бог, каждое божество и даже демоны выполняли свои функции — не формальные, а жизненно важные.

В 1170-е годы Гельмольд писал: "...во всей славянской земле господствовали усердное поклонение идолам и заблуждения разных суеверий. Ибо помимо рощ (священных) и божков, которыми изобиловали поля и селения, первыми и главными были Прове, бог Альденбургской (Староградской) земли, Жива, богиня полабов, и Радегост, бог земли бодричей..." Это сказано о балтийских славянах.

Далее Гельмольд пишет: "У славян имеется много разных видов идолопоклонства, ибо не все они придерживаются одних и тех же языческих обычаев... Среди многообразных божеств, которым они посвящают поля, леса, горести и радости, они признают и единого бога..."

Последнее очень важно. Мы об этом уже говорили. Это значит, что в религии язычников был монотеизм. То, что кроме Единого Бога имелись и другие подчиненные Ему боги, не противоречит сути дела. В христианстве кроме Единого Бога имеются Христос, Богородица, святые и т.д. Поэтому не надо расценивать религию славян — язычество — как нечто более низкое, чем другие мировые религии (в том числе и христианство).

Кстати, писавший эти слова Гельмольд был католическим пресвитером. Он знал, что говорил. А он четко говорил о Едином Боге язычников. Кроме Единого Бога у славян были племенные боги и мелкие божки полей, лесов и отдельных селений. Имелось значительное число славянских женских божеств. Известны такие женские богини: Дивия (Дива), Жива, Падата, Желя, Морена, Купала, Макошь, Роженица, Лада, Леля.

Хотя богинь было много, но самой главной была Великая Мать природы.

Богиня Дива упоминается в "Слове об идолах". Там же после Дивы говорится о Макоши. Судя по тому, что Перун следует только после Макоши, она была более важной. Всеобъемлющей богиней была полабская Жива. Источник этой богини, скорее всего, относится к индоевропейскому периоду. Она имеется как в славянском мире, так и в крито-микенском. Кстати, индоевропейская Ма — это Великая Мать.

Несколько более низкого ранга была богиня Падата. Она олицетворяла погоду. О ней писал в XII в. Гельмольд. Падату чтили в Вагрии, близ Мобека, в городе Плуна. Гельмольд писал:

"...одни прикрывают невообразимые изваяния своих идолов храмами, как, например, идол в Плуна, имя которому Падата..." То, что богине поставили в городе храм, говорит само за себя — она относилась к разряду высших божеств.

Специалисты полагают, что само имя богини Падата не является собственным. Ее имя — один из эпитетов архаического женского божества природы и земли. Это имя, видимо, происходит от слова "подавать": подающая, подательница благ. А если так, то это женская ипостась Дажбога.

В "Слове о полку Игореве" говорится о богине Желе. Имя Желя происходит от слова жаление — скорбь по умершим. Поэтому могилу и называли "жалник". Так же называли и целый комплекс погребальных обрядов. Эту же богиню Zela упоминает и чешский хронист середины XIV в. Неплах. Православная церковь очень активно боролась с этой богиней. Ее роль старались всячески уменьшить. На Руси циркулировали специальные поучения, в которых предписывалось ограничивать неумеренные проявления печали на похоронах. Одним из таких предписаний было "Слово святого Дионисия о жалеющих". В нем задается вопрос: "Есть ли отошедшим отселе душам тамо кая полза от жаления?" ; "Дьявол жалению учит и иным бо творит резатися по мертвых, а иных в воде топится нудит и давитися учит". Иногда практиковались языческие соумирания. Но автор борется с этим не только потому, чтобы сохранить жизнь. Здесь подоплека глубже. Идеология загробной жизни у христиан и язычников была разная.

Тот факт, что богиня смертной печали Желя была у разных славянских народов и в разные времена, свидетельствует о том, что она очень древняя и очень почитаемая (важная).

Следует более подробно остановиться на таких божествах, как Морена и Купала. Здесь мы имеем дело с отражением цикличности в природе. Такое отражение мы видим и в других религиях. Божество (природа) осенью умирает, а весной воскресает. Это касается, прежде всего, растительности. Умирание ритуально, символично демонстрируется через сжигание символического божества, чучела, куклы. Во время обряда этот символ-чучело разрывали на части, сжигали, топили. Практически его хоронили, совершали обряд погребения и ритуального оплакивания. Этот обряд был очень широко распространен у славян (по сути, у всех европейских народов). Можно не сомневаться, что он очень древний.

Конкретно, согласно обряду, это происходит следующим образом. Ранней весной ритуально сжигают Масленицу. В разгар лета, в день Ивана Купалы (24 июня) обряд повторяется. Мы уже говорили, что здесь слились христианские и языческие обряды, а точнее – сохранились языческие обряды, но они привязаны хоть как-то к христианству. Так, никакого Ивана Купалы не было ни на самом деле, ни в вымысле. Были Иоанн Креститель (христианское) и Купала (языческое). Из них создали симбиоз – Иван Купала. Так и Масленица осталась в христианской России. Весной же в веселом обряде сжигают Масленицу и катают горящие колеса с горы в реку. Это символ сожжения зимы и встречи весны в день весеннего равноденствия. Именно в это время день побеждает ночь (становится после этого длиннее ночи), а тепло побеждает холод. Правда, христианская традиция существенно дело подпортила. Она вообще в язычестве очень много подпортила. То, что диктовалось природой, естественными процессами и нашло свое ясное отражение в языческих верованиях и обрядах, в языческой традиции, было очень сильно деформировано, хотя и сохранилось. Очень плохо, что было деформировано, потому что исказилась сама суть праздника. Это все равно, что приказом перенести праздник весны на осень и встречать весну первого сентября. В случае Масленицы этот принудительный сдвиг

меньше, но тем не менее он нарушает весь смысл праздника. Когда празднуют строго равноденствие (24 марта) – это понятно. Когда христианство сдвинуло этот праздник, то потерялся всякий смысл в нем. День весеннего равноденствия праздновался (и празднуется) во многих религиях. Так, у древних греков был медвежий праздник – комеедицы – комедия. Он приходился на 24 марта. У восточных славян был “праздник пробуждающегося медведя”. Еще в прошлом веке белорусы справляли этот праздник плясками в медвежьих шкурах или же в тулупах, вывороченных мехом наружу. Прошла тысяча лет после принятия христианства, а этот день праздновали даже в том случае, если он приходился на Великий пост (Великий пост у христиан не привязан к конкретной дате, он плавает). Христианство не смогло побороть язычество, но оно его деформировало, исказило, и при этом потерялась сама суть, соль праздника, его смысл. А праздник был распространен очень широко. Это и понятно – солнце на всех одно. Этот праздник праздновали не только восточные славяне. В Чехии и Словакии участниками масленичных игр были ряженые медведи. В другой стране – Македонии на масленицу “вели медведя на ужин”.

Что касается названия праздника Масленица, то он исходит оттого, что православная церковь, сдвинув праздник по своему усмотрению (чтобы он приходился за одну неделю до Великого поста), разрешала есть молочную пищу, и в том числе масло. Так что название Масленица не языческое, а христианское. Время проведения праздника также христианское. Основа праздника – языческая. Празднуют не Иисуса Христа, не Богородицу, а солнце. Поэтому пекут горячее изображение солнца (блины). Одновременно сжигают идола, который мешал солнцу давать людям тепло. Поэтому это чисто языческий праздник, хотя в наши дни истинный смысл его утерян. Мало кто знает, что поедает не просто блин, а горячее солнце. Надо еще раз подчеркнуть, что этот языческий праздник (как и все другие) очень естественный, очень правильный. Люди не просто устраивают карнавал, чтобы повеселиться, а празднуют переломный момент в развитии естественного процесса, от которого зависит их жизнь. Никакой мистики, никаких

жертвоприношений (кроме блинов), никакого насилия. Только радость по поводу наступления весны, за которой последует лето, а там и осень с обильным урожаем. Этому стоило радоваться, это стоило праздновать. Ведь это жизнь, и ничего надуманного тут нет. А вот когда праздник сдвинули по времени, то временная логика была потеряна. Осталась только гулянка, очередной повод для того, чтобы повеселиться.

Природа дала человеку обильный урожай. Будучи благодарным, человек выражает природе свою признательность, он благодарит ее. Радоваться было чему, благодарить было за что. В народе эти праздники называли зелеными святками. Понятно, почему зелеными: хлебные злаки уже созревали, поскольку посеянное в землю зерно уже отдало всю свою силу новым росткам, которые начали колоситься. Правда, это еще не праздник урожая, колосья еще не созрели. Это скорее благодарность за то, что все идет хорошо, что колосья завязались, что через месяц будет хороший урожай. Праздник – это не только выражение радости. Это и просьба к природе, моление, чтобы все благополучно, удачно завершилось обильным урожаем, чтобы сила весеннего ярового посева перешла в новые, созревающие, но еще не созревшие растения и передала бы им свою силу, энергию, ярь. Поэтому наряду с женскими чучелами уничтожали и чучело Ярило – мужского начала. Это чучело представляло собой символическое изображение фаллоса. Еще раз напоминаем, что Ярило это отнюдь не солнце, это то, что возрождает жизнь снова и снова.

Люди молились о том, что могло бы обеспечить им сытую, достойную, спокойную жизнь. Они молились о дожде, о сохранении скотины от волков, об отвращении грозы и о многом другом, от чего зависела жизнь. И не надо думать, что молитва – это проявление слабости, страха, унижения. Молитва – это аутотренинг, это психологический настрой. А если она была коллективной – то это еще и объединяющее начало. И не надо изображать язычников такими затурканными, забитыми людьми, которые жили в страхе перед стихиями. Все, что живет и развивается в гармонии с природой, не испытывает страха. Косуля пасется недалеко от волка, но она не дрожит от страха. При необходимости она убежит от него

(пока она здоровая) и так же без страха будет продолжать пастись. Так и у человека. Действовал принцип естественного отбора, но страха не было. Все шло естественным путем. Недалом в то же время, когда просили Ярилу передать силу ярового зерна новому урожаю, молились и о дожде, без которого не могло быть хорошего урожая. Все это было единым. Поэтому на зеленые святки и в купальские дни и прославляли зелень (троицкая береза) и хоронили Морену или Ярилу и совершали моления воде.

В момент летней кульминации солнца, в ночь под 24 июня, также праздновали (обязательно купальские огни). Человек не просто зависел от природы, он был частью природы. Из старого, ярового зерна вырастало новое. Об этом благодарили Ярилу. Но и у человека должно было происходить то же самое. Поэтому во время зеленых святок, параллельно с ним, как часть него, проводился весь комплекс эротически-брачных обрядов.

Куклы-чучела, которые сжигали, хоронили во время летних зеленых святок, называли по-разному: Морена (Мара, Марена), Купала, Кострома, Русалка, Смерть, Ярило, Горгон, Кострубонька.

Украинские и западные славяне Морену (Марену) понимали как смерть ("мор"). Это наименование куклы, которую в праздник предстояло уничтожить (ритуально). Специалисты спорят о том, свидетельствует ли это, что раньше были жертвоприношения. Песни, которые сопровождают похороны, как будто подтверждают это. Морена и Купала это одно и то же, это синонимы. По поводу утопления Купалы поют о девушке, которая утонула у брода. Но и здесь человек видит себя частью природы – мать утонувшей дочери Ганны уверена, что ее дочь не просто утонула, а растворилась во всей природе. Об этом сказано так:

Ганнына мати громаду збирала,
Громаду збирала, усим заказала:
"Не берите, люде, у броду води,
Щой у брода вода-то Ганнына врода,
Не ловите, люде, у Дунаи риби,
Що в Дунай риба-то Ганныно тило,

Не косите, люде, по луках трави,
Що по луках трава-то Ганнина коса...

Иногда при совершении обряда участвует не кукла, а живая девушка. Конечно, это игра, девушку по-настоящему не топят. Это представление с символическим смыслом. Обновленную девушку увивают цветами и понарошку топят в реке. При этом поют.

Здесь принципиально то, что наименование "Купала" происходит от самого принципа (купаться), а не от имени бога. Некоторые авторитетные специалисты считают, что бога (божества) Купалы не было. Был праздник.

Праздник Купалы был и у русских. Только он назывался по-другому – праздник Костромы. На празднике хоронили Кострому. Ее символизировала соломенная кукла, которую топили в воде. Христианство сдвинуло этот языческий праздник с момента летнего солнцестояния. Поэтому он праздновался позднее, неделю спустя после летнего солнцестояния. Это происходило на Петров день 29 июня. Ритуальную куклу Кострому, а заодно и других кукол, разрывали на части, а потом топили и оплакивали. Что значит "Кострома"? Полагают, что оно переводится как "поросшая земля". Это слово как русское, так и украинское. Правда, на Украине есть не только девушка Кострома (Морена), но и юноша Кострубонько.

На рис. 16–21 показаны символы аграрного культа.

НЕБЕСНЫЕ БОГИ СЛАВЯН

До прихода христианства славянский суперэтнос существовал тысячи лет. Его жизнь строилась на здоровой, правильной основе. Это здоровая равноправная семья, отсутствие рабства и крепостничества, отсутствие жертвоприношений, гармоническое отношение к природе. Вся разносторонняя жизнь общества регулировалась, регламентировалась не уголовным и гражданским кодексами, в которые время от времени вносились поправки. Она регламентировалась традици-

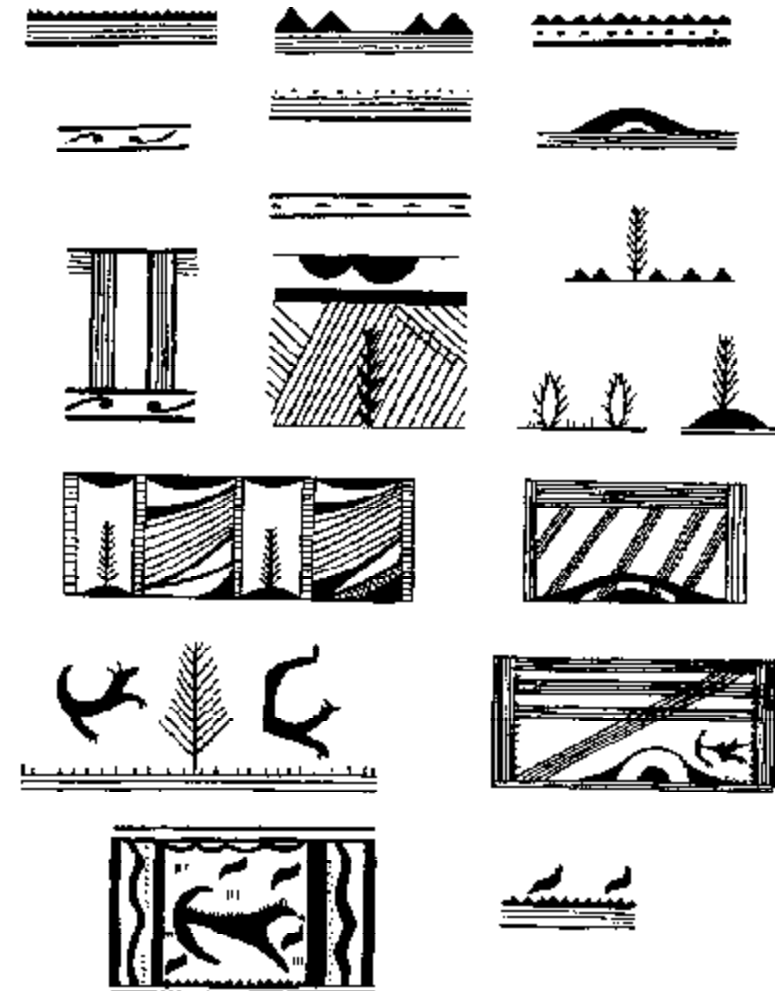

Рис. 16. Изображения растений, семян и дождя на трипольских сосудах. Три нижних рисунка содержат изображения собак, охраняющих молодые ростки

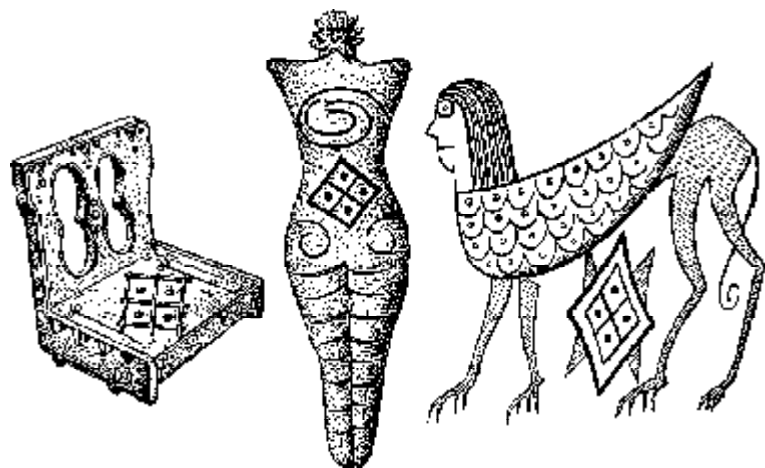

Рис. 17. Знак засеянного поля на энеолитических предметах (алтарик для первых плодов, женская статуэтка) и в античной росписи

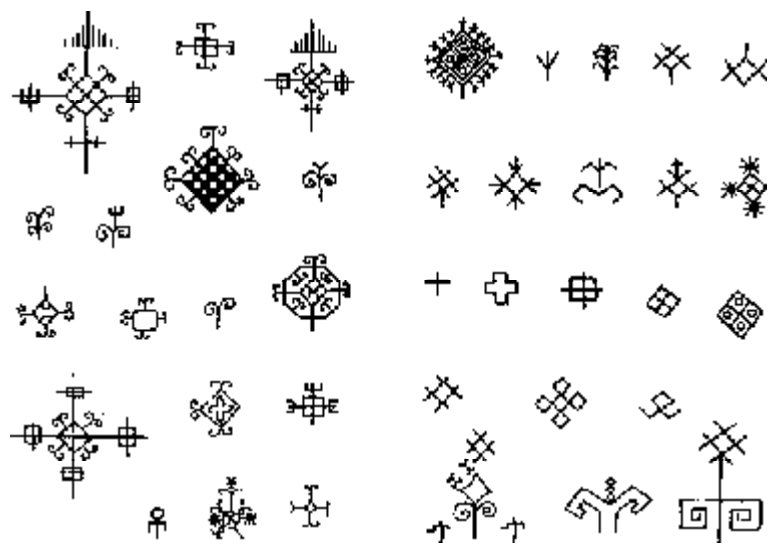

Рис. 18. Различные варианты знака плодородия на вышивках: яйца, ростки, идеограммы засеянного поля и т.п.

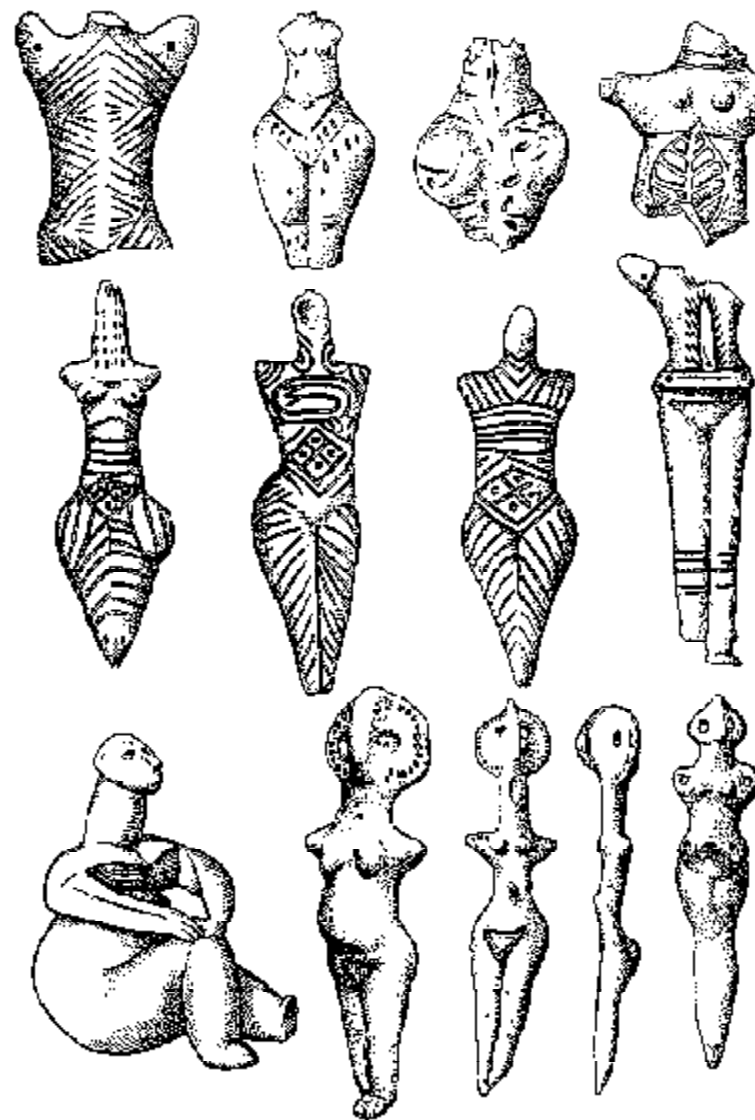

Рис. 19. Трипольские статуэтки с отпечатками зерен или со знаками засеянного поля

Рис. 20. Танец плодородия животных (Концешты). Одна из девушек в рогатом головном уборе; другая – в костюме додолы

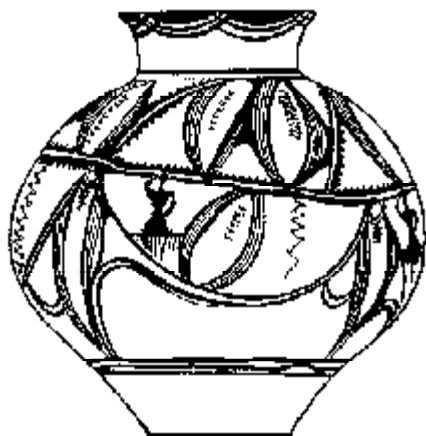

Рис. 21. Аграрно-магические изображения на сосуде трипольской культуры (Концешты, Молдавия). Наверху – общий вид сосуда. Внизу – три девушки, обвешанные зеленью (додолы), исполняют танец дождя. Вокруг них и над ними – колоски, окруженные дождевыми потоками

ей, одной из основных частей которой являются боги. Боги – это законы. Они (боги-законы) предписывают, что можно делать, а чего нельзя. Боги рождаются не на пустом месте. Их рождает сама жизнь, их рождают условия жизни как внутри общества, так и его отношения с другими народами и с внешней средой.

Конечно, мы потеряли большую часть из своей мифологии. Все, что касалось жизни народа в прошлом, выжигалось отцами православия безжалостно. Столетие за столетием язычество только ругали, но не изучали, не описывали, не анализировали. Когда же спохватились, то слишком многое уже оказалось утерянным. Тем не менее по оставшимся фрагментам ученые (истинные ученые) стараются воссоздать наше прошлое, наши традиции, наших богов. Воссоздав прошлое, мы можем рассчитывать на будущее.

Христианские "просветители" рисовали черной краской всю жизнь наших дохристианских предков. Все, что не было христианским, считалось греховным, низменным, не угодным Богу. Язычество рисовалось исключительно одной краской – черной.

Перун

Перун являлся грозным славянским божеством. Он являлся творцом всех воздушных явлений. Он управлял громом и молниями, был "погонятелем облаков". Перуна особенно почитали в Киеве и в Новгороде. В Киеве храм Перуну был сооружен на холме над Боричевым потоком. Этот храм описал Г. Херасков так:

Сей храм, ужасный храм, над Боричевым током,
Стоял сооружен на холме превысоком;
Курений восходил перед кумиром дым,
Запекшая кровь видна была пред ним.

И он же в другом месте:

Созижден высоко Перунов гордый храм,
Он тени распростер далеко по горам;
Пред ним всегда горит неугасимый пламень,

При входе утверждён краеугольный камень,
И камнем гибели народом наречён;
Он чёрной кровью отовсюду омочён;
На нём несчастная та жертва трепетала,
Свирепости жрецов которая питала:
Там смертоносные оружия висят,
Сосуды кровию наполнены стоят.

Этот храм Перуну был построен задолго до Владимира. Он его только возобновил и украсил. Как известно, Владимир построил много храмов Перуну во многих городах Руси.

История говорит о следующем. Киев в древности заселили славянские племена сарматского происхождения. Перун у них назывался Боричем. Поэтому и ручей назван Боричевским потоком. Известно, что Один был сыном Бора, а сам Бор был отцом богов. Само имя Перун происходит от слова Торым или Торум, которое на сарматском языке значит всевышнее существо, бог. Впоследствии Перуна изображают берущимся за громовую стрелу или, естественнее, за молнию, за электрическую "струю", или "за громовую искру".

Истукан Перун в Киеве был сооружён, сконструирован следующим образом. Его стан был вырезан из дерева. Голова была вылита из серебра. Уши и усы были изваяны из золота. Ноги Перуна были выкованы из железа. В руке Перун держал нечто, похожее на молнию, которую и представляли "вместе составленные рубины и карбункулы". Перед Перуном горел неугасимый пламень. За его поддержанием следили очень строго. За небрежное отношение к поддержанию этого пламени (вечного огня) жрец мог поплатиться жизнью. Его могли сжечь (и видимо сжигали) "как врага божества сего". Как видите, вечный огонь опять же не от христианства, а от язычества — нашей древней религии, которая связана с нашими корнями, проросшими вглубь тысячелетий.

М. М. Херасков в поэме "Владимир возрожденный" так описал храм Перуну:

Сей мрачный храм вмещал ужасного кумира,
На нём златый венец, багровая парфира;
Извитые в руке перуны он держал,
Которыми разить во гневе угрожал;
Златые на челе имел велики роги,

Серебряную грудь, имел железны ноги;
Горел рубинами его высокий трон,
И богом всех богов именовался он.

Человека всегда надо было поддерживать в его благородных делах. Но он в такой же мере нуждался в том, чтобы его одергивали тогда, когда он замышлял и даже совершал злые дела. Весьма эффективно одергивал человека сам вид Перуна. Человек видел перед собой ужасное громомечущее божество. Он всегда был готов безнравственных и незаконных казнить и истребить. Перун почитался владыкою между богами. В той же поэме сказано:

Пространный шар земной его трепещет.
Разит перунами, он молниями блещет,
Убийство на челе, смерть несёт на очах,
Его венец змеи, его одежда страха.

Перуну приносили жертвы. В его честь закалывали скотов. Кто чувствовал за собой грех, жертвовал "бороδοю и головными волосами, обривая их".

Перуну посвящали целые леса и рощи. В таком лесу нельзя было взять или сломать даже сучок. Это почиталось святотатством, достойным смерти. Так решалась проблема защиты природы. Действовали заповедники, в которых не требовалось ни охранников, ни инспекторов, ни других чиновников. Все функции выполнял Перун. И очень эффективно. Это пример того, как религия решала все проблемы общества.

С приходом христианства идолы Перуна в Киеве и в Новгороде были свергнуты. Киевский Перун оказался в Днепре, а Новгородский — в реке Волхов.

В заключение приведем отрывок из древнего гимна Перуну:

Боги велики; но страшен Перун;
Ужас наводит тяжела стопа,
Как он в предшествии молний своих
Мраком одеян, вихрьми повит,
Грозные тучи ведёт за собой.
Ступит на облак — огни из-под пят;
Ризой махнет — побагровеет твердь;
Взглянет на землю — встрепещет земля;
Взглянет на море — котлом закипит,
Клонятся горы былинкой пред ним.

Страшно! Свой гнев ты от нас отврати!
 Бросив горсть граду во тысячу мер;
 Только ступил, уж за тысячу верст;
 Лишь от пяты его облак зардел;
 Тяжка стопа гул глухой издала.
 Кой горы, море и землю потряс,
 И лишь сверкнуло воскраие риз”.

“Громовый знак” показан на рис. 22, 23, а капище Перуна под Новгородом показано на рис. 24.

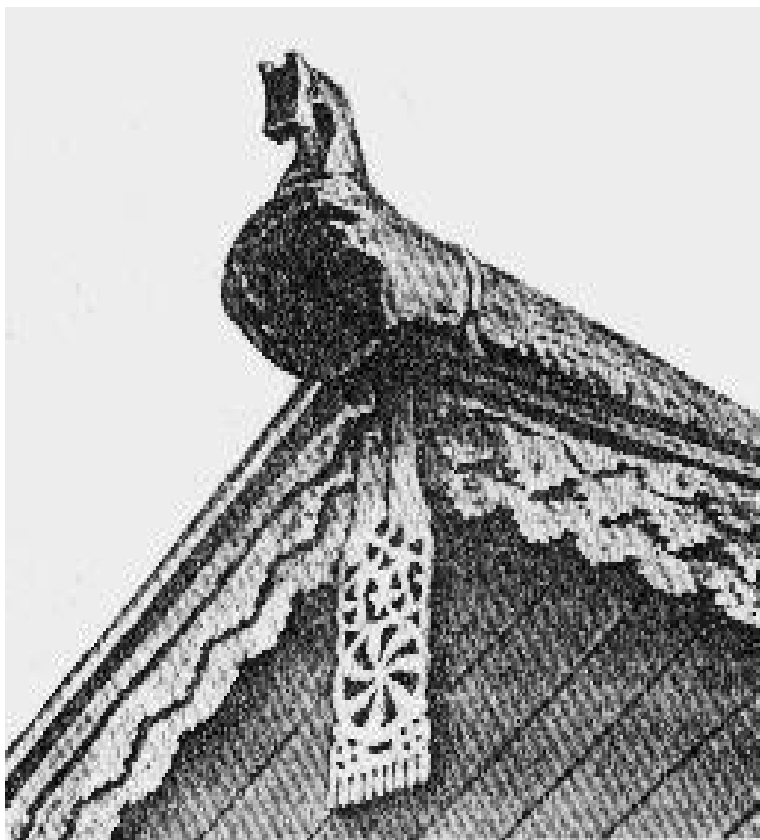

Рис. 22. “Громовый знак” под коньком крыши. Север России

Рис. 23. Громовый знак на “полотенцах” избы (Архангельская обл.)

Златая мать

Златая мать, или просто Баба, была богиней покоя и тишины. Ее истукан был изготовлен из золота. Поэтому, видимо, и называли ее “Златая”. Хотя и по характеру она была золотой. Богиня-мать на руках держала младенца, который был ее внуком. Поэтому ее и называли Бабушкой, Бабой. Внук ее тоже Бог. Это Световид. Вокруг истукана было много музыкальных инструментов. На них восхваляли Мать во время ее праздника. Ей воспевали хвалы. Славянский храм Матери был воздвигнут “при реке Обиге или Обге”. В этом храме богиня-Мать давала ответы вопрошающим ее. Поэтому этот храм назвали прорицательным. Слава этого храма была очень великой. Каж-

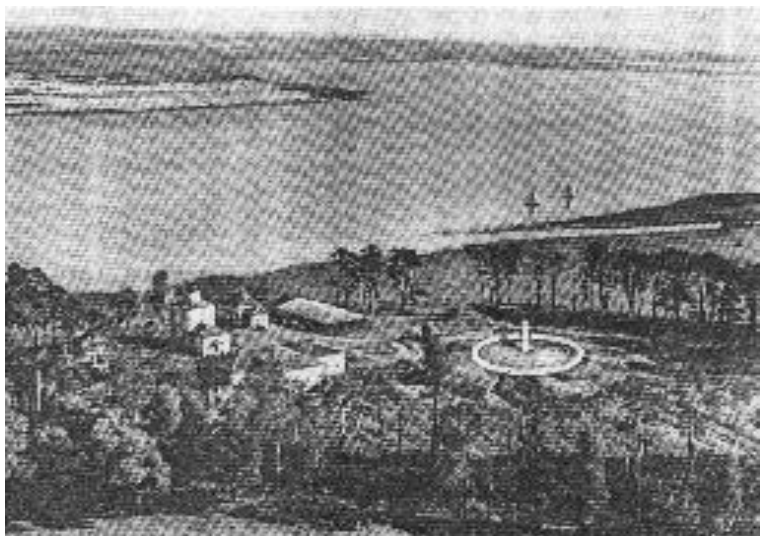

Рис. 24. Капище Перуна под Новгородом в роще "Перынья". Условным белым кругом обозначено капище, открытое раскопками В.В. Седова

дый проходящий мимо храма приносил богине-Матери жертву. Если у него при себе не было ничего, то он жертвовал кусочком своей одежды и с земным поклоном подносил богине.

Световид

Световид был внуком Бабушки, Бабы, Златой Матери. Он пользовался великим почитанием у славян. Его великолепные храмы имелись на острове Ругене в городе Ахроне и в Холмограде. Это в том месте, где располагалось село Бронницы. Впоследствии отцы церкви снесли этот храм и на его месте построили церковь святого Николая.

Храм Световида в городе Ахроне был деревянным. Он возвышался на равнине. Снаружи стены храма были украшены всякими картинками. Имелась только одна дверь. Она служила и входом и выходом. В храме были два помещения. Одно было

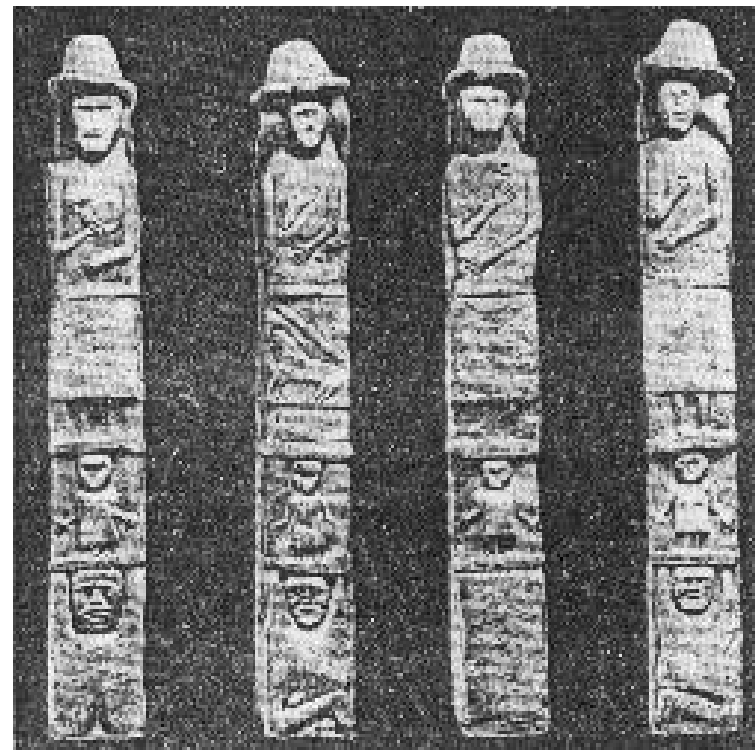

Рис. 25. Збручский идол. Световид-род. IX в. н. э.

окружено пурпурною стеною, а другое состояло из четырех столбов с прекрасными завесами. В этом помещении находился идол. Тут же рядом висели его седло, узда и меч. В храме было много рогов диких зверей. Они служили украшением храма.

Истукан Световида был сделан из дерева (рис. 25, 26). Он был огромным. Световид был представлен с четырьмя лицами, каждое лицо смотрело в одну из сторон света – на восток, запад, юг и север. У Световида бороды не было. На голове у него были завитые кудри. Одежда на нем была короткая. В левой руке Световид держал лук. В правой руке у него был выкованный из металла рог. При бедре Световида был преве-

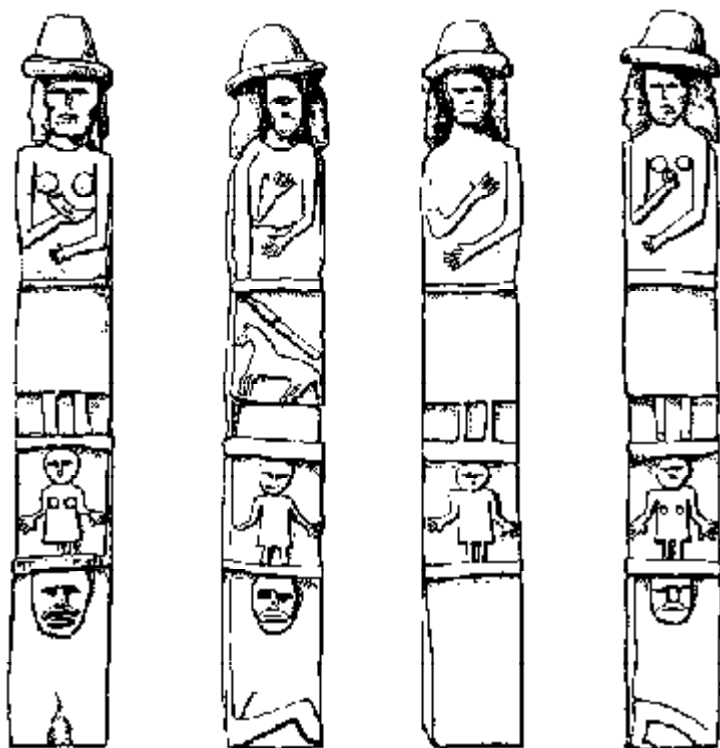

Рис. 26. Предполагаемое значение отдельных изображений Збручского идола

ликий меч. Он был вложен в серебряные ножны. Поблизости от него висели седло и узда его коня. Размеры их огромные, как и размеры самого Световида.

Этот истукан Световида стоял посреди великолепного храма. Он был завешен великолепными красными занавесками. Один раз в году он давал ответы на вопросы верующих. Он говорил устами жреца. Дело происходило так. Главный жрец входил в святилище бога. Он весь был сосредоточен, даже удерживал свое дыхание. Для общения с мирянами он или выставлял голову, или выходил из святилища. Все это было строго регламентировано.

Этот годичный праздник Световида начинался по окончании жатвы (июль–август). Весь народ собирался перед капище. Программа праздника была очень многообразной, широкой, многоплановой. Праздник, единственный в году, справлялся с продолжительными торжественными обрядами. Пригоняли множество скота. Часть для жертвоприношений, а часть для пиршества, для празднества. События развивались следующим образом. За сутки до праздника сам начальствующий жрец выметал храм бога. На следующий день жрец брал из руки рог Световида. Рог Световида в течение года наполняют вином. Световид устами жреца предсказывал о плодородии в следующем году. Основным признаком было то, сколько в роге убыло вина (испарилось). Полагали, что если убыло много вина, то год будет бесплоден. Метеорологи бы на своем языке сказали, что если было мало влаги, то в будущем будет плохой урожай. И наоборот, если было влажно (вина испарилось мало), то урожай в будущем году будет хороший. В общих чертах это правило очень неплохо соответствует современной науке метеорологии. Таким образом, предсказание проводили не гаданием на кофейной гуще, а исходя из здравого смысла. Вино прошлого года из рога выливали пред стопами Световида. Тут же рог жрец наполнял новым вином и выпивал его в честь бога. При этом жрец просил бога, чтобы тот даровал людям во всем изобилие, богатство и победу над врагами. После этого жрец наполнял вином и вставлял священный рог в руку Световида. После этого все сообща молились богу. Далее Световиду приносили многочисленные жертвы от волов до овец. После того как жертвоприношения были завершены, вносили огромный круглый пирог, который был состряпан из пряничного теста. В этот пирог мог поместиться во весь рост человек. Во внутрь пирога входил жрец и оттуда спрашивал народ, видят ли его? Когда ему отвечали, что он совершенно не виден, то он обращался к Световиду. Он молил его, чтобы на будущий год его хотя бы немножко увидели. Специалисты в этой сцене усматривают, что жрец изображал солнце в зимнее время. После этого он просил Световида, чтобы солнце стало видимым, чтобы оно возвратилось, чтобы после зимы вновь все ожило.

Не вызывает сомнения, что Световид был богом, который одушевлял весь наш мир. Световид это, по сути, солнце. У него четыре лица. Это четыре сезона. Стрелы и лук у Световида — это лучи солнца. Богу Световиду посвящали белого коня. Это символизировало видимое движение солнца. Рог в руке Световида означает изобилие, которое порождено теплотой солнца — Световида. Меч в руках Световида означал его как бога-защитника и покровителя славян.

Когда обряд закончился, начались жертвоприношения скота. Тут жрец выступал с пространной речью-поучением. Он поощрял слушающих к прилежному почитанию и жертвованию сему богу. Жрец от имени бога обещал народу земное продолжение, здоровье, победу над врагами как на суше, так и на море.

По окончании всех обрядов богослужения и жертвоприношения народ начинал есть, пить и веселиться.

Как уже было сказано, Световиду посвящали белого коня. На этого коня никто, кроме первого жреца, не мог сесть. Весь конь был священным, не разрешалось даже волосок тронуть на этом коне. В противном случае был риск потерять жизнь. Было известно, что на белом коне Световид побеждал неприятелей. Это происходило по ночам. И свидетельства этому находили утром. Под вечер оставляли коня вычищенным, а утром его находили запотелым и загрязненным. Это и понятно, поскольку конь ночью сражался с неприятелем. По состоянию коня прорисовывали, стоит начинать войну или не стоит. Следили за тем, насколько умучена лошадь Световида.

Гадали следующим образом. Перед храмом ставили шесть коней, по два в ряд и на известном, определенном расстоянии друг от друга. К каждой паре коней привязывали по копылю поперек так высоко, как только лошадь может перешагнуть. До того, как лошадь начинали вести между копий, жрец с известными обрядами молился Световиду, читая многие нарочно для него сочиненные молитвы. После этого жрец с богоговейными обрядами брал коня за узду и вел через три поперечные копыля. Если лошадь шагала наперед через них правой ногою, и при этом через все три не запутавшись, то обещали себе окончание войны самое благополучное. Если все

происходило не так, то это означало неудачу в будущей войне. По такому показанию, гаданию в случае неблагоприятного прогноза войну откладывали.

Что касается храма Световида, то он был очень богатым. Как везде и всегда, жрецы получали не только дары, но и часть военной добычи. Сам Световид сражался также. Точнее, от него сражались триста всадников. Полученную военную добычу они приносили храму. Кроме того, треть всей военной добычи отходила храму.

После крещения все храмы Световида были разрушены.

В качестве приложения приведем описание храма Световида, данное Глинкой в статье "Храм Световида", опубликованной в 1803 году в "Вестнике Европы".

"Мерцана еще покоилась в объятиях Царя вод; Часы стерегли вход и выход из солнцева дому, и присножрый Световид на златом ложе покоился в объятиях Триглы, как Рурик с Олегом восходят на освещенный холм, где возносится храм Световида, храм возвеличенный и достойный бога, славимого в нем! Первосвященник Световидов, Боговед, сопутствуемый жрецами, прядет ему во сретение. Рурик приступает ко вратам храма; но удивляется, видя их затворенными. "Они не могут быть отворены, — говорит Боговед, — доколе первые лучи солнца не ударят в лицо бога; и тогда глас трубный возвестит присутствии его. Когда же последний луч сойдет с лица Световидова, глас заунывного рога и глухого бубна возвещают о сокрытии от нас благотворного светила. День мрачный в наших законах равен ночи". — Ночь была светлая и подобная зимнему дню, когда солнце слабыми лучами сквозь иней сияет.

Князь, в ожидании первых на обзоре лучей, пошел вокруг храма, желая осмотреть его. С долу он казался ему невелик; но Рурик удивился, нашедши его огромным. Он был окруженностью в 1460 шагов. Двенадцать огромных яшмовых столпов коринфского чина поддерживали навес его кровли; оглавия их были из позлащенной меди. Триста шестьдесят окон и двенадцать врат заключались медными затворами. При каждых дверях стояли два жреца с трубами. На медных вратах изображались двенадцать знаменитых доброго бога подвигов; как для пользы нагих людей он произвел овна, который в то же мгно-

вение устремился к ним, да предложил им свою волну; как, усмирив вола неукротимого и дав им во служение, изобрел для них плуг и все земледельческие орудия; как сражается и побеждает Черного бога, похитившего чад его, близнецов Дажбога и Зимцерлу. Тамо видно Морское Чудо, чадо Чернобога, как оно, в великого рака, хочет похитить солнце: но опаленное жгучими его лучами, упадет — и сильным ударом своего хребта разбрызгивает как каплю текущий Волхов, и сделав в земле отверстие, производит море Русское. Здесь ужасный лев, с медным хвостом и алмазными зубами, похищает у Велеса скот, а сего бога приводит в трепет; но Световид разит его ударом золотого самосека, берет хвост его (из коего родились полозы) и зубы и помещает на небе, где доньше видим их и называем львом. Тут изображена любовь его с прекрасной Триглавою, и терзание Чернобога, влюбленного в нее. Световид, играя на гуслях, поет ей нежные стихи; она его венчает васильковым венком, а вокруг их пляшут Зимцерла, Лада, Сева и Мерцана. Румянощекая Дидилия с распущенными золотистыми волосами, в алой легкой ризе, подносит им в алмазной чаше золотый небесный мед, питье богов. Леля, сидя подле гуслей, слушает и лукаво улыбается. Дидо, взвисьшись в воздух, пускает тяжелые стрелы в Чернобога. Бел-бог, носясь над ними на облаке, приятно усмехается. Там Перун держит великие весы, ниспущенные им с неба для решения жестокой распри между Белбогом и чадами его, и между Чернобогом и чадами его, когда начиналась между ими жестокая брань, долженствовавшая разрушить мир; когда Ний в неистовстве потрясал землю, извергая из нее пламя, Чудо Морское колебало берегами, и Яга, дщерь Чернобога, вооруженная железною палицей, разъезжала на крылатой своей колеснице, и сбивала с мест горы. Но великий Перун желал примирить их и послал едину из служащих ему Молний, да возвестит волю его. Тогда род Белбога воссел в единую чашу весов, а род Чернобога в другую. Перун поднял весы, и чаша с Чернобогом вознеслась выше темных облаков; но чаша с чадами Белбога осталась на земле. В другом месте видно было, как Световид поразил великого Скорпиона, когда сей похитил его дщерь Зимцерлу, оплакиваемую Дажбогом. Ний, зря его, от страха

сокрылся, и Световид возвратил Дажбогу его сестру и супругу. Но злобный Ний, отмщая ему за сие, ниспустил на землю ночь, лютые морозы, снега, метелицы... Световид, поразив всех их золотыми стрелами, прогнал назад в область Ния. Ний, пылая еще против него гневом, послал домового духа, да умертвит любимых коней его; но Световид создал сребророгатого и волносребристого смелого козла, и пустил для истребления сего духа. На десятых дверях изображен бог света, ликий с гор, из золотых водоносов, обильную воду, от которой приеждут начало реки: Волга, Днепр, Двина, Дон, и славное озеро Ильмень. Он населяет их рыбами, пуская каждого рода по двойне. Завидую сему, Морской Царь послал кита пожрать их; но Стриба поразил его тогда же изобретенною острогою, и, вынув, положил на том месте, где стоит храм Световидов; холм составился из китового праха. Таковы были изображения на дверях. Храм сооружен был из светло-серого дикого камня. Свесы от стены до столпов измерялись двумя большими шагами, имея шесть ступеней восходу. Кровля, полушаром, состояла из вызолоченной меди. Посреди ее стоял медный позолоченный истукан Световида; по краям на четыре стороны, а поставлены были четыре истукана, изсеченные из мрамора. На востоке истукан Мерцаны, богини, властвующей над началом дня и предшествующей всегда Солнцу, дочери Дажбога и Зимцерлы, богини весны, супруги Царя Морского; ее должность была отверзать Световиду врата небесного дому его, когда он показывался в мире. Световид для отличия даровал ей венец из единых звезд; и риза ее золотобагряна. Радость всегда блистала на румяных ее ланитах, и она в пирах подносила богам небесный мед. Мерцана, равно как и Световид, присножна. На юг поставлен был истукан Купалы, сына Мерцаны и Севы. Он имел вид молодого человека в короткой и легкой одежде. Огонь плодотворения пылал в его очах; чему только касался, все рождало: не только звери, скоты, рыбы и гады, но даже деревья и травы. Он имел обиталище на юге. Жертвовали ему возжением только прутьев, с песнями и плясками: чем изображались огонь плодотворный и веселость. В ногах у него кролик; в руке пламенеющий огонь; на голове венчик из цветов, именуемых по его имени купальницами. Дого-

да, брат его, есть из всех богов любезнейший, кротчайший и прекраснейший. Истукан Догодин стоял на западе. У него развеваются по плечам волосы: венки из шипов; за плечами голубые крылья, и риза на нем тонкая голубая. Улыбка всегда на румянном его лице. Он столь всеми любим, что смело целует самую Ладу; в руках у него опахало. Свирепого Позвизда истукан стоял на севере. Лицо его в морщинах и сердито. Голова окутана лоскутом кожи белого медведя; борода замерзлая; одежда из оленьей кожи; ноги обуты в кожу гагачью. В руках держал он мех, в готовности развязать для излияния морозов, бурь, снегов, градов, дождей и непогод. Он считался богом всех ветров. Повествуют, что жилище его есть на краю северном, на горах Скандинавских, где он имеет свой престол и где у него множество детей, подобно ему жестоких. Сей бог, будучи сын Сильнобога, увеселяется, воздымая бури, потопляя корабли, ломая деревья, посылая всюду мразы и непогоды. Он требует почасту себе в жертву людей. Таковы были четыре истукана, стоявшие на кровле храма. На холме же расставлено было соразмерным образом до трехсот пятидесяти треугольных жертвенников.

Между тем как Рурик рассматривал и вопрошал Боговеда о значении виденного им, раздался глас труб от двенадцати врат, и врата отверзлись...

Великий первосвященник Боговед вступил во врата западные, одному ему предназначенные для входа. Рурик с Олегом входят в храм через врата восточные, и божественный страх объемлет их душу: они зрят лице Световида, сияющее яко медь в горниле. Великий первосвященник — по обыкновению одетый в четыре тонкие хитона, один другого длиннее: в багряный, зеленый, желтый и белый; в опоясании, на коем искусно вышиты двенадцать подвигов Световида; в златом венце, украшенном семью драгоценными камнями, — держал в руке златую чашу, исполненную чистейшего винного духа. Двенадцать окружающих его жрецов держали великую серебряную лохань, у коей были три разные ноги: одна наподобие орла, другая — вола, и третья — кита. Прочие жрецы составляли семь поющих ликов и двенадцать ликов в трубы и роги трубящих и бьющих в бубны, и четыре лика на струнах и гус-

лях играющие. Тогда великий первосвященник подошел к престолу, стал на колени, и вознеся златую чашу, читал молитвы; после прикоснулся чашею к рогу, находящемуся в руке Световида: дух винный воспылал, и потряслися своды от гласа труби рогов, от звука бубнов, от звона струн, гуслей и орудий, и от гласов певцов, восклицавших: "слава!" Между тем Боговед поднес пылающую чашу Князю, который, приняв ее, излил в серебряную лохань, — и взвилось перед богом лазуревое пламя жертвы благоугодной. И тогда семь ликов, хотя кругом один по единому, предводимые первым песнотворцем, тако воспели:

ПЕРВЫЙ ЛИК И ОБОРОТ
 Ясен месяц во полночи,
 Звезды ярко блестят ношью,
 Месяц серебрит воды темныя,
 Звезды златят небо синее;
 Только греет одно солнце ясное.
 ВТОРОЙ ЛИК И ОБОРОТ
 Греет оно и питает нас;
 Позвизд его устрашает;
 Взглянет — Зимезла бежит отглаз, —
 И Зимцерла к нам спускается.
 Как благотельно для нас оно!
 ТРЕТИЙ ЛИК И ОБОРОТ
 При востоке его видеть радостно:
 Когда на обзоре появляется,
 Дверь златая тогда отверзается
 Велепных чертогов его.
 Он из терема идет высокого,
 Из высокого, из небесного,
 Как могучий витязь с победою.
 Световид! Мы тебе поклоняемся!
 ЧЕТВЕРТЫЙ ЛИК И ОБОРОТ
 Как здесь вся тварь весела,
 Встретив отца и царя!
 Главы подъяют дерева;
 Освежились цветок и трава;
 Птички порхают, поют,
 Славу и честь воздают,
 Имя твое вознося.
 ПЯТЫЙ ЛИК И ОБОРОТ
 От радости трепещут
 Поля стеклистых вод;
 Льды светлы искры мещут,
 Узря его приход...
 Ему лес поклоняется,

Сырбор к земле преклоняется;
 Листьев ветер не шевелит,
 И дубрава не шумит;
 Рек пороги лишь гласят:
 "Велик, велик Световид!"
 ШЕСТОЙ ЛИК И ОБОРОТ
 Боги велики; но страшен Перун!
 Ужас наводит тяжела стопа,
 Как он, в предшествеи страшной грозы,
 Мраком одеян, вихрьми повит,
 Грозныя тучи ведет за собою;
 Ступит на облак — огонь из-под стоп;
 Ризой махнет — побагровеет твердь;
 Взглянет на землю — трепещет земля;
 Взглянет на море — пеной кипит;
 Клонятся горы былинкой пред ним.
 Страшный свой гнев ты от нас отврати!..
 Бросив горсть града во тысячу мер,
 Только ступил, уж за тысячу верст;
 Лишь от пяты его облик зардел.
 Сильна стопа звук глухой издала
 (Он землю и море потряс)
 И се последняя сверкнула пола!..
 Тихий, любезный Световид! возвратися,
 Нас беспомощных и сирых утешь!..
 Мило, как он оскабляется нам,
 Шествуя в бедствах утешить людей.
 СЕДЬМОЙ ЛИК И ОБОРОТ
 Почитаемы небожители
 За их доблести и могущество;
 Но всех доблестей превосходнее
 Добродетель с милостью, с кротостью;
 В милосердии всемогущество,
 Всемогущество Световидово.
 Царю звезд, тебе поклоняемся,
 Пред тобою мы подвергаемся! —
 Х О Р
 Только греет одно солнце ясное.
 Как благодетельно к нам оно! —
 Световид! Мы тебе поклоняемся,
 Имя твое вознося.
 Коль велик, велик Световид,
 Шествуя в бедствах утешить людей!
 Царю звезд, тебе поклоняемся,
 Пред тобою мы повергаемся!

Посем двенадцать ликов, играющих на трубах, рогах и бубнах, окружили внутренность храма, воспевая в честь Световида торжественные песни.

Скончалось громкое трубоглашение, и вошли четыре младые девы; у каждой в руках по кошнице. Одна была в багряном платье, имея через плечо голубое перепоясание; голова убрана лиственными шипками. Другая в зеленом, имея перевязь красную, на голове венок из миртов; третья в златоцветном, имея венок из класов и багровую перевязь; четвертая в белом платье, в серебряном увясле (диадеме), перевязь золотая. Первая, став на колена и вынув из кошницы цветы, рассыпала их пред Световидом; другая предложила разные плоды; третья класы и виноград; четвертая златый венец. Вскоре струнное и пение началось, и каждый лик сперва играл особенно, и каждая дева перед Световидом плясала; потом все четыре лика, соединяясь, играли песни, и четыре девы плясали.

Лицо Световида становилось светлее; по окончании пляски истукан поколебался. Первосвященник, двенадцать жрецов, ликовствующие, певцы, истратели, трубогласители, предстоящие пророки и творцы пали на землю; и тогда рек Световид:

Имя твое есть от запада и до востока
 И от предел моих к северу твой есть предел;
 Слава твоя да наполнит вселенную;
 Яко песок на берегу, тако пламя твое;
 Тысячью лет изочту я твой век;
 И да поклонится всякий тебе человек!

Песнотворцы собрали глаголы сии, написали на златой доске и вручили Рурику: он, прочитав их, отдал для истолкования пророкам.

Тогда лицо Световидово утратило сияние, и лики возгласили отшествие на трубах, рогах и бубнах. Щедрый и набожный Рурик велел на всех жертвенниках принести Световиду по белому волу и жертвенные мяса разделить войску и народу. Олег шествовал исполнить сие; великий же князь с Боговедом пошел в чертог свой, для собеседования с первосвященником о всем виденном, и для сведения от него сущности веры славян.

Макошь

Макошь — это женское божество (рис. 27–31). Макошь упоминается во многих источниках. В "Повести временных лет" (начало XII в.) при описании событий 980 года говорится, что Макешь входила в состав пантеона языческих богов, который создал киевский князь Владимир. Христианство активно боролось против языческих богов и божеств, против того, чтобы их почитали. Распространялись разные циркуляры, инструкции, предписания, поучения. Практически во всех таких христианских манифестах упоминается Макешь. Это в период

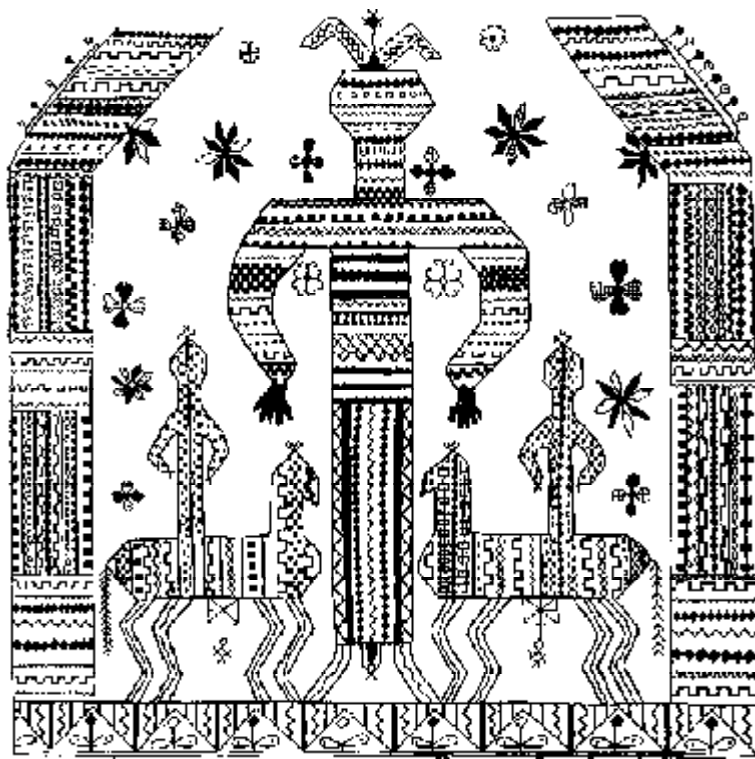

Рис. 27. Предполагаемое изображение Макоши (русская вышивка, Север)

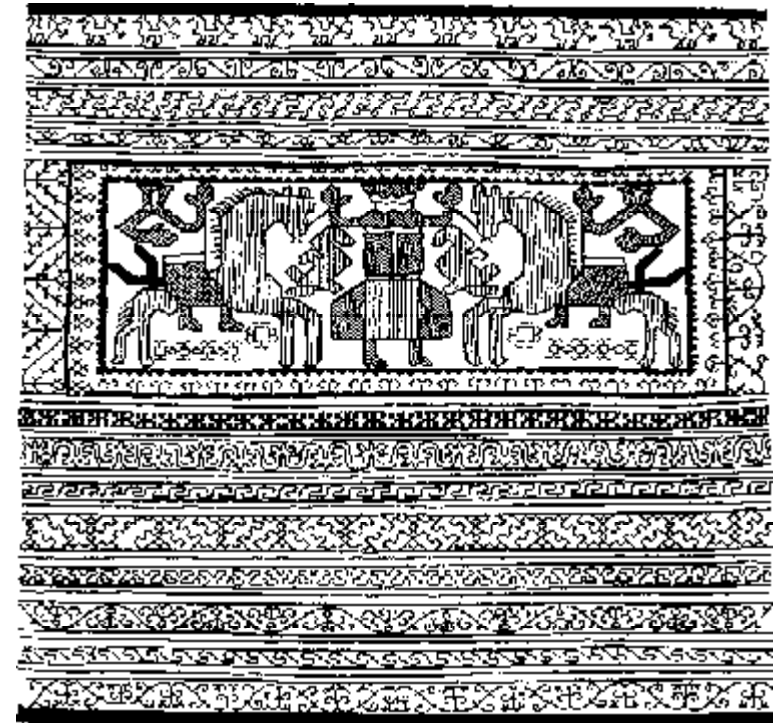

Рис. 28. Встреча весны. В центре — Макошь с поднятыми к небу руками. На конях — женщины с сохами позади

XV–XVI вв. Уже в XIX в. были составлены этнографические записи на Русском Севере, из которых следует, что люди верили в Макошь (Мокошь, Макешь, Мокуша, Макуша). У западных славян, видимо, такой богини не было.

Что значит имя "Макошь", не очень ясно. Возможно, оно происходит от слова "мокнуть". Но письменно встречается как Мокошь, так и Макошь. Даль пишет слово через "а": "Бог не Макошь — чем-нибудь да потешит".

Христианское духовенство приравнивало "Мокушь" к рангу знахарки. Это следует из списка вопросов, которые должен был задавать священник тому, кто исповдался. Е.В. Аничков поэтому писал о "гадательном характере" богини. Были

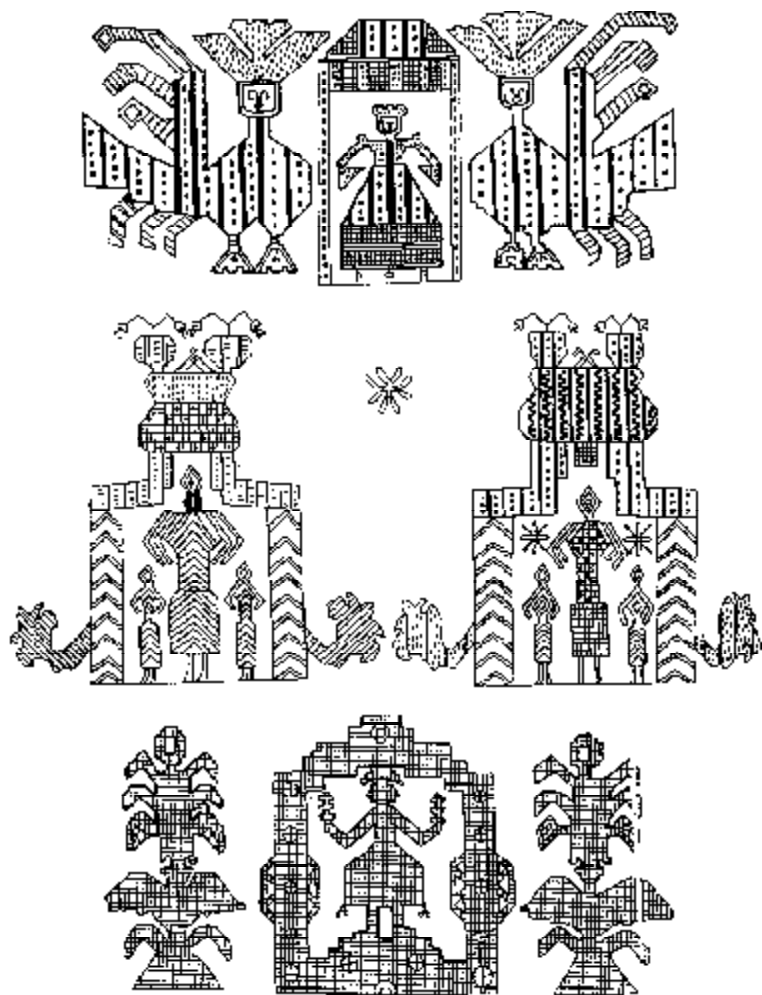

Рис. 29. Капища Макоши

высказаны специалистами и другие мнения. Так Н.М. Гельковский считал, что Макошь — это что-то вроде русалки. Он писал: «Макошь — дух умершего, скорее обитавший в воде, чем на суше». Но он писал эти слова очень неуверенно, неда-

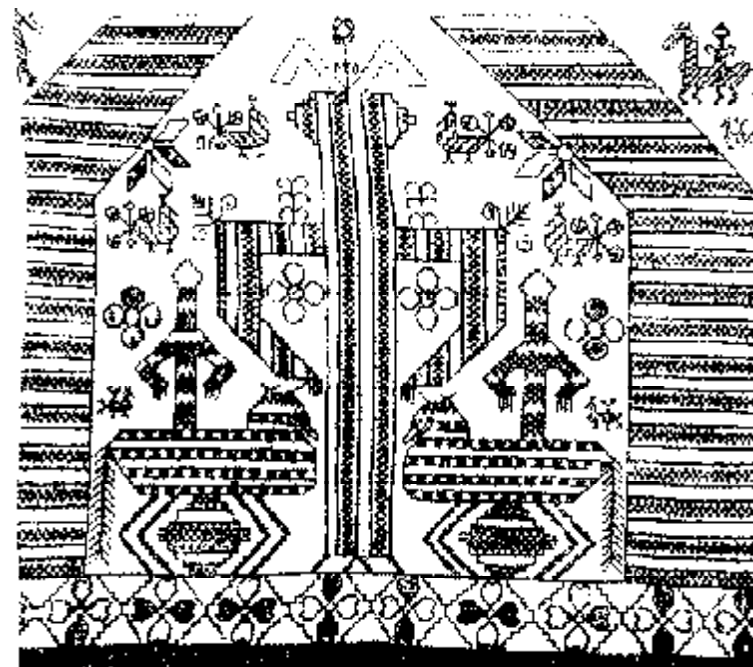

Рис. 30. Макошь и всадники (всадницы)

ром в другом месте он написал: «После всех толкований слово Макошь остается темным и необъяснимым».

На самом деле здесь все проще. В «Повести временных лет» сказано: «И начал княжити Володимир в Киеве один. И поставил кумиры на холме вне двора теремного: Перуна древяна, а главу его серебряну, а ус злат, и Хърса, и Дажбога, и Стрибога, и Съмарьгла, и Макошь». Значит, Макошь была только на седьмом месте. В христианских поучениях против язычества XII–XIV вв. Макошь иногда примыкает к списку летописных богов, таких как Перун, Хорс и др. Но чаще всего имя ее соседствует с упоминаниями вил-русалок (вилы — души умерших) и собакой Симарглом. Что касается Симаргла, то он был связан с семенами и всходами. Русалки же были связаны с орошением полей туманом (росой) и дождем. Наиболее

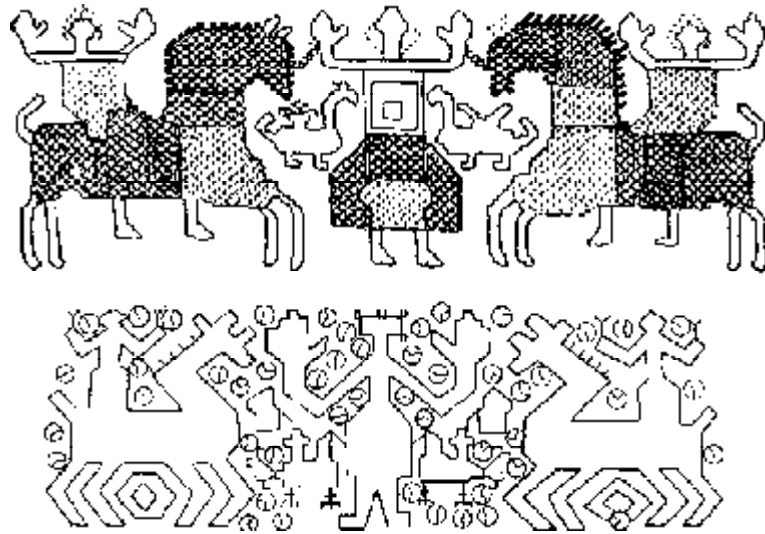

Рис. 31. Встреча весны. Макошь и две всадницы

часто в текстах встречается соседство Макоши с вилами-русалками. Но это только соседство. Русалок много, а Макошь одна, всегда одна, то есть она пишется в единственном числе. Русалки и вилы всегда выступают во множественном числе. Это наводит на мысль, что точно так же с одним Родом связаны несколько рожениц.

В "Слове об идолах" сказано: "... тем же богам требу кладут и творят и славенский язык: вилам, и Мокошьи диве, Перуну, Хърсу..." Здесь слово "дива" означает "богиня". В том же источнике Мокошь упоминается после Гекаты. Сказано, что жертвенной кровью "мажють Екатию Богыню, сию же деву творят, и Мокошь чтуть..." Гекота — это греческая богиня (Геката-Екатя). В разное время эта богиня у греков занимала разные иерархические уровни. Так, в начале она повелевала всей Вселенной. В последующем она стала покровительницей человеческого благосостояния, которая даровала удачу в делах и победу в состязаниях. Еще позднее она превратилась в мрачную богиню заклинаний и гаданий, которая была свя-

зана с миром мертвых. Григорий Богослов в приведенных выше словах поставил Макошь рядом (после) с богиней Гекатой. Какую именно Гекату имел в виду Григорий Богослов? Диапазон очень широкий. Богослов был образованным и начитанным писателем, который хорошо знал античную литературу. Он мог выбрать для своего обличения и гесиодовскую космическую Гекату, и богиню успеха классической поры. Но была и другая, более поздняя Геката позднейшей фазы представлений о ней. Этой Гекате приносили кровавые жертвы. Ее представляли окруженной "страшными и мрачными призраками", а также душами умерших и своими асами.

Зннч

Это божество у славян обозначало начальный огонь или животворящую теплоту, которая способствует охране всех существ. Огонь почитался у многих народов, практически во всех религиях. Это и понятно, поскольку огонь во всем:

В алмазде он блистает,
В яхонте же он зарит;
Он в холодном льде пылает;
В темном облаке гремит.
Гордые главы сибирских
Возносит кедры к облакам;
В травах обитает низких;
Красоту дает цветам.
Крепость, бодрость в льва влагает;
В тигра же стремленье, жар.
Все родит, растит, питает,
И всему собой сам дар.
Он душа природы всей;
Он начало всех вещей.

Объяснение того, как мог возникнуть этот бог начального огня в прошлом веке, Глинка давал такое:

"Славяне повсюду его видели; удивлялись ему; но не будучи эйлерами, не могли истолковать и объяснить его: могла ли им по их простоте и малому просвещению взойти такая мысль, что этот начальный огонь, начальная теплота, есть даже причина самого огня, самой теплоты: это эфир? то тонкое вещество, по всей природе разлитое, образующее ада-

мант и в нем находящееся, дающее цвет розе, рост кедру, блистающее в самом льде, и коего слабое в вещи сотрясение производит теплоту, а сильный жар или растопляющий оную, или пламенем ея пожирающий? — Они подобно другим живущим в простоте народам сделали из сего непонятного для них существа себе божество, наименовав его Зничем". Полагают, что это божество начального огня является чисто славянским. Это божество не имело никакого изображения. Это просто был неугасимый горящий огонь. Во многих городах были воздвигнуты храмы, в которых содержался этот огонь. Этому огню приносили жертвы, в том числе часть военной добычи. Считали, что Знич способствует военному жару и храбрости. Знич облегчал участь больных людей. Знич через своих жрецов сообщал больным рецепты их излечения. М.М. Херсков описал храм Знича так:

Тогда отважный Знич, блистающ весь извне;
Вещал: намеренья сии не нравны мне.
Я хижинам свещу и озаряю троны;
Во существе огня я россам жизнь дарю,
Питаю, грею их, их внутренности зрю.

Белбог

Это благой бог. Его еще называли Вельций Буг.

Изображали Белбога покрытым кровью. Его обседело множество мух. Он символизировал собой "питателя тварей". В правой руке Белбог держал кусок железа. Мы уже писали о том, как использовалось это железо при вершении правосудия.

На острове Ругене в городе Ахроне Белбогу был сооружен храм. В храме ему воздавались почести, особенно же от славян, некоторые жили при Варяжском (Балтийском) море.

Животных в жертву ему не приносили. Но в его честь отпраздновали пиры, игры и разные забавы. Каковы были функции Белбога? Под этим божеством наши предки понимали "благоденствия, ниспосылаемые тварям природою, сохраняющего их".

Полагают, что Белбог, как и Чернобог, являются очень древними богами. Это своего рода плюс (Белбог) и минус (Чернобог), которые всегда вместе.

Сильный бог

Физически сильные люди у наших предков назывались богатырями. Слово "богатырь" составлено из славянского "бог" и сарматского "тир" или "тирар", что значит "пасынок". От русского слова богатырь произошло татарское слово батырь, что значит силач.

Сильный бог — это бог, дарующий человеку физическую силу. Под этим божеством славяне чтили дар природы, телесной крепости. Изображали Сильного бога в виде мужа, который держит в правой руке дротик, а в левой — серебряный шар. Таким способом символически бог дает знать, что именно крепость (сила) обладает всем миром. Под ногами у бога лежала львиная и человеческая головы. Это символы человеческой силы.

Лед

Богу Леду славяне молились об успехах в сражениях. Лед почитался воинскими командирами. Представляют его как свирепое божество. Представляют его в образе страшного воина, который вооружен в славянскую броню или во всеоружии. У него при бедре меч, в руке копье и щит. Богу Леду воздвигали храмы. Война доставляла ему жертвы. Идя в бой, славянские воины молились Леду. Его просили о помощи и обещали после победы принести богу обильные жертвы. Этот бог был очень почтенным. Его почитали как символ храбрости, бесстрашия и мужества.

В древних летописях сообщается, что из-за отсутствия храмов бога Леду чтили в образе меча или сабли. Саблю вынимали из ножен и втыкали в землю. Ей молились, видя в ней бога Леда, и поклонялись.

Говоря о боге воинов, нельзя не сказать и о русских богатырях. Древнейшим из них был князь Славен. У него были

дети Волхов, который воевал с народами, обитавшими по берегам реки Волхова (раньше называлось Мутною рекою), и его братья Волховец и Рудоток. Другой богатырь Буриной воевал с морскими разбойниками. Его сын Гостомысл был богатырем, мудрым законодателем.

Представление о славянских богатырях дает следующее сказочное повествование:

Начинается сказка
От Сивка от Бурка
От веча коурка
На честь и на славу
Отецкому сыну,
Удалому витязю,
Храброму рыцарю,
Доброму молодцу,
Русскому князю,
Что всякие силы
Сечет, побивает;
Могучих и сильных
С коней вышибает;
А бабу Ягу
На полати бросает;
И смерда Кошея
На привязи держит;
А змея Горыныча
Топчет ногами;
И красную деву
За тридевять море
В тридесятой Земле
Из-под грозных очей
Из-под крепких замков
На белу Русь увозит.
А выдет ли молодец
В чистое поле?
Он свиснет, он гаркнет
Свистом богатырским,
Криком молодецким:
"Ты, гой еси конь мой!
Ты, сивка, ты, бурка,
Ты веча коурка!
Ты стань передо мною,
Как лист перед травкою".
На свист богатырский,
На крик молодецкий,
Откуда ни возмется
Конь сиво-бурой.
И сиво-коурой.

Где конь побежит,
Там Земля задрожит:
А где конь полетит,
Там весь лес зашуршит.
На полете конь из рта
Пламенем пышет;
Из черных ноздрей
Светлые искры бросает;
И дым из ушей
Как трубами пускает.
Не в день и не в час,
Во едину минуту
Перед витязем станет.
Удалой наш молодец
Сивку погладит.
На спинку положит
Седелъце черкасско,
Попонку бухарску,
На шейку уздечку
Из белова шелку
Из шелку персидскова.
Пряжки в уздечке
Из краснова золота
Из аравитскова,
В пряжках спенечки
Из синя булата.
Булата заморскова.
Шелк не порвется;
Булат не погнется;
И красное золото
Ржаветь не будет.
У доброва молодца
Щит на груди,
На правой руке перстень;
Под мышкою палица
Серебряная;
А под левою меч
Со жемчужиною.
Богатырская шапка;
На шапке сокол.
За плечами колчан
С калеными стрелами.
В бою молодец
И битец и стрелец:
Не боится меча,
Ни стрелы, ни копья.
Он садится на бурку
Удалым полетом;
Он ударит коня
По крутым по бедрам

Как по твердым горам.
 Подымается конь
 Выше темнова лесу
 К густым облакам.
 Он и холмы и горы
 Меж ног пропускает;
 Поля и дубравы
 Хвостом устилает;
 Бежит и летит
 По землям, по морям,
 По далеким краям.
 А каков добрый конь;
 То таков молодец;
 Не видать, не слышать,
 Ни пером описать,
 Только в сказке сказать.

Дажбог

Это благородное божество, податель всяких благ земных, богатства, счастья и благополучия. Жертв богу не приносили. Ему только молились и просили у него милости. Иногда бога называли "Дажбог плодovitый", поскольку от него получают

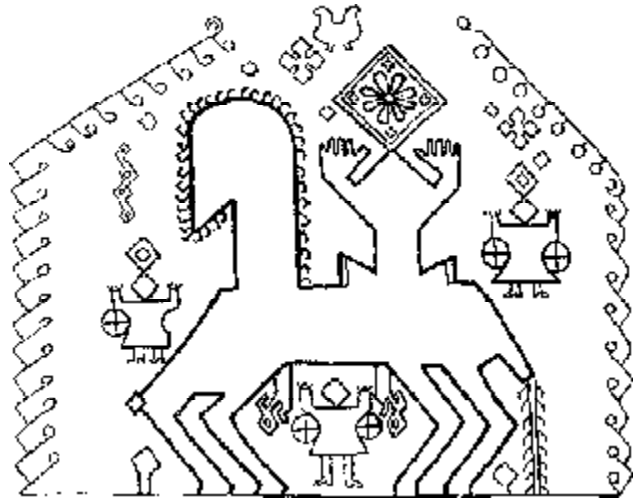

Рис. 32. Дажьбог (?)

всякие блага, как от неиссякаемого источника. В Киеве был храм (божница) Даждбога. Даждбог служил эмблемою благополучия (рис. 32).

Коляда

Бог Коляда — это мир и сопутствующее с ним блаженство. Праздники в честь бога Коляды отправлялись играми и весельем. Праздники в честь Коляды справлялись в конце февраля или 24 декабря. Коляде молились, "прося у него мира, тишины и изобилия в земных плодах и скоте". Праздновать начинали вечером 25 февраля. В этот вечер собираются девушки и молодые ребята и, переходя от избы к избе, под окнами поют колядки. Одну из таких песен (очень древних) приводим ниже:

Винограде красно почему спознать?
 Почему дом Устина Малафеевича?
 У его вот у двора все шелкова трава,
 У его-то у двора все серебряной тын;
 Ворота у него дубовыя;
 Подворотенки рыба зубья.
 На дворе у него да три терема:
 В первом тереме да светел месяц;
 Во втором тереме красно солнышко;
 В третьем тереме часты звезды.
 Что светел месяц, то Устинов дом;
 Что красно солнце, то Улита его;
 Что часты звезды, малы детушки.
 Да дай боже Цустину Малафеевичу
 С борзых коней сыновей женить;
 Да дай боже Улите Хавроньевне
 Свысока терема дочерей выдавать.
 Подари, государь, колядовщиков;
 Наша коляда на рубль, ни полтина,
 Наша коляда всего пол-алтына.

После того как колядка спета, колядовщицы получают символические деньги, чаще напеченные из пшеничного теста безделушки. Если участвуют молодые ребята, то им выносят по ведру, или больше, пива, которое они сливают в бочку. Бочку они возят с собой. Святочные игры — это останки древних празднований в честь бога мира. Девушки гадают о своих суженых, поют святошные песни.

Лада

Лада была матерью четырех своих детей. Это составляет "полное" число. Считается, что сюда прибавить нечего. Лада — это красота. У красоты-Лады первый сын Леля, что значит любовь. За ним следует второй сын Полеля, что значит брак. Действительно, брак следует за любовью. Затем следует третий сын — бог супружеской жизни. Это Дидо. Его супруга Дидилия, богиня деторождения. Она покровительствует семейной жизни. Все это символично охватывает всю жизнь. Что может быть естественнее, чем красота со своими детьми: любовью, браком и сочетанием, супружеской жизнью и деторождением?

Богиню красоты и любви больше всего чтили в Киеве. До своего крещения Владимир, будучи влюбчив и повсюду собирая красавиц, очень торжественно чтил богиню Любви. Он Ладе воздвиг великолепный и прекрасно украшенный храм. Г. Херасков этот храм описывает так:

Храм Ладин пестрыми гордящийся столпами,
Сплетенными из роз вокруг цепями.
Богиня, отрока державшая в руке,
Являлась в бисерах и в миртовом венке;
У ней распущены власы, подобно злату;
За щедрости ея цветы приносят в плату.

Ладу изображали молодой прекрасной женщиной в розовом венке. Волосы у нее были золотые. Одета она была в русскую одежду и опоясана золотым поясом и убранная жемчугом. Бога любви Лелю она держала за руку. Ладе пели песни и приносили цветы. Г. Херасков так описывает это:

Девы, окружив кумира в стройном чине,
Со умилением воспели честь богине:
"О, нашей юности хранящая цветы!
Дай, Ладо, мирное супружество нам ты!"
Мастики перед ней как облак воскурили,
И имя Ладино стократно повторили.
В то время возгремел кимвалов громких звук;
Девы жертвенны, составив цепь из рук,
Когда произвела приятный голос лира,
Плясанье начали при песнях вокруг кумира.
Приходят пред алтарь и жрицы и жрецы,
Носящи для девиц богинины венцы,

Которых на главы священо возложенье,
Обязан князь чинить любви во уваженье.
Владимир оросил, начав обряд такой,
И руки и чело священной водой.

Краснее утренней зари отроковицы
Несут уже цветы во храм любви царицы;
Преображается в помост прекрасный луг.
И девы юные кумира стали вокруг.
Горящих звезд число они изображают,
Которая луну блестящу окружают...
Едина между сих сияет паче всех...
Ей первой жребием готовился венец,
Который на девиц возлагает князь иль жрец.

Леля

Сын Лады Леля был божком пламенным. Он рассыпал или метал из руки искры. Сила этого юного бога состояла в воспламенении любви. Это и понятно, поскольку он — сын красоты, а красота рождает любовь. Бога Лелю изображали младенцем,

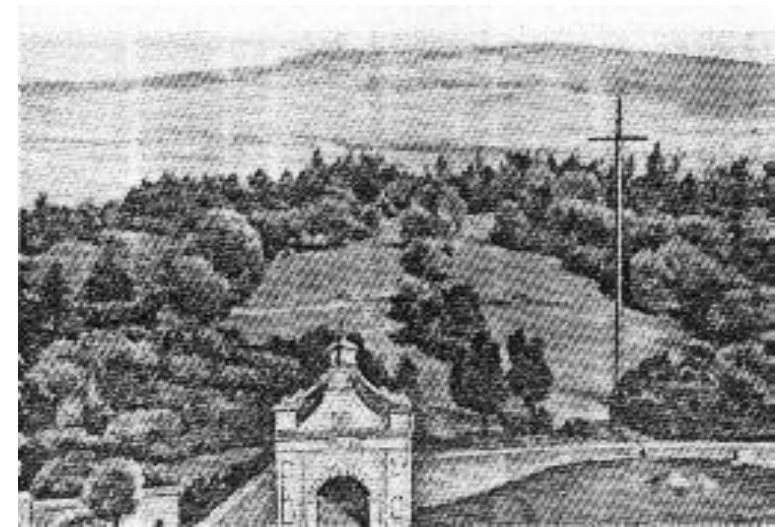

Рис. 33. Лысая гора под Сандомиром. Место языческого святилища Лады и Лели. На переднем плане ограда монастыря Троицы

пламенным, крылатым и златовласым, как и его мать богиня Лада. То, что он метал из рук искры, понятно и логично — искрами любовь воспламеняет сердца. Эти искры любви обычно исходят из очей, а также из уст прекрасной, любимой особы. Младенец безотлучно находился при своей матери. Красота и любовь неразлучны. Красота рождает любовь. На рис. 33 показано место языческого святилища Лады и Лели.

Полеля

Второй, младший сын богини Лады — Полеля (после Леля). Это брак после любви. Всякая любовь, основанная на доброте, приводит к браку. В этом боге заложена очень глубокая философия. Философия того, что брак держится на двух китах — любви и терпении, нашла свое отражение и в изображении бога брака Полеля. Бог Полель изображен улыбающимся, но на его голове терновый венок. Такой же терновый венок он держит в руке, протягивая руку с венком возлюбленной, своей будущей супруге. В другой руке бог Полеля держит рог питания нежности. Бог любви Леля нагой. Бог брака Полеля одет в тонкую ризу или рубаху.

Были воздвигнуты храмы богу Полеля в разных городах. Известен такой храм (Божница) в Киеве. В заключение приведем слова Хераскова:

Полель веселостей богиню провожал;
В нем Киев брачные союзы обожал.

Дид

Дид — это третье чадо богини любви Лады. Специалисты считают, что правильно читать не Дид, а Дит, Дито, Дитя, Дет. Множественное число — Дети. Это божество символизирует собой семью, жизнь супружнюю. Дид всегда молод. В этом содержится глубокая философия — супружеская связь никогда не должна ослабевать, стариться. Она всегда должна быть молодой. Глинка пишет: "Супруги перестают быть супругами только тогда, когда жар любви мало-помалу угасает: тогда они становятся друзьями".

Дид одет в полную славянскую одежду. На голове его венок из васильков. В руках бог Дид держит двух горлиц и ласкает их. В Киеве имелся также храм богу Диду. Сюда приходили молиться замужние и женатые. Они просили бога о благополучном супружестве, а также о деторождении.

Дидилия

Дидилия также из семейства Лады. Она была покровительницей благополучных родов и разрешительницей неплодных женщин. К этой богине обращались с молитвами как беременные, так и бесплодные.

Богиня Дидилия рисовалась молодой прекрасной женщиной, на голове которой была повязка, украшенная жемчугами и драгоценными камнями. Одна рука богини была сжата в кулак, а вторая была разжата. Ей был воздвигнут в Киеве очень знатный храм.

Славянская конструкция богов любви, брака, семьи намного совершеннее греческих представлений. У греков Венера имела одного Эрота (Любовь). Гименей и Кимен были ей чужими. Над родами у греков командовала Юнона. Как видите, у греков весь процесс жизни от любви до рождения детей (через брак и семью) разорван на несколько независимых участков, периодов. У наших предков все в точности соответствовало природе.

Мерцана

От слова "мерцать". Мерцана — это богиня зари или просто заря. Гомер называл зарю "рудо-желтою зарею", а также "злато-багряною". У Гомера заря появляется два раза в день. Славянская заря служит Световиду. Она выходит иногда ночью резвиться над нивами. При этом она порхает над созревающими колосьями. В этом случае ее зовут Зарницею. До сих пор сохранилась вера, что зарница способствует изобилию и скорейшему созреванию урожая. Зарница почиталась покровительницей нивных плодов. Эту богиню просили об урожае. Признаком богини Мерцаны (Зарницы), богини жатвы, яв-

ляется класный веноч. Как и полагаются заре, она румяна и одета в злато-багрянную одежду. Одежда богини состоит из обширнейшего покрова или фаты, которая прикрывает заднюю половину головы. Фата у груди приколота или же она простирается до земли. Мерцану особенно почитали селяне.

ЗЕМНЫЕ БОГИ СЛАВЯН

Богиня Триглава

Сокращенно еще ее именовали Тригла. Этой богине храмов не строили ни в городах, ни в селениях. Храм ее находился на полях Киевских. Статуя (истукан) представляла собой женщину с тремя лицами. В городах и селениях храмов богине не строили преднамеренно, в соответствии с целью, задачей богини. Поскольку Триглава была богиней земли, то ей и следовало стоять среди полей. Почему у богини Триглавы три лица? Три лица символизируют три составляющие окружающего нас мира. Это земля, вода и воздух. Что касается огня, то ему следовало находиться вне земли. Напомним, что Прометей похитил огонь с неба. Иногда три головы богини интерпретируют как горы, долины и леса. Первая трактовка с философской точки зрения более предпочтительна. Иногда специалисты понимают три головы богини как прошлое, настоящее и будущее.

Любопытно, что богиня держала в руке половину Луны.

Волос, Велес

Бог Волос (Велес) — один из древнейших славянских богов. В самое древнее время он покровительствовал охотникам. Как известно, отдельные звери были обожествлены. На них нельзя было охотиться. Другими словами, на них было наложено табу. Такой зверь назывался "волохатый", "волосатый", "волос", "велес" и т.д. Дух убитого зверя, дух охотничьей добычи также называли этим именем. "Vel" — это корень слова

со значением "мертвый". Наши предки верили, что умереть — это не просто перестать жить, а приставиться. Приставиться духом к небесным предкам, к их душам. Предки знали, что после смерти тело остается на земле, а душа улетает на небо.

Разные народы верили, что их род, их племя ведется от бога. Но бог появляется на земле в виде зверя. Потом он возвращается на небо, в свои чертоги. Не случайно название со звезда Большая Медведица. Очень показателен обычай оставлять на сжатом поле "жменю колосьев Волосу на бородку". Дело в том, что наши предки верили в то, что их прародители, которые покоились в земле, тоже помогают плодородию земли. Поэтому культ скотьего бога определенным образом связывался с предками, с урожаем. Недаром травы, цветы, кусты и деревья называли "волосами земли".

Поскольку скот был во все времена основным богатством племени, семьи, то и бог Велес был главным (после Перуна). Это был бог богатств.

Имя Велес произошло от "великий" и "есть". Имя Волос значит володеющий, то есть обладающий. Этот бог был и великим и обладающим. Его очень высоко чтили. Он почитался покровителем скота.

Некоторые специалисты считают, что корень "воло", "вло" стал составной частью слова "володеть" (владеть). То есть это слово (владеть) произошло от названия бога. Такая точка зрения также имеет право на существование.

В летописях описан договор Святослава с греками. В этом договоре греки обязывались соблюдать мир и в подтверждение этого они целовали крест и Евангелие. Святослав вынул из ножней саблю, клялся над нею Перуном и Велесом — богом скотьем. Князь Киевской Руси был войной в Константинополе и в 911 г. заключил там с Византией мир. Летописец Нестор сообщает нам клятву, которую давали перед Волосом как перед богом скота. Эту же клятву произносил князь Олег при заключении мира с Византией. Договор был заключен с византийским императором Львом VI Мудрым. В следующем, 912 году, скончались как Олег, так и Лев VI Мудрый.

То, что бог Велес был хранителем скота, подтверждается не только прямыми историческими источниками, но и име-

нем Власий, то есть Влас, которого деревенские жители называют коровьим богом. Точно так же святого Егория называли "коневым" и овечьим богом. Его изображали с бычьими рогами, в простой одежде. В руке у бога чаша с молоком. Это потому, что бог предпочтительно покровительствовал крупному рогатому скоту. В жертву Велесу приносили коров и быков. В Киеве богу Велесу были воздвигнуты храмы (божницы). Божницы и капища имелись и в других городах.

Велеса чествовали с 20 по 25 марта на масленичную неделю и с 25 декабря по 6 января на зимние святки. Велесов день приходился на 6 января. Христианам это было неудобно, и они сдвинули этот праздник на 11 февраля и назвали его Власьев день.

Статую (истукан) Велеса разрушили в Киеве вместе с другими идолами. Так было угодно отцам православной церкви. Но вырвать из жизни народа бога Велеса не удалось. Народ еще долгое время почитал бога Велеса.

Могошь

Бог Могошь также был богом животных (скотов). Но в отличие от Велеса, который был богом крупного рогатого скота, бог Могошь отвечал за мелкий скот: за овец, коз и т.п. Этот мелкий скот ценен в первую очередь своей шкурой, и только во вторую очередь – своим мясом. Исходя из этого, бога Могоша изображали с мохнатой козлиной бородой, с бараньими рогами, в бараньей шубе навыворот. В руках бога, покровителя овец и коз, как и полагается, была палка или пастуший посох. Он защищал молодняк. Поэтому в ногах у него был положен символически барашек. Храмы бога Могоша были как в городах, так и в селениях. Но больше их было в селениях, где люди держали мелкий скот.

Имеется несколько вариантов имени бога: Могошь, Мокошь, Макошь, Мокосл. Все эти имена специалисты сводят к слову "Могущь".

По распоряжению князя Киевской Руси в Киеве был сооружен истукан Могоша. Специалисты сообщают, что ему приносили жертвы.

Бог Купало

Это прекрасный и веселый бог. Он одет в легкую одежду. Обычно он держит в руках цветы и полевые плоды. На голове у веселого бога венок из цветов купальниц. Это бог лета, полевых плодов и летних цветов (рис. 34, 35).

Полагают, что имя Купало происходит от купа, куст. В славянском языке увеличительно купа или куст назывались купина.

Купало был третьим после Перуна богом (вторым после Велеса). Это и понятно: после животноводства по важности для жизни следовало выращивание плодов. Плоды вместе с домашними животными составляют то, что мы называем бо-

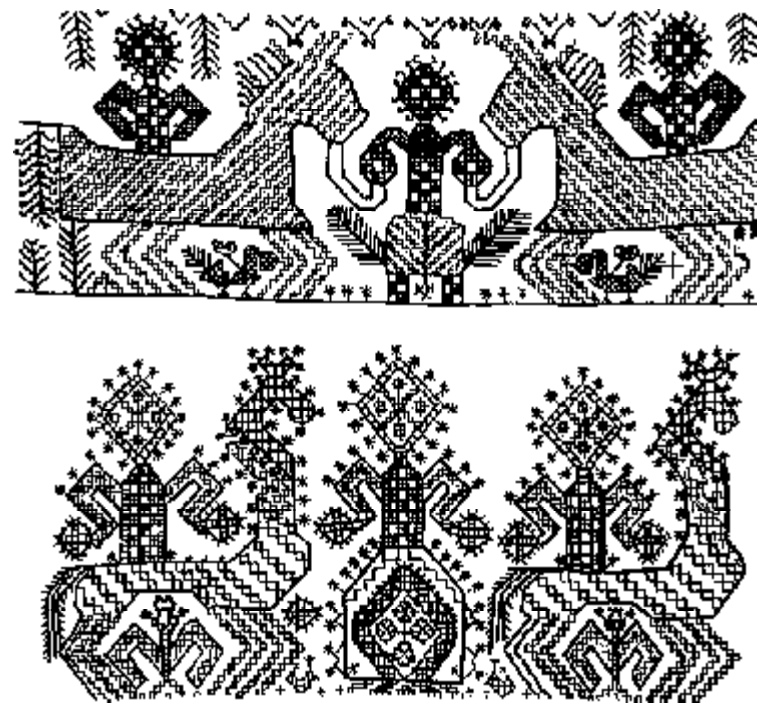

Рис. 34. Праздник летнего солнцеворота (Купало). В центре – фигура Макоши (?)

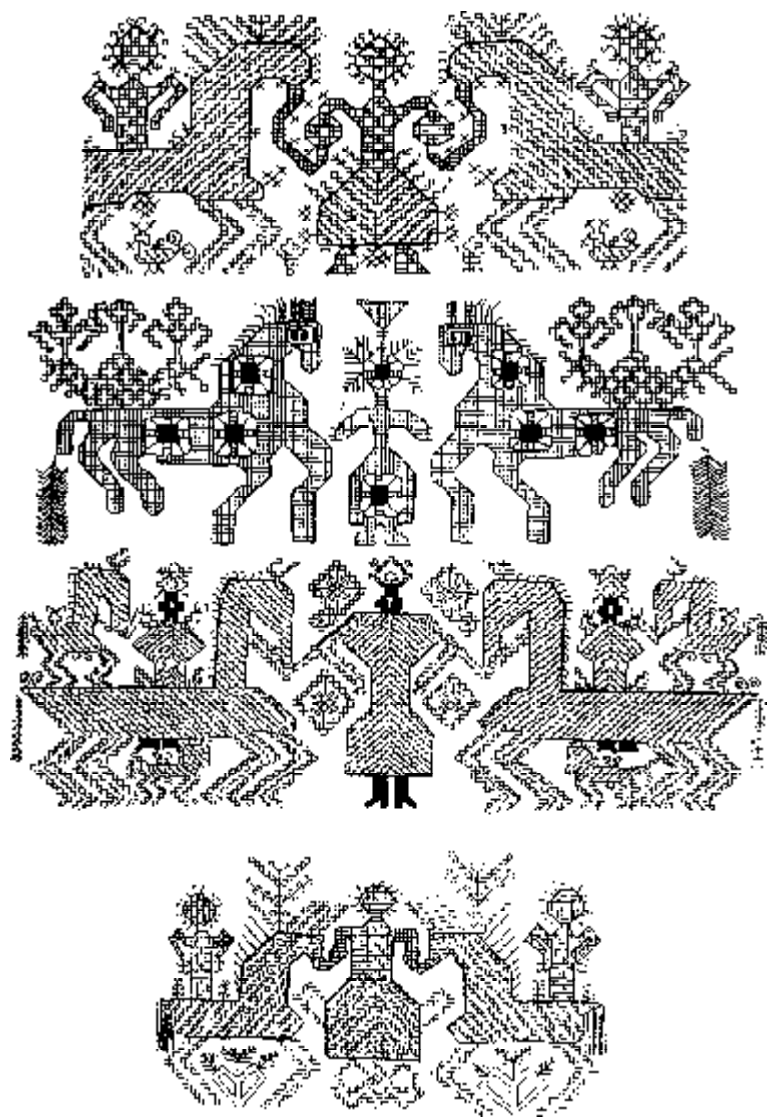

Рис. 35. Праздник летнего молнцеворота (Купала)

гатством. По крайней мере, так было у наших предков. Глинка пишет так: "Мерцана любила нивы, слетая ночью на оные, играя и резвясь над ними, а может и с самыми классами, любимейшими ее растениями, которых созреванию способствовала: сие же самое божество пеклось об изобилии и благополучном созрении всяких полевых произрастаний". Дальше эстафета переходила к веселому богу Купало. Когда полевые растения созревали, Мерцана попечение о них поручала Купале. Попечение не было формальным, почетным. Купало, обязан был сохранять полевые растения от непогод, сильных ветров. В его обязанность входило покровительствовать земледельцам, которые собирают сельскохозяйственные плоды. Играло роль и время суток. Мерцана только ночью сходила на землю, чтобы полюбоваться цветами и плодами. Купало охранял их днем.

Логично, что перед началом жатвы Купале приносили жертвы.

Праздник Купалы справляли 23 и 24 июня. Сценарий праздника был таковым. Девушки и юноши в венках, опоясанные гирляндами из цветов-купальниц и других, плясали вокруг костра. При этом они пели песни, время от времени перепрыгивая через костер. Слова песен соответствовали празднику. В песнях или пелось о Купале, или же ему были посвящены только припевы (припевалось его имя). Такие песни специалисты записывают по деревням до наших дней. Почему они сохранились?

Глинка об этом пишет так: "По восприятию Россиию христианской веры прошло более восьмисот лет (Глинка эти слова писал двести лет тому назад), и со всем тем следы древнего баснобожия все еще не могут изгладиться: столько человеку любезны боги, образованные им по своему подобию, страстям и нравам!" Мы хотим добавить от себя, что славянские боги живучи потому, что они не придуманы, они и были жизнью, отражали в себе суть жизни, позволяли человеку удерживаться на достойном уровне.

Истукан Купалы стоял в Киеве.

Родомысл

Родомысл был богом варяжских славян. Он был покровителем законов и подателем благих советов, мудрости, а также "красных" и умных речей. Когда собирались городские совещания или сходки, которые касались благоденствия города или его защиты (отведения угрожающей общей напасти), то молились богу Родомыслу. Ему приносили жертвы. И вообще, всегда, когда требовалось проявить мудрость при принятии важных решений, призывали в молитвах и разных обрядах бога Родомысла. При Варяжском море (в Прибалтике) были сооружены идолы богу Родомыслу. Сам бог представлялся в виде человека сосредоточенно размышляющего. Он упирал указательным пальцем правой руки в свой лоб. Этот бог был не только мыслителем, но и воином. В левой руке он держал щит с копьем.

Боги мудрости и красноречия были и у других народов, хотя и отличались от славянского Родомысла.

Богиня Сьва

Ее еще звали Сива, Сиба, Дзива (дива). Она была богиней осени и садовых плодов. В ее изображении было налицо плодородие. Ее изображали в виде нагой женщины с полными сосцами. У нее были длинные волосы, достигающие подколенок. В правой руке богиня держала яблоко, а в левой – виноградную гроздь. Богиня Сива благословляла сады и огороды. Люди в своих молитвах просили ее об этом, о ее покровительстве.

Изображение богини Сивы Глинка комментирует так: "Изображение этой богини остроумно. Нагота ее изображает состояние природы в плодопроизводную часть года. Полные сосцы и длинные волосы, общую всех тварей питательницу во всем преизобилующую. Яблоко служит эмблемой матери, нежащей милых чад своих. Гроздь же уповающей всех роскошью". Богиня Сива была божеством не только садовых плодов, но также и самого времени их созревания. Сива (Сова) была богиней тех славян, которые проживали по берегам Балтийского (Варяжского) моря.

Зевана

Зевана была богиней звериной ловли. Для славян, живших на огромных просторах не только в городах, но и среди лесов, ловля зверей была важной статьей дохода. Поэтому покровительница звериной ловли Зевана была очень почитаема. Мех векоши и ногаты, а также куницы использовали не только при изготовлении одежды. Одновременно он был и ходячей валютой (монетой). Так, 20 беличьих шкурок равнялись одной куньей шкурке. 20 куньих шкурок (шкурок куницы) соответствовали гривне, то есть одному фунту серебра. Но со временем курс менялся. Так, сообщается, что "потом так серебро возвысилось, что 150 кун, что будет 3000 векошь, стоил 1 фунт серебра. Впоследствии платили за гривну или 1 ф. серебра по 120 гривен кунами, или 2400 кун, что составит векошей 48 000".

Богиня Зевана изображалась в шубе из куницы. Верх шубы был покрыт беличьими шкурами. Сверху вместо епанчи была надета кожа медведя. В руках у богини был натянутый лук с тупой стрелой. В руках ее мог быть капкан. Принцип понятный – это ее профессиональные орудия деятельности. Около богини были положены лыжи и уже забитые (изловленные) звери. Тут же находились рогатина и нож. В ногах лежала также собака. Охотники (ловцы зверей) молились богине Зеване и просили у нее счастья в звероловстве.

Храмы богине были сооружены по месту ее деятельности – в лесах. Часть добычи, которую получали охотники и звероловы, приносили в жертву богине Зеване.

Чур

У славян была частная собственность. До прихода христианства все имели право собственности на землю и не было ни рабов, ни крепостных. Только после насаждения христианства последовали все блага цивилизации – угнетение, рабство, крепостничество.

Раз была собственность на землю, то ее, как и любую собственность, надо было защищать. Защитником (гарантом) выступал бог Чур. Это было божество "умственное". Храмов

ему не строили. И в наше время употребляют слово "чур". Она означает воспреещение какого-либо действия. Колдуны словом "чур" прогоняют черта. Кстати, и само слово "черт", а точнее "чертъ" у наших предков – проклятый. Видимо, это был тот, кто нарушил границы географические, а затем и нравственные, подменяющий добро злом.

Прове, Проно

Это бог просвещающий, пророчествующий. Проно – про-знать, то есть предвидеть, предсказать, проникнуть. Бога Прова почитали вендские и поморские славяне. Для них бог Прове был на втором месте по важности после Световида. Прове воздавали величайшие почитания. Это был бог не городов, а бог природы. Поэтому его истукан стоял на высоком густолиственном дубе. В одной руке бог держал камень плута (знак невинности), в другой руке Проно держал копье. На копье было закреплено небольшое знамя. Голова бога была опоясана венком, из-под которого высывались длинные уши. На ногах Проно были сапоги, украшенные колокольчиками. Перед дубом был установлен жертвенник для жертвоприношения. Все пространство вокруг дуба было усеяно двуликими, триликими и четвероликими болванами.

Специалисты считают, что для славян бог Прова был тем предопределением, которое управляет миром и от которого зависит будущее. Прове предсказывал устами жреца.

Славяне почитали Прове и как бога правосудия. Специалисты считают, что и само имя бога происходит от слова "право".

Христианские епископы изо всех сил старались расправиться с богом правосудия. Так, в Алтенбурге епископ Герольд низверг истукан бога Проно и с помощью прихожан срубил и сжег лес, который был посвящен Прону.

Радегаст

Это бог варяжских славян. Он помогал горожанам защищать свои города. Изображали его варяжским славянином, который был вооружен копьем. В левой руке он держал щит с

изображением на нем головы вола. Он был в шлеме. На шлеме был изображен петух с распростертыми крыльями. Копье символизирует поражение врагов. Щит символизирует градоправителя и защитника. Голова вола символизирует силу и крепость. Петух – символ бодрости и бдения в сохранении городов-государств.

Радегаст был "порабителем неприятеля". Ему приносили жертвы. Он же был и прорицателем. После жертвоприношения начинался общественный пир. Играли на музыкальных инструментах и плясали.

Бог Корс

То же самое, что Хорс, Корша и Корш. Полагают, что название произошло от слова "корш". На Украине и до сих пор в ходу слово "корчик" и "корец". Этот бог особенный. Он являлся покровителем любителей пива и меда. Его изображают нагим мужчиной. На нем одутловатый венки, сплетенный из хмелевых плетней с листьями. На нем имеется также хмелевая перевязь.

Бог – любитель хмельного – в правой руке держит ковш, из которого намеревается пить. Все вокруг него усыпано разбитыми кувшинами. Сам бог сидит на утлой бочке, которая перевернута вверх дном.

У славян всегда была широкая натура. Кроме других поединков они устраивали и пьянственные (кто кого перепьет). Того, кто мог перепить всех, уважали необыкновенно. Трезвенники и те, кто не умел пить, осмеивались. Поэтому бог Корс был очень почитаемым.

Позвизд

Позвизд был богом непогод и бурь. Поэт о нем сказал так:

С брады дожди льют проливные,
Из уст валят туманы злые.
Тряхнет ли Позвизд волосами?
Валят на землю полосами,

Нив истребитель, крупный град.
 Махнет ли хладною полою?
 Звездчат снег хлопьями валит.
 Летит ли облачной страной?
 Пред ним предидет шум и свист;
 Полк ветров, бурь за ним несется,
 Взывая к небу прах и лист;
 Столетний дуб трещит и гнется;
 Бор клонится к земле травкою,
 Трепещут реки в берегах.
 Крутится в гольх он скалах?
 Свистит, ревет, гулит, ярится.
 Ударит ли в утес крылом?
 Вздрогнет гора; утес валится;
 И в пропастях катится гром.

Этого бога изображают следующим образом. Вид у него свирепый. Волосы и борода всклокочены. Он одет в длинную епанчу с крыльями нараспашку. Он пребывает на высоких горах. Около Киева ему был построен храм в поле. Полагали, что в чистом поле будет легче попадать в храм. Этот храм был для бога что-то вроде постоянного двора (дома). Позвизд был богом вообще всяких погодных перемен (как приятных, так и неприятных, как полезных, так и вредных). Поэтому его просили о даровании красных дней, а также об отвращении непогод. Таким образом, молили бога как о даровании блага, так и о том, чтобы он им не причинял зла. В поэме Хераскова бог Позвизд так похваляется своею силою:

Я двигну облака и воды возмущу,
 Реками дождь и град на землю низпущу.
 Мне в бурях к свойственной свирепости прибегну;
 Я грозы низложу, двор царский опровергну...

Догода

Догода был молодым, румяным, русокудрым богом. На его голове был васильковый веночек с голубыми по краям позолоченными крыльями бабочек. Он одет в среброблестящую голубоватую одежду. В руке он держит шипок. Он улыбается, пролетая над цветами и помахая им. Это бог весны, приятного весеннего времени. Он ассоциируется с тихим прохладным ветерком.

Богу Догоду были воздвигнуты храмы. Как и другим богам, ему приносили жертвы. Жертвами были песни и пляски.

Зимстерла

Это богиня весны и цветов. Она прогнала зиму и заняла ее место. В некоторых источниках ее имя – Зимцерла. Праздники богини весны естественно были весной, в апреле, первом месяце весны. Богиня весны хотя и скрывается на время, но потом появляется снова и снова. И всегда желанная, молодая, какой и должна быть весна.

Изображают богиню Зимстерлу девушкой, которая одета в легкое белое русское платье. Платье подпоясано розовым поясом, который переплетен золотом. На голове у богини веночек из роз. В руках она держит лилию, нюхает ее. У девушки обнажена грудь. На ее шее – ожерелье из цикорей. У нее перекинута через плечо перевязь из цветов.

У богини весны были свои божницы. Ей приносили жертвы. Жертвами служили цветы. Их собирали в ковшицы и ставили перед богиней. Во время праздников богини весны капище убирали и усыпали цветами.

В богиню весны был всегда влюблен молодой, румяный бог Догода, бог приятного весеннего времени.

Зимерзла

Имя богини Зимерзла, как и имена (варианты) Симаергла, Зимаерзла, Симаргла, Зимарзла, означает зиму и мерзнуть.

Зимерзла – богиня зимы. Естественно, что она суровая и дышащая холодом и морозами. Она одета в шубу, которая соткана из инея. Порфира на ней из снега. Ее соткали морозы. Они являются ее чадами. На голове богини зимы ледяной венец. Он унизан градами.

К богине зимы обращались с молитвами и просили ее умерить свою жестокость.

ПОДЗЕМНЫЕ (ПРЕИСПОДНИЕ) БОГИ СЛАВЯН

Частично мы о них уже говорили. Подчеркнем еще раз их основные задачи и обязанности.

Чернобог

Имя (Черный бог) говорит само за себя. Это начало всех злоключений и пагубных случаев. Ужасное божество, облеченное в броню. Лицо его исполнено ярости. В руке наготове он держит копье, всегда готовое к поражению. И не только к ответному удару, но и к нанесению вообще всяких бед. Это страшный и опасный бог. Ему приносили жертвы, чтобы его задобрить. В жертву ему приносили коней. Херасков в своей уникальной поэме так описывает Чернобога:

Шумящ оружием приходит Чернобог;
Сей лютый дух, поля кровавые оставил,
Где варварством себя и яростью прославил;
Где были в снедь зверям разбросаны тела;
Между трофеями, где смерть венцы плела,
Ему коней своих на жертву приносили,
Когда россияне побед себе просили.

Жертвы Чернобогу приносили с целью задобрить его, упросить его со всем его злом пройти стороной. Естественно, ему воздвигали и храмы. Как правило, из черного камня. Сам истукан был выкован из железа. Как обычно, жертвенник для сожжения ему жертв ставили перед истуканом.

Ний

Бог Ний был судьей каждого на том свете, где все ответят за причиненное в земной жизни зло. Он был не только судьей, но и исполнителем, приводя в исполнение вынесенные им же приговоры. Он был безжалостен, но справедлив. Каждый получал то, что заслужил своими земными делами.

Стрибог

Непосредственно наказывает беззаконников в преисподней бог Стрибог. Его считают богом злодеяний в этом мире. Его еще считали богом воздушных течений и стихий.

ВОДНЫЕ БОГИ СЛАВЯН

Владычествовал над морями царь морской. На голове его венок из морского папоротника. Царь морской разъезжает по морям в раковине, которую везут морские псы. В одной руке морской царь держит весло. Это символизирует укрощение волн. В другой руке царь морской держит острогу. Острога — символ возбуждения волн. В этом и есть царь: хочет — укрощает волны, а хочет — возбуждает их. Царь морской обитает в глубине океана. Ломоносов так описал чертоги и престол царя морского:

В недосыгаемой от смертных
стороне,
Между высокими кремнистыми
горами,
Что мы по зрению обыкли звать
мелями,
Покрытый золотым песком простерся
дол:
Столпы вокруг его огромные
кристаллы,
По коим обвились прекрасные
кораллы.
Главы их сложены из раковин
витых,
Превосходящих цвет дуги меж туч
густых,
Что кажет укротясь нам громовая
буря;
Помост из аспиды и чистого
лазуря,
Палаты из одной иссечены горы;
Верхи под чешуей великих рыб
бутры;
Уборы внутренни покров черепокожных
Бесчисленных зверей во глубине
возможных.

Там трон жемчугами усыпанный
 янтарь,
 На нем сидит волнам седым подобный
 Царь.
 В заливы, в океан десницу
 простирает,
 Сафирным скипетром водам
 повелевает.
 Одежда царская, порфира и виссон
 Что сильные моря несут ему пред
 трон".

“Петриада”

Особенно чтили царя морского те, кто жил вблизи от него – поморы. Они молили царя морского о том, чтобы их плавание по морям было счастливым. У царя морского был слугитель и вестник – чудо морское.

ПОЛУДУХИ

Полудухами у славян были лешие, водяные духи, домовые и русалки.

Лешие обитали в лесах. Они их охраняли. Когда шли по лесу, то возвышались во весь лес. Когда шли по траве, то были равны ростом с траву. Лешие могли появляться людям в человеческом образе.

Водяных духов еще называли дедушки. Они жили (живут) в глубоких местах рек. Там у них были великолепные дома-дворцы. Если в этих глубинных местах, опасных для купания, все же купаются, то водяные духи могли купающихся (особенно мальчиков) забрать к себе в подводный дворец. Там они служили. А когда водяной дух состарится, то такой утопленник (бывший мальчик) занимал его место. Кстати, точно так же и лесные лешие готовят себе смену. Они уносят детей (заблудившихся в лесу) и воспитывают их по своим лесным законам. Потом они становятся их преемниками.

Домовые живут в домах и дворцах (рис. 36). Домовой помогает хозяину. Кормит и поит лошадей, холит их и вообще печется обо всем. Он холит и самого хозяина: его бороду плетет в косы. Другое дело, если домовый не полкбит дом и хозя-

Рис. 36. Домовые. Деревянные фигурки домашних божеств (Новгород. Раскопки А.В. Арциховского)

ина. Тогда начинается между ними война, домовый разоряет хозяина в "корень". Он переводит у хозяина скот, беспокоит его по ночам и даже ломает все в доме. Добавим, что это явление в настоящее время признано наукой как реальное. Оно названо "шумящий дух" (по-немецки "полтергейт"). Так что и тут наши предки ничего не выдумали и не сочинили. Все славянские боги, божества и духи отражают реальную природу, жизнь людей и их взаимоотношения.

К полудухам относятся и русалки. Но о них мы уже говорили.

БОГАТЫРИ

Славяне почитали и богатырей. Это были не боги, а люди, одаренные высшими дарами неба. Были разные богатыри:

Волоты — исполины непомерной величины и силы. Они обладали не только силой, но и даром неуязвимости.

Полкан — богатырь чудного телосложения. Выше пояса это был мужчина, ниже пояса — конь. Он бегал очень быстро. Был одет в латы. Сражался стрелами. Полканов было много. Название очевидно — полуконь.

Полубогом почитался князь славян. Он обладал чрезмерной силой, мужеством и храбростью. Этот бог по прибытии со своим славянским племенем на реку Волхов построил там город Славянск. Варяги разрушили город, но через какое-то время он был восстановлен. Возрожденный город назвали Де-тинца. Когда был разрушен и этот город, то славяне построили тут же новый, который был назван Новгородом.

У Славена было три сына: Волхов, Волховец и Рудоток. Все три сына были богатырями. Волхов же был великим волшебником. Именно его именем была названа река Мутная. Волхв плавал даже по Варяжскому (Балтийскому) морю. Свое волшебство он использовал в своих походах. Описывается, что когда он был в Славянске, то при приближении неприятеля он превращался в большого змея, ложился от берега до берега поперек реки. Поэтому никто не мог проехать (из неприятелей) и спастись от змея-Волхова.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СЛАВЯН О ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ

СМЕРТЬ

Наш предок не просто жил на природе, не просто зависел от природы, а был частью природы. Он наблюдал, как зарождается жизнь весной и как она зимой замирает, как солнце возрождается весной, а зимой почти замирает. То же самое происходило с людьми: они рождались, жили и затем умирали. Поэтому недаром в похоронных причитаниях сказано, что человек умирает

Вроде солнышко за облака теряется.

Или:

Красно солнышко
Укатывается за горы толкучие,
За леса дремучие,
В водушки глубокие.

На могиле своей дочери мать плачет: "Зашло мое солнышко красное".

Жизнь закатывается и уходит во мрак. Да и слова "мрак" и "умереть" имеют одну и ту же основу. Слова "смерть, мор, уми-

рать" имеют общий корень со словами "мрак, мерцать, померкнуть". Все эти слова в языках индоевропейских народов очень близкие: санскритское "mr̥in, mrije", греческое meirein, литовское "mirti", славянское "мрети", "умирать". Они произошли от корня "mri" (усиленное "mar"). Все эти слова однозначно выражают впечатление мрака, холода, пустыни, увядания.

Но смерть представлялась не только как мрак, но и как сон. Это и логично. Ведь именно зимний мрак погружает всю природу в сон. Да и человек умерший в первое время напоминает спящего. Собственно, и Гомер называет Смерть и Сон близнецами. Русские богатыри, которых оживляли живой водой, восклицали: "Ах, как же я долго спал!" И действительно, до сих пор к мертвой обращаются, чтобы она проснулась. В похоронной причети на Руси дочь оплакивает смерть своего отца и просит его:

Стань, пробудись, мой родимый батюшка,
От сна от крепкого,
От крепкого сна, от мертвого.

Подобно этому дочь пытается пробудить мать от мертвого сна. Она просит помощи у "буйных ветров":

Взбушуйте, ветры буйные,
Со всех ли четырех сторон,
Понеситесь вы к Божьей церкви,
Разметите вы сыру землю,
Вы ударьте в большой колокол,
Разбудите мою матушку.

На Украине причитали (и причитают) так: "Встань, моя матинько! Встань, моя роднесенька!" Широко распространены были и такие причитания: "И вы наши родненькие, встаньте, пробудитесь, поглядите на нас!", "пришли-то мы на твое жилие вековешнее, разбудить тебя пришли от сна крепкого".

Любопытно, что в Архангельской губернии слова "жить" и другие слова, образованные от слова "жить", обозначают бодрствовать, не спать. Были в ходу такие выражения: "по вечеру, как это приключилось, вся деревня была еще жива"; "мы зажили утром рано". Здесь зажили, значит, проснулись, жила — значит бодрствовала, не спала. Да, собственно, и в

наше время умершего называют усопшим (отсюда усупение) от глагола спать. Умерший считается уснувшим, уснувшим как бы на время. "Покойник" — это уснувший вечным сном от житейской суеты. Даже о рыбе говорили, что она "заснула", вместо того чтобы сказать "умерла" или "задохлась".

Но это только внешний вид умершего, его состояние. Что же является причиной? Смерть. Какова она?

Смерть наши предки представляли образно, как все остальное. Смерть безжалостна, неподкупна. От нее "ни моленьем не отмолишься, ни слезами не отплачешься". Симеон Полоцкий писал: "Смерть на лица не смотрит, царя и нищего одинаково умершвляет".

Смерть очень быстро меняла свою жертву — покойника, обезображивала его тело, терзала его. Поэтому смерть представляли себе страшилищем, в котором сочеталось человеческое и звериное. Представляли смерть и просто в виде человеческого скелета, сухого и костлявого.

Часто представляли смерть в образе птицы. Поэтому и называли смерть "крылатой". Например:

На море, на Океане,
На острове Буяне,
Сидит птица Юстрица;
Она хвалится, выхваляется,
Что все видела,
Всего много едала,
Видела царя в Москве,
Короля в Литве,
Старца в келье,
Дитя в колыбели;
А того не ведала,
Чего в море не достало.

Это была загадка о смерти. Смерть-птица описывается так:

Сидит птичка
На полочке,
Она хвалится,
Выхваляется,
Что никто от нее
Не отвилается:
Ни царь, ни царица,
Ни красная девица.

В причитании о смерти сказано так:

Видно, налетела скорая смеретушка,
Скорометною птицинькой,
Залетела в хоромное строеньице,
Скрыто садилась на крутоскладно
На завьице
И впотай ведь взяла душу с белых грудей.

Смерть-птица чаще всего выступала в образе черного ворона и сизого голубя:

Злодейка эта скорая смеретушка,
Невзначай она в дом наш залетела,
Она тихонько ко постели подходила,
Она крадцы с грудей душу вынимала,
И черным вороном в окошечко залетела.

Или:

Нонько крадцы пришла скорая смеретушка,
Пробиралась в наше хоромное строеньице;
По пути летела черным вороном,
Ко крылечку прилетела малой пташечкой,
Во окошечко влетала сизым голубком.

В некоторых загадках смерть называется уткой или орлом:

Сидит утка на плоту,
Хвалится казаку, —
Никто меня не пройдет:
Ни царь, ни царица,
Ни красная девица.

Или: "Летит орел через города, берет орел ягоды зрелые и незрелые".

Рисовали смерть в виде совы олонецкие загадчики-отгадчики. Сова-смерть обычно сидит на крыше. "Не можно ее накормити ни попами, ни дьяками, ни пиром, ни миром, ни добрыми людьми, ни старостами".

"Смерть-перелетна птицинька" похищает свою жертву обычно ночью. Так племянница с горечью вспоминает последние минуты жизни своего умершего дяди. Она плачет:

Под раннюю зарю да во под утренну
Повышла на новы сени решетчаты,

Отворила крылечико переное,
Отодвинула дверь да тут дубовую,
Откуль возьмись перелетна эта птиченька,
Заблудяща, може, птиченька заморская;
Посмотрела я победная головушка,
Аль сорока эта птица поскакучая,
Аль ворониша она до полетучая;
Ан злодей эта — скорая смертушка.

Поскольку смерть представлялась птицей, то понятно, почему различные приметы и гадания о смерти связаны с образом птиц. Мы до сих пор считаем предвестниками смерти карканье ворона, крик совы или филина на крыше дома, влетевшую в дом ласточку, явившихся во сне черных птиц. Все это идет от наших предков, от их представлений о смерти как о птице.

Характер смерти злобный, демонический. На нее "что на солнце, во все глаза не взглянешь". От смерти "ни крестом, ни перстом не отмолиться". Одним словом, смерть — демоническое, страшное чудовище. В "Повести о трении Живота со Смертью", где смерть описывается "чудом", сказано:

Едет Аника через поле,
Навстречу Анике едет чудо:
Голова у него человеческа,
Волосы у чуда до пояса,
Тулево у чуда звериное,
А ноги у чуда лошадиныя;

Само же чудо говорит про себя:

Я смерть страшна и грозна,
Вельми непомерна.

Представляли смерть и в человеческом образе. Это видно из похоронных причитаний:

По крылечку она да молодой женой,
По новым сеням да красной девушкой,
Аль калекой она шла да перехожей,
Аль удалым добрым молодцем,
Аль славным бурлаком...

Смерть — это женщина, отвратительная старуха, с большими зубами, костлявыми руками и ногами, с косой и заступом. У белорусов смерть — женщина — старуха, бледная и

исхудалая, облаченная в белое покрывало. У русских (великорусов) смерть-старуха с факелом в левой руке и косой в правой. Она — отвратительная захудалая старуха в белом саване, с косой и граблями.

У всех индоевропейских народов существовало представление о смерти, как о костлявом человеческом скелете с оскаленными зубами и провалившимся носом. На лубочной картине, где изображена встреча Аники-воина со Смертью, смерть изображена в виде человеческого скелета с косой в правой руке. За спиной у смерти-скелета корзина с серпом, топором, граблями и стрелами.

В "Житии Василия Новаго" сказано, что смерть пришла к Федоре "как лев рыкая, образом zelo страшна, подобия аки бы человеческого, но тела отнюдь не имуща, от единых костей человеческого составлена. Ношаше же различные орудия к мучению: мечи, стрелы, копия, барды, косы, серпы, рожны, пилы, секиры, теслы, оскорды и удицы и иная некая незнаемая".

Смерть — это страшная сила, которая уничтожает жизнь. Поэтому человек и снабдил ее теми известными ему орудиями, которыми пользовался сам человек. Это и коса, и серп, и грабли, и стрелы, и меч, и копье.

ДУША

Смерть уничтожала жизнь. Но что живет организм? Душа. Какие представления о душе имели наши предки?

Умерший переставал дышать. Это было первым признаком того, что он умер, что из него ушла душа. Слово душа происходит от слова дышать, дух. Слова "душа, дышать, вздыхать, вздохнуть, вдохнуть, дух (ветер), дуть, дунуть, духом (быстро, скоро), воз-дух, воз-дыхание, вз-дох имеют корень *dhu* (санскр.), что означает потрясать, двигать, дуть, раздувать. Все это говорит за то, что у древних славян сама душа воспринималась, понималась очень материально. Иначе бы ее так не называли. Слово выбирается в соответствии с образом мыслей. Соболев отмечает очень важный момент: "Изобразительность в наименовании духовных способностей произошла

не от недостатка в словах и не от ограниченности самосознания, но от свежести воззрений на природу и от веры в тайное с нею общение человеческой души". Поэтому и говорили (и говорят): "человек отдает душу, выпускает душу, испускает дух, душа выходит, душа улетела, смерть вынимает душу из белых грудей, душа у него вылетела". Для нашего предка мир был единым, цельным, взаимосвязанным. Он включал в этот мир и себя. Мир этот он воспринимал божественным, чудесным, проявлением одной живой силы. Сейчас человек стоит значительно дальше от правильного понимания мира, в котором мы живем. Он поделил единый мир на материальный и идеальный, противопоставил один другому, объявил материализм и идеализм с извечной борьбой между ними. На самом деле мир единый, цельный, только он глубже, он является взаимообусловленным. У наших предков представление о мире было правильным, цельным, и было бы неверно говорить о том, что оно было материалистическим. Материализм возник значительно позже. Современная наука утверждает, что все в мире, как живое, так и неживое, пронизано информационно-биологическим полем. Все пронизано Мировым разумом. Так что наши предки впитали эту правильную философию с молоком матери-Природы. И не надо судить их и присваивать им ярлыки, исходя из наших собственных заблуждений.

Наши предки считали, что душа может пить, есть, где-нибудь сесть, за что-нибудь ухватиться. Поэтому на могилы приносили (и приносят) хлеб, блины, яйца, водку и т.п. При этом приглашают усопших "хлеба-соли откусать". В день поминания умерших в доме на столах оставляют угощение, чтобы души умерших подкрепили свои силы. В Витебской губернии в поминальные дни собравшиеся клали на стол по ложке каждого подаваемого кушанья. Они уверены, что "дзедоу" съедят. В Оленецком крае угощали души умерших вином и пивом. Показательно обращение дочери-сироты к своей умершей матери:

Родимая моя матушка!
Наталья свет Ивановна,
Тебе добро принять, пожаловать,
Стакан да пива пьяного,

Чарочку да зелена вина
От меня от бедной сироты!
На здоровье тебе выкушать.

Из достоверных источников следует, что в некоторых местах на Руси снимали над умирающим потолок или приподнимали матицу. После того как он умер, немедленно открывали окно, чтобы душа могла вылететь. На окно иногда ставили чашку с водой и вешали полотенце. Это для того, чтобы улетающая душа смогла умыться и утереться. В "Слове о полку Игореве" говорится: "Изяслав – израни жемчужину – душу из храбра тела чрез злато ожерелье" (то есть полагалось, что можно душу выронить из тела). Кроме того, верили, что мать умершая приходит кормить грудью ребенка и оставляет углубления на кровати, где лежала.

Несмотря на такое представление о душе (как о чем-то почти живом – ест, пьет, кормит и т.д.), ее представляли и в виде ветра. Именно ветра, поскольку он также является дыханием. С прекращением ветра-дыхания в природе все как будто засыпает.

Кстати, все индоевропейские народы имели такое же представление о душе-ветре. У всех этих народов душа обозначается словами, которые выражают понятия "ветер", "дуновение" и т.п. Русские "душа и дух" стоят в связи с литовским "dausa" (дыхание) и dusti (дышать). Прослеживается тесная связь понятий "дуть, дуновение, ветер", с одной стороны, и "дух, душа"; с другой стороны, в латинском "spiritus" (дуновение, дыхание, дух, душа) и "spirare" (дуть, веять, дышать), "amina, animus" (дух, душа). То же самое в греческом "anemos" (ветер). Далее в греческом "pneuma" (ветер, воздух, дух, душа) и pneu (дух, вею), yuch (душа) и yucein (из spuc – дуть); в ирландском "anan" (душа) и anail (дуновение, дыхание); на санскрите "atman" (дух, душа) и греческом "antmh" (дуновение, ветер); на армянском "antsn", "afole" – веяние, дух, душа. Все эти слова образованы от корня an.

Представление о душе как о ветре сохранилось до наших дней. В прошлом веке в северной похоронной причети дочь на могиле матери просит:

Вы разоидитесь, ветры буйные,
Раскатитесь, белы камешки!
Раскуйтесь, гвоздики шеломчатые,
Покажись-ка, белый саван,
Откройте, очи ясные,
Сговорите, золоты уста,
Погляди-ка, моя ладушка!

В этом плаче ветрам приписывается живительная сила. Душа находится в родстве с ветром. Здесь имеется своя логика – ветер заменит душу и все оживит. Тогда усопший и глаза откроет, и заговорит.

Мы до сих пор, как и наши предки, связываем душу с ветром. Когда слышим завывание ветра в трубе, говорим: "Чья-то душа родная жалуется, что ее не понимаем". Или же завывание ветра считают плачем покойников, а срывание с домов бурей крыш считают проявлением недовольства покойников. Конечно, сейчас далеко не все так считают. Большинство не верит ни во что и живет как инородный предмет в природе. До поры до времени.

Крестьяне утверждали в некоторых местах России, что бури и вихри происходят от того, что кто-то повесился, удушился или утопился. Душа таких людей в бурном полете устремляется на небо. Ветер считался умершим человеком, который бегаёт по белу свету и моргает одним усом. Так считали в Ущицком и Проскуровском уездах.

Душа представлялась не только в образе ветра, но и в образах огня и теплоты. Это и понятно – после смерти труп становился холодным, тело теряло свою жизненную теплоту, свой внутренний огонь. С человеком в момент смерти происходило то же, что и с природой, когда наступали холода: с уходом тепла, огня наступала смерть, омертвление, замирание. Кстати, и у других славянских народов было такое же представление о душе, как об огне. Например, чехи считали, что над могилами летают огненные душечки. Они в блуждающих огнях видят души некрещеных младенцев. Лужичане считают так же. В Холмовской Руси считали, что светящиеся на кладбищах огоньки не что иное, как души умерших.

Связь жизни с огнем прослеживается в украинской сказке "О куме Смерти". Там сказано следующее: "Смерть жила

под землю, здоровенная хата вся была освещена свечами. Одни из них только начинали гореть, а другие догорали. Пришел в гости к Смерти кум и стал ее расспрашивать о свете. Смерть своему куму отвечала: "Каждый человек, который только есть на свете, имеет тут свою свечу; как только он родится — свеча зажигается. Как только свеча его гаснет — он умирает". "А где же моя свеча?" — спросил кум. Смерть указала ему на догорающий остаток, и когда тот стал молить, чтобы она удлинила его свечу, строго заметила ему: "Ты помнишь, что ты взял меня в кумовья за то, что я живу по правде? Или после того, как ты стал господином, тебе уже не нравится правда?"

Связь огня с жизнью прослеживается в слове "воскресать". Это слово образовалось от слова огонь — "крес". Отсюда кресиво или кресано, польское *krresiwo* — огниво; кресати, кресити означает высекать искры. Отсюда и месяц июнь называли "крестник", то есть месяц огня. Слово воскресать буквально означает возжечь пламя, а в переносном смысле означает восстановить погасшую жизнь. То, что душа — огонь, мы видим из эпитетов, которые мы даем душевным движениям: чувство мы называем горячим, пылким (пылающим), теплым; любовь, вражда и злоба (что в душе) возгораются и погасают. Мало кто об этом задумывается. Вроде верования тут ни при чем. Мы об этом не задумываемся, когда говорим, что огонь сообщает очам блеск, крови — жар, а всему телу — внутреннюю теплоту.

Раз душа — огонь, то вознесясь, может стать звездой (тоже огонь, источник света). Поэтому и говорят: "звезды горят, звезда гаснет, звезда пылает". Поэтому рождение человека обличали с появлением на небе принадлежащей лично ему звезды (своего рода личной свечи). Смерть ассоциировалась с падением этой личной звезды. Недаром, наблюдая падение звезды, говорят, что "кто-нибудь умер" или "чья-то душа покати-лась". Известен рассказ о трех сестрах-ведьмах. В наказание за свое занятие после их смерти им пришлось весь век гореть на небе. Это "девичьи зори" — три звезды близ Млечного Пути.

Наши предки представляли душу также в виде дыма или пара. И это не без оснований; огонь сопровождается дымом, а дыхание человека на морозе сопровождается паром. Собствен-

но, это тот же ветер, только модифицированный. Раз душа — это дыхание (вдыхание, выдыхание), то значит и воздух (пар) и дым. Тут все логично. Об этом говорят слова. "Дух, душа" имеют корень в виде "dhu" (дуть, раздувать). От этого же корня происходит и слово "dhuma" — дым. Слову "дым" по корню родственны: греческое *gumos* — душа и движение страсти; славянское "душа и думать", литовское "duma", "dumyti" (латyšское *duhmi*). Специалисты полагают, что в древности дым и душа отождествлялись.

В Софийском Временнике о смерти Василия Ивановича сказано: "И виде шигона дух его отошедше, аки дьмец мал". В Олонецкой губернии душа и пар одно и то же. "Вдарил он его, — говорят там, — а у него и пар вон". Там же говорят: "У бабы не душа, а пар". В Витебском уезде то же самое. Соболев сообщает, что там на поминки усопшего, во время похорон, обыкновенно пекли блины. Главным образом здесь имелся в виду не сам блин, а пар. Его принимали за душу умершего, которая поднимается вверх, возносится на небо.

Дым или пар, поднимаясь, со временем принимает вид облака, облачка. Поэтому и душа представлялась в виде облака. Так в похоронной причети говорится:

Как душа с белым телом ликовалася,
Быв, как облако, она да поднималася.

Кстати, родственные нам греки все представляли так же. В "Илиаде" сказано, что душа Петрокла ушла из Ахиллеса, как облако сквозь землю.

Древние представляли душу и в виде крылатых насекомых. Это прослеживается и до сих пор. Так, в Ушницком уезде душу представляют в виде мухи. В Грубенновском уезде думали, что душа летает во время сна человека летучей мышью. Что же касается ведьмы, то по народному поверью ее душа при возвращении из ночных походов летает около тела мухой и пчелю. Она так летает, пока не попадает в свое жилище — в тело. Недаром в Ярославской и Олонецкой губерниях бабочку называли "душечкой". Кстати, и древние греки считали бабочку душой человека. Они называли ее "petomenh yuch" — летающая душа. Само слово *yuch* означало у них как душу, так

и бабочку. А современные греки называют бабочку – душечка (“yucarouda”). У славян-сербов душа ведьмы, колдуньи летает во время сна бабочкой или птицей. Если спящую колдунью перевернуть головою туда, где были ее ноги, то вернувшись, душа не найдет входа в свою телесную обитель и будет продолжать летать. Болгары и чехи также считают бабочку душой человека.

Душу в образе птицы можно увидеть во многих источниках. Так, в похоронной причети говорится:

Появись-приди, надежная головушка,
Хоть с чиста поля явись ясным соколом,
Со темных лесов явись сизым голубем,
Хоть с глубоких озер серой утушкой,
Хоть с погоста прилети да черной галочкой.

В другом источнике сказано: “Та прилети же ты до мене, мий братику, хоть сивым голубем, хоть ясным соколом, хоть белым либидем”. Считалось, что белый лебедь – это душа незаконнорожденного младенца, которого крестила бабка и задушила. Представляют душу также в образе кукушки. Поэтому к умершим обращаются с такими словами: “Прилетай ко мне кукушечкой, прокукуй мне свою волюшку”. Обращаются к кукушке с просьбой: “Кукушка, кукушка, сколько мне лет жить?” Сохранилась традиция кормить птицу в продолжение шести недель по смерти кого-либо из семьи: осыпают могилу хлебными зернами.

В северной похоронной причети говорится:

Покажись, приди, надежная головушка,
Хоть с под кустышка приди да серым заюшком,
Из-под камышка явись да горностаюшком.

Чехи и сербы считают образом души мышь. Специалисты утверждают, что такое представление было и у других славянских народов.

Представляли душу и в образе человека:

Приди-появись, сердечко мое дитятко,
Хоть к крылечку приди добрым молодцем,
Хоть незнамой калеккой пережойей,
Хоть купцом приди московским.

Представляли душу и в виде тени. Она легкая, как воздух, и неуловимая для осязания. Тени называли “навье”. Так, в летописи 1092 г. сообщается, что жителей Полоцка избивали мертвецы – неуловимые для взора привидения. Об этом сказано так: “И не бе их видети самех, но конь их видети копыта, и тако уязвляху люди плотьская и его (их) область; тем и человецы глаголаху, яко навье бьют полочан”.

Навье – это карлик, мрачный карлик, цверг (“nar” – скандинавское имя). У славян таких существ называли “модки”. Бытовало представление, что душа есть малый ребенок, человечек с чистым и прозрачным телом. В Переяславской летописи сказано: “Из новей дети ноа емлют”. Здесь дети – это умершие. На древних иконах душа изображена ребенком, который исходит из уст покойника и улетает на небо или возносится туда ангелами. Подобные изображения имеются не только на иконах. Они встречаются в миниатюрах, которые украшают древние рукописи, а также в печатном издании Печерского Патерика, а также на лубочных картинах.

БЕССМЕРТИЕ ДУШИ

Все народы во все времена верили в загробную жизнь. Не были исключением и славяне. Так, в песнях Краледворской рукописи не один раз упоминается, что душа после смерти человека живет, оставаясь подле человека до тех пор, пока не совершится погребальный обряд. Так, в песне “Честмир и Власлав” сказано:

Власлав встать не может:
Морена его усыпила в ночь черную...
Вот и вышла душа из стених уст
Валетела на дерево и порхала по деревьям
Туда и сюда, пока не сожгли мертвого.

В другой песне (“Забой и Славой”) имеются такие слова: “Там много душ носятся туда-сюда по деревьям, боятся их птицы и пугливый зверь, одне совы их не боятся”.

В Немецкой грамоте написано, что жрецы поморян уверяли народ, будто они видят, как душа честного человека с дружиной переходит к другой жизни на небо.

Погребальные обряды русских-славян четко указывают на их веру в загробную жизнь. Об этом свидетельствует арабский путешественник Ибн-Доста (около 930 г.) в своей "Книге драгоценных драгоценностей". Там сказано:

"Когда (у русских) умирает какой знатный, для него вырывают могилу в виде просторной комнаты, кладут туда мертваца, кладут туда одежду, золотые обручи, которые он носил, много яств, кружки с напитками и другие неодушевленные предметы и ценности. Жена, которую он любил, живую помещается в погребальной комнате; затем затворяют двери, и она там умирает". Из этого описания ясно, что предки верили, что загробная жизнь такая же, как и на земле, и что там им понадобится все, чем они пользовались на земле. Кстати, отголоски этого обряда остались. Так, в Белоруссии рядом с покойником кладут в могилу любимые им при жизни вещи, а также еду с питьем. Этот обычай языческий, ни в коем случае не христианский. По христианским воззрениям душа в загробном мире не нуждается ни в чем материальном.

ДУША ПОСЛЕ СМЕРТИ ЧЕЛОВЕКА

Бытовало верование, что душа после смерти человека находится на земле. При этом она принимает на себя различные образы. Душа, как полагали наши предки, блуждает по земле в виде огня или носится в виде ветра. От этой веры остались поверья. Например, что ведьмы и колдуны после смерти в образе огненных шаров (их души) отправляются к реке Иордан, чтобы смыть свои грехи. Но они туда никогда не достигают, поскольку их на пути всегда настигает дождь. Или другое поверье. Если жена очень тоскует по умершему мужу, то он ночью может явиться к ней огненным змеем, проникнув в дом через трубу. Умерший (его душа) может обратиться вихрем, как в следующем рассказе: "Умерла одна баба, взяли у нас рушники. Рушники впустили в яму и забыли их оттуда извлечь обратно. Отец огляделся – где рушники? Лаготь батько, что нет рушников. Что же делать? С сестрою взялись за лопаты, чтобы откопать ту бабу. Норовилы с две земли вывернули. Как начали тя-

нуть, и вышел из той могилы вихрь. Как начал, как начал крутить! Всю солому ободрал, чуть нашей хаты не перевернул!" Это записано на Украине. Белорусы же утверждают, что душа ветром врывается в трубу и стонет, прося помилования.

Верили и в то, что душа может превращаться в растения. И так жить на земле. Человек полагал, что он, как и все растения, произошел от земли. Собственно, у всех народов человека считают землеродным. Землю называют матерью. В санскритских поэмах и именах мы часто встречаем "рожденный от Ману" или "рожденный землею". Земля называется матерью, которая могла рожать людей.

Русский народ всегда называл землю матушкой, а человека – землеродным. Показательно то, как обращаются к земле крестьяне нижегородской губернии перед сбором лекарственных зелий и кореньев:

Гой, земля еси сырая,
Земля матерая,
Матерь нам еси родная!
Всех еси нее породила,
Воспитала, вскормила
И угодем наделила;
Ради нас, своих детей,
Зелий еси народила.
Польгой беса отгоняти
И в болезнях помогати.
Повели с себя урвати
Разных надобьев, угодьев,
Ради польги на живот.

В стихе "О Голубиной книге" говорится, что:

Кости крепкие от камни,
Телеса наши от сырой земли.

Человек произошел от земли, как и все растения. Поэтому он не мог не относиться к растениям по-братски. Растения и деревья человек считал, естественно, живыми, одухотворенными, как и сам человек. Они всем похожи на человека (по сути): свое бытие получили от той же матери, что и человек, они растут, разделяют явление жизни и смерти, здоровья и болезни. Поэтому человек считал возможным, что человеческие души вселяются в растения и деревья. На могилах

умерших вырастали растения. Это также о чем-то говорило. Они произрастали из праха погребенного мертвеца. Дерево способно породить огонь (при трении древесных кусков). А огонь — это душа. Значит, она выявляет себя в дереве.

Вера в переселение душ у наших древних предков просматривается и в сказках, народных преданиях и стихах. В сказке "О Снежинке" сказано, что на могиле убитой Снежинки ночью вырастает камыш. Из камыша бурлаки делают дудочку, которая досталась в руки родителей Снежинки. Родители разломали дудочку и оттуда выскочила их дочка. Подобный сценарий и в украинской сказке "Маруся". Она умерла от злого улья. На ее могиле вырастает цветок. Боярский сын пересаживает цветок в горшок и приносит домой. Ночью цветок начинает двигаться. Он падает наземь со своего стебля и превращается в красивую девушку. Подобное превращение описано в сказке "О злой мачехе". Мачеха убила падчерицу. Падчерица превращается в калину. Из калины прохожие делают дудочку. А дудочка играет сама и рассказывает об убийстве. Различных вариантов этого сюжета с превращением человека в растения и растения в человека очень много.

Существовало народное поверье, что незамужние дочери после смерти превращаются в тополь, а те, которые прокляты матерью, превращаются в крапиву. Так, в песне "О Василье и Софьюшке" говорится, что

На Васильевой могиле выростала золотая верба,
На Софиной могилушке кипариско дерево;
Корешок с корешком срастался,
Прут с прутом совивается,
Листок с листком солипается.

Подобные сюжеты прослеживаются и в песнях других славянских народов.

Наши предки считали, что душа может вселяться не только в растения, но и в различных насекомых, птиц и животных. На Украине считали, что человек по смерти может стать муравьем, птицей или зверем. В Херсонской губернии верили, что если не будет роздана заупокойная милостыня, то душа умершего явится домой в виде ночной бабочки. Она будет витье вокруг заженной свечи. Если такое замечали, то на другой же день соби-

рали и кормили нищих. На юге России старухи после возвращения с кладбища после похорон целую ночь караулят душу усопшего. Они уверены, что душа вернется в образе мухи. Поэтому ставят на стол сыту, чтобы душа-муха смогла попить приготовленный напиток. Души умерших детей превращаются в ласточек, коноплянок и других певчих птиц. Они садятся по деревьям около дома и поют песни. Это поверье записано на Вольни. В одной сказке говорится, что душа убитой девушки прилетает к любимому соловьем. Она поет ему песни о своем несчастье.

Подобных сказок и песен очень много. Так, в одной из них говорится, что после того как убили мужа, его душа прилетала к жене в образе павлина.

В средней России еще и сейчас говорят, когда влетит в дом птица, что "упокойничек озяб: пичужкой погреться прилетел". Считали, что душа летает в образе голубя и находится на месте своего погребения. Поэтому на Руси строили на могилах особые постройки, предназначенные для отдохновения души, а также для защиты души от ненастья. Эти постройки называли голубцами.

В похоронных причитаниях также видна вера, что душа превращается в птицу. Так, усопшего просят обернуться "перелетным да ясным соколом", вскинуться "белым голубочком", явиться "на свое широкое подворье" в виде "пташечки". Дочь спрашивает свою мать-покойницу: "Да коли ты до меня в гости прибудешь, да чи ты иттишь, чи летитишь, чи плеститишь? Утонькою преститишь буду ряску розгоняти, зозулю будеш летати, сады буду росхляти, дорогою иттишь, буду доризеньку помитати, буду и воритичка одчиняти". Верили, что душа умершего может превратиться в животное. Поэтому жена просит умершего мужа обернуться заголиком и прийти навестить ее. В одной из русских сказок умершая мать превращается в коровушку-буренушку. Она приходит по ночам к своей дочери прясти лен.

У других славянских народов были принципиально такие же представления. Соболев пишет, что эти представления "пришли от того времени, когда наш предок одухотворял природу, жил с нею тесною связью и представлял ее таким же живым организмом, как и он сам".

Наши предки верили, что душа умершего может оставаться на земле и в образе людском. Эти представления восходят к Роду и Чуру. Как сказано в летописи, наши предки "живяху каждо со своим родом и на своих местах", "особе", то есть разъединенно род от рода. Род — это несколько семей, которые связаны узами кровного родства и властью одного родоначальника. Родоначальников звали старец, жупан, владыка, князь. Родоначальник не только управлял родом. Он был и жрецом. В колядской песне говорится, что закляние в жертву козла производит старец (старик).

За рекою за быстрою
Леса стоят дремучие.
Во тех лесах огни горят,
Огни горят великие,
Вокруг огней скамьи стоят,
Скамьи стоят дубовые,
На тех скамьях добры молодцы,
Добры молодцы, красны девицы,
Добры молодцы, красны девицы
Поют песни колядушки.
В середине их старик сидит.
Он точит свой булатный нож,
Котел кипит горючий.
Возле котла котел стоит;
Хотят козла зарезати.

Родоначальник, старший на Руси всегда был священным, уважаемым. Он был не только начальником, жрецом и управителем, но и надежным хранителем рода и его интересов. Род не мог смириться с тем, что это главное лицо, хранитель рода, со своей смертью уходит навсегда. Поэтому верили, что Родоначальник продолжает оберегать свой род и после смерти. Он не умирает. Он находится рядом и заботится о своем роде. Он является главным богом для Рода. Его иногда называли Чур (щур, прашур). Недаром, когда хотели защитить себя от опасности, то произносили заклинание: "Чур меня!", то есть "Храни меня чур", "Чур, наше место свято!" Как мы уже говорили раньше, Чур оберегал межу, был хранителем полей и пашен. Оберегал он и дом от злых человеку духов. В присутствии Чура ни один из злых духов не может причинить человеку вреда.

Обязанности Рода и Чура в доме выполняет домовый, своеобразный дедушка. Это властный, седой низкого роста старик. У малоросов домовый — маленький карлик с длинной седой бородой. В Вятской губернии считали, что домовый — это старик ростом с пятилетнего ребенка. Он всегда в красной рубашке, опоясанной синим кушаком. Лицо у старика сморщенное, борода белая, волосы на голове желтовато-серые, а глаза словно огонь. И в других губерниях России домового представляли себе как маленького старикашку, который одет в красную рубашку. У него непременно седая, длинная борода, волосы на голове всклоочены. Они застилают его лицо. Голос у домового глухой и суровый. Он любит браниться, при этом употребляет ругательные русские слова. Считали, что все тело домового покрыто густой шерстью и мягким пушком. У него даже подошвы и ладони в волосах. Без волос только лицо около глаз и носа.

Отцы церкви этого хранителя рода и дома, в которого переселилась душа предка, называли "проклятым бесом храмовителем". На самом деле никакого отношения к бесам домовый не имеет. Он свой, свой усопший прашур. Поэтому его и называли "дед", "дедушка", "дидька", "дзад". Собственно, этими же словами в некоторых местах России называли умерших. Недаром в России до недавнего времени существовал обряд, по которому родственники умершего приносили ему деньги, масло, яйца и т.п. и просили беречь их имущество (то есть быть их домовым). При этом говорили так: "Вот тебе, Семен (называли имя умершего), на! Это принесла тебе Марфа (хозяйка), береги у нее скотину и хлеб, когда я буду жать, корми цыплят и гляди за домом". Не вызывает после этого никакого сомнения, что домовый — это никакой не бес, а охранитель и устроитель семейного очага. Более того, он не позволяет злым существам, бесам появляться в доме. Он оберегает скотину, чистит ее по ночам, поит ее водой, дает ей корм, заплетает лошадям гривы, надзирает за птицей (курами), смотрит, чтобы были в порядке огороды, амбары, овины. Более того, он приносит хозяину деньги, а его нивы делает плодородными. Отцы церкви не только уговором, но силой, наговорами, ложью старались лишить нашего предка этого

защитника, лишить его надежды на то, что он не один в трудные неурожайные годы, в беде, в лихе, что ему всегда придет на помощь его прародитель-домовой. Можно лишить человека куска хлеба, но нельзя отнять у него надежду. Поэтому домовый остался, и никакая церковь не смогла с ним справиться, несмотря на то, что она назвала прародителя — домового — бесом.

Домовой был не только надежным охранником и защитником. Он был идеальным хозяином. Никто лучше, чем он, не радел о хозяйстве дома или двора, никто так не берег хозяйское добро, как он. Его дела были даже видимы: здесь он приберет к месту какую-либо вещь, там поправит что-нибудь или подметет двор.

Собственно, хозяином дома был не здравствующий хозяин, а домовый. Его так и называли — хозяином, хозяюшкой. Сам же здравствующий хозяин дома был только представителем домового — хозяина. Считали, что домовый "словно вылит в хозяина дома". Сообщается в исторических (мифологических) источниках, что домовый часто принимает вид умершего домохозяина.

Из сказанного выше понятно, что в каждом доме — свой домовый. Только свой домовый позаботится о доме, только он является добрым. Чужой домовый всегда зол, он постоянно старается вредить человеку во всем. Против чужого домового произносят заклинание, чтобы защитить себя. В заговоре, как правило, испрашивалась защита светлых духов "от черта страшного, от чуждого домового". Это пошло с древности, когда роды были большими и нередко враждовали друг с другом. Поэтому и получилось, что раз родоначальник другого рода — враг, значит, и домовый этого рода — враг. Это естественно.

Отношение к домовому как к прародителю просматривается в разных обрядах, в частности перед постройкой дома. Верили, что новопостроенное жилье только тогда будет прочно, когда умрет глава поселившейся в нем семьи. Он после смерти и будет охранять. Верили также в то, что тот из родичей умрет раньше, кто первый вошел в новый дом. Боялись, чтобы преждевременно не умер строитель дома. Чтобы этого не случилось, жертвовали петуха.

Перед постройкой дома приходили на место закладки дома. Там отрубали у петуха голову и зарывали ее на этом месте, где должен быть передний угол дома. Был еще и такой обычай. У переднего угла закапывали несколько медных монет и ячменных зерен, а иногда кусок хлеба, щепоть соли и кусочек меда. Это делали до того, как начинали класть основные звенья сруба. В сборнике Румянцевского музея дано описание обряда в честь домового: "В новоселии идет с коликою черного и черною курою". Практически еще очень недавно при закладке дома или в новоселье убивали петуха, курицу, ягненка или какое-нибудь другое животное. Это жертвы домовому — духу умершего родоначальника. В древние языческие времена на место основания нового дома или вообще поселка закапывали в землю жертвы. Могли закапывать в качестве жертвы и человека. В преданиях Новгорода рассказывается, что когда Смоленск запустел и было решено срубить новый город, то были посланы на все четыре стороны гонцы захватить, кто попадется, живую жертву. Попалось дитя и его заложили в основание города. Поэтому город называли Детинцем.

Что же касается домового, то все сказанное выше подтверждает, что он очень тесно связан с Родом. По сути, домовый — это тоже Род, но "род" — хранитель отдельной "семьи, отдельного двора, а не целого рода. Хранителем целого рода является Род. В определенный исторический период род распался. Поэтому Рода заменил домовый. Домовой живет не только в доме. Он заботится обо всем хозяйстве и живет везде, охватывает все хозяйство. Поэтому мы находим его в банях, овинах, винокурнях. Поэтому его и называют по-разному: баньным, подовинником. Он помещается и в хлевах. Считается, что видеть домового можно в Чистый четверг или на Светлое Воскресенье в коровнике или хлеве. Там он сидит, притаившись в заднем углу. Но он не только сидит в углу. Можно на снегу увидеть следы его мохнатых лап.

Вначале полагали, что души предков вселились в Рода, Чура и Домового. А потом этот круг расширился. Стали верить, что все души умерших семьи или рода остаются здесь, на земле, на своем участке, где они раньше жили. Живущие не только верили в это, но и надеялись, что души умерших

родственников охраняют их. Поэтому и хоронили их там, где сходились межи различных владений – на распутьях (“при путях”). Летописец этот обычай описывает так: “Аще кто умряше, творяше тризну над ним, и по сем творяху кладу велику, и возложашу и на кладу мертвеца, сожьжаху, а по сем собравше кости, возложашу в судину (в ссуд, в сосуд) малу и поставляху на столпе на путях”. Так умершие должны были сторожить родное селение. Они находились на столпах (“сосудины малы”), которые отмечали границы поля или усадьбы. Род мог быть спокойным – он находился под охраной своих умерших. Если человек перешел эту границу, то он лишался покровительства своих умерших родичей. Наше “чересчур” произошло отсюда. Оно обозначает нарушение известной границы или меры и служит предостережением.

Души умерших не только находились где-то, но являлись в дом, и даже здесь поселялись. То, что в это верили, говорят представления о марах и кикиморах. Полагали, что мары и кикиморы – это младенцы, которые умерли некрещенными или были прокляты родителями. Это невидимки-карлики, которые живут в домах за печкой. Но по ночам они выходят из своего укрытия, садятся на печке и прядут пряжу. Имеются такие свидетельства: “Спи, девушка, кикимора за тебя спрядет”. “От кикиморы рубашки не дождешься”. Мары появляются и в хлеве. Там они косматят лошадям гривы. Так что мары и кикиморы связаны с домовым.

Русалки – это тоже души умерших. Русалка – “русый”. Отцы церкви полагают, что русалки – это души младенцев, которые умерли некрещенными, а также души утопленниц и удушенных и вообще женщин и девушек, которые самопривольно лишили себя жизни и не были погребены по христианскому обычаю. Верили в то, что огни на могилах разводят русалки или они являются просто одноглазыми русалками.

В некоторых местах России был обычай на родительской неделе (неделя, на которую приходится Дмитриевская суббота) переряживания. Такой обряд переряживания в праздник в честь мертвых был и у других народов. Летописец Нестор сообщает, что славяне в древности совершали игрища на перекрестках в честь мертвых. При этом они переряживались и ста-

вили на перекрестках сосуды с прахом мертвеца. Здесь они совершали игрища. До сих пор остался страх перед перекрестками как местом, где собирается нечистая сила.

Существовал обычай на могилах класть блины, бить яйца и призывать русалку:

Русалка-царица,
Красная девица!
Не загуби души,
Не дай удавитьца;
А мы тебе кланяемся.

Русалок представляли себе девицами с длинными-длинными волосами или же девочками-семилетками с русыми кудрявыми волосами. Одеты они в белые сорочки без пояса. Поэтому в Малороссии их называли мавки (малютки). Летом русалки живут на земле – в полях, рощах, лесах. Они выбирают старые деревья или растущие над водой. Это Ива, верба, плакучая береза. Они все время веселятся: празднуют свои свадьбы, акупаются, бегают, пляшут, водят хороводы и поют песни. Они любят, свернувшись клубком, с хохотом и визгом кататься по траве и дорогам. По вечерам русалки любят качаться на низких ветвях. Сидя на ветвях, они будто бы просят у прохожего дать им сорочку:

На гнилой колоде,
На белой березе
Русалки сидели
Суки вязали,
Да на тех суках
Русалки гутали.
Красные девочки
Шли веночков вить;
Просили русалочки
У девок сорочки:
“Девочки-подружки!
Дайте мне сорочку!”

ДУШИ УМЕРШИХ В НЕВЕДОМОЙ СТРАНЕ

Наши предки имели обычай сжигать тело умершего. Они хотели, чтобы душа вместе с дымом ушла на небо. Пепел по сожжении они собирали в урну и хранили. В похоронной причети говорится, куда уходит душа по смерти:

Приубрался, свет-надежная головушка,
К красну солнышку на пригребушку,
К светлу месяцу на придрокушку.

Так причитает жена после смерти мужа. Душа после смерти тела уходит в область "Красного солнышка", в верхний мир. Полагали, что души умерших должны взбираться на какую-то крутую, неприступную гору. Существовало (и существует) поверье, что обрезанные ногти не надо кидать, а нужно хранить, кладя их за пазуху. На том свете они пригодятся, потому что каждому по смерти придется взбираться на крутую гору. В Подольской губернии говорили, что души умерших будут "драпаться" на крутую стеклянную гору. Верили, что обрезки ногтей после смерти срастаются с ногтями на пальцах. После этого ногти станут крепче, и легче будет взбираться на железную гору, где находится рай. В русской сказке "О золотой горе" Иван Царевич приезжает к горе, "крутизна которой была столь высока, что на нее взлезть никак было не можно". Царевичу удается взлезть только благодаря тому, что

он в скважине горы находит железные ногти. Литовцы верили, что для того, чтобы достичь того света, умершие должны влезать на крутую блестящую гору. Поэтому они вместе с трупом сжигали когти медведя или рыси.

Что это за гора — крутая, круглая и блестящая? Это небесный свод, который был и блестящим и округло-выпуклым (куполообразным). Предку он представлялся горой. Предки эту гору (небосвод) располагали на западе. Это логично. На востоке день начинал свою жизнь, а на западе его жизнь заканчивалась. Значит, там должна была заканчиваться и жизнь человека. Там должна была находиться неведомая страна. Поэтому в причитаниях говорится о неведомой стране, которая находится на закате солнца. По русскому поверью запад является местом страны отцов. Считают, что покойников надо хоронить до захода солнца, чтобы отходящее на покой солнце могло покойников захватить с собой и довести их до обители умерших.

Неведомая страна на западе была желанной. Арабский писатель Масуди сообщает, что славянские жены лишают себя жизни после смерти мужей, поскольку "пламенно желают быть сожженными вместе со своими мужьями, чтобы вслед за ними войти в рай". Ибн-Фоцлан, арабский писатель, приводит слова девушки, которая обрекла себя на сожжение. Она говорит: "Вот вижу отца моего и мать мою. Вот сидят все мои умершие родные; вот и мой господин — он сидит в раю, и рай так прекрасен и зелен". Чуть дальше Ибн-Фоцлан приводит слова переводчика, который объясняет ему обряд погребения: "Мы сожигаем мертвецов потому, чтобы умерший без задержки вошел в рай". Слово "рай" означает "сад". Наши предки стремились в сад, вечнозеленый, где царствует вечное лето, светит солнце, зеленеют деревья и трава.

Само слово "рай" родственно индоевропейскому слову "радж". В "Ригведе" эта страна "радж" является как место света или мировое море, которое расположено между землей и небом. Слово "радж" трансформировалось в слово "рай" следующим образом: буква "а" осталась, а "дж" перешло в славянское "й". Только позднее светлая воздушная страна "рай" превратилась в зеленую.

В "Ригведе" имеется такой гимн: "Где светит свет, туда стремлюсь я, в Сома, в бессмертный, нетленный мир, где владычествует сын Вивасвата Яма, в святилище небес, там, где покоится лучезарное Солнце, — о дай мне быть там бессмертным". Язычники-литовцы представляли себе рай светлой страной. Они помещали ее на западной стороне неба. Страна находится где-то

За лесушками за темными,
За горами за высокими,
За облачками да за ходячими,
Да за частями звездушками.

У язычников был не только "рай", но было и "пекло". Но пекло не было пеклом (адам) христиан, где грешников жарят на сковородах. Язычники смотрели на все естественнее, правильнее. Они "пеклом" называли просто горную область, согреваемую небесной теплотой, солнечными лучами. Специалист об этом сказал так: "Исключительного смысла загробной муки слово "пекло" в язычестве не имело. Пеклом нужно считать просто область горную, где действует небесная теплота, солнечные лучи и огонь. Сюда предок отсылал своих умерших без всякой мысли о возмездии". Если вначале рай помещался между небом и землей, то потом он оказался вообще под землей. Логика очень простая. Солнце после заката и до восхода находится под землей. Оно не просто ежедневно уходит под землю, оно там сжигается. Облака, которые гонит ветер, также укрываются за горизонт, где они умирают. Логично, что там же, под землей, где умирает и солнце и облака, находится и страна умерших. Это страна непроницаемой тьмы или страшно клокочущего пламени. Там должен царствовать вечный холод и вечный мрак, поскольку с закатом солнца на западе приостанавливается деятельность природы. Там молчаливая ночь охватывает мир, облакает его в свои темные покровы. Там все погружается в сон и мрак. Все это знаменая навсегда усыпляющей смерти. Тем не менее наш предок верил, что рай — это страна света. Но она помещается там, где и страна мрака, как под землей, так и на небе. Девушка, которая по своей воле ушла на тот свет к своим роди-

телям и своему господину, о которой мы уже говорили, смотрит не на небо, а в колодец, и там, под землей, она видит зеленеющий рай. В отреченном слове "О всей твари", где сохранились многие черты древних воззрений, сказано, что рай лежит на земле там же, где находится страна тьмы и ужасного пламени. В русских сказках подземный мир рисуется светлым. Подземный мир содержит три царства: медное, серебряное и золотое. Однако эти же сказки рисуют подземный мир как царство тьмы. Этот подземный мир называется в сказках "тем светом".

Наш предок полагал, что в страну отцов ведет Млечный Путь. На Млечный Путь смотрят по-разному. В Ушицком уезде полагали, что он ведет в вечное жилище, в рай. В Холмской Руси считали, что Млечный Путь — это дорога умерших, идущих на вечное житие, или же дорога, которая пересекается наполовину — одна ведет в рай, а другая — в ад.

Страна отцов отделялась от мира живых воздушным пространством, которое наш предок представлял себе всесветным морем-океаном или рекой, которая обтекает со всех сторон землю. По этой реке плавают корабли — облака и тучи. Поэтому душа умершего должна переплывать это водное пространство. Поэтому "для бедного умершего делали ладью и сжигали мертвеца в ней". Об этом сказано и в "Повести временных лет", где описана месть Ольги древлянам за смерть ее мужа Игоря. Там сказано, что по приказанию Ольги древлянских послов несли в "ладье", а когда донесли до приготовленной ямы, "вринуша ея яму и с ладьею и повеле (Ольга) засыпати я живы, и посыпаша я". "Ольга приносила погребальную жертву душе своего мужа" — так пишет Котляревский. Она живо погребла древлянских послов.

Про вятичей и кривичей летописец пишет так: "Аще кто умреше, творяху кладу велику, и возложашут и на кладу, мертвеца сожъяху". "Клада" имела вид лодки. При христианстве ладья при погребении осталась. В "Сказании о святых Борисе и Глебе" сказано: "Убиену же бывшу Глебови и повреждену и пусть месте межю двема кладома". Далее прибавлено: "Святого Глеба положиша в леса межю двема кладома под насодом". Насод — это речное судно с набоями или лодка. На миниатю-

ре изображено, как скутанное тело князя положено между двумя колодами и семь воинов опрокидывают над ним вверх дном лодку. Колода — это вариант ладьи. Любопытно, что гроб, который делают сейчас, это две опрокинутые друг на друга лодки.

То, что покойников сжигали в лодках, говорит о том, что считали, что умершему надо будет плыть по водному пространству для того, чтобы достичь страны отцов. Представления наших предков о стране отцов (неведомой стране) были многовариантны. Мы уже видели, что, с одной стороны, там жарко, тепло и уютно (все в зелени), а с другой, — там мрачно, холодно и сыро. Это соответственно рай и пекло. Но это не разные заведения с разными функциями воздаяния человеку за его заслуги и грехи. Отнюдь нет. Наш предок не говорил о том, что грешников будут жарить на сковородках, он вообще не мыслит категориями насилия. Просто в его представлениях получалось так, что, с одной стороны, в стране отцов должно быть тепло и уютно, а с другой стороны, эта страна находится там, где само солнце кто-то или что-то поедает, уничтожает. Отсюда эта раздвоенность.

То же самое и относительно того, как добраться в страну отцов. Поскольку она окружена водой, то, естественно, туда можно добраться на лодке, корабле и других плавсредствах. Больше пользовались лодкой. Поэтому и покойника снабжали лодкой. Однако рассматривался и альтернативный вариант. Он состоял в том, что в страну отцов можно было добраться пешком, на санях или какой-либо другой повозке, или же верхом на коне. В этих случаях водное пространство надо было преодолеть по мосту, который перекинут через водное пространство, которое окружает страну отцов. Представление о таком мосте мы находим не только у индоевропейских народов, но и неиндоевропейских народов. Например, у индусов в "Самavede" говорится: "К блаженству мы стремимся через труднопроходимый мост". Здесь в царство Ямы можно пройти по мосту, перекинутому через водную преграду. У персов царство мертвых (страна отцов) называется Городмала. Чтобы туда добраться, души умерших должны перейти мост воздаяния Чинвед. У мусульман в страну отцов ведет мост Сират. О мосте,

перекинутом через водное пространство к стране отцов, знали и угрорусы.

Представление о мосте, который ведет в страну отцов, вошло из язычества в христианство. Христианство не смогло задушить (то есть убить душу народа) язычество и приспособилось к нему, хотя рану всему народу оно нанесло почти смертельную и незаживающую. Но отцы церкви вложили свой смысл в идею язычников, исказив ее в принципе. Они всячески старались запугать народ и подчинить его своей власти, которая становилась неограниченной и неконструктивной. Поэтому в их редакции это не просто водное пространство, а огненная река. Ее преодолевают как праведники, так и грешники, но первые идут в рай, а вторые — в ад. Праведников (кроме отцов церкви) не было, поэтому воображение духовных лиц направляло весь народ в ад. Кто хотел спастись, должен был повиниться отцам церкви, которые очень быстро превратились в самых богатых владельцев земель и т.п.

В "Сказании Панфутия Боровского", которое было освящено христианством, говорится о том, как один умерший человек прошел в рай по трупам нищих. Кто заставил нищих? Они это сделали добровольно в благодарность за милостыни этого небедного человека при его жизни. Нищие, которых он "осчастливил" при жизни, добровольно "сотворили" из своих тел "яко мост через страшную ту реку". Так "добродетель" попала в рай, в "чудное место". Вот тот образец справедливости, который освятили отцы церкви! Что касается моста, то вера в него сохранилась до сих пор. Поэтому в гроб под голову покойнику кладут несколько щеп от гроба. Они могут пригодиться душе умершего, если придется чинить мост.

Иногда этот мост представляли в виде радуги, которая своими концами уходила под землю, а вершиной касалась небесного свода. Афанасьев об этом пишет так: "Издревле радуга признавалась за путь усопших". До сих пор сохранилась вера в то, что радуга — путь к стране отцов, мост в небесное пространство. В скандинавской поэме "Эдда" радуга называется небесным мостом.

Исходя из представления о мосте по пути в страну отцов, становится понятным, почему хоронили не только в лодках

(гробах), но и в санях. Этот обычай сохранился и при христианстве. Об этом свидетельствует былина "О Потыке Михайле Ивановиче", где сказано, что когда умерла жена Потыки — Авдотья Лиховидьевна, то

Приказали ему (Потыке) попы соборные
Тотчас на санях привезти (тело Авдотьино)
И со всем причтом церковным
Понгребли тело Авдотьино.

В санях хоронили и Владимира в Киеве. В летописи под датой "15 июля 1015 г." сказано следующее: "Умре же (Владимир) на Берестовем, ипотаиша и, бе бо Святополк Киеве. Ночью же можно клетми проймавше помост, обертевше в ковер и ужи свесиша на землю. Взложше и на сани, вехше поставиша и в святей Богородици, кже бе создал сам".

Такое свидетельство далеко не единственное в летописях. Там содержится целый ряд указаний, в которых сани фигурируют в погребальной процессии. Тела умерших везут на санях как летом, так и зимой. В Лаврентьевской летописи под 1054 г. записано: "Всеволод же спрята тело отца своего (Ярослава), взложше на сани и везоша и Киеву". В этой же летописи под 1074 г. описано убийство Изяслава. 3 октября летописец прибавляет, что тело князя "взложивше на сани повезоша и, с песнями попове и черноризци". В Ипатьевской летописи под 1113 г. записано: "Представися благоверный князь Михаил, зовемый Святополк, месяца апреля в 16 день, за Вышегородом, и привезоша и в ладьи Киеву и спрятавше тело его и взложиша в сани... и положила в церкви святого Михаила". Летописи сообщают, что тело князя Владимира Васильевича, умершего 10 декабря, везли в санях и ставили в церкви. Сани используют и для перевозки мощей святого князя Глеба. В санях не только перевозили, но и переносили тело. Это видно на миниатюре, которая помещена в описании жития Бориса и Глеба при Сильвестровском списке. То же изображено на древней иконе, на которой изображено перенесение к гробнице тела св. митрополита Петра. Это же самое (похороны в санях) следует из описания царских похорон в "Выходах Государей".

В России до недавнего времени (а может, в отдельных местах и сейчас) существовал обычай оставлять на могиле сани или даже закапывать их в могиле рядом с покойником. Точнее, закапывали не все сани, а только оглобли от саней, на которых привезли тело, вязки, ломаные полозья, а также ступицу от колеса. Это свидетельствует о том, что раньше на Руси существовал обычай погребения покойника на санях. Это подтверждают и результаты археологических находок. В кургане были найдены остатки волокуш (они в древнее время заменяли сани), на которых привезли покойника. Его и похоронили на этих волокушах.

Хоронили не только в санях и в лодке. Наездник степей скиф хоронил себя на ретивом коне, а знатный и удалой русский богатырь Потык Михайло Иванович зарывается в могилу с конем и сбруей ратной. Погребали на конях, потому что верили, что на коне легче будет достичь страны отцов. Специалист пишет так: "В камеру покойник был введен верхом на лошади и последней голова разбита камнями". В былине "О Потыке Михайле Ивановиче" сохранилось описание погребения на коне. Описано, что этот сказочный богатырь велел себя похоронить заживо на своем коне (после смерти своей жены). Это описано так:

А и тут,
Стали могилу капать,
Выкопали могилу глубокую и великую,
Глубиною, шириною по двадцати сажень...
И тут Потыка Михаил Иванович
С конем и збруею ратного
Опустился в тое-ж могилу глубокую,
И заворочали потолком дубовым,
И засыпали песками желтыми.

Бедных людей хоронили без коней. На основании археологических данных исследователь пишет: "Бедный люд погребался в простых неглубоких гробницах под небольшими круговидными курганами, коней при них не бывает". Полагали, что до страны отцов можно пойти и пешком. До недавнего времени существовал обычай класть в гроб покойнику кроме надетых на ноги новых лаптей еще одну пару — на поход до

страны отцов в качестве запасной пары. Кроме того, в гроб кладут палку (посох), чтобы облегчить долгую дорогу путника. В духовных стихах, составленных на базе язычества, встречаются слова "души подходят" к реке, "души побрели", "души идут" и т.п.

В страну отцов души идут в сопровождении провожатого:

А всем нашим душам
Через ту реку проважатися будет.

В духовных стихах сказано, как умершие умоляют Михаила Архангела проводить их в страну отцов, а точнее в царство небесное (это по христианской интерпретации):

Провяди нес через огненну реку;
Приведи нас ко царству небесному.

Такие проводники были и у других народов.

Наши же предки представляли, что проводник может и перевозить души умерших по водному пространству. Опять же приходится обращаться к духовным стихам, в которых, как в кривом зеркале, отражаются языческие обычаи и взгляды. В одном духовном стихе "О Страшном суде" сказано:

Течет речка огненная...
Как стоят у реки души грешныя,
Души грешныя, беззаконныя,
Оне вопят и кричат – перевозу хотят.

Отвечает душам Батюшка Небесный Царь: "У меня нету душам перевозчиков".

В стихе "Про Михаила Архангела" сказано:

Протекала тут река, река огненная,
Как по той-там реки, реки огненныя,
Да тут ездит Михайло Архангел царь,
Перевозит он души, души проводи...
Через огненну реку ко пресветлому раю.

Или в другом стихе:

Три грешные души, беззаконные рабы
Походили к реки.

Они спрашивали перевозчика:

И на то тут,
Есть перевозчик.
Перевез бы нас на ту сторону,
К Самому Христу, Сыну Божью.

Это из духовного стиха, где верование получило христианскую окраску. Подобных духовных стихов было много. В апокрифическом (не узаконенном церковью) "Хождение Агапия в рай" (XII в.) говорится о том, что Агапий достигает страны отцов – рая – не один. Его перевозят туда на корабле перевозчики – ангелы. В русских сказках перевозчик – это старик. Обычно старик в своей уютной лодочке переправляет через море или реку смелых странников, которые направляются в страшные обители ада к царю-змею или же на край света к ясному солнышку.

У других индоевропейских народов также имеются описания того, что перевозчик перевозит души через водную преграду в страну отцов. У сербов перевозчиками служат Святой Николай и Илья Пророк. Это уже христианские перевозчики. А у язычников (до христианства) перевозчиками были Возуй, Плаву, Ний, Водца.

Перевозчик получал за свою работу определенную плату. Для этого умершего снабжали различными монетами. Их клали в руки покойнику или около нижней челюсти. Этот обычай существовал до недавнего времени. В духовных стихах этот обычай платить перевозчику находит свое подтверждение:

Грешные души подошли к реке.

Они стали просить Михаила Архангела перевезти их,
Михаил Архангел спрашивает их:

А што же вы здесь в руках несете?

Это опять же христианская редакция. У язычников не говорилось о грешниках, о грешных душах.

В ответ на вопрос Михаила Архангела грешные души говорят:

Несем в руках рыже золото,
 Потом — того чисто серебро.
 Они сами то к Михайле приближаются
 Золотой казной спосуляются,
 "Возьми, — говорят оне Архангелу-перевозчику, —
 Ты с нас много злата, много серебра,
 Мелкого скатного жемчуга;
 Переправь нас, грешных, через огненную реку".

Клади покойнику в могилу монеты не только наши предки. Греки в рот покойнику клали монету обол. Она называлась "caulon", то есть плата за перевоз в лодке. Раскопки в Керчи показали, что нет могил (даже самых бедных), где бы не находили медные "монеты Харона". Римляне также клали монету в гроб (для перевозки покойника). Такой же обычай существовал у угрорусов, литовцев. У болгар, когда еще не было денег, клали в гроб соль как эквивалент денег.

Проблемы души умершего на преодолении моста через огненную реку, а точнее водное пространство, не кончались. Прибывшая душа вдруг обнаруживала, что страна отцов охранялась сторожами. Их предстояло как-то обойти. До сих пор в народе можно слышать, что небесные владения оберегаются сторожами-косарями. До сих пор говорят, что рай и ад оберегаются рыжим человеком, у которого хранятся ключи — как от рая, так и от ада. В русских сказках загробное царство охраняют то змеи, то львы. У малороссов сторожем является собака. В малороссийском предании "О творении человека" сказано: "Сотворив человека, Бог ушел, а к дверям рая приставил собаку-зверя чистого, чтобы не пускала дьявола". Тем не менее дьявол нашел доступ в рай. Как? Он подкупил сторожа-собаку, пообещал ей шерсть (до этого собака была бесшерстной). Обсуждался и другой вариант падения сторожа-собаки: дьявол бросил собаке кусок хлеба. Когда собака бросилась за хлебом, дьявол проскользнул в рай. В похоронной причести говорится: "Сторожа стоят ведь там (у страны отцов), да все не спарюют".

У других народов — наших братьев представления о сторожах при входе в страну отцов были такие же. Ведийская мифология говорит о сторожах царства мертвых. Этими сторожами являются Сарамеи — дети Сарамы. Сарамы — это охот-

ничья собака бога Индры. В одном из гимнов Ригведы мы находим даже обращение к этим сторожам загробного мира. Оно звучит так: "Две собаки Ямы да позволяют нам созерцать солнце и получить божественную жизнь". В гимне содержится и напутствие умершему: "Истинным путем избеги двух бледных четырехглазых собак, детей Сарамы, и ступай к отцам, которые блаженствуют вокруг Ямы! Двум собакам, о Яма, сторожам и твоим четырехглазым, охранителям пути, ведающим людей, вручи его (то есть умершего), о царь, спасение и свободу от скорби даруй ему". По персидской мифологии, сторожем страны отцов является пес Сура или Сириус. Это большая звездная собака. У греков сторожем является трехглавая собака Цербер. Хвост у Цербера подобен дракону, а его грива кишит змеями. По сказанию Эды мрачное жилище Геллы сторожит дева "Modhgudhri", а охраняет "Muspellsheimr" воинственный Суртур. Когда душа преодолевает трудный путь в страну отцов и обойдет сторожей, то она оказывается там, где

Ветры не провевывают,
 Лютое зверье не прорыскивает,
 Малая птичка не пролетывает.

Но далеко не каждая душа сюда попадает. Наши предки верили, что душа может и не отправляться в далекое и опасное путешествие, но оставаться в могиле.

Не вызывает сомнения, что в самое древнее время умерших хоронили в земле. Огонь появился потом. Котляровский считает, что "обряд сожжения мертвецов появился в первобытную эпоху у человека-младенца из подражания природному явлению — заходу или смерти в земле великого светила, лучезарного владыки и отца древних людей — солнца".

На Руси как сжигали покойников, так и хоронили в земле. Это подтверждается такими фактами. Арабский писатель Ибн-Фоцлан свидетельствует о сожжении, а другой арабский писатель Ибн-Доста упоминает о погребении. Славянский летописец сообщает о сожжении умерших у родомичей, вятичей и кривичей. Одновременно он пишет о погребении во времена язычества. Так, в летописи под 882 годом сказано: "И убиша Аскольда и Дира, носоша на гору, и погребоша на горе".

Под 912 г. в летописи сказано: "Умре Олег и плакашася по нем вси людие плачем великим, и несоша и, погребоша на горе, еже глаголется Щековица; есть же могила его до сего дня, словеть могыла Олегова". Позднее, под 945 годом, в летописи о смерти Игоря говорится, что древляне, убив Игоря, "погребли его".

У родственных славянских народов также был обычай погребать покойников наравне с сожжением, и "даже можно было бы усомниться в существовании сожжения, если бы за него не говорило непреложное свидетельство урн с пеплом". Последние слова принадлежат специалисту наших дней.

Мы уже приводили описание погребения, которое дал арабский писатель Ибн-Доста. Хоронили в могиле не только умершего, но и его любимую жену. Другие источники это подтверждают. Вывод один: была полная уверенность в том, что на том свете все будет, как на земле, там все будет нужно — и разное добро, и орудия производства, и конь, и жена. Поэтому делали не могилу, а дом ("в виде большого дома"). Края могил нередко обкладывались камнями и имели каменный или деревянный потолок и были просторны. Так говорят достоверные источники. Значит, наш предок думал, что жизнь возможна в земле, поэтому он все предусмотрел для этой жизни. Ясно, что душе уходить в этом случае было незачем. Она оставалась в могиле. Поверья, которые дошли до наших дней, подтверждают, что наш предок считал возможным полноценную жизнь в могиле. Так, до сих пор верят, что души некрещенных младенцев живут в могиле и оттуда просят на свободу. Они просят, чтобы их окрестили. Это уже наслоение христианства. На самом деле души умерших не просили об этом. До сих пор верят, что души ведьмы и колдуна живут в могиле. Поэтому их тела не гниют, они живут, но при этом принимают ужасную форму: становятся горбатыми, синими, покрываются чешуей. Глаза увеличиваются, волосы седеют, а на их ногах и руках отрастают огромные острые когти. Ночью ведьмы и колдуны выходят из могил. Они пугают путников, проникают в дома и у спящих людей высасывают кровь. Они очень агрессивны, часто дерутся друг с другом и при этом ругаются крепкими русскими словами и произносят страшные проклятия. Усми-

рить их можно было только иконами и святой водой (это христианское добавление). Надо было разрыть могилу ведьмы ночью и убедиться, что там самой ведьмы нет. Только вблизи слышался страшный вой. Если раскопать могилу ведьмы днем, то там обнаружится ее труп, но труп необычный. На лице у трупа выступают красные подтеки, ссадины и капли свежей крови. Это следы ночных походов ведьмы.

Похоронные причеты подтверждают, что наши предки верили в то, что душа после смерти тела может находиться в могиле. Другими словами, наш предок верил в то, что жизнь не кончается. Она продолжается, но только в новой хате, домовине, хороминке. Так обозначали гроб. Когда дочь умерших родителей обращалась к соседям или дальним родственникам с просьбой сделать гроб или вырыть могилу, то она обычно говорила: "Прийдите, будьте добры, к нам, и помогите построить моему отцу (или матери) новую хату. Он не захотел жить в старой хате".

Хороня мужа, жена искренне просит его взять ее с собой:

Ой, прими меня к себе
У сыру землю!

Дочь оплакивает мать-покойницу так: "Куда же ты идешь. Яма глубока: туда витер не завие, солнце не пригрет". В северной похоронной причети говорится:

На сегодняшний Господен Божий денечек
Тебя ждет в гости любимое гостебище,
Твоя милая надежная головушка,
Там построено хоромное строеньицо,
Прорублены решетчатые окошечка,
Врезаны стекольчатые околенка,
Складены кирпичны теплы печаньки,
Насланы полы да там дубовьи,
Перекладники положены кленовые,
Штобы шла да ты, горюша не качалася,
Штоб дубовая мостинка не стибалася;
Поразставлены там столики точеньи,
Порозосланы там скатерти все бранья,
И положены там кушанья сахарныя,
И поставлены там питьица медвяныя,
Крут стола да ведь стульицо кленовое,
У хором стоит крылечко с переходами;
Сождает тебя надежная головушка.

В Ведийских гимнах могилу называют земляным домом. Там говорится о снаряжении умершего в могиле всем необходимым. Сказано о том, что заботились, чтобы земля не стесняла мертвеца.

ЖИЗНЬ ДУШИ В ЗАГРОБНОМ МИРЕ

Души умерших, которые остались жить на земле, жили в полном соответствии с условиями в природе. Зимой души приходили в состояние, подобное сну и смерти. Они скованы стужей и морозом. Они становятся печальными узниками, которые заключены в темные, холодные места. Весной они возрождаются к жизни, радости и проявляют свою активность. Мы можем наблюдать эту активность по разным атмосферным явлениям. До сих пор в народе говорят: "зимний холод – людям и голод, медведю берлога, мертвецу колода" или "зима становится – мертвецы спать ложатся". Верили в то, что где-то далеко есть царство, в котором люди умирают на зиму и воскресают в весенний Юрьев день (23 апреля по старому стилю).

И здесь христианство оставило свой след. Полагали, что накануне Рождества Христова и Крещения поселяне жгли посреди двора навоз. Старались согреть мертвецов. Полагали, что Карачун в декабре месяце будит мертвецов, разбирает кости и вынуждает их выйти из своих гробов. В декабре наши предки справляли праздник Коляды – праздник поворота солнца на лето, праздник возрождения благородных сил природы. В этот праздник угощали умерших. Этот обычай перешел в христианство. Перед Рождеством Христовым и Новым годом принято было кушать кутью, медовую сыту и подобные поминальные кушанья. Угощали не только для того, чтобы принести жертву усопшим предкам, но и для того, чтобы задобрить пробуждающихся к жизни от зимнего сна мертвецов. Так, и русалки появляются только весной, ведь это души умерших. Зимой они спят в своих хрустальных дворцах.

По весне появляется гроза. Это результат активности умерших, которые весной оживают, активизируются. В одной свадебной песне говорится:

Матинка пред Богом стоит,
У бога ся просит:
Спусти мене, Боже,
Над село хмарого (облаком),
У село дробным дождичком,
Ясным солнцем – оконцем;
Нехай же я ся повидело,
Что красно дитя убрано.

Мертвецы отвечали не только за грозу, дожди, ливни, но и за засухи, стужи и т.п. В этом плане наиболее активны утопленники, удавленники, опойцы. Так, еще в XIII в. воспрещалось погребать тела удавленников и утопленников. Их вырывали из могил, поскольку считали их виновниками засух. Это верование очень рельефно описано Максимом Греком (XVI в.). Он категорически возражал против этого обычая. В его послании есть указание на то, что в то время утопленников считали ответственными за "студеные ветры" и неурожай. Максим Грек в своем послании писал: "Кий ответ сотворим в день судный, телеса утопленных или убиенных и поверженных не сподобляюще я погребению, но на поле извлекше их, отыняем колием и еже беззаконнейше и богомерско есть, яко еще случится в весне студеным ветром вяти и сими садимая и сеемая нами не преспевают на лучшее, оставивше молитися Содетелю и Строителю всех. . . . аще увемы некоего утопленого или убитого неиздавна погребена . . . раскопаем окаянного и извержем его негде дале и непогребена покинem. . . по нашему по премногу безумию виновно стужи мняще бытия погребение его".

Афанасьев пишет так: "Были на Руси и случаи, что крестьяне во время долгих засух по общему мирскому приговору выкапывали из могилы труп опойцы и топили его в ближайшем болоте или озере, твердо веруя, что после того непременно пойдет дождь. Во время же засухи в 1868 году крестьяне Тихого хутора выкопали из могилы раскольника, били его по черепу и при этом говорили: "Давай дождя!" Некоторые же

при этом лили на усопшего воду сквозь решето, как бы указывая на то, что мертвец должен делать”.

Когда хоронили усопшего, то в могилу клали все, вплоть до съестных припасов. Полагали, что в той жизни понадобится все — и одежда, и пища, и орудия производства. Рядом с покойником ставили “крепкий напиток, плоды, хлеб, мясо и пр.”. Ибн-Фоцлав так описывал обряд сожжения тела усопшего: “Когда умер (у русских) глава (начальник), то в шатер, разбитый над ладьей, куда поместили мертвеца, принесли: крепкий напиток, плоды, пахучие травы и положили возле него (мертвеца), также хлеб, мясо и лук положили перед ним, потом принесли собаку, разрубили ее на две части и бросили в ладью, все оружие покойника положили возле него, привели двух лошадей... разрубили их... и мясо их бросили в корабль; затем были приведены два быка, и их тоже изрубили и бросили в корабль, принесли еще курицу и петуха, зарезали их и бросили туда же”.

Второй арабский путешественник Ибн-Доста так описывал погребение знатного русса: “Когда у русских умирает кто-либо знатный, то выкапывают могилу... кладут его туда и вместе с тем кладут в ту же могилу как одежду его, так и браслеты золотые, которые он носил; далее опускают туда множество съестных припасов, сосуды с напитками и другие неодушевленные предметы, ценности”.

Христианство считает, что в том, загробном мире душе не нужно никаких материальных благ. Язычники считали по-иному. Да собственно, до сих пор сохранилась вера, что умершему на том свете будут нужны различные вещи. Поэтому еще и сейчас крестьянин кладет в гроб покойнику хлеб, пироги, соль, яйца или яичницу, орехи, костяной гребешок, иголку, кремь, кресиво и табакерку, небольшой нож в чехле, носовой платок, скрипку и струны (если покойник в жизни играл). Иногда кладут и водку. Кладут в могилу пиво, воду и т.п.

Верили в то, что в той жизни каждый будет оставаться на своем земном месте: плотник будет плотником, а пахарь — пахарем. Поэтому до сих пор умершему плотнику кладут в могилу топор, долото, скобель и пилу, земледельцу кладут в могилу косу, вилы, лопату. Воина хоронили вооруженным

колчаном, стрелами, копьем и прочими принадлежностями воинственного обихода.

У наших предков был обычай “посмертного венчания”. Масуди пишет: “Когда кто умирает холостым, ему дают жену по смерти”. Еще совсем недавно этот обычай можно было наблюдать в Витебской губернии. Умершего холостого юношу сопровождали до могилы поездом, похожим на свадебный. Значит, верили, что там, в стране отцов, юношам нужны жены.

Естественно, что в том мире души покойников общаются так же, как и люди на земле. Недаром девушка говорит: “Вот вижу я — сидят вместе все мои умершие родные”. Об этом сказано так:

Стане облачко со облачком сходиться,
Може, с ду-другом на страту постретаетесь.

Так причитала на севере над умершим мужем вдова. Она просит своего “соседушка” — покойника рассказать ее покойному мужу о ее жизни:

Да как сойдешь ты на иное живленьце,
Та пораскажи, спорядный мой соседушко,
Про мое да про несчастное живленьце,
Про мое да сирот малых возрастаньицо.

Более того, вдова бранит себя, что она не написала мужу “грамотки”, которую сосед-покойник мог бы передать ее мужу:

Скажи низкое — поклонно челобитьицо;
Глупо сделала кручинная головушка,
Не написала скорописчатой я грамотки,
Ты бы снес... на второе на пришествие,
Може с ду-другом соседушки свидались бы,
Вы на сретушку бы шли да ведь сретались,
Ты бы отдал скорописчатую грамотку.

Вдова просит соседа:

Не утай, скажи, спорядный мой соседушко
Моей милой, законной сдержавушке
Ты про мое про несчастное живленьце.

Наши предки на сомневались, что в загробном мире встречи возможны. Это подтверждается многими источниками. У ли-

товцев при похоронах просят покойника "кланяться на том свете их родителям, братьям, сестрам, родственникам и друзьям".

Платон в "Федоне" говорит: "Есть предание самое древнее, какое только помним, что переселившиеся в загробный мир души живут там и опять приходят сюда – на землю". В такой приход верили не только греки, но и персы, индусы и другие. Индусы были убеждены, что "души предков посещали своих близких, невидимо странствовали по земле среди живых людей". Наши предки также верили, что души умерших время от времени приходят на землю. Так, в народных русских сказках часто говорится, что мертвецы являются с того света. Они то приходят за взятыми у них саванами, то сказки рассказывают, что матери приходят по ночам кормить своих детей. В одной украинской сказке рассказывается, как покойник принесил ткачихе ужин.

Многие до сих пор верят, что в дни поминовения умерших их души являются в доме своих родных для того, "чтобы подкрепить свои силы". Поэтому белорусы накануне этих дней стараются почище прибрать весь дом и двор и приготовить побольше кушанья, чтобы души были довольны. В день поминовения ставят на стол кушанья, а старший в семье обращается к душам умерших родственников со словами:

Святы дзяды, завиом вас,
Ходзице до нас!
Посцы тут усю, тто Бог дау,
Што я для вас ахвировау (приготовил)
Чим только хата
Богата!
Святы дзяды! Просим вас
Ходзице, мящице до нас.

В рюмки наливают вино, из рюмок немного вина выплескивают на стол и приговаривают: "Это для вас, дзяды!" Затем выпивают. Затем от каждого кушанья в особый сосуд отделяется по ложке каждого кушанья, а твердого – по куску. Все это для умерших душ. Это отделенное кушанье ставится на окно или за окном, чтобы пришедшим душам удобно было есть. Первыми едят души родственников. Затем начинают есть

и пить живые. После окончания трапезы все живые прощаются с душами умерших и говорят:

Святые дзяды! вы сюда приляцели
Полицели,
Ляцете – ж цатерь до себя,
Скажите, чаго ящо вам треба,
А лений (лучше) ляците до неба.

В Олонецком крае этот обряд проходит так. Готовят поминальный обед. Затем родственники умершего выходят из избы навстречу невидимым дорогим гостям и говорят: "Вы устали, родные, покушайте же чего-нибудь. Чай, зазябли, родные, погрейтесь!" Они провожают невидимые души в дом. Их усаживают у домашнего очага, а сами живые усаживаются за стол. Перед последним кушаньем (киселем) хозяин выпускает из окна на улицу тот самый холст, при помощи которого покойники в свое время опущены были в могилу. При этом хозяин обращается к душам со словами: "Теперь пора бы вам и домой, да ножки у вас устали, не близко ведь было идти – вот тут помягче – ступайте с Богом!"

Похоронные причеты подтверждают поверье в то, что время от времени души покойников заглядывают в свою прежнюю обитель, что они приходят на свое "широкое подворьице" и смотрят "на житье-бытье" своих здравствующих родных. Как только умирает кто, близкая родственница причитает ему:

Когда ждать в гости, люби моя гостибиче?
В полночь ли ждать по светлому по месяцу,
Али в полдень ждать по красну солнышку?
Аль по вечеру да ждать тебя ранешенько?

В другой причеты говорится:

В ци ты зимовой порой тридзеть,
А ци ты летней.

Или:

Видкиль нам тебе выглядаты?
Из якой стороны?

Или так:

Мы бы вышли тебя сритити
 Далеко да во чистом поле,
 Не ушай, скажи, красно мое на золоте.
 Так прийди
 Ты во свой за бладетный дом
 Мы тебя будем ждаты да дождаться.

Души умерших родственников обязательно отзываются и приходят.

Невеста после похорон матери обращается:

Выходи, родимый батюшко, —
 На мосты да на кленовые,
 Ты стричай да дорогу гостью,
 Свет родиму мою матушку...
 Бог даст да дорогу гостью,
 Дорогу гостью сердечную...

У самой гостыи дочь просит благословения:

Так благослови, родима матушка,
 Меня горюху, бедну сироту!

После этого дочь выходит на середину избы, кланяется и благодарит ее:

Тебе спасибо, мила матушка,
 На частном благословеньице!

Мы уже говорили, что у наших предков-язычников грешников на том свете не жарили на сковородках, а праведников не баловали в раю. На том свете все было естественно, как и на земле. Вся система верования у язычников была очень целесообразной, целеустремленной. Ее цель была в том, чтобы каждый человек жил честно, справедливо, выполнял свой долг перед родителями, старшими, и вообще обществом. Чтобы не было беспризорных детей, брошенных родителей, нищих сограждан. Боги помогали людям своей опекой, но они были и требовательными. Мало кто позволял себе нарушать их запреты. Напомним, что даже кричать в лесу и ломать ветки без необходимости запрещалось. Но запрещалось не под страхом побиения камнями (как у иудеев), а запрещалось богами, берегинями, совестью человека. Основной упор делался не на насилие, не на страх, а на понимание, на совесть.

Если же воспитывается раб, неполноценный, душевно надломленный человек, то он не может быть опорой семьи, общины, рода, общества. Это наши предки понимали хорошо, они это усвоили от самой природы, от сути жизни. Поэтому в их представлении не было никакого ада, никаких загробных истязаний души, никакого насилия.

Мы уже видели, что наш предок представлял страну отцов по-разному: и как теплый, зеленый островок жизни, и как мрачный, темный, холодный уголок. Покойники в стране отцов жили по законам природы: то замирали, цепенели зимой, то возрождались летом. Наш предок не делил умерших на грешников и праведных. И он был прав. С приходом христианства народ погрузили в сплошной страх. Страх в этой жизни и муки в загробном мире. Может ли в страхе нормально развиваться общество, семья? Конечно нет. Боги славян-язычников были добрыми. Правда, проявлялось в некоторой мере и зло, но не было богов-карателей за грехи. Это было воспитание пониманием и добротой. Только такая педагогика может дать истинный результат. Розгами воспитать доброго человека нельзя.

Кстати, у пресловутых греков и римлян, которых многие пытаются ставить выше славян, были боги-каратели, боги, нагоняющие страх. Мы должны гордиться тем, что наши предки были на самом деле намного выше. Может, именно поэтому и сейчас "высокоразвитые" народы не способны понять душу славян, душу русских. Только свободный человек может быть добрым, благородным, прощающим.

Живые росли и жили под покровительством своих предков, которые о них заботились, которые их охраняли. Предки, основатели рода, были главными богами для наших отцов и дедов. Именно с этим главным стержнем личности и общества неистово боролось христианство. Его острие было направлено против Рода и Рожаниц. В христианском документе сказано: "Аще се Роду и Рожанице кроют хлебы и сиры и мед? Бороняше велми (Епископ): негде, рече, молвить: горе пьющим рожанице". В Паремийнике (1271 г.) сказано: "Вы же оставльшей мя и забвьшей гороу стоюю мою и готовоющей рожаницам трапезу и исполнающе демонави чърпанию, аз предам вы во оружию".

Позднее, в XIV в. в "Слове некоего холюбце ревнителя, по правой вере", сказано: "Не подобает крестяном игор бесовских играти, иже есть плясьба, гульба, песни бесовьскыя и жертва идольская, иже огневи молятся под овином: и Перуну, и Роду, и Рожаницам, и всем иже суть им подобна". То, что было естественным, христианские блюстители называют бесовским. Позднее, в XVI в., находим такой текст: "То иже служат Богу и волю его творят, а не Роду и Рожаницам кумиром суетным, а вы поете песнь бесовскую и Роду и Рожаницам". Еще раз подчеркнем, что это чистейшая ложь — никакой бесовщины в песнях наших предков своим пращурам-богам не было и быть не могло.

Тут важно подчеркнуть, что и по прошествии шести веков после крещения Руси народ молился своим богам, своим предкам. Христианство, несмотря на страшное насилие, не смогло вытравить из народа его душу, его веру, его надежду, его традицию. А боролись всеми правдами и неправдами. Старались оболгать, ополщить, деформировать веру предков всеми возможными средствами.

Напомним, что Рожаница — это обоготворенная родоначальница. По сути Рожаницы — это Mataras индусов, то есть родоначальницы (родоначальники были многоженцами). Род — это обоготворенный предок. Значит, Рожаницы — это обоготворенные предки — праматери. Рожаницы — это источник плодотворящей возрождающей к жизни силы, это наша Праматерь. И молитвы Праматери христианские отцы называли бесовскими! Но справиться с нею они так и не смогли. Им ничего не оставалось, как слить воедино Праматерь-Рожаницу и Пресвятую Богородицу. Так они законную трапезу в честь Рожаниц стали совершать в честь Пресвятой Богородицы. При рожаничной трапезе стали петь тропарь Богородицы.

Наши предки почитали не только Рода и Рожаниц, но и вообще души умерших. Отсюда почитание старших, которое мы утратили. Народ называл их "святыми родителями". В древнее время почитанию их посвящались особые дни — праздники: Купалы, Масляница, Красная горка, Радуница и др.

Человеку нужен идеал, образец для почитания, утешитель, лоцман по трудным дорогам жизни. Для наших предков

ими были умершие предки, пращуры. Верили в души умерших даже христиане. Об этом говорят следующие слова из Ипатьевской летописи (под 1173 г.):

"И поможе Бог Михалкови и Всеволоду на поганеи дедьня и отьня молитва". Закончим словами Соболева: "В языческой Руси не было представления об аде с его муками, иначе трудно было бы предположить, что предки, видя душу во аде, считали ее священной, божеством, а тем более могучей покровительницей, видя эту могучую покровительницу саму связанной муками ада за ее греховную земную жизнь и саму нуждающуюся в усиленной помощи".

Но у наших предков не было и рая в христианском смысле слова. Он так же нереален, как и ад.

ЗАГРОБНАЯ ЖИЗНЬ ПО-ХРИСТИАНСКИ

Наш предок стремился установить справедливую жизнь на земле. Поэтому он не готовил на том свете умершим никаких специальных, изощренных мук. Он допускал, что в загробной жизни может быть все – и холод, и мрак, и многое другое малоприятное. Собственно, как и на земле.

После крещения Руси в народ хлынула разная литература христианского толка. Хлынуло все, чего как раз и не надо было. Самого учения Христа, изложенного в четырех Евангелиях, среди этой литературы, конечно, не было. Отцы церкви хранили Библию только для себя. Не странно ли, что, проповедуя учение Христа, отцы церкви так тщательно прятали это учение от народа? Нет, не странно. Потому что если бы отцы церкви поступали в соответствии с учением Христа, то они не позволяли бы себе применять насилие над собственным народом. А без насилия они не могли. Они применяли не только физическое насилие, но и духовное. Они поливали грязью все то, во что тысячелетиями верил народ, чему поклонялся, что позволяло народу сохранить свое единство, свой дух, свою нравственность и доброту. Народные (языческие) обычаи и праздники были объявлены бесовскими, а боги, божки и бегини – бесами.

Литература, которая хлынула на Русь, по вопросу загробной жизни была столь же низкопробной. И она помогала отцам церкви размывать традиции язычества, а на самом деле

размывать основы народа. Чем больше это удавалось, тем печальнее были результаты. Народ, в конце концов, оказался порабощенным очень изощренным способом. Цари указами отменяли обряды, праздники, верования народа. Не только отменяли, но и следили, чтобы их указы выполнялись. Ослушавшиеся платили за это не только свободой, но и жизнью. Указы предписывали принимать все иноземное. Чего только стоят хваленые реформы Петра в этой области.

Сейчас можно прочитать и услышать, что русское православие сильно тем, что оно является сплавом христианства и язычества, то есть народной традиции. Но это не так. Во-первых, русское православие уже не сильно и вряд ли оно таким станет в будущем. Оно застыло в своем развитии, как застыли последние полмиллиона лет термиты. Видимо понимая свою безысходность, русское православие даже не хочет говорить со своим народом на родном языке. Когда патриарху Алексию задали вопрос, почему богослужения в храмах проводятся на языке, который никто не понимает, то он ответил, что этот язык является богоугодным. Надо ли это комментировать?

Если вернуться к язычеству, то можно сказать, что христианство ни огнем, ни мечом не смогло его задушить. Во многом христианство выжило благодаря язычеству, благодаря здоровому представлению народа об окружающем его мире. Здесь о христианстве мы говорим как о церкви, а не как об учении Христа. Учение Христа уже присутствовало в правилах общезжития наших предков, в их морали, в их взаимоотношениях. Ведь, по учению Христа, любить Бога это значит любить ближнего, как самого себя, помогать ему даже тогда, когда он в силу обстоятельств оказался твоим врагом ("Возлюбите врагов ваших"). По церковной доктрине во имя служения Богу с ближним можно поступать как угодно, наказывать его, сажать в тюрьму, избивать и даже убивать. И все это во имя веры в Бога. Поэтому – то отцы церкви и прятали от народа истинное учение Христа, а народу насаждали то, что обеспечивало бы полную неограниченную власть их и князей-царей над народом. Поэтому главным средством был кнут и страх. Кнут здесь на земле и страх перед тем, что ждет неверного там, на том свете. Этот страх церковники внушали на каждом шагу. Они в

продолжение столетий сумели деформировать представления о загробной жизни именно в сторону страха. Тем не менее народная (языческая) традиция и тут сумела смягчить, насколько это было возможно, кроважанные представления церковников. Рассмотрим это конкретнее.

Представления в народе о рае и аде под давлением церкви менялись очень медленно. Собственно, еще и сейчас церковные представления воспринимаются как противоестественные, нежелательные. По умершим на севере причитают в таком духе:

Видно нет тебе там вольной этой волюшки.
Знать за тридцать за крепкими замками
находишься.

Слова "видно" и "знать" здесь не случайны. Не хотелось бы мириться с тем, что там мы будем находиться под крепкими замками, без вольной волюшки.

Навязываемые церковью мучения в загробной жизни пытались как-то обосновать с точки зрения справедливости. Рассуждали, что рожденный на смерть человек должен получить в загробном мире "по заслуге почет, а по работе плату". Полагали, что "чья душа в грехе, тот и в ответе" или "каково до Бога, таково и от Бога".

У наших предков был только рай. Церковники выселили оттуда грешников, и в рае остались одни праведники. Мы думаем, что при таком делении рай вообще должен был остаться пустым.

Рай церковный описывается в многочисленных духовных стихах. Например,

В раю – винограды – деревья зеленые;
Стоят деревья кипарисовы;
На деревьях сидят птицы райския,
Поют песни царския,
И гласы гласят архангельски.

Но в этот рай попадают только те, которые

Когда жили на вольном свету
Охочи были ходить в Божии церкви,
Утрени не просыпывали,

Обедни в обедах не прогуливали;
На исповедь к отцу духовному хаживали,
Грехов своих не утаивали,
Святые Тайны принимали;
Посты и молитвы соблюдали,
Божьи книги читывали,
Ушами слушивали;
Голодного накормили,
Жаждущего воспоили,
Нагого приодели;
В горах, в вертепах, в пустынях
Бога находили;
Во темных во темницах
Бога просвещали;
Терпели слова неудобныя
От всякого злого человека.
Во гробе умерших со свечами спровождали
До Божьей до церкви, до сырой земли
И клали низкие поклоны полуночные.

В раю:

Будет птица райская различная,
Одежда – риза вовек неизносимая,
а Ангелы – Архангелы будут веселить
души праведных.

Как мы видели раньше, место "жития" для усопших было определено не четко. Сейчас же говорится, что рай однозначно находится на небе. Жизнь в раю является наградой за добрые дела. Но многие детали остались прежние. Так, рай по-прежнему отделен от остального мира водным пространством. Туда переправлялись с помощью проводника. Так, ангелы, которые сопровождают душу умершего грешника, плывут по водному пространству.

По морю, по синему Хвалынскому.
Тут и шли пробегали через кораблики.
В этих корабликах святые ангелы сидят.

В другом духовном стихе "О Михаиле Архангеле" говорится об огненной реке:

Протекала тут река огненная,
Да тут судит Михайло-Архангел-царь,
Перевозит он души, да души праведные,
Через огненну реку ко пресветлому раю.

Огненная река (молнии в дождевых тучах) была в язычестве. Так она и осталась. Но ее роль изменилась, она не пропускает души грешников в рай. Праведники преодолевают огненную реку:

Они идут ровно посуху и ровно по земле,
Огнем их пламенем лице не пожирает.

Им на помощь приходят ангелы:

Подойдут праведные к огненной реке,
Сошлет Господь святых ангелов,
Ангелы возьмут душу за правую за руку,
Переведут через реку огненную,
Провожают их до раю до пресветлого,
До раю до пресветлого, до царства до небесного.

Просто перевозчик в язычестве стал Михайлом Архангелом:

Да тут ездит Михайло Архандель – царь
Перевозит он души, да души проводи...
Через огненную реку ко пресветлому раю,
Ко пресветлому, да ко пресолнысьнему.

Грешников никто не соглашается перевезти в рай. Они просят:

Святой Михаил Архангел со архангелами!
Перевозите нас через реку огненную.

Но просят они тщетно:

Подойдут грешные к реке огненной,
Уж грешные-те души да расплачутся,
Они вопят и кричат – перевозу хотят
Увидали эти грешники Михаила Архангела.

Закричали эти грешные:

“Уж ты ой еси Михайло-Архандель – царь!
Уж ты ишто нас не перевозить через
огненную реку,
Через огненную реку, да ко пресветлому раю,
Ко пресветлому раю, да ко пресолнысьнему?”
Они сами то к Михайле приближаются,
Золотой казной спосуляются:

“О свет, грозен наш Михайло, судья праведная,
Перевези ты нас через огненную реку,
Через огненную реку ко пресветлому раю
Возми с нас золота и серебра,
И силья наши имения и богатство!”
Отвечал им Михайло Архангел судья проверяя:
“Ах вы грешные, беззаконные рабы!
На что же вы ко мне приближаетесь
И золотой казной своей посуляетесь?
Не надобно нам ваше золото, серебро,
Ни силья, ни имения, ни богатства”.

Но грешные души не сдаются. Они по совету Михайла Архангела ищут “броду мелкого”. Он им говорит:

А йдуге вы, души грешныя, да униз по реке,
Ищите себе броду мелкого,
Броду мелкого, переходу себе чистого.

Души грешников идут.

Все плащюци, узридаючи,
На себе й одежду обрываючи.

Но такого чистого перехода на самом деле нет. Михайло Архангел по сути их обманул. Когда они это поймут, то бросятся в отчаянии на землю и будут осуждать родителей за то, что те их плохо воспитали. Они кактсы в своей греховной жизни. Но деваться им некуда. Тут Михайло Архангел велит ангелам и архангелом “братя прутья железные и гнать злых – окаянных через огненную реку”. Далее:

Побрели, как души грешны через огненную реку,
Тела те у них да опалаятсы,
А власы те на главах да загораятсы,
Не Мусуть яны перейти через огненную реку.
Идут же яны, грешныя, на веки вечныя,
На вечки вечныя яны мучитися”.

Церковники не сумели искоренить у народа и представление о мосте на пути в неведомую страну (рай). Осталось и представление о сторожах, которые охраняют царство мертвых. Сторожем рая выступает в христианстве апостол Петр. Ссылался на слова Христа к Петру: “Дам тебе ключи царства небесного”.

Что касается ада, то его у язычников не было. Ад появился вместе с христианством. Но народные представления его несколько сглаживают. У язычников не было того слащавого рая, который придумали церковники. Просто были нормальные условия существования в неведомой стране. Там, как и на земле, бывало не только хорошо, но и плохо. Там был и туман, тьма, холод и жар, зной. Эти неблагоприятные условия вполне подходили для того, чтобы стать адом по церковному. Поэтому ад стали называть местом тьмы, пеклом. Ад находится там, где скрывается солнце, — на западе. В духовном стихе так и сказано: "В западной стороне — место адовое". Но церковники, чтобы нагнать страху, стусили краски. Появляются земляные пропасти, где владычествует вечная тьма и нестерпимый холод, текут смоляные реки, пылает страшное пламя и т.п. Ад — это возмездие за грехи. Сюда идут (распределяются) души, которые:

Как жили на вольном на свете,
Воли Господней не творили,
Заповедь Божию преступали,
За хрест, за молитву не стояли;
Ко Божьей церкви не прихаживали,
Колокольного звона не слыхивали,
Заутреню просыпывали,
Обедни в обедах пробедывали,
Вечерни на улицах прогуливали,
К отцам духовным на исповедь не хаживали,
Грехов своих не объявляли,
Себе вольного причастия не приемливали;
Со слезами Богу не маливались,
Постов, молитв не знавали,
Земляных поклонов не кладывали,
На Божий престол свечей не приузнашивали,
Не имели ни среды, ни пятницы, —
Великого дня — понедельничка,
Ни того воскресенья тридневного;
Великого говенья не гавливали;
Пенья церковного не понимали,
Писанью Божию не веровали,
Божье писанье ложно читали;
Попов и дьяков ни во что читали;
Отца духовного в дом не водили;
Отца с матерью не почитали,
Друг друга не любили,
Нищую братию обижали,

Святой милостыни не давали,
Нагого не одели,
Босого не обули,
Гладкого не накормили,
Жажущего не напоили,
В темной темнице не просвещали,
Заблудшим дорогу не показали;
У мертвого тела не сживали,
И мертвых в гробах не провожали;
Красную девицу из стыда не выводили,
Свою волю творили,
Дьявольские помышления
Завсегда помышляли;
В гусли, во свирели играли,
Скокали, плясали,
Сатану споспешали.

Грешников в аду ожидает очень неприятная жизнь. Об этом в духовных стихах сказано так:

Иным будет грешникам
Огни неугасимые, огни любые,
Иным будет грешникам зима-студеная,
Сы морозами с лютыми,
С морозами все тлящими;
Иным будет грешникам смола зла кипящая,
Которым грешникам
Печи будут медные,
Заслоны железные;
Иным будут грешникам черви ядовитые,
Черви лютне;
Иным будет грешникам — тьма несветимая,
Иным будет грешникам — пропасти глубокия
и место темное,
Иным будет грешникам — скрежет зубовный.

Но это не все страсти. Иных посадят в котел с кипящей смолой, повесят за язык, ребро или ногу, станут бить раскаленными прутьями и мучить на страшном ложе, составленном из острых игл и ножей, снизу которого пылает жгучий огонь, а сверху капает расплавленная сера. Иные из грешников будут ввержены в колодцы, наполненные змеями, жабами, лягушками и другими гадами.

По церковным представлениям наказание в аду зависит от профиля "прегрешений". Так, "змеи ядовитые поедающие" предназначаются

Мужам – беззаконникам,
Женам – беззаконницам
И младенческим душегубцам,

а также "чародеям", клеветникам и еретикам. Другое наказание – "неусыпный червь, черви лютые" предназначалось сребролюбцам – ростовщикам, барышникам и пьяницам. Муки в реке огненной предназначались прелюбодеям и блудникам, волхвам, чародеям и пьяницам, ворам и разбойникам. Смола кипучая в аду предназначается глумотворцам – пресмешникам, сквернословцам, пьяницам, душегубцам. Пропасти неисповедимые, глубокия в аду предназначаются сребролюбцам – грабителям, душегубцам, пьяницам, клеветникам. Преисподний ад в земле был предназначен еретикам-колдунам. Смрад – чад горький был заготовлен для пьяниц, корчемников, чародеев. Жаркий огонь неугасимый, терзание пламени были уготовлены священникам-сводникам, ворам и разбойникам, подорожным грабителям, скоморохам и плясунам, а также чудотворникам. В духовном стихе сказано:

Печи каменные,
Затворы железные:
Татам разбойникам,
Ворам и грабителям.

Это же наказание предназначалось и для недостойных попов и дьяконов.

Полки горячие предназначались субботникам-банщикам.

Морозы лютые,
Места все студеныя,
Погреба глубокие:
Немилостивым – гордым
Душегубцам-разбойникам
Иереям-священникам
И судиям неправедным.

Скрежетание зубов предназначалось двуязычникам, глумотворцам, смехотворцам и убийцам, а также

Книжникам и учителям
Да неправедным читателям.

Страшное наказание – повешение за язык предназначалось клеветникам, ябедникам, доносчикам, злоязычникам. Отцы церкви сюда относили и просто весь народ, в той или иной мере придерживающийся языческих обычаев. Поскольку они язычники, поэтому их должны были вешать за язык.

В аду вешали не только за язык, но и за хребты. Этих вешали над калеными плитами и над железным надгвоздем. Это наказание предназначалось плясунам и вольнщикам. Свирельщикам же предназначались плач и рыдание. Так же наказывались и другие:

Плясунам-гудочникам
И веселым вольнщикам,
Смехотворцам и глумотворцам.

В аду имеется и еще одно страшное наказание – выпребаание из печи жара голыми руками. Этим должны заниматься ростовщики. Печь надо топить. Возку дров для подтопки адских горнов, а также своды для приготовления кипятка должны были выполнять опившиеся от пьянства (опойцы). Так что каждому свое, кто что заслужил, то и будет иметь.

Вся приведенная выше детализация не имеет ничего общего с истинным христианством, с учением Христа, с Евангелиями. Она была завезена на Русь с многочисленными апокрифическими сочинениями – домислами, такими как "Хождение Богородицы по мукам" или "Хождение апостола Павла по мукам". В таких апокрифах все наказания разложены по полочкам. В этих "Хождениях", в частности, сообщается, что змеи ядовитые будут в аду для блудников, блудниц, а также для тех, кто читал святые книги и объяснял их другим, но не творил волю Божию.

Черви лютые ожидали в аду ростовщиков, творящих блуд и оскверняющих святой крест, дьяконов, беруших недостойные приносы, немилующих вдов, сирот и нищих, отрицающих Воскресение Христово.

В реку огненную до верха погружены – "иже крест чынш держаше кльнюуться лъжами". До шеи погружены в огненную реку те, кто ел человеческое мясо. До пояса погружены дети, которые прокляты своими родителями. До колен в огненную реку

погружены те, кто в неположенное время разговаривал в церкви и (или) рано выходил из нее. Такое же наказание уготовано епископам, которые не ходили в благочестии и не творили праведного суда, не милловавшим вдов и сирот и не призывавшим странных и убогих. Огненное озеро предназначалось для тех, кто крестился, но продолжал делать дела дьявольские. Смола кипучая в аду предназначалась для жидов, мучивших Иисуса Христа, а "также для блудивших с кумами, матерями и детьми, для отравителей, разбойников и детоубийц". Повешение за язык ожидало в аду клеветников и тех, кто разлучает брата с братом и мужа с женой. Пропасть огненная в аду уготована для поганых, которые сотворили милость, но не признали Бога. Для черноризцев неправедных, похотников и не милловавших сирот в аду уготовано пекло, преисподняя и жаркий огонь. Одр огненный уготован для тех, которые в святую неделю к заутрени не вставали по лености. Столы огненные уготованы для тех, "иже попов не чтут, то ни встанут им, егда приходят от церкви Божие".

Раз имеется рай и ад, то должен быть и суд, позволяющий одних посылать в рай, а других в ад. Такая система позволяет вознаградить добродетель и наказать грех. Все начинается с того, что душа по смерти восходит на небеса к Богу,

К самому Христу, Сыну Божию,
К Сыну Божию, к Судье Праведному.

Христос спрашивает явившуюся душу:

Слышала ль она звону колокольного,
Перенимала-ль читальце церковное,
Слышала-ль пение Господнее,
Почитала-ль отца духовного,
Имела-ль среду и пятницу,
Великого дня – понедельникка?
Одевала-ль нагого,
Одевала-ль босаго,
Кормила-ль голодного,
Указывала-ль слепому дороженьку?

Каждый грех "записан в книги светлые", в "книги евангельские", поэтому "нельзя грешным грехов потаить". На одну чашу весов полагаются добрые дела, а на другую – злые. Что перевесит – то и определит дальнейшую судьбу души (рай или ад).

По древнерусским представлениям еще до суда душа должна была пройти мытарства. Первые два дня после смерти душа блуждает по земле "ищуши, яко горлица гнезда". На третий день душа идет на поклонение к Богу. И только после этого она водится по мытарствам. В мытарствах душа "истязуется показателем всех дурных дел, совершенных человеком при его земной жизни". В мытарствах душу сопровождает светлый дух. Он старается защитить душу. Он показывает добрые дела, которые душа (человек) совершила при жизни. На четвертый день душа снова является к Богу на поклонение. В это время душе показывают рай. По раю душа ходит до двадцатого дня. На двадцатый день душа в третий раз является на поклонение к Богу. Только после этого душе показывают ад. Здесь она видит разные ужасы, муки сорокового дня. А в сороковой день душа в последний раз показывается Богу. В этот день Бог окончательно определяет ее дальнейшую судьбу, где ей дальше предстоит жить – в раю или в аду. Это зависит от того, что "уготовала душа себе при жизни".

Представление о мытарствах души распространилось по всей Руси с книжной литературой. Главную роль в этом сыграло "Житие Василия Нового". Оно было распространено очень широко и "переиздавалось" многократно (рукописно). Эти представления получили право гражданства в русских синодиках. Это выражено в духовных стихах. Сказано:

Возьмут душу грозные ангелы,
Понесут они душу грешную
Да по воздуху по небесному –
Пронесут мытарства многи,
Пронесут ее по мукам разным,
По мытарствам различным.
На первую ступень ступила:
И вот встретили душу грешную
Полтора врагов,
На вторую ступень ступила,
Вот и двести врагов;
Вот на третью ступень ступила,
Вот две тысячи врагов возрадовалися!
Ты была наша потешница!
Ты была наша наставница!

Именно эти враги, встретившие душу, рассказывают все ее грехи.

Вот несут они письма, да раскатывают,
 Да раскатывают, все грехи рассказывают.
 "Постой, – говорят они, – душа грешная:
 Ты наша сродница:
 Ты нашу волю творила,
 Бранилася, да не простилася!"

Сопровождающие душу ангелы душе

Покажут царство небесное,
 Праведные радость и веселие неизлеченное;
 Грешным плач неутешный.

Если душа праведная, то после мытарства

Господь душеньку встречает,
 Златой ризой облакает,
 Злат венец на голову ей надевает.

Если душа грешная, то ее

Велел Господь Бог
 Сверзить...
 Сверзили душу грешную,
 Засадили душу грешную
 Во тьму во кромешную.

Мы привели только некоторые фрагменты о том, как христианство деформировало представления о загробном мире. Авторитетный исследователь А.Н. Соболев об этом сказал так: "Наш предок хотя и принял новую религию с ее новым учением, но сущность его представления о загробном мире мало изменилась. Он полнее стал представлять себе загробный мир, но в этих представлениях он оставался язычником. У него много осталось чисто языческих представлений о загробном мире, которые дожили даже до сего времени и хранятся в народных обрядах и их представлениях загробного мира".

Здесь следует добавить и такие слова А.Н. Соболева:

"Язычество только присоединило к себе христианство, дало ему как государственной религии первое место. Оно во многом изменилось, но не дало вырвать себя с корнем, а продолжало проявлять себя и в христианстве".

Иллюстрации загробной жизни по-христиански приведены на рис. 37–52.

Рис. 37. "Рассказ Тязиота, воскресшего из мертвых, о своих муках". Хронограф, XVIII в., из собрания Императорской публичной библиотеки

Рис. 38. "Человек, поражаемый косою смерти". Рукописный сборник с Синодиком из собрания Ф.И. Буслаева, XVII в.

Рис. 39. "Рождение и смерть человека". Рукописный сборник с Синодиком из собрания Ф.И. Буслаева, XVII в.

Рис. 40. "Бесы волокут грешников в ад".
Рукописный сборник с Синодиком
из собрания Ф.И. Буслаева, XVII в.

Рис. 41. "Бесы волокут
грешников в ад". Рукописный
сборник с Синодиком из
собрания Ф.И. Буслаева, XVII в.

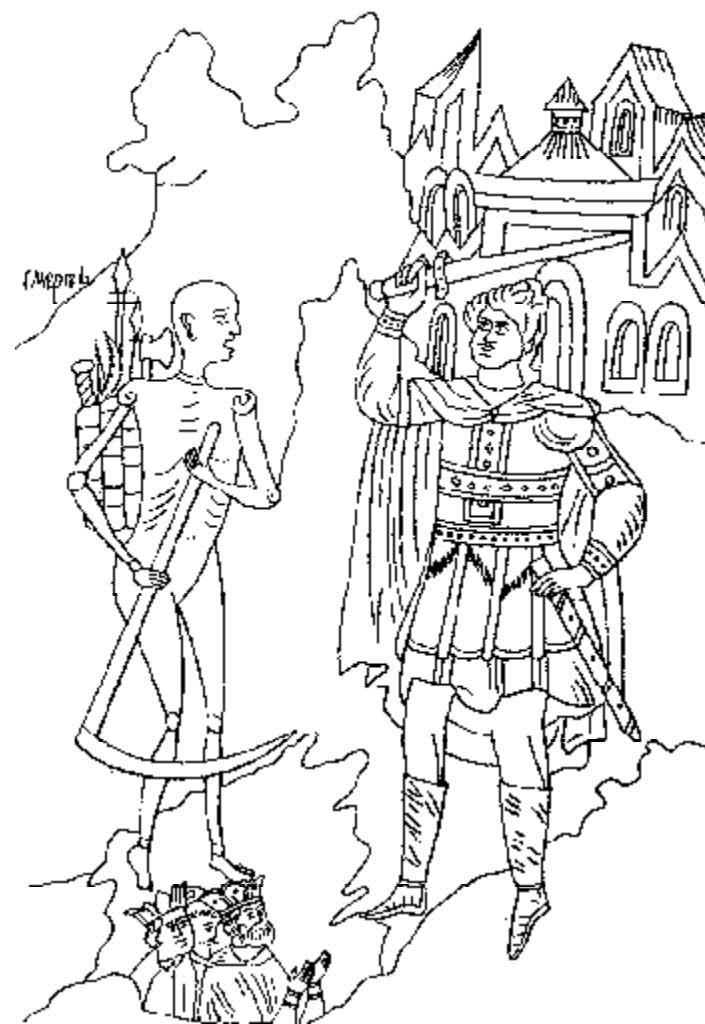

Рис. 42. "Прение живота со смертью". Рукописный сборник
с Синодиком из собрания Ф.И. Буслаева, XVII в.

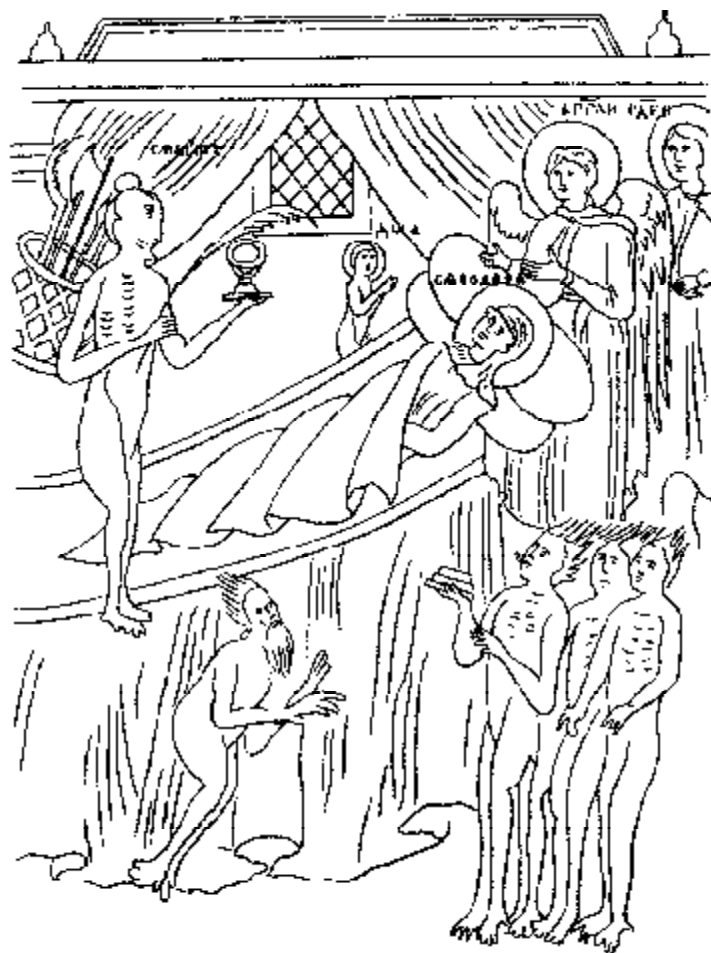

Рис. 43. "Кончина святой Федоры". Рукописное Житие Василия Нового из библиотеки И.Е. Забелина, XVII в.

Рис. 44. "Дьявол протягивает жене Ноя ветку хмеля". Лицевая Библия из библиотеки графа А.С. Уварова, XVII в.

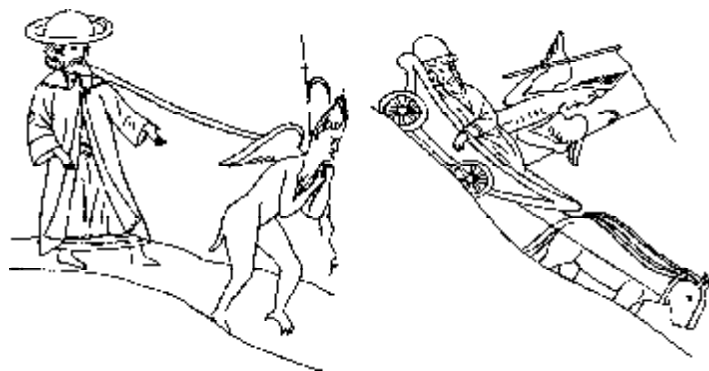

Рис. 45. "Бесы волокут грешников в ад". Рукописный сборник из собрания Ф.И. Буслаева, XVIII в.

Рис. 46. "Бесы волокут грешников в ад". Рукописный сборник из собрания Ф.И. Буслаева, XVIII в.

Рис. 47. "Смерть и бес по сторонам трона". Рукописный сборник с Синодиком из собрания Ф.И. Буслаева, XVII в.

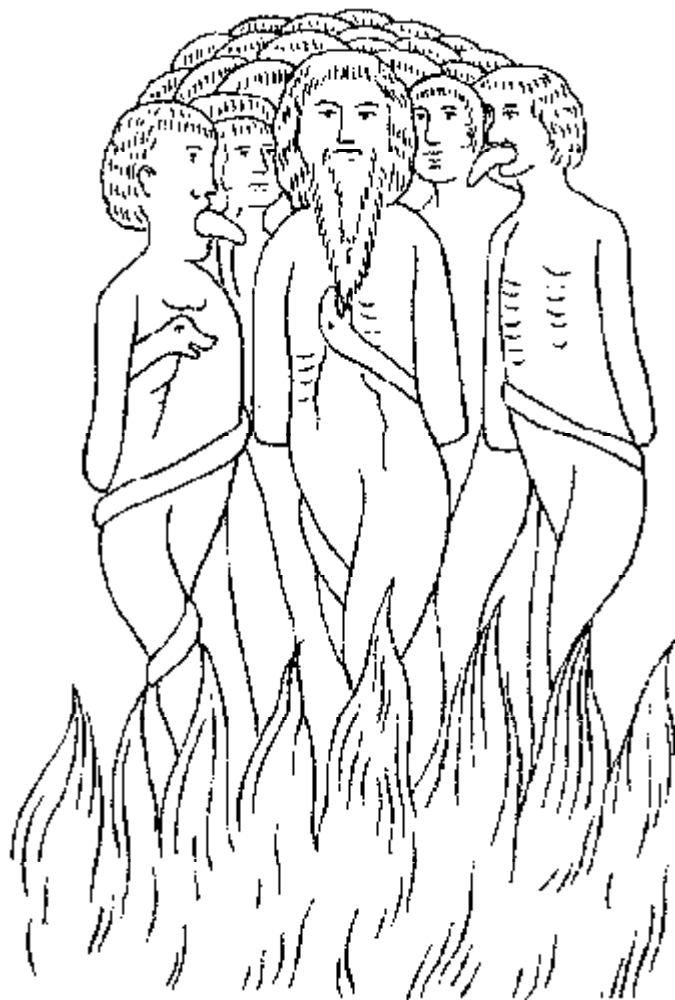

Рис. 48. "Адские муки для волхвов". Рукописный сборник из собрания Ф.И. Буслаева, XVIII в.

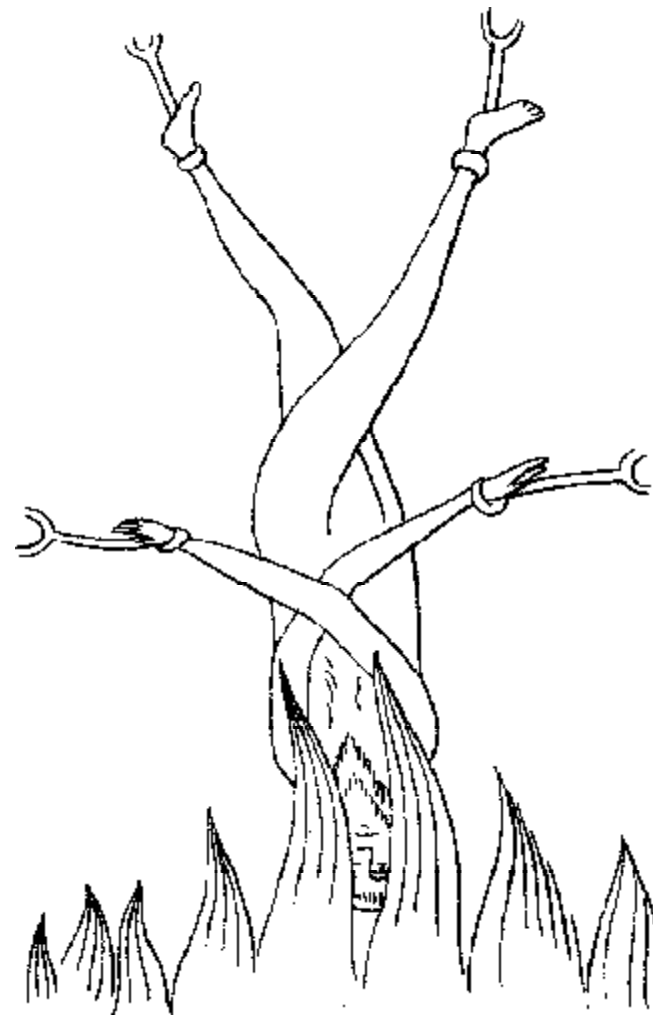

Рис. 49. "Адские муки для славолбцев". Рукописный сборник из собрания Ф.И. Буслаева, XVIII в.

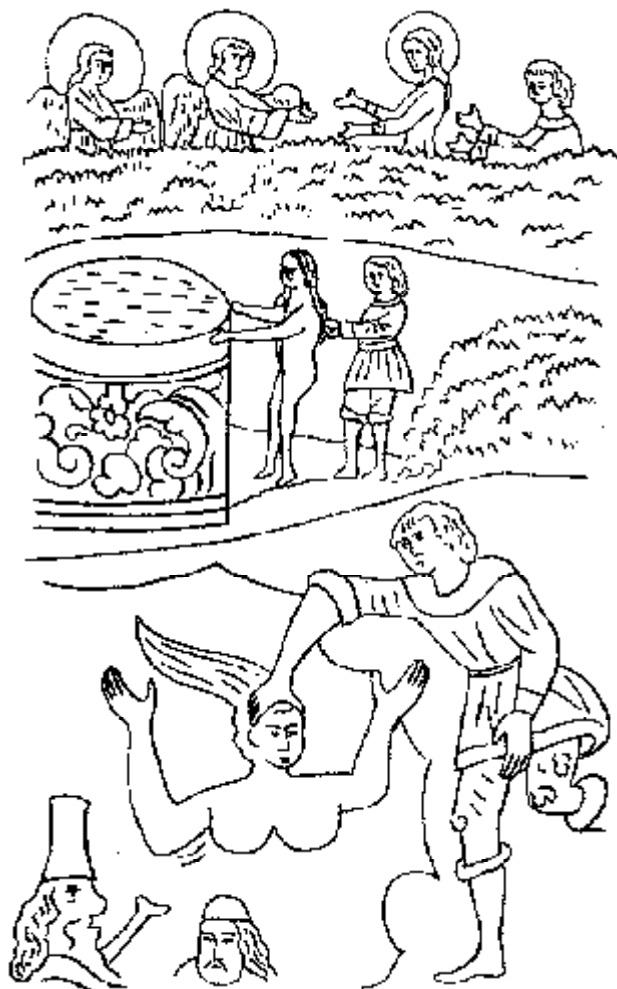

Рис. 50. "Юноша спасает свою мать из смрадного адского озера и отправляет в рай". Рукописный сборник из собрания Ф.И. Буслаева, XVIII в.

Рис. 51. "Дьявол пляшет перед старцем". Рукописный сборник из собрания Ф.И. Буслаева, XVIII в.

Рис. 52. "Рассказ Тязиота, воскресшего из мертвых, о своих муках". Хронограф, XVIII в., из собрания Императорской публичной библиотеки

ЯЗЫЧЕСКИЕ (НАРОДНЫЕ) ПРАЗДНИКИ

У древних славян год имел свое естественное начало – с момента возрождения природы – 1 марта. С воцарением христианства все сдвинули на полгода и год стал начинаться 1 сентября. Надо ли говорить, что первое было более естественным – с началом весны начинался новый жизненный цикл. Начало года с 1 сентября, согласно Троицкой летописи, началось с 1407 года. Но только в 1492 г. был созван в Москве Собор, который перенес начало гражданского года с 1 марта на 1 сентября. Петр Первый ввел январский год.

Главным у наших предков было лето. Поэтому и говорили и писали: "в лето...", "прожил столько-то лет" и т.д. Весна же была преддверием лета. Осень, в свою очередь, была первой порой зимы. Календарь, естественно, был лунным. Поэтому месяцем называли луну. Повторение фаз луны и легло в основу деления года на отдельные отрезки – месяцы. Называли времена года и месяцы тоже понятными, естественными понятиями. Эти понятия происходили от характеристических признаков. Эти признаки были, прежде всего, связаны с изменениями погоды и с ее влиянием на возрождение и увядание природы, плодородием земли и трудом человека. Слово "весна" означает собственно светлое, ясное, теплое время года. Весну еще называли ярь. "Лето" же означает теплую, жаркую пору. Что же касается зимы, то у арийцев она называлась временем падающих (разбросанных) снегов. У наших предков

слово "зима" употреблялось в смысле стужи, холодного вейания. Зимно значит холодно. Понятия лета и зимы у всех индоевропейских народов имеют общую основу. Это говорит о том, что эти понятия очень древние. Позднее возникли понятия "весна" и "осень". Они разные у разных славянских народов. Это подтверждает, что эти понятия более поздние, они возникли уже после разделения арийского племени на различные ветви.

Естественным образом называли и месяцы. Зимние месяцы называли волчьим временем. Зиму изображали в виде волка. Она нападала на божий мир и мертвила его своими острыми зубами. Январь называли сечнем. Февраль – тоже. Правда, его называли и словом лютый.

Наши предки, называя отдельные месяцы, не делили их строго по времени. Так, одно и то же имя прилагалось к двум и даже трем соседним месяцам. Это и понятно: лютая стужа была характерна не только для лютого февраля. Так и имя "травяного" (сейчас в украинском языке май – это травень) подходило как к апрелю, так и к маю. Но и природные изменения в разных местах были значительно сдвинуты друг относительно друга. На юге весна и лето наступали быстрее, раньше, чем на севере.

Отдельные названия имели не только месяцы, но и отдельные дни. Эти названия давались не от нечего делать, а потому, что эти дни были определяющими, реперными. Эти определенные дни были связаны с признаками обновляющейся и замирающей природы, а также с приуроченными к ним крестьянскими работами. Это такие дни: января 16-го – Петр-полукорм (половина запасов съедена), 18-го – Афанасий-ломонос ("на Афанасия береги нос! – это намек на сильные морозы), 22-го – Тимофей-полузимник, 24-го – Аксинья-полузимница или полухлебница; февраля 11-го – Власий-сшиби рог с зимы! 28-го – Василий-капельник; марта 1-го – Евдокия-плюшника (плющать значит капать, течь, издавать звук подающих капель, плюшка и плюшина – сосульки под крышами), 4-го – Герасим-грачевник (прилет грачей), 17-го – Алексей с гор вода или с гор потоки, 19-го – Дарья засери (загрязни) проруби; апреля 1-го – пустые ши, 8-го – Роди-

он-ледолом, 16-го – Антип-водопал, 12-го – Василий выверни оглобли (оставляй сани, снаряжай телегу), 23-го – Егорий-скотопас (выгон скота в поле), 26-го – Степан-ранопащец; мая 2-го – соловьиный день, 3-го – зеленые ши, 5-го – Ирина-рассадица (рассадка капусты), 6-го – Иов-горошник (посев гороха), 9-го – Никола вешний, травный, 13-го – Лукерья-комарница (появление комаров), 23-го – Леонтий-огуречник (посадка огурцов), 29-го – Федосья-колосница (рожь начинает колоситься); июня 12-го – Петр-поворот (летний поворот солнца), 13-го – Акулина-гречушница (посев гречи) или задери хвосты, то есть время, когда скотина, кусаемая комарами, мошками и оводами, бегаёт по полю, задравши хвосты ("строчится"); июля 23-го – Пуд и Трифон бессонники (пора усиленных работ, страды), 27-го – Никола кочанный; августа 4-го – Евдокия-малинуха (сбор малины), 26-го – Наталья-овсяница, 28-го – Анна-скирдница; сентября 15-го – Никита-репорез (сбор репы) или гусопролет, 24-го – Фекла-заревница; октября 14-го – Прасковья-льняница; декабря 12-го – Спиридон-солонovorот.

Обратим внимание на некоторые главные праздники. Так, на Сретенье (2 февраля) зима встречается с летом. Этот и другие знаменательные даты представляют собой синтез язычества и христианства. Наши предки наблюдали за природой не из любопытства. От нее зависела полностью их жизнь. Они видели не раз, что в марте солнце начинает марить (припекать землю). Поэтому над землей струится пар. Но по утрам еще продолжаются морозы (утренники), которых со дня Сорока мучеников (9 марта) бывает сорок. Так язычество преодолевает христианство. Оно прикрывает свои представления христианской терминологией. Отцы церкви не смогли справиться с естественными, здоровыми, правильными представлениями наших предков, поэтому сверху на язычестве (естественной религии) сделали свою лепнину. Так появились Сорок мучеников там, где им делать нечего. Кстати, в день 9 марта возвращаются из вирия сорок разных пташек, а сорока начинает строить гнездо и кладет в него сорок палочек. Холода или сиверы заканчиваются днем святого Сидора (14 мая), которого поэтому называют сивирян. 5 апреля: "Пришел Федул – теплый

ветер подул". В апреле земля прееет, или, по другому выражению: со дня святого Руфа (8 апреля) земля рухнет, то есть оттаивает и принимает в себя воду; 12 апреля Василий Парийский землю парит. В мае домашний скот мается от бестравицы; в первый день этого месяца на Еремея запрягальника или яремника начинают пахать и потому на рабочих лошадях и быков надевают ярмо (ярём). Работа эта оканчивается к 31-му мая — ко дню Еремея распрягальника. 2 мая, посвященное памяти князей Бориса и Глеба (этих князей-христиан лишили жизни исповедующие язычество), крестьяне называют барыш-день. Борис и Глеб тут не при чем. Разве только то, что слова Борис и барыш созвучны. Слово "барыш" тут на месте. В этот день торговцы стараются продать что-нибудь с выгодой, "дабы во весь год торговать прибыльно". Бытовало выражение: "Борис и Глеб засевают хлеб". 24 июля посвящено тем же святым. Была в ходу следующая поговорка: "Борис и Глеб — поспел хлеб". В деревнях и селах праздновали эти дни не в честь Бориса и Глеба. Они праздновали, чтобы круглый год получать барыши и чтобы отвратить от нив губительные грозы. Князьям Борису и Глебу эти задачи не под силу. Здесь тоже сыграли на созвучии слов: Глеб-хлеб, Борис-барыш (выгоды от торга хлебом, главным богатством земледельцев). Наши предки праздновали начало посевов, а также жатвенную пору. Эти праздники были полностью и всецело посвящены Перуну, который отвечал за главное — за урожай. Но христианские отцы низвергли Перуна. Поэтому сюда их усилиями попали Борис и Глеб, барыш и хлеб. Перун — бог грома. Поэтому кто будет работать 24 июля, у того молния спалит все копны. Это очень наглядно и зримо просматривается в южных регионах. Там верят в то, что Перун может спалить копну, но приклеивают это к Глебу. Они его называют Глебом-паликопом или паликопном. Точно так же запрещено работать 27 июля на Палес (Пантелеймона). Нельзя работать потому, что Перун может спалить сжатый хлеб. Правда, о Перуне не говорится, только — о Пантелеймоне.

10 мая на Симона Зилота (из Евангелия — апостол) собирают травы-зелья. В это время лечебным травам (зелью) сообщается особенная целебная сила. Этот день был известен и

соблюдался за тысячи лет до христианства на Руси. В этот день ищут золото (клады) и (главное) сеют пшеницу. Просят, чтобы она уродилась и вызрела, "аки золото". Хлеб, посеянный в чистый четверг, родится чистым, без сорных трав. Кто же сеет рожь на мученика Вассу, у того непременно заглушат рожь васильки (Васс — василек). 11 мая, в день обновления Цареграда, нельзя было работать. В противном случае царь-град, за непочтение к его празднику, может выбить зеленеющий на полях хлеб. 11 мая было и днем Макия мокрого. Если в этот день идет дождь, то все лето будет мокрые. Если же дождь случится на святую мученицу Макрину (Макриду — 19 мая), то в этом случае предстоящая осень будет мокрой, дождливой. Если же дождя в эти дни не будет, то надо ожидать сухого лета и сухой осени. Точно так же, если 14 мая на Сидора будет "сверко", то лето будет холодным. Если 15 мая на Пахомия будет тепло, то и лето будет теплым. 21 мая на Константина и Елену (Алена длинные льны; леносейка) надо сеять лен, а на Маковеев, 1 августа, надо собирать мак. 16 июня на Тихона затихают (Тихон — затихать), то есть перестают петь птицы. 29 июля было потом, в христианский период, посвящено святому Калинику. Этот день называется зарницы-калинники. Зарницы — это отдельные молнии — опять же Перун. Калиника здесь опять же по созвучию связывают со словами раскалять, калена стрела, калина — красная ягода. 23 августа утренний мороз лупит овсы и льны. Это день святого Луппы (от слова "лупить"). 1 сентября не разрешается засеивать семена. Поэтому его называли Семеновым (семена) праздником. 14 сентября становится холодно. Это праздник Воздвижения. В этот день птица уже на отлет двинулась. С 11 ноября начинает студить, холодать. Поэтому этот день Федора Студита (студить). Говорили: "Федор Студит землю студит". К Воздвижению "хлеб с поля сдвинется", свезется, а в ноябре овин уже ноет от наклаанных снопов. 4 декабря Варвара дорогу заварит (Варвара — варить); то есть заморозит. Говорили так: "Варвара заварит, а Савва (5 декабря) засалит (салоплавающие по рекам ледяные пленки)". С этого времени сокращаются ночи. Говорили: "Варвара ночи урвала, дни приточала". Как видно, по созвучию подбирали святого. Так, например, в день пророка

Наума (1 декабря) начинают учить детей. Говорили: "Пророк Наум ведет на ум".

Наш предок воспринимал все по-детски правильно. Он видел во всем проявление незыблемого закона природы, закона Бога, который воплощают в жизнь различные боги. Наши предки жили по этим законам и поэтому были счастливы. Мы же решили, что Бога нет, нет обязательных для всего (и для нас в том числе) законов. Поэтому мы дошли до теперешней жизни. Наши предки были на правильном пути. Сейчас многие хотят их представить наивными, не понимающими тонкости устройства мира. Все на самом деле не так. Наши предки были ближе к истине, чем мы с вами. Современный человек оторван от реальной жизни, он мечется между различными религиями, сектами и верованиями. Он — перекаати-поле, оторванное от почвы, от своих корней. А у нашего предка эти корни были прочными, живительными. Многовариантные толкования того, что происходило в природе и от чего зависела жизнь, исключались. Образные же представления обо всем происходящем только облегчали усвоение непреложных истин. Эти истины должен был не только знать каждый, но и строить свою жизнь в соответствии с ними. Другие варианты исключались.

Что касается образности, то времена года нашим предкам представлялись воплощениями богов и богинь, которые поочередно нисходят с неба и руководят всем происходящим. Говорилось, что "весна наречется, яко дева украшена красотою и добротою, сияющие чудно и преславие, яко дивитися всем зрящим доброты ея, любима бо и сладко всем...". Лето же нарицается муж тих, богат и красен, питая многи человеки и смотря о своем дому, и любя дело прилежо, и без лености восстая заутра до вечера и делая без покоя. Осень подобна жене уже старе и богата и многочадне, овогда дряхлухуши и сетующи, овогда же радующися и веселящися, рекши иногда (печальна от) скудости плод земных и глаза человеком, са иногда весела суши, рекше ведрена и обильна плодом всем, и тиха и безмятежна. Зима же подобна жене-мачехе злой и нестройной и нежалостной, яре и немилостива; егда милует, но и тогда казнит; егда добра, но и тогда знобит, подобно трясавице, и гладом морит, и мучит грех ради наших".

"Лето отличается ясностью, блеском солнечного света, как белый день. Зима же потемняется снежными облаками и туманами и уподобляется ночи. День и весна пробуждают спящую, безмолвную природу и радуют весь мир. А ночь и зима погружают ее в сон — подобие смерти, и придают ей печальный характер" — так пишет специалист. Слово "слетье" означает не только летнее время, урожай, но и вообще удачу, успех. Что касается слов "неслетье" и "безлетье", то они означают неурожайное лето, а также неудачу, несчастье. Отсюда понятно выражение: "Пришло на него безлетье!" По сути, это то же самое, что "пришла на него невзгода!" Некоторые специалисты связывают слово "веселье" со словом "весна". Слова "настали для него светлые, ясные дни" равнозначны словам "дни радости, веселья". Черный день означает день печали, несчастья. Смотреть сентябрем, отуманиться — значит быть унылым, печальным. Когда в марте и апреле заывают весну, к ней обращаются как к существу живому, благодатному, творческому:

Весна, Весна красная!
Приди, Весна, с радостью,
С радостью, с радостью,
С великою милостью:
Со льном высоким,
С корнем глубоким,
С хлебами обильными.

Во втором варианте говорится:

Весна красна!
На чем пришла,
На чем приехала?
На сошечке,
На бороночке.

Зима и Осень прибывают на пегих кобылах. Зима с половины ноября встает на ноги, кует морозы, стелет по рекам мосты и выпускает на белый свет нечистых духов. С 12 декабря Зима ходит в медвежьей шубе. Она стучится по крышам избышек, будит баб и заставляет топить печи. Когда Зима идет по полю, то за ней следуют вереницами Метели и Вьюги. Они настойчиво просят дела. Когда Зима идет по лесу, она сыплет из рукава иней. Когда Зима идет по реке, она на три аршина под своими ногами кует воду.

Белорусы весну называют Лялей, а лето Цецей. Осень они называют Жыцень, а зиму — Зюзя. Весна Леля — юная, красивая и стройная дева. Поэтому говорят: "пригожая, як Ляля". В честь Ляли (весны) имеется праздник — Ляльник. Он проходит так. На чистом лугу собираются сельские девушки. Среди себя они выбирают самую красивую подругу. Ее наряжают в белые покровы. Ее шею, руки и стан украшают свежей зеленью. На голову ей надевают венки из весенних цветов. Эта девушка изображает Лялю. Она садится на дерн, а возле нее ставят разные припасы. Это хлеб, молоко, масло, творог, сметана, яйца. Около Ляли кладут зеленые венки. Все остальные девушки водят вокруг Ляли хоровод. Они поют обрядовые песни. Все обращаются к Весне-Ляле в образе девушки с просьбой об урожае. Они поют:

Дай нам жытцу,
Да пшаницу,
В агародзе,
Сенажаце—
Ровны гряды,
Ровны зряды.

Весна-Ляля ведет себя активно. Она угощает всех приготовленными яствами и раздает им венки. Венки и зелень, в которую наряжалась девушка Ляля, берегают до следующего праздника весны.

У белорусов лето — это Цеця. Это красивая, дородная женщина. Она летом проявляется на полях. Все ее могут видеть. Она убрана зрелыми колосьями. Кроме того, она держит в руках сочные плоды.

Осень белорусы изображают менее симпатично. Осень — Жыцень — это существо малорослое, худощавое, уже пожилое. Выражение его лица суровое. У осени почему-то по три глаза и косматые включенные волосы. Жыцень — существо мужского пола. Он появляется на нивах и огородах после того, как овощи и хлеб сняты. Он проводит контроль, проверяет, все ли убрано, как следует в добром хозяйстве. Если обнаружит недобросовестную уборку (много колосьев, которые не срезаны или же обронены жнецами), то сам собирает их. Эти колосья Жыцень связывает в снопы. Затем переносит снопы на

участок того хозяина, у которого хлеб убран хорошо, начисто ("У кого есть, тому прибавится"). У того хозяина, который убрал свой урожай небрежно, на следующий год будет неурожай. Он обязательно будет наказан за свою халатность и небрежность. На этих представлениях правильно воспитывалось не одно поколение. На этом заботы Жыцень не заканчиваются. Он, например, предупреждает о всеобщем неурожае и голоде в следующем году. Все это он делает очень выразительно. Когда Жыцень в виде нищего странствует и при встрече с людьми прозрит им пальцем, то это и есть знак о недоброй вести. Белорусы говорят: "Жыцень з' кабзой (с нищенской сумкой) — голод на двор!" Когда идет осенний сев, Жыцень усердно помогает селянам. Он не только присутствует при этом, но и утаптывает в землю разбросанные зерна. Он делает все для того, чтобы ни одно зерно не пропало. Кстати само имя Жыцень происходит от слова "жито" (рожь).

У зимы (Зюзя) свои заботы. Зима — это год на исходе. Если весна — это веселая юность, молодость, то зима — это старость. Ее символизирует старик небольшого роста — Зюзя. У него белые как снег волосы и длинная седая борода. Ходит Зюзя всегда босой, с непокрытой головой. Но одет он в теплую белую одежду. В руках у него железная булава. Он, естественно, проводит большую часть зимы в лесу. Правда, иногда он заходит и в деревни. Своим появлением он предвещает стужу. Зюзя можно умилостивить. Для этого белорусы под Новый год откладывают несколько ложек кутьи в особую миску. Ее оставляют на ночь на столе. Это делается для того, чтобы Зюзя пришел покушать кутьи и не вредил бы морозами нивам и домашним животным. Поэтому белорусы говорят: "Зюзя на дворе — куцья на столе". Собственно, подобный обычай есть и в России. В мороз приглашают на кутью и на кисель. Трескучие морозы вызваны тем, что Зюзя ударяет своей булавой в какой-нибудь пень. От этого удара трескаются стены домов и даже сама земля. Говорят: "Зюзя стукинэе, людей ушувае" (страшает).

Откуда же имена Ляля, Цеця и Зюзя? Они образовались путем удвоения коренного слога. Эти слова уцелели в датском языке. Слова ляля и цяця являются ласкательными названиями

ми ребенка (милый, пригожий, умница). Этими словами называют и игрушки. Слово "зюзя" означает "холодно". Говорят: "Не ходи на двор, там зюзя!" Белорусы вместо русского мерзнуть, цепенеть от холода говорят "зюзець".

Месяцы так же, как и сезоны года, были для наших предков практически живыми, одухотворенными. Это двенадцать братьев, которые восседают вокруг пылающего костра — солнца. В летнюю пору этот костер горит сильнее, а зимой — слабее. Это зависит от того, какой из Месяцев берет в свои руки правительственный жезл. Весенние Месяцы — это полные сил, цветущие юноши, летние — мужи, которые достигли полного развития, расцвета своих сил. Осенние Месяцы — это пожилые, уже стареющие братья. Зимние Месяцы — седовласые старцы.

Приведем одну философскую сказку о роли разных Месяцев. Было два брата — богатый и бедный. Богатый брат оставил бедного без всякой помощи. И бедный брат пошел по миру искать счастья. По пути он встретил двенадцать мужей, которые сидели у костра. Он подсел к ним погреться. Один из двенадцати мужей, прочный и суровый, спросил незнакомца: "Что ты думаешь о теперешнем времени года?" Путник сказал: "Что думаю? Я убежден, что все месяцы года исполняют свое дело, но мы сами, не зная чего нам желается, хотим давать законы небу и не рассуждаем о том, что нам полезно или вредно; когда бывает ветрено и дождь идет — мы желаем жаров, а в августе просим туч, нисколько не думая, что от этого могут погибнуть жатвы". В этих словах заключена вся соль, весь смысл того, что с нами происходит и сейчас. Мы "хотим давать законы небу". А истинные законы не знаем, не понимаем их и не строим свою жизнь в соответствии с этими законами. И при этом хотим, чтобы все было хорошо. Но это невозможно. Природа, Бог, не могут делать для нас исключение.

Все народные, языческие (языки значит народы) праздники связаны с реальной жизнью. В них нет ничего надуманного. А реальная жизнь — это жизнь всего живого вещества, всего, что есть вокруг, всей замкнутой системы — Вселенной. В условиях Земли реальная жизнь зависит от природных условий, и прежде всего от погоды. Жизнь природы на земле — это

возрождение ее весной и смерть (сон) ее при наступлении зимы. Весной оживает все. Пробуждаются животные, которые подвержены зимней спячке, прилетают птицы, появляются насекомые и расцветают подснежники. 1 марта просыпается бабак. Он выходит из норы и начинает свистать. 4 марта прилетают грачи, а 9 — жаворонки. К 17-му числу лед на реках становится настолько слабым, что щука его пробивает хвостом. 25 марта из вирия вылетает ласточка. Она несет с собой тепло. 5 апреля пробуждаются сверчки, а 12 апреля из берлоги выходит медведь. Там он проспал всю зиму. В мае земля "принимается за свой род". Конечно, эти даты надо корректировать, поскольку все зависит от широты и долготы места: север это или юг и т.п.

Происходящее в природе не определяется жестким календарем. В природе действуют циклы. Поэтому год на год не приходится. Наступление цикла определяли по реальным признакам. Когда обнаруживали первую фиалку, то вся деревня сбегалась на указанное место, а фиалку поднимали на шест. Вокруг фиалки танцевали, резвились и пели веселые песни. Так крестьяне "находили лето". В южной России точно так же радуются появлению голубого ряста. Это один из первых весенних цветов Украины. Увидя его, люди начинают радоваться, скакать, приплясывать и причитать: "Топчу, топчу ряст! дай Боже, потоптать и того года дожждаться!"

Так же радостно люди встречали весной и птиц. На Руси ласточку называли святою, божьей птицею. Кстати, чехи называли ласточку птицею Девы Марии. Были убеждены, что где она поселится, тому дому она приносит благословение, счастье. Ласточка предохраняет дом от грозы и пожара. Ласточек ждали. Под кровлями прибавали планки и маленькие дощечки для того, чтобы ласточкам было удобнее прилаживать свои гнезда. Ласточек очень оберегали. За убиение ласточки и разорение гнезда Бог карает преступника смертью или истребляет его дом пожаром, насыпает на его стадо падеж, отымает у его коров молоко. Если ласточки прилетают рано, то год должен быть урожайным, счастливым. В старинном памятнике сказано: "И от ластовиц не вероуешили, яже су тебе щьбъчеть вьсе лето зело красьне?" В Малоросии в начале марта дети

ходили по домам. Они славили яр и зеленочку и носили с собой деревянную ласточку или испеченных из хлеба жаворонков. Деревянную ласточку носят и болгарские дети.

Кукушка также является особой птицей. Так, еще у древних индусов она была посвящена богу Индре. У греков в образе кукушки появлялся Зевс. У славян (по польским источникам) чествование кукушки связывали с культом богини Живы. В принципе все птицы, которые прилетают с юга, встречались всегда как вестницы благодатной весны. Считали, что они являются из райских стран (вирия) и отпирают облака, которые были на зиму замкнуты зимней стужей. Кроме того, они проливают на землю живительный дождь и даруют ей силу плодородия. В это время пели: "Покинь сани, возьми воз!"

Призыв селянами весны был очень трогательным. Он начинался 14 марта. Дети и девушки взбирались на кровли амбаров, поднимались на ближайшие холмы и пригорки. Оттуда они звали весну: "Весна, Весна красная! приди, Весна, с радостью, с великою милостью". 9-и 25 марта все повторялось. На 9 марта прилетают жаворонки. Селяне поэтому выпекают съестных жаворонков. Их обмазывают медом, золотят им крылья и головы сусальным золотом. С такими самодельными жаворонками ходят по селу и закликают, заывают Весну. При этом обращаются к богине летнего плодородия Ладе. Она была и богиней любви и брачных отношений. Пели так:

Благослови, мати,
Ой мати Лада, мати,
Весну закликати!

В другом варианте:

Благослови, Боже,
Благослови, мати,
Весну закликати,
Зиму провожати!
Зимочка – в возочку,
Летечко – в човночку.

Весна приплывает в лодке (човночку) по весеннему половодью. Болгары до сих пор встречают Весну очень торжественно. На утреннем рассвете они выходят встречать Весну со

специально приготовленным круглым хлебом. В России делали так же. На поле расстилали новый холст, клали на него пирог, повернувшись на восход солнца, говорили: "Вот тебе, матушка Весна!" После этого они оставляли дары под открытым небом и возвращались домой. Они надеялись, что матушка Весна "оденется в новину" и за принесенную ей хлеб-соль уродит лен и конопля в изобилии.

По весне Лада возжигала любовь в сердцах девиц и юношей. Поэтому при встрече Весны пели обрядовые песни соответствующего содержания (веснянки). Одновременно совершали праздничные игрища, которые не менялись с глубиной древности. В праздник Сретенье Зима встречается с Летом, "шоб побороцьця кому йти наперед, кому вертацьця назад". На день (праздник) Благовещение Весна осиливает Зиму. Говорили: "Весна Зиму поборола".

Многие думают, что праздник Масленица чисто русский. Но это не так. Это праздник славянский. А мы видели, что славяне занимали всю Европу и даже Англию. Они заложили основу культуры теперешних европейцев. У разных народов праздник проходил по-разному, но суть его была одной и той же: уничтожали чучело зимы и открывали дорогу весне. Чучело, как правило, сжигали. Когда воцарилось христианство, то появилось насилие. Неустанное око отцов церкви следило за каждым, и можно было поплатиться жизнью за несоблюдение поста. Поэтому накануне поста у всех славян (по всей Европе) проходила Масленица (карнавал), которая была самым разгульным празднеством, посвященным проводам Зимы и встрече Лета. На Руси возили во время Масленицы дерево, украшенное бубенчиками и разноцветными лоскутьями, или деревянную куклу. Возили также пьяного мужика, который должен был представлять Масленицу. Зрелище было захватывающее. В сани или повозку запрягали лошадей десять или более. На каждой лошади находился всадник с кнутом или метлою в руках. Все увешивали маленькими колокольчиками и погремушками. Сани и повозки украшали вениками, а Мужик-Масленице давали в руки штоф с водкой и чарку. Сверх того ставили подле него бочонок с пивом и короб со съестными припасами.

В Сибири празднуют Масленицу очень масштабно. На нескольких санях устраивают корабль. На корабль сажают ряженых медведя и Масленицу. Их возят по улицам. Сопровождающие поют песни. Эмблемы весенней природы — дерево, корабль и медведь. Звуки колокольчиков и бубенчиков являются знаменами грозовой музыки. Метла, веник и кнут — символы вихрей и молний. Вино и пиво символизировали всеоживляющий дождь. Празднуют возврат благодатной Весны. Сценарии праздника разные. Инсценируют не только пришествие Весны, но и борьбу Весны с Зимой и поражение Зимы.

В наше время возродилось увлечение строить снежные городки. У наших предков это было обязательной частью празднования прихода Весны. В субботу сырной недели принято было строить на реках, прудах и в полях снежный город с башнями и воротами. Это было царство Зимы (земона — Вритры). Под ударами Перуна это царство должно было пасть. Создавались две команды. Одна защищала Зиму и ее замок. Другая нападала на замок и после упорной борьбы (часто весьма продолжительной) овладевала им и разрушала его. Воеводу — защитника города Зимы, взятого в плен, купали в проруби.

В последний день Масленицы (вечером в воскресенье) совершался последний акт проводов Зимы. Поселяне выносили из своих дворов по снопу соломы. Их складывали на окраине деревни, а затем сжигали. При этом весь собравшийся народ радостно пел. Это называлось сожжением Масленицы. Красочность достигалась и тем, что пучки соломы навязывали на шесты и расставляли по дороге. Их зажигали после солнечного заката. В некоторых местах эти пучки соломы заменяли дегтярными бочками. В других местах сохранялась традиция на прощенное воскресенье сжигать даже ледяную гору. Для этого собирали по дворам хворост, щепки, худые кадки и пр. Все это складывали на ледяной горе и затем разводили костер. Костер символизировал весеннее солнце, яркие лучи которого растапливают снежные покровы зимы.

Таким образом, у славян встреча Весны называлась встречей Масленицы, а изгнание Зимы символизировалось сожжением Масленицы. Однако праздник весны был одновременно и праздником в честь усопших. Одновременно с пробуждени-

ем природы от зимнего сна (омертвения) пробуждались к жизни и души усопших, которые осуждены пребывать в воздушных и заоблачных сферах. Праздник в честь усопших предков был временем сношений с ними, посещения кладбищ и поминки. На Масленицу бегали по улицам ряженые. Это знаменовало появление освободившихся из загробного царства стихийных духов — оборотней. Во всех домах приготавливали блины.

Очень похожие обряды приурочивались и к последней неделе Великого поста, и к празднику Пасхи, и к Фоминой неделе. Везде проходила мысль о воскресающей Весне. Христиане это светлое чувство связали с "мыслью о пресветлом воскресении праведного солнца — Христа". Полагали, что "прилетая в сей мир, богиня Весна разводит пламя небесных гроз, разит и гонит злых демонов, выводит из-за холодных зимних туманов и туч светозарное солнце, она снова воспламеняет его светильник и, пожигая снежное, ледяное царство Зимы, топит ее в разливе стремительных вод". Символом деятельности Весны всегда служили огни, зажигаемые на земле. В четверг страстной недели ранним утром, как и в день, посвященный громовнику, наши предки жгли солому и кликали мертвых. Этот день на Руси назывался чистым — светлым. В чистый четверг селяне ходят на проруби и зазывают Весну. После "всенощного стояния" они приносят из церкви горящие восковые свечи и выжигают ими на дверях и потолках своих домов кресты. Это делается для того, чтобы отогнать злых духов. Для этого использовали "страстную" свечу. Если она была зажжена во время грозы, то предохраняла дом от громового удара. Если такую свечу ставили в пчельнике, то она обязательно даровала изобилие меда. Здесь был намек на медовый напиток дождя, который низводится молниями. Со "страстной" свечой соединяют целебную, облегчающую страдания силу. Поэтому горящую страстную свечу дают в руки тяжелобольным, а также во время болезненных припадков. Ее дают также роженицам при муках разрешения. В этот день белорусы собираются с зажженными лучинами. В Чехии, как и в России, жгут около храмов смоляные бочки. Уголья, которые остаются от сторевших бочек, а также свечи приносят домой

и прячут "за стрехи". Это для того, чтобы охранить здания от грозы, а домашнюю скотину — от порчи. Славянские языческие обычаи сохранились и в местах их прежнего проживания — в Германии. Там в ночь на первый день праздника на горах и холмах зажигают большие костры. Используют дрова, дерн и солому. Прикрепляют дегтярную бочку, предварительно обвив ее соломой, к еловому дереву. Ее зажигают ночью и пляшут вокруг огня. Когда же пламя погаснет, то собирают голы и уголья и разносят их по домам. Существует еще очень красочный обычай. Деревянные стрелы обмазывают смолой, поджигают их и кидают вверх так, чтобы они описывали в воздухе огненную дугу. Христианская церковь на этот день назначила Светло-Христово Воскресенье. Поэтому такой синтез спас от преследований прекрасный языческий (народный!) праздник. Верили, что в этот день-праздник на рассвете солнце "от радости пляшет, играет и скачет в три прыжка". На Руси в первый день Пасхи крестьяне взбираются на колокольни, крыши и пригорки. Им хочется посмотреть на восходящее солнце. В день Благовещенья, 25 марта, селяне жгут старые соломенные постели и прыгают через разведенное пламя. Это укрепляет здоровье. Надо ли говорить, что это языческий обычай?

Христианский праздник Пасхи (Светло-Христово Воскресенье), таким образом, был совмещен с народным праздником. На Украине Пасху называют Велик-день. Веровали, что в это время светлые боги сходят с небес на землю и наделяют ее дарами плодородия. Это языческое верование. Но христианство перенесло это на Христа, Богородицу и святых угодников. Сюда же добавляют, что с первого дня Пасхи и до Вознесения Христа апостолы ходят по земле в нищенских рубищах. Они испытывают людское милосердие, карают злых и награждают добрых. В Смоленской губернии считают, что Христос сходит на землю в чистый четверг. К этому сроку готовятся — выпекают хлеб, который называют стульце. В деревнях Белоруссии в это время ходят по домам волочечники и поют обрядовые песни. Они славят святых Георгия и Николая, которые коней и коров пасут. Славят и Пречистую Деву. Она засеивает нивы. Илья-пророк зажинает золотистую рожь. Его также сла-

вят. Все яства, приготовленные на этот праздник, украшаются зелеными ветками брусники. Готовят жареного барашка или поросенка. Его кости частично зарывают на пашнях (чтобы предохранить нивы от града), а частью держат в домах. Затем во время летних гроз их бросают в огонь, который разведен в домашнем очаге. Этим самым отвращают удар грома.

В Костромской области все несколько по-иному. Там перед Христовой заутреней восходят на колокольни, стреляют оттуда из пистолетов и ружей. Так имитируют весенний гром, который прогонят нечистую силу Зимы-Смерти. На второй день Пасхи, на Красную Горку и в Фомин понедельник девицы и молодые парни обливают друг друга ключевой водой. Этот обычай символизирует собой пролитие небесных источников, "осеменение матери-Земли оплодотворяющей влагою дождя". В Густинской летописи об этом сказано так: "От сих (языческих богов) единому некоему богу на жертву людей топяху, ему же и доньне по некоих странах безумным память творят: во день Воскресения Христова собращеся с ним, играюще, вметают человека в воду, и бывает иногда действием тых богов, си есть бесов, разбиваются и умирают, или утопают; по иных же странах не вкидают в воду, но токмо водею поливают, но единаче тому же бесу жертву сотворяют". Мы привели эти слова христианского летописца для того, чтобы еще раз продемонстрировать его "объективность". Для отцов церкви все языческие боги были бесами, а все языческие (народные) обычаи и обряды были бесовскими. Чтобы было более убедительно, христианские просветители без стеснения искажали истину. Так, полив водой изображали как жертву бесам, в процессе которой жертва могла лишиться жизни (она могла разбиться о камни в реке). Так они превратили берегинь-русалок в кровожадных существ, которые не оберегали, но топили. Этому ли учил Христос? Распространяя учение Христа, зачем же было искажать истину? Дело в том, что они распространяли не столько истинное учение Христа, сколько свою власть. Власть неограниченную князей и церкви над своим народом. Они давили собственный народ хуже любого иноземного завоевателя. При этом очень широко использовали не только чисто силовую, но и информационную войну.

В воскресенье радуницкой недели (это Красная Горка) при восходе солнца сельские девушки собираются на ближний холм или пригорок. Они становятся в круг. В середину круга становится одна из девушек. Она берет в руки хлеб и красное яйцо. Глядя на восход солнца, совершает молитву. После молитвы она закликает Весну словами: "Весна красна! на чем пришла" и т. д. В Калужской области все это происходило в другом варианте. На горке закрепляли длинный шест с соломенную куклою. Вечером эту куклу сжигали с песнями и плясками. В Орловской губернии селяне на радуницкой неделе прогоняют Смерть из своего села. Для этого девушки в полночь выходят с метлами и кочергами. Девушки взмахивают ими по воздуху и гонятся за невидимой Мораною. Таким же способом изгоняли в деревнях и селах повальные болезни — чуму, холеру и "коровью смерть". Злых духов изгоняли так: взмахивали по воздуху ножами и кричали: "Бегите, бегите, злые духи!"

После того как Весна побеждала Зиму, она одевала поля, сады и рощи свежую зеленью и цветами. В честь Весны праздновали в мае и начале июня. Проводились общенародные игрища. Отцам церкви запретить эти игрища не удалось. Они их приурочили к Вознесению и Троице, которые приходятся на май. Вознесение празднуется в четверг. Поэтому в народе это связывалось с громовиком. У наших предков-язычников громовик был связан с четвергом. Другой четверг предшествовал Троице. Этот четверг называли Семиком, поскольку он был на седьмой неделе после Пасхи. Уже в день Воскресения в некоторых местах приступают к завиванию венков, хотя обычно этот праздник совершался на Семик или Троицу. По древним обычаям до начала празднования селяне толпами отправляются в поля и рощи. Там они собирают разные травы, главным образом благовонные: чебрец, мяту, зорю и калуфер. Одновременно они рубят молодые березы и другие лиственные деревья. Это нужно для того, чтобы стены внутри домов выстлать древесными ветками. Полы устилают скошенной травой, а окна — пахучими зельями и цветами. По улицам устанавливаются целые ряды березок, липок и кленов. Так населенные пункты превращались в зеленые сады. С приходом христианства убирались зеленью и храмы. Поселяне собирались в лесах

и рощах, пели песни и завивали венки. Срубали молодую березу и наряжали ее в женское платье или обвешивали разноцветными лентами и лоскутьями. После этого начинался общий пир вскладчину или ссыпчину (из мирского сбора муки, молока, крашенных яиц и других припасов). На общие деньги покупали вино и пиво. После окончания пира березку поднимали и с радостными песнями и плясками несли ее в деревню и ставили в избранном доме. Тут она оставалась до следующего праздника. По пришествии христианства березку хранили до Троицына дня. В пятницу и субботу наряженную березку приходят навешать, а в Троицкое воскресенье ее выносили к реке и бросали в воду. В это же время пускали на воду и семички венки. На практике были разные (в деталях) сценарии праздника. В основном везде было одно и то же. Так, около Воронежа строили посреди дубовой рощи небольшой шалаш. Его убирали венками, цветами и душистыми травами. Внутри шалаша ставили на возвышении соломенную или деревянную куклу. Она была одета в праздничное женское или мужское платье. Сюда со всех сторон стекались окрестные жители. Они приносили с собой различные напитки и яства, водили вокруг шалаша хороводы. Все предавались веселью и играм. Во всех этих праздниках народ чествовал богиню Весну, которая одевает деревья листьями и цветами.

Девушки и парни готовят венки и ими обмениваются. Девушки надевают венки на головы, а парни украшают ими свои шляпы. После этого все приступают к хороводным играм. Как только сядет солнце или же на следующий день идут на реку и кидают венки в воду. Венки завивают в той роще, которая прилегает к засеянному полю. Это делается для того, чтобы рожь уродилась гуще и прибыльнее. Издревле венки служили эмблемою любви и супружеской связи. В весеннюю пору Земля вступает в брачный союз с Небом, поскольку богиня весны (Жива) была не только представительницею земных урожаев, но и вообще покровительницею брака и любовных наслаждений. Посвященный Весне праздник был лучшим в году. В это время все оживало, все дышало любовью. Естественно, что раз любовь, значит, и гадания о будущем семейном счастье. Вопросали о будущем, кидая венки в воду. Если брошен-

ный веночек уплывает, не коснувшись берега, — это предвещает исполнение желаний, счастливый брак и долгую жизнь. Если же веночек закружится на одном месте — это знак неудачи (расстроится свадьба, любовь останется без ответа и т. п.). Если же веночек потонет — то это прогнозирует смерть, вдовство или бессемейную жизнь (“молодцу не быть женатому, девице оставаться незамужней”). Наблюдают и за тем, уцелел ли веночек свежим или он завял за время его оберегания. Если веночек остался свежим — значит, впереди долголетнее и счастливое супружество. Если веночек завял, то это недобрый знак — можно ожидать скорой смерти. Бытовал и такой обычай (в Калужской губернии): парень, который задумал жениться, должен был вытащить из воды веночек своей избранницы.

Праздник Весны это, прежде всего, веселье, цветы и зелень. Это возрождающаяся жизнь. Суть этого праздника состоит в том, что “мать сыра земля, словно юная и прекрасная невеста, рядится в роскошные уборы растительного царства”. Поэтому апрель назывался цветнем (цветок — цветок), а май — травнем.

Праздник Купалы

Это один из самых торжественных праздников у славян. Он известен во всей Европе. Его празднуют в день летнего солнцестояния. Как мы уже говорили, отцы церкви присоединили к Купале Иоанна Крестителя, поэтому получился праздник Ивана Купалы. Но сам праздник остался в своей основе народным (языческим).

Купало — бог плодов земных. Ему приносили жертву купаньем. В этот день обливали друг друга водою. Накануне праздновали Ивановскую ночь. Зажигали огни и плясали вокруг них. Пели и воздавали поклонение богам. Историки описывают, как красочно праздновали Иванову ночь на древней родине всех славян — Карпатах. На пространстве в сотни верст пылали костры. Праздник еще назывался суботка. В XVII в. он описывался так: “Когда солнце согревает рака, а соловей более не поет, суботка, как было встарь, запалена в черном лесе. Так нам передавали матери, сами также заняв от других, чтобы на день

Купалы завсегда горела суботка. Эта суботка и горела при лесе или на лугу”. Сербы считали, что праздник Купалы так велик, что в этот день даже солнце останавливается на небе.

Любопытно, что купальные огни зажигали не от любого источника. Добывали огонь трением дерева о дерево. Только такой огонь считали божественным. В разных губерниях России и даже в других славянских странах очень широко была распространена игра Купайло. На закате солнца все девушки собирались на определенное место с вербою, которую убрали цветами. Вербу втыкали в землю и, взявшись за руки, хороводили вокруг вербы, которую также называли Купайло. Песни в честь Купайлы пели грустные и даже жалобные. Так продолжалось некоторое время. Далее по сценарию стоящие в стороне молодые люди накидывались на вербу и уносили ее. Они ее разрывали или топили в воде. Девушки все время вербу-Купайло защищали.

Накануне праздника Купалы девушки и молодые люди купаются в реке. С наступлением сумерек разводят костры на выгонах, на полянах и в садах. Они держатся попарно за руки и так перепрыгивают через костер. Если руки при перепрыгивании не разойдутся, то эта пара сочетается браком. На Карпатах молодежь, перепоясавшись цветными перевязями и надев на головы венки из цветов благовонных, вокруг огня водит хороводы с песнями в честь Купалы.

Кстати, в Ярославской, Тверской и Нижегородской губерниях Купалу называют Ярилою.

Что касается слова Купало, то имеются разные версии. Одни считают, что оно происходит от слова купать, купанье. Это весьма убедительно, поскольку именно с этого дня (24 июня) начинается весеннее купание в открытых водах. Другие специалисты выводят слово Купало от купы. Имеется в виду Купало и Купальница. Некоторые привлекают и слово куча (куча разжигаемого хвороста). Это менее убедительно. Отдельные исследователи не без основания связывают наше-го славянского Купалу с индийским Купалом покаянником.

На самом деле здесь действуют три главных фактора: летнее солнцестояние, вода и огонь. Вода и огонь — это начало мира. Омовения были священными практически у всех народов мира.

Сочетание огня и воды так выражено в песне, которую поют девушки в хороводе вокруг вербы-Купало:

У пана Ивана посередь двора
Стояла верба,
На вербе горели свечи,
С той вербы капля упала,
Озеро стало;
В озере сам бог купался
С детками, судетками.

Девушки в хороводе пели и такие песни:

О Малоничка, Петривачка:
Не выпалась наша девочка!
Не выпалась, не наигралась
И с казаченьком не настоялась.
К череде (стаду) шла, задремала,
На пеньки ноги посбивала,
На шпичьки очи повыймала!
А уже коровы в диброви (лесу),
А уже телята пасуть хлопьята (ребята)
А уже овцы на крутые горцы.

Так пели на Украине.

В момент кульминации в природе все было особенным. По-иному росли и цвели травы и цветы. Накануне Купалы в ночь цветет папоротник. В эту ночь он сияет огненным пламенем и освещает местность. Если кто сумеет его сорвать и убежать домой, не оглядываясь, этот цветок откроет клады и поможет его обладателю получить богатство.

На Купалу отыскивают и собирают лечебные травы. В частности, ищут "разрыв-траву". Против этой травы "не устоит ни один замок". Накануне Купалы (в ночь) собирают на муравьиных кучах масло в сосуд, которое признается целительным средством против разных недугов. Из цветов в это время собирают "Купаленку" (*trollium europaeus*), медвежье ушко (*verbascum*), богатенку (*erigeron acre*). Последнюю траву (богатенку) в Новгородской губернии селяне помещают в стену на каждого члена семьи отдельно. Наблюдают за каждым цветком: чей цветок быстрее завянет, тому и умереть в этот год или захворать. Тогда же под корнем черныбыльника "открывают земляной уголь", который употребляют для лечения "па-

дучей болезни и черной немочи, исцеляемой корнем сего растения". В начале XVIII века в рукописном травнике упоминается о какой-то траве архилине, про которую сказано: кто ее рвет на Купала сквозь золотую или серебряную монету и кто ее носит на себе, тот не боится никакого зла. Сказано, что "растет она при большой реке".

На Купалу собирают и другие лекарственные травы и коренья, которые к этому времени созревают. Историк пишет: "В некоторых местах Новгородской губернии, около старой и новой Ладогои и Тихвине, на Купало топят бани и, воткнув в веники собранную ими траву Иван-да-Марья, парятся на этот праздник с целью получить здоровье".

О купании на Купало историк пишет так: "В Антониево-Дымском монастыре исстари и поныне простой народ собирается купаться в тамошнем озере и с той же целью купает больных лошадей. В Переславле-Залесском прежде стоял истукан Купало, почему даже сама ярмарка называется Купальницей. В это время купаются на озере Клещине и водят по берегам круги с песнями, которые сочинены исключительно на это время".

Исторические источники сообщают, что в Нерехте и в ее окрестностях был такой обычай. Накануне Купала, вечером девушки, собравшись у одной из своих подруг, толкли в ступе ячмень. При этом они пели песни. А на другой день поутру из этого ячменя (из ячменной муки) варили кашу, называемую кутьею. Вечером того же дня кашу заправляли маслом и собщца съедали. Это было только начало. Далее они брали от телеги передние колеса и возили на оси некоторых из подруг по селению, а также по полям с песнями. Это продолжалось до утренней росы.

Поутру девушки умывались утренней росой, чтобы быть здоровее и красивее.

В Москве гуляния на Купалу проходили на трех горах. Сюда еще не так давно съезжались многие татарские семейства и, расположившись по берегам гагаринских прудов, разводили огни и пиروвали. Немецкая слобода в Москве раньше называлась Кокуевой слободой. Из Красного пруда вытекал ручей Кокуй, который протекал через Немецкую слободу и впадал в Яузу.

В Харьковской губернии вечером накануне Купалы в каком-нибудь месте ставили крапивный куст. До этого зажигали солому. Все собравшиеся перепрыгивали через крапивный куст туда-сюда. Во время прыжков пели:

Сегодня Купала, а завтра Ивана,
Чем мне, моя мати, торговати?
Сегодня Купала, а завтра Ивана,
Чем мне, моя мати, торговати?
Позову я свекровка продавати –
Родного батинка куповати.
Задешевила свекорка, задешевила –
Родного батнаку не купила.
Сегодня Купала, а завтра Ивана;
Чем мне, мати, торговати?
Поеду я свекруху продавати,
Родную мати куповати.
Задешевила свекруха, задешевила,
Родной матинки не купила.
Сегодня Купала, а завтра Ивана;
Чем мне, моя мати, торговати?
Повезу и деверька продавати,
Родного братика купувати;
Задешевела деверька, задешевела,
Родного братика не купила. –
Сегодня Купала, а завтра Ивана;
Чем мне, моя мати, торговати?
Повезу я золовку продавати –
Родную сестрицу купувати.
Задешевела золовка, задешевела,
Родной сестры не купила.

Мы уже говорили, что был не только Купала, но и Купальщица (отцы церкви ее заменили святой Аграфеной). Память Купальщицы праздновалась на 23 июня. Кстати, Ладу заменили Пречистой Девой Мариєю. Но в народе даже храм Пресвятой Богородицы называли Купальницею. Народные причитания и колядки о ниспослании дождя и возделывании пашни сельские распевали 24 июня при восходе солнца. Белорусы в это время собираются у пылающих костров и смоляных бочек и поют следующую песню:

Иван да Марья
На горе купались;
Где Иван купался,
Берег колыхался,

Где Марья купалась –
Трава расстилалась.

Специалисты считают, что здесь однозначно речь идет о купании Перуна и Лады в дождевых потоках на небесной горе. Перун потрясал землю громовыми раскатами, а Лада растила на полях травы. Такое толкование подтверждается другой купальной песней, в которой говорится, как "в озере сам Бог купался с дитятками-судитками". День Купальщицы (христианский аналог – Аграфена) посвящается собиранию лекарственных трав. Особым уважением пользовалась купаленка или купальница (желтого цвета), а также цветок Иван-да-Марья. На этих цветах сельские парились в банях, чтобы смыть с себя худобу и болезни.

С именами Ивана и Марьи (Купала и Купальщицы) связывали и уборку хлеба. Это видно из купальской песни:

Ой! Чье то жито под горою стояло?
Иванкове жито под горою стояло,
Под гору зелененок, по месяцу видненко.
Молодая Маричка ходит жито жати:
"Молодой Иванко! Не умею я жати". –
"Когда я тебя возьму, жито жати научу!"

Когда лето шло на убыль, праздновали похороны Костромы, Лады и Ярилы. В старину эти праздники принадлежали к купальским игрищам. Но христианство их сдвинуло на более поздний срок (чтобы праздники не совпадали с христианским постом). Так, в некоторых местах накануне 29 июня сельские зажигали костры, а наутро следующего дня наблюдали игру восходящего солнца. Что касается похорон Костромы, то в Пензенской и Симбирской губерниях они совершались следующим образом. Вначале девицы избирали ту, которая должна была представлять собой Кострому. К ней подходили с поклонниками, клали на доски и с песнями несли к реке. Там ее (Кострому) начинали купать. Старшая из девушек из лубка делала лукошко и била в него, как в барабан. После этого возвращались в деревню и заканчивали день в хороводах и играх.

В Муромском уезде все проходило по-иному. Кострому представляла кукла, сделанная из соломы. Ее наряжали в жен-

ское платье и цветы. Клали куклу в корыто и с песнями относили на берег реки или озера. Все участники праздника делились на две группы. Одни защищали куклу, а другие нападали и старались овладеть ею. Должны были победить нападающие. Они хватали куклу, срывали с нее платья и перевязи, солому же топтали ногами и бросали в воду. Побежденные предавались неутешному горю. Они закрывали лица свои руками и оплакивали смерть Костромы. Кукла изготовлялась не только из соломы, но и из сорных трав и прутьев. Поэтому ее и называли Костромой. Кострома означает прут, розгу, растущие во ржи сорные травы. Она означает также костер (траву метлицу), костеря – жесткая кора растений, пригодных для пряжи и т.п.

На Украине Кострому звали Кострубом. При ее похоронах пели:

Помер, помер Кострубонько,
Сивый, милый голубонько!...

ЗАГОВОРЫ

В прошлом веке ученые в России обстоятельно изучали древние традиции дохристианской (ведической) Руси. Было проведено множество экспедиций в глубинку, результаты печатались в солидных научных изданиях. Мы приводим только незначительную часть этого материала с тем, чтобы читатель получил хотя бы некоторое представление о традициях наших предков, о наших традициях. В прошлом веке профессор М. Забылин с огорчением писал: «...сейчас мало говорят об обычаях и образе жизни наших предков, почему бытовая сторона нашего народа в своем прошлом почти утеряна для нас». Он пытался исправить положение и издал в 1880 году книгу «Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия». Бесценная книга! Бесценная для тех, кто хочет понять свои корни, свой народ, свою основу. Эта книга, как и то из нее, что мы приводим ниже, не адресована практикам. Изучаемые учеными заговоры, гадания и другие обычаи, часть из которых приводится здесь, имеют дохристианское происхождение. Но за соучастие язычеству по царскому указу полагалась смертная казнь. Своих богов человек мог называть только шепотом и то оглядываясь. Поэтому в текстах для печати фигурируют христианские святые. Церковь пристегнула Иоанна Крестителя к Купале и получила праздник Ивана Купалы, заменила Небесную Мать – Рожаницу на Богоматерь, Богородицу и т.д. Обо всем этом мы весьма убедительно писали выше, поэтому нет смысла повто-

ряться. Отметим только одно — обращения к христианским святым (в тексте они выделены полужирным текстом) были добавлены в заговоры под страхом смерти. Сами же заговоры существовали задолго до крещения Руси.

ЗАГОВОРЫ ОТ ИСТЕЧЕНИЯ КРОВИ

1. Знахарь крепко сжимает указательным и большим пальцем рану и произносит до трех раз, отплевываясь после каждого раза в правую сторону: "Дерн дерись, земля крепись, а ты, кровь, у раба (имя рек) уймись", или же говорит так: "На море Океане, на острове на Буяне, девица красным шелком шила; шить не стала, руда (кровь) перестала". Эти слова тоже говорятся три раза, не переводя духа, а иначе кровотечение может усилиться.

2. *Чтобы не шла кровь из раны.* При порубе или при других случаях, когда кровотечение считается опасным, три раза наговаривают шепотом следующие слова и после каждого раза на рану сплевывают:

Лягу благословясь, стану перекрестясь; выйду из дверей в двери, из ворот в ворота; погляжу в чистое поле, едет из чистаго поля богатырь, везет вострую саблю на плече, сечет и рубит он по мертвому телу, не тече ни кровь, ни руда из энтова мертвого тела.

3. *Заговор от крови. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь.* Доселева было при Агарян царе, небо медно и земля железна и не дала плоду от себя. Как утихнулись и ужажнулись реки и ручьи и малые источники, так бы утихнулась у раба Божия Н. кровь горячая и щепота, и ломота, в много пособляешь всем моим словом, как ключ небо, а замок земля, **аминь, аминь, аминь.**

4. *Заговор от пореза.* На море на Океане, на острове на Буяне лежит горюч камень Алатырь, на том камне, Алатыре, сидит красная девица, швея мастерица, держит иглу булатную, вдевает нитку шелковую, руда желтую, зашивает раны кровавые. Заговариваю я раба (такого-то) от порезу. Булат прочь отстань, а ты, кровь, течь перестань.

5. *От истечения крови.* В Мещовском уезде над обрезанным или порубленным местом знахари говорят три раза: "Летит ворон чрез Черное море, несет нитку шелковинку; ты нитка оборвись, а ты кровь уймись". После того каждый раз дуют на порезанное место.

6. *Заговорить кровь.* Фу ты, Боже мой! ни крови, ни раны, чистая рана, ни синей опухоли. Ни ножом не секлося, ни топором, никаким инструментом, и нет у раба Божия (имя рек) ни щипоты, ни ломоты, ни синей опухоли".

7. *Чтобы не шла кровь из раны.* Конь млад, человек стар. Ты, руда, стань, более не капь у раба Божия (имя рек).

8. *Чтобы не шла кровь из раны.* Баба шла по дороге, собаку вела за собой; баба пала, собака пропала; руда стань, больше не кань.

9. *Если какой-либо человек посетит что-нибудь у себя, то заговаривают кровь или щипоту.* Стану я, **раб Божий** (имя рек), благословясь, пойду перекрестясь из избы дверьми, из двора воротами, в чистое поле за воротами. В чистом поле стоит свят окиан-камень, на святом окиан-камне сидит красная девица с шелковой ниткой, рану зашивает, щип унимает и кровь заговаривает у **раба Божия** (имя рек), и чтобы не было ни щипоты, ни ломоты, ни опухоли, тем моим добрым словом ключ и замок отныне до веку, **аминь.**

ЗАГОВОРЫ ОТ ТОСКИ

1. *Заговор от тоски.* На море на Кияне, на острове на Буяне, на полой поляне, под дубом мокрецким сидит раб Божий (имя) тоскуя, кручинится в тоске неведомой и в грусти недознаемой, в кручине недосказанной. Идут 8 старцев со старцем незванных, непрощенных; гой ты, еси раб Божий (имя), со утра до вечера кручинный ты, что, по что сидишь такой на полой поляне, на острове Буяне, на море Кияне! И рече раб Божий (имя) 8 старцам со старцем: нашла беда среди околицы, залегла во ретиво сердце; щемит, болит головушка, не мил свет ясный, постыла вся родушка. Воззовиши всем старцем со старцем грозным грозно, начали ломать тоску, бросать

тоску за околицу, кидма кидалась тоска, от востока до запада, от реки до моря, от дороги до перепутья, от села до погоста; нигде тоску не приняли, нигде тоску не укрыли; кинулась на остров на Буян, на море на Окиан, под дуб мокрецкой. Заговариваю я раба (имя) от наносной тоски, по сей день, по сей час, по сию минуту, слово мое никто не превозможет не аером, ни духом.

2. *Заговор матери от тоски по родному сыну.* Разрыдалась я родная, раба (такая-то), в высоком тереме родительском с красной утренней зари во чисто поле гляючи, на закат ненаглядного дитятки, своего яснаго солнышка (такого то). Досидела я до поздней вечерней ночи, до сырой росы, в тоске, в беде. Не взмилилось мне крушить себя, а придумалось мне заговорить тоску лютую, гробовую. Пошла я во чисто поле, взяла чашу брачную, вынула свечу обручальную, достала платъ венчальный, почерпнула воды из загорнаго студенца; стала я среди леса дремучаго, очертилась чертою прозорочною, и возговорила зычным голосом: Заговариваю я своего ненаглядного дитятку (такого-то) над чашею брачною, над свежею водою, над платом венчальным, над свечею обручальною. Умываю я своего дитятку во чистое личико, утираю платом венчальным его уста сахарные, очи ясные, чело думное, ланиты красныя, освещаю свечею обручальною его становой кафтан, его осанку соболиную, его подпоясь узорчатую, его коты шитые, его кудри русые, его лицо молодецкое, его поступь борзую. Будь ты, мое дитятко наглядное, светлее солнышка яснаго, милее вешняго дня, светлее ключевой воды, белее яраго воска, крепче камня горячаго Алатыря. Отвожу я от тебя: черта страшнаго, отгоняю вихоря бурнаго, отдаляю от лешаго одноглазаго, от чужаго домоваго, от злаго водянаго, от ведьмы Киевской, от злой сестры ея Муромской, от моргуни русалки, от треклятыя бабы-яги, от летучаго змея огненнаго, отмахиваю от ворона вечаго, от вороны каркуньи, защищаю от кашея ядуна, от хитраго чернокнижника, от заговорнаго кудесника, от яраго волхва, от слепаго знахаря, от старужи-ведуны, а будь ты, мое дитятко, моим словом крепким в ноши и в полуноши, в часу и в полчасьи в пути и дороженьке, во сне и на яву укрыт от силы вражий, от нечистых духов, сбережен от смерти напрас-

ныя, от горя, от беды, сохранен на воде от потопления, укрыт в огне от сгорания. А придет час твой смертный и ты вспомани, мое дитятко, про нашу любовь ласковую, про наш хлеб-соль роскошный; обернись на родину славную, ударь ей челом седмерижды семь, распростись с родными и кровными, припади к сырой земле и засни сном сладким, непробудным. А будь мое слово сильнее воды, выше горы, тяжелее золота, крепче горячаго камня Алатыря, могучее богатыря. А кто вздумает моего дитятко обморочить и узорочить, и тому скрыться за горы Аратския, в бездны преисподния, в смолу кипучую, в жар палячий. А будут его чары, морочанье его – не в морочание, узорочание его – не в узорочание.

3. *Заговор матери в наносной тоске своей дитятки.* На море на Океане, на острове на Буяне, на полой поляне, под дубом мокрецким, сидит девица красная, а сама-то тоскуется, а сама-то кручинится, во тоске неведомой, во грусти недознаемой, во кручине недосказанной; идут семь старцев со старцем, незванных, непрошенных. Гой, ты еси девица юная, со утра до вечера кручинная! Ты что, по что сидишь на полой поляне, на острове на Буяне, на море на Океане? И рече девица семи старцам со старцем: нашла беда среди околицы, залегла во ретиво сердце, щемит, болит головушка, не мил и свет ясный, постыла вся родушка. Возопиша семь старцев со старцем грозным-грозно, учили ломать тоску за околицу; кидма кидалась тоска от востока до запада, от реки до моря, от реки до перепутья, от села до погоста, и нигде тоску не укрыли; кинулась тоска на остров на Буян, на море на Окиан, под дуб мокрецкой. Заговариваю я родная матушка (такую-то) свою ненаглядную дитятку (такую-то) от наносной тоски по сей день, по сей час по сию минуту. Слово мое никто не превозможет ни аером, ни духом.

4. *Заговор красной девицы от тоски.* От востока до запада, от севера до юга, от реки до моря, от пути до перепутья, пролегал путь-дороженька, всем дорогам старшая и большая, по той дорожке шли **дщери Иродовы**, несли во руках пруты ивовы, а шли они в мир кости сушить, тело знобить, недугами мучить. От востока до запада, от севера до юга, от реки до моря, на путях и перепутьях выросла травушка со муравуш-

кой, на той травушке со муравушкой сидела тоска со кручиной, а сидели они да подумывали: как бы людей крушить, сердца шемить, света не возлюбить.

От востока до запада, от севера до юга, от реки до моря, среди белокаменной Москвы стоит терем боярский, в том тереме боярском сидит во тоске красная девица по неизвестной беде.

Вы, **дщери Иродовы**, не ходите по пути по дороженьке на мир кости знобить, тело сушить, людей мучить, а идите вы во чисто поле на травушку со муравушкой, что на ту травушку, где сидит тоска со кручиной, и велите вы тоске со кручиной, чтобы они изгнали из ретива сердца красной девицы, у раба (такого-то), наносную тоску, а не покорится вам тоска, ино вы учините бить во прутья ивовые. Заговариваю сим моим заговором крепко на крепко; а кто мой заговор возодолеет, и ему провалиться сквозь тар-тарары.

ЗАГОВОРЫ ВОИНСКИЕ

1. *Заговор от пищалей и стрел.* За дальними горами есть Окиан-море железное, на том море есть столб медный, на том столбе медном есть пастух чугунный, а стоит на столбе от земли до неба, от востока до запада, завещает и заповедывает тот пастух своим детям: Железу, укладу, булату красному и синему, стали, меди, проволоку, свинцу, олову, серебру, золоту, камням, пищалям и стрелам, борцам и кулачным бойцам, большой завет: Подите вы железо, камень и свинец в свою мать землю от раба (такого-то), а дерево к берегу, а перья в птицу, а птицу в небо, а клей в рыбу, а рыба в море, сокройтесь от раба (такого-то), а велит он ножу, топору, рогатине, кинжалу, пищалям, стрелам, борцам быть тихим и смирным. А велит он не давать выстреливать на меня всякому ратоборцу из пищали, а велит схватить у луков тетивы и бросить стрелы в землю. А будет мое тело крепче камня, тверже булату, платье и колпак крепче панцыря и колчути. Замыкаю свои словеса замками, бросаю ключи под бел-горючь камень Алатырь. А как у замков смычи крепки, так мои словеса крепки.

2. *Заговор от ратных орудий.* Летел орел из-за Хвальнскаго моря, разбросал кремни и кремницы по крутым берегам, кинул громовую стрелу во сыру землю. И как отродилась от кремня и кремницы искра, от громовой стрелы-полымя, и как выходила грозная туча, и как проливал сильный дождь, что им покорились и поклонились селитра, порохов смирным смирнехонько. Как дождь воды не пробил, так бы меня (такого-то) и моего коня искры и пули не пробивали, тело мое было бы крепче белого камня. И как от воды камни отпрядывают и пузыри отскакивают, так бы от ратных орудий прядали от меня стрелы и порох-селитра. Слово мое крепко!

3. *Заговора от пуль свинцовых, медных, каменных.* В высоком терему в понизовском, за рекою Волгою, стоит красная девица, стоит, покращается, добрым людям похваляется, ратным делом красуется. В правой руке держит пули свинцовые, в левой медные, а в ногах каменные. Ты, красная девица, отбери ружья: турецкия, татарския, немецкия, черкесския, мордовския, всяких языков и супостатов, заколоти ты своею невидимою рукою ружья вражия. Будет ли стрелять из ружья, и их пули были бы не в пули; а пошли ты эти пули во сыру землю, во чисто поле. А был бы я на войне невредим, и мой конь был бы цел и невредим; а была бы моя одежда крепче панцыря. Замыкаю мои приговорныя словеса замком; и ключ кидаю в Окиан-море под горючь камень Алатырь. Как морю не усыхать, камня не видать, ключей не доставать, так меня пулям не убивать до моего живота по конец века.

4. *Заговор на железо, уклад, сталь, медь.* Мать сыра земля, ты мать всякому железу, а ты железо поди в свою мать землю, а ты древо, поди в свою мать древо, а вы перья подите в свою мать птицу, а птица полети в небо, а клей побегу в рыбу, а рыба поплыви в море; а мне бы рабу (такому-то) было бы просторно по всей земле. Железо, уклад, сталь, медь на меня не ходите бороться ушами и боками. Как мятелища не может прямо летать, так бы всем вам немочно ни прямо, ни тяжело падать на меня и моего коня и приставать ко мне и моему коню. Как у мельницы жернова вертятся, так бы железо, уклад, сталь и медь вертелись бы кругом меня, а в меня не

попадали. А тело бы мое было от вас не окровавлено, душа не осквернена. А будет мой приговор крепок и долог.

5. *Заговор ратного человека, идущаго на войну.* Выкатило красное солнышко из-за моря Хвалынскаго, выходил месяц из-под синя неба, собирались облака из далека, собирались сизы птицы во град каменный, а в том граде каменном породила меня мать родная (такая-то), а рожая, приговаривала: будь ты мое дитятко цел и невредим, от пушек, пищалей, стрел, борцов, кулачных бойцов: бойцам тебя не требовать, ратным орудиям не побивать, рогатиною и копием не колоть, топором и бердышем не сечь, обухом тебя бить – не убить, ножом не уязвить, старожилым людям в обман не вводить, молодым парням ничем не вредить, а быть тебе перед ним соколом, а им дроздами. А будь твое тело крепче камня, рубаха крепче железа, грудь крепче камня Алатыря; а будь ты: в доме добрым отцом, во поле молодцом, в рати удалцом, в миру на любованье, на брачном пиру без малаго ухищренья, с отцем с матерью во миру, с женою во ладу, с детьми во согласии. Заговариваю я свой заговор матерним заповеданьем; а быть ему во всем, как указано, во веки ненарушимо. Рать могуча, мое сердце ретиво, мой заговор всему – превозмог.

6. *Заговор ратного человека, идущаго на войну.* Выхожу я во чистое поле, сажусь на зеленый лугъ, во зеленом лугу есть зелья могучия, а в них сила видима-невидимая. Срываю три былинки: белыя, черныя, красныя. Красную былинку метать буду за Окиан-море, на остров на Буян, под меч кладенец; черную былинку покачу под черного ворона, того ворона, что свил гнездо на семи дубах. а во гнезде лежит уздечка бранная с коня богатырскаго; белую былинку заткну за пояс узорчатый, а в поясе узорчатом зашить, завить колчан с каленой стрелой, с дедовской, татарской. Красная былинка притащит мне меч кладенец, черная былинка достанет уздечку бранную, белая былинка откроет колчан с каменной стрелой. С тем мечем отобью силу чужеземную, с той уздечкой обратю коня яраго, с тем колчаном, со каленой стрелой, разобью врага супостата. Заговариваю я ратнаого человека (такого то) на войну с сим заговором. Мой заговор крепок, как камень Алатырь.

7. *Заговор ратного человека, идущаго на войну.* Под морем под Хвалынским стоит медный дом, а в том медном доме закован змей огненный, а под змеем огненным лежит семипудовый ключ от княжева терема Володишрова, а во князем тереме Володишровом сокрыта сбруя богатырская, богатырей Ноугородских, соратников молодеческих. По Волге широкой, по крутым берегам, плывет лебедь княжая со двора княжева. Поймаю я ту лебедь, поймаю я ту лебедь, поймаю, схватаю. Ты, лебедь, полети к морю Хвалынскому, заклюй змея огненнаго, достань ключ семипудовой, что ключ от княжева терема, терема Володимирова. Не моим крыльям долетать до моря Хвалынскаго, не моей мочи расклевать змия огненнаго, не моим ногам дотащить семипудовый ключ. Есть на море на Окиане, на острове на Буяне ворон, всем воронам старший брат; он долетит до моря до Хвалынскаго, заклюет змея огненнаго, притащит ключ семипудовой; а ворон посажен злою ведьмою Киевскою. Во лесу стоячем, во сыром бору стоит избушка, ни шитая, ни крытая, а в избушке живет злая ведьма Киевская. Пойду ль я в лес стоячий, в бор дремучий, взойду-ль я в избушку ко злой ведьме Киевской. Ты, злая ведьма Киевская: вели своему ворону слетать под море Хвалынское, в медном доме заклевать змея огненнаго, достать семипудовый ключ. Заупрямилась, закорачилась злая ведьма Киевская о своем вороне. Не моей старости бродить до моря до Окиана, до острова до Буяна, до черного ворона. Прикажи ты моим словом заповедным достать ворону тот семипудовой ключ. Разбил ворон медный дом, заклевал змея огненнаго, достал семипудовой ключ. Отпираю я тем ключем княжой терем Володимиров, достаю сбрую богатырскую, богатырей Ноугородских, соратников молодеческих. В той сбруе не убьют меня ни пищали, ни стрелы, ни бойлы, ни борцы, ни казанская, ни татарская рать. Заговариваю я раба (такого-то) ратного человека, идущаго на войну сим моим крепким заговором. Чур слову конец, моему делу венец!

8. *Заговор ратного человека, идущаго на войну.* На море на Окиане, на острове на Буяне сидит добрый молодец, по неволе заточен. К тебе я прихожу, добрый молодец, с топоричесем. Выдают меня родные братья во княжью рать, одинокаго,

неженатаго, а во княжей рати мне по добру не жити. Заговори меня своим молодецким словом. Рад бы стоять в поли за тебя горькаго сиротину, да крепка моя неволя, да горька моя истома. Заговариваю я раба (такого-то) идти на войну во всем потому, как заповедал мне родной отец. А будешь ты ратным человеком, ино будь сбережень: от топора, от бердыша, от пищали, от татарской пики, от краснаго булата, от борца, единоборца, от бойца врага-супостата, от всей поганой, татарской силы, от казанской рати, от литовских богатырей, от черных Божлих людей, от бабьих зазор, от хитрой немочи, от всех недугов. И будетъ тебе топор не в топор, бердыш не в бердыш, пищаль не в пищаль, татарская пика не в пику, поганая татарская сила не в силу, казанская рать не в рать, черные Божие люди не в люди, бабки зазоры не в зазоры, богатыри не в богатыри, недуги не в недуги. Кручусь, верчусь от топоров, бердышей, пищалей, пик, бойцов, борцов, татарской силы, казанской рати, черных Божьих людей. Отмахнусь по сей век, по сей час, по сей день.

9. *Заговор ратнаго человека, идущаго на войну.* Встану я рано, утренней зарей, умоюсь холодной водой, утрусь сырой землей, завалюсь за каменной стеной, Кремлевской. Ты, стена Кремлевская! бей врагов супостатов, джожих татар, злых татарченков, а был бы я из нея цел, невредим. Лягу я поздно, вечерней зарей, на сырой заре, во стану ратном; а в стану ратном есть могучи богатыри княжей породы, из дальних стран, со ратной русской земли. Вы богатыри могучи, перебейте татар, полоните всю татарскую землю; а я был бы из-за вас цел и невредим. Иду я во кровавую рать татарскую, бью врагов и супостатов; а был бы я цел и невредим. Вы, раны тяжелья; не болите; вы раны бойцов меня не губите, вы пищали меня не десятерите, а был бы я цел и невредим. Заговариваю я (раба такого-то) ратнаго человека, идущаго на войну, сим моим крепким заговором. Чур слову конец, моему делу венец!

10. *Заговор ратнаго человека, идущаго на войну.* Завяжу я раб (такой-то), по пяти узлов всякому стрельцу немирному, неверному на пищалах, луках и всяком ратном орудии. Вы, узлы, заградите стрельцам все пути и дороги, замените все пищали, опутайте все луки, повяжите все ратныя орудия. И

стрельцы бы из пищалей не били, стрелы бы их до меня не долетали, все ратныя орудия меня не побивали. В моих узлах сила могуча, сила могуча змеиная сокрыта, от змия двудесять главаго, того змия страшнаго, что прилетел со Окиан-моря, со острова Буяна, со меднаго дома, того змия, что убить двудесятью богатырями под двудесятью дубами; в моих узлах зашиты моей мачихою змеиныя головы. Заговариваю я раба (такого-то) ратнаго человека, идущаго на войну моим крепким заговором, крепко накрепко.

ЗАГОВОРЫ ЛЮБОВНЫЕ

1. *Заговор молодца на любовь красной девицы.* На море на Окиане, на острове на Буяне лежит тоска; бьется тоска, убивается тоска, с доски в воду, из воды в польмя, из польмя выбегал сатанина, кричит: "Павушка Романея, беги поскорее, дуй раб (такой-то) в губы, в зубы, в ея кости и пакости, в ея тело белое, в ея сердце ретивое, в ея печень черную, чтобы раба (такая-то) тосковала всякий час, всякую минуту, по полудням, по полуночам; ела бы не заела, пила бы не запила, спала бы, не заспала, а все бы тосковала, чтоб я ей был лучше чужаго молодца, лучше роднова отца, лучше родной матери, лучше роду племени. Замыкаю свой заговор семьюдесятью семью замками, семьюдесятью семью цепями, бросаю ключи в Окиан море, под бел горюч камень Алатырь. Кто мудреней меня взыщется, кто перетаскает песок из всего моря, тот отгонит тоску.

2. *Заговор для любви.* Исполнена еси земля дивности. Как на море, на Окиане на острове на Буяне есть горюч камень Алатырь, на том камне устроена огнепальная баня; в той бане лежит разжигаемая доска, на той доске тридцать три тоски. Мечутся тоски, кидаются тоски и бросаются тоски из стены в стену, из угла в угол, от пола до потолка, оттуда чрез все пути и дороги и перепутья, воздухом и аером. Мечитесь тоски, киньтесь тоски в буйную ея голову, в тыл, в лик, в ясные очи, в сахарные уста, в ретиво сердце, в ея ум и разум, в волю и хотенье, во все ея тело белое, и во всю кровь горячую, и во

все кости, и во все суставы, в 70 суставов, полусуставов и подсуставов; и во все ея жилы, в 70 жил, полужил и поджилков, чтобы она тосковала, горевала, плакала бы и рыдала во всяк день, во всяк час, во всякое время; нигде б пробыть не могла, как рыба без воды. Кидалась бы, бросалась бы из окошка в окошко, из дверей в двери, из ворот в ворота, на все пути и дороги, и перепутья с трепетом, туженьем, с плачем и рыданием, зело спешно шла бы и рыдала и пробыть без того ни минуты не могла. Думала б об нем не задумала, спала б не заспала, ела бы не заела, пила б не запила и не боялась бы ничего, чтоб он ей казался милее свету белаго, милее солнца пресветлаго, милее луны прекрасныя, милее всех, и даже милее сна своего во всякое на молоду, под полнь, на перекрое и на исходе месяца. Сие слово есть утверждение и укрепление, им же утверждается и укрепляется, и замыкается. Аще ли кто от человек, кроме меня, покусится отмыкать страх сей, то буди, яко червь в свинце ореховом. И ничем, ни пером, ни воздухом, ни бурей, ни водою дело сие не отмыкается.

3. *Заговор поллюбовного молодца на любовь красной девицы.* За морем, за Хвалынским, во медном городе, во железном тереме сидит добрый молодец, заточен во неволе, закован в семьдесят семь цепей, за семьдесят семь дверей, а двери заперты семьюдесятью замками, семьюдесятью крюками. Никто добра молодца из неволи не ослобонитъ, никто добра молодца до сыта не накормитъ, до пьяна не напоит. Приходила к нему родная матушка (такая-то) во слезах горючих, поила молодца сытой медовой, кормила молодца белоснеговой крупой, а кормивши молодца сама приговаривала: не скакать бы молодцу по чисту полю, не искать бы молодцу чужой добычи, не свykаться бы молодцу с буйными ветрами, не радоваться бы молодцу на рать могучу, не пускать бы молодцу калену стрелу по поднебесью, не стрелять бы во белых лебедей, что лебедей княжиих, не доставать бы молодцу меч кладенец врага-супостата; а жить бы молодцу во терему родительском, со отцем, со матерью, с родом-племенем. Уж как возговорит добрый молодец: не чисто поле меня стубило, не буйны ветры занесли на чужую добычу, не каленой стрелой доставал я белых лебедей, не мечем-кладенцем хотел я достать врагов-супостатов, а

стубила молодца воля молодецкая, во княжем терему над девицей красной (такой-то). Заговариваю я, родная матушка (такая-то) поллюбовного молодца (такого-то) на любовь красной девицы (такой-то). Вы ветры буйные, распорите ея белу грудь, откройте ея ретиво сердце, навеите тоску со кручиною; чтобы она тосковала и горевала: чтобы он ей был милее своего лица, светлее яснаго дня, краше роду племени, приветливее отца с матерью; чтобы он казался во сне и на яву, в день и полдень, в ночь и полночь; чтобы он ей был во пригожество красное, во любовь залучную; чтобы она плакала и рыдала по нем, и без него бы радости не видала, утех не находила. Кто камень Алатырь изложет, тот мой заговор превозможет. Моему слову конец на любовь красной девицы (такой-то).

4. *Заговор на любовь.* На море на Окиане есть бел горючъ (светящийся) камень Алатырь, никем неведомой, под тем камнем сокрыта сила могуча, и силы нет конца, выпускаю я силу могучу (на такую-то) красную девицу; сажаю я силу могучу во все суставы, полусуставы, во все кости и полукости, во все жилы и полужилы, в ея очи ясны, в ее щеки румяны, в ея белу грудь, в ея ретиво сердце, в утробу, в ея руки и ноги. Будь ты, сила могуча в (такой-то) красной девице неисходно; а жги ты, сила могуча, ея кровь горючую, ея сердце кипучее на любовь к (такому-то) поллюбовному молодцу. А была бы красная девица (такая-то) во всем послушна поллюбовному молодцу (такому-то), на всю его жизнь. Ничем бы красная девица не могла отговориться ни заговором, ни приговором, и не мог бы ни стар человек, ни млад отговорить ее своим словом. Слово мое крепко, как бел горючъ камень Алатырь. Кто из моря всю воду выпьет, кто из поля всю траву выщиплет, и тому мой заговор не превозмочь, силу могучу не увлечь.

5. *Как приворотить девку.* Наговор на прянике. Истопи баню жарко и войди в нее; когда взопреешь, возьми чистую тряпицу, сотри пот и выжми тряпицу на пряник. Когда станешь пот стирать, тогда глаголи трижды сей заговор:

На море на Окиане, на острове на Буяне, стояло древо; на том древе сидело семьдесятъ, как одна птица; эти птицы щипали вети (ветви), эти вети бросали на землю; эти вети подбирали бесы и приносили к Сатане Сатановичу. Уж ты худ

бес! кланяюсь я тебе и поклоняюсь, — сослужи мне службу и сделай дружбу: зажги сердце (имя рек) по мне (имя рек) и зажги все печенья и легкое, и все суставы по мне (имя рек), буди мое слово крепко, крепче трех булатов во веки! (Вели пряник съест).

6. *Заговор на любовь девушки.* лягу я, **раб Божий** (имя рек) помолясь и встану перекрестясь, и пойду я из дверей в двери, из ворот в ворота, в чистое поле, под чистыя звезды, под лунь (луну) Господень. И лежат три дороги: и не пойду, ни на право, ни на лево; пойду по средней дороге, и та дорога лежит через темный лес. В темном лесу стоит древо тоски; тоскует и горюет тоска, печалится и поселяю я ту тоску в **рабу Божию** (имя рек); взойди в ея белое тело и в ретиво сердце, и в русыя косы, в кровь горячую — в руду кипучую, чтобы она по **рабе Божию** (имя рек) тосковала, и все бы она обо мне думала; в питье бы она не запивала, в естве бы она не заедала, во сне бы она не засыпала и завсегда бы она меня, **раба Божия**, на уме держала. Как солнцу и месяцу помехи нет, так бы и моему заговору помехи не было. **Аминь, аминь, аминь.**

7. *Слова присушить девицу.* **Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.** Стану, **раб Божий**, благословясь, пойду перекрестясь, выйду в чистое поле, в широкое раздолье; навстречу мне, среди чистаго поля и широкаго раздолья семьдесят буйных ветров, семьдесят вихоров и семьдесят ветрович и семьдесят вихорович. Пошли они на святую Русь зеленаго лесу ломать, и на поле из корени вон воротить, и пещеры каменныя разжигать. И тут, я, **раб Божий** (имя рек) помолюсь им и поклонюсь: о вы, есте 70 буйных ветров, 70 вихров, и 70 ветрович и 70 вихорович. Не ходите вы на святую Русь, зеленаго лесу ломать, из корней вон воротить и пещеры каменныя разжигать, подьте вы, разожгите у **рабы Божией** (имя рек) белое тело, ретивое сердце, памятную думу, черную печень, горячую кровь, жилы и суставы, и всю ей, чтобы она **раба Божия** (имя рек) не могла бы ни жить, ни быть, ни пить, ни исть, ни слова говорить, ни речи творить без меня **раба Божия**, (имя рек). Как меня она, **раба Божия** (имя рек) увидит, или глас мой услышит, то бы радовалось ей (ея) белое тело, ретивое сердце, памятная дума, черная печень, горячая кровь, кости и жилы,

и все у ней суставы веселились. И как ждет народ Божия владычнаго праздника **Светлаго Христова Воскресения** я звону колокольного, так бы она, **раба Божия** (имя рек), дожидалась: на который день она мена не увидит, или гласа моего не услышит, так бы она сохла, как кошенная трава с поля; как не может быть рыба без воды, так бы не могла бы быть она без меня, **раба Божия** (имя рек). Тем моим словам и речам ключевыя слова, **аминь, аминь, аминь.**

8. *На присушение.* **Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, аминь.**

На Русской и на Немецкой земле есть огненный царь, высушил реки и озера, и мелкия источники, и как в нынешних ветрах (высушил) так бы сохла **раба Божия Н.** по **рабу Божию Н.** двадцати четырех часу денных и ночных, на новом месяце и на перекрох месяце, и во вся меженны (промежуточные) дни; и не могла бы ни жить и ни быть, ни есть **раба Божия Н.**, без меня **раба Божия Н.**: в семидесяти суставах и в семидесяти жилах, в подпятное жилие и в подколенном жилие, и в пространной жиле, в... и везде бы сохло и болело, по мне, **рабе Божию Н.** Еще есть в чистом поле стоит Феоклист, да все высохло; днем на солнце, а ночью при месяце и при частых звездах, и при частых дождиках в семидесяти суставах, и в семидесяти жилах, и в подколенном жилие, и в пространной жиле, в... и везде бы сохло у **рабы Божией Н.** Двадцать четыре часу ночных и дневных, на утренней заре, на вечерней заре, на новце месяце и на ветхи месяце, и на перекрой месяце, во вся меженные дни, не могла бы она, **раба Божия Н.**, без меня, р. Б. Н. ни жить, ни быть. Есть в чистом поле, печь медная, наложено дров дубовых, как от тех дров дубовых сколь жарко разгорается, и так бы разгоралось у рабы Б. Н., по мне рабу Б. Н., 24 часу денных и ночных, на новце месяце и на ветху месяце, во вся меженные дни, не могла бы она р. Б. без меня ни жить и ни быть. Всем моим словам ключ и замок, **аминь, аминь, аминь.**

Трижды плкнь, а говорить на соль, или на пиво, или на пряник, или на вино.

9. *Присушить девку.* Выйду я на улицу, на Божий свет, посмотрю в чисто поле. В чисто поле есть 77 медных, светлых

каленных печей, на 77 на медных, на светлых каленых печах по 77 яги-бабь, у тех у 77 яги-бабь есть по 77 дочерей, у тех у 77 дочерей есть по 77 клук и по 77 метель. Помолюся и покорюся я, р. Б. Н., этим яги-бабовым дочерям: "ой еси! вы яги-бабовы дочери, присушите в прилуците рабу Б. Н. к рабу Б. Н., метлами следы запашите, клуками заключите, бейте, убивайте подпятную жилу, бейте убивайте подколенную жилу, бейте убивайте корекористый дуб, бейте убивайте медны калены печи. Коль горят пылко и жарко медныя печи, так же бы раба Б. (имя рек) пеклась и калилась во всякое время, во всяк час, утра рано, вечера поздно, о середки дня, о полуноци, о утренней заре и на вечерней, на нову и на ветху месяцу, и на перекрое месяц; не могла бы она р. Б. Н. ни жить, ни быть, ни пить, ни исть, во сне не засыпала, в питии не запивала, во еде не заедала, с добрыми людьми во беседы не засиживала, все меня, р. Б. Н., на уме держала; и казался бы я, р. Б. Н., светлее месяца, краснее красна солнышка, любе отца, матери, толще и матерей всего миру **крещенаго**. Ветры ветроцки, буйны вихроцки, спущу я с вами свои слова, свою статью, на свою сторону, где ее найдете, тут ее возьмите, на широкой улице, во мшаной хоромине, во дверях, воротичках.

10. *На разжение сердца у девицы.* Стану я не благословясь, пойду не перекрестясь, из избы не дворами, из двора не воротами, в чисто поле. В том поле есть Окиан-море, в том море есть Алатырь камень, на том камне стоит столб от земли до неба огненный, под тем столбом лежит змея жгуча, опалюча. Я той змее поклонюсь и покорюсь: Ой еси, ты змея! не жги, не пали меня, полетай под восточну сторону, в высок терем, в новый покой (покой), пухову перину, шелкову подушку, к девице Н., разожги и распали у той девицы белое твло, ретивое сердце, черную печень, горячую кровь, все подпятныя и занокотныя жилы; чтобы она, девица Н., не могла ни жить, ни быть, часу часовать и минуты миновать; по утру вставала — обо мне бы вздыхала, пошла ко мне бы Н., величала, ни с кем бы она думы не думала, мысел не мыслила, плоду не плодила, плодовых речей не говорила, ни с отцем бы, ни с матерью, ни с родом, ни с племенем, кроме меня, р. Б. Н., все бы она, девица Н., со мной, р. Б. Н., думу думала, мысли

мыслила, плод плодила, плодовые мысли говорила, на ветку и на нову месяцу, и на перекрой месяцу. Будьте те мои слова, недоговорены, переговорены, все сполна говорены, ключ сим словом в зубы, замок — в рот.

11. *На разжение девичьего сердца.* Встану я, раб Божий (имя рек), благословясь, пойду перекрестясь, из избы дверями, из двора воротами, в чистое поле, погляжу и посмотрю под восточную сторону; под восточной стороной стоят есть три печи. Печка медна, печка железна, печка кирпична. Как он разожглись распалились от неба до земли, разжигаются небо и земля и вся подвселенная, так бы разжигало у р. Б. (имя рек) к рабу Божию (имя рек) легкое и печень, и кровь горячу, не можно бы ей ни жить, ни быть, ни пить, ни исть, ни спать, ни лежать, все на ум — в меня держать. Недоговорены, переговорены, прострелите мои слова, пуще востраго ножа и рысьяго когтя.

12. *Слова, тоску напустить, присушить девок.* Четыре зарницы, четыре сестрицы: первая Марья, вторая Марфа, третья Марина, четвертая Макрида; подьте вы, съмайте тоску и великую печаль с гостей, с властей, со кручинных, но тюремных людей, солдатов-новобранцев и с малых младенцев, которые титьку сосали и от матерей остались; наложите ту тоску и телесную сухоту, великую печаль, на рабу Божию (имя рек), чтобы она, раба Божия (имя рек), без меня, раба Божия (имя рек), не могла бы она ни жить, ни ходить, ни лежать, ни спать, все по мне рабе Божиим (имя рек) тосковать; тем словам и речам ключенныя слова, аминь, аминь, аминь.

13. *Слова — тоску напускать. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.* Стану я, раб Божий (имя рек), благословясь, пойду перекрестясь, из избы дверями, из двора воротами, выйду в чистое поле; в чистом поле стоит изба, в избе из угла в угол лежит доска, на доске лежит тоска. Я той тоски, раб Божий (имя рек), помолюся и поклонюсь: о, сия тоска, не ходи ко мне, рабу Божию (имя рек), поди тоска, навались на красную девицу, в ясныя очи, в черные брови, в ретивое сердце, разожги у ней, рабы божией (имя рек), ретивое сердце, кровь горячую по мне, рабе Божиим (имя рек), не могла бы ни жить, ни быть. Вся моя крепость, аминь, аминь.

14. *Навести тоску*. Встану я, **раб Божий**, благословясь, пойду перекрестясь, из дверей в двери, из дверей в ворота, в чистое поле, стану на запад хребтом, на восток лицом, позрю, посмотрю на ясное небо; со ясна неба летит огненная стрела; той стреле помолюсь, покорюсь и спрошу ее: "куда полетела огненная стрела?" "Во темные леса, в зыбучия болота, во сырое коренье!" "О ты, огненная стрела! воротись и полетай, куда я тебя пошлю: есть на Святой Руси красна девица (имя рек), полетай ей в ретиво сердце, в черную печень, в горячую кровь, в становую жилу, в сахарны уста, в ясны очи, в черныя брови, чтобы она тосковала, горевала весь день, при солнце, на утренней заре, при младом месяце, при вихре-холоде. На прибылых днях и на убылых днях, отнынъ и до века".

15. *Присушать девок* (наговор на пищу и питье). Держитца, сохнет, прочь не отходит. Как малый младенец от матери прочь не отходит, держится, сохнет по всякий час и на всякое время, как косяк косяка держитца, прочь не отходит, так бы держалась **раба Божия** (имя рек) крепко и плотно прочь от меня, **раба Божия** (имя рек), не отходила, держалась и сохла крепко; как двери от ободверины не отходят, держатся крепко, как печная доска от печи прочь не отходит, так бы не отходила **раба Божия** (имя рек) от меня, раба Божия (имя рек), сохла, горела, прочь не отходила во всякий час, во всякое время. Стану я, **раб Божия** (имя рек), благословясь, пойду перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротами, выйду на широкую улицу, пойду в чистое поле, в чистом поле красное солнце греет и огревает сыроматерую землю; от красного солнца сохнет и обсыхает роса медвяная, так бы сохло и обсыхало ретивое сердце у рабы Божией (имя рек) по мне рабе Божиим (имя рек). Как красное солнце огревает сыроматерую землю, щепитца и колитца, и сохнет, как хмель вьетца и тянетца по сыроматерой земли, так бы вялось и тянулось ретивое сердце по мне, рабе Божиим (имя рек) на всякой час, на всякое время. Пойду я раб Божий по зарю Марью, по зарю Маремьянию, **ко Господню престолу, на Господнем престоле мати Мария и Маремьяния**: приду я к тебе, рабе Божий (имя рек), низко помолюсь и поклонюсь, как на тебе нетленныя

ризы держатся, так бы держалась раба Божия (имя рек). Пойду я, раб Божий (имя рек), подлесинье: есть в море ковыль щука, без воды не может ни жить, ни быть, ни дня, ни ночи, ни малой час. Поди, та тоска, в семьдесят жил, в семьдесят составов, во становыя в две жилы, и в едину в попятную, и спиновую жилу. Тем моим словам ключ и замок. Брошу замок в морскую пучину, тем моим словам ключа не бывать и того замка не отпирать. **Аминь, аминь, аминь**.

16. *Наговор на присушение*. Как **раб Божий** Н. любит **рабу Божию** Н., так чтобы и раба Божия Н., не могла без него ни жить, ни пить, ни ись, и любила, и почитала его лучше отца и матери, белаго месяца и красного ясна солнышка, веки по веки, отнынъ до веку, аминь.

17. *Для присухи* (мужчины). Из светлаго веника берется прут, который кладут на пороге двери, в которую пройдет тот, для кого назначена присуха. Как только перешагнут через прут, то (прут) убирается (положившими его) в такое место, где его никто не мог бы видеть. Потом прут берут и кладут в жарко натопленной бане на полку, приговаривая:

"Как сохнет этот прут, пускай сохнет по мне **раб Божий** такой-то".

18. *Старинное заклинание на любовь*. Стану отрок (имя рек) не благословясь, пойду не перекрестясь, из избы не дверми, из двора не воротами, и пойду в чисто поле. В чистом поле стоит и три, и два и один: бес Сава, бес колдун, бес Асауль, и я сойдусь поближе, отрок (имя рек), и поклонюсь пониже а... (вырвано несколько слов). Вы тридевятъ бесов три, два и один бес Сава, бес Колдун и бес Асауль, и как вы служили Ироду царю, и так послужите мне, отроку (имя рек), пойдите по городам и по уездамъ, и по деревням, избирайте тоску и сухоту, со зверей и с птицы и с рыбы и со всакаго звания людей, и снесите ту тоску и сухоту в отроковицу (имя рек), в ясны очи, в черныя брови, в румяное лице, в сахарны уста, в горячую кровь, в черную печень, в тридевятъ жил и в одну жилу, во становую, в подпятную... (оторвано), чтобы отроковица (имя рек) не могла бы ни жить, ни быть, ни день по солнцу, ночью по месяцу. Как младенец без матернаго молока жить не может, так бы жила отроковица (имя рек); без воды

жить не может ни днем, ни ночью, ни в которую пору. Есть в чистом поле, стоит дуб сорочинской и под тем дубом сорочинским есть тридевять отроковиц, из-под того дуба сорочинского выходит Яга-баба и пожигает тридевять сажень дубовых дров и коль жарко, и коль ярко разгоралось тридевять сажень дубовых дров и столь жарко... (вырвано) разгоралась отроковица (имя рек), разгорались ясные очи и черные брови, и румяное лицо, сахарные уста, ретивое сердце и горячая кровь, черная печень, семдесят жил и семдесят суставов и семдесят один сустав, чтобы отроковица (имя рек) без отрока (имя рек) не могла бы с себя тоски и сухоты снять, в парной бане паритца, не могла бы в чистом поле разгулятца и пресным молоком нахлебатца, ни сном отоспатца, в беседе не отсидетца. И тем моим словам ключ в замок, и замок замкну, и снесу замок в Окиян-море под Латырь камень.

19. *На разожжене сердца у девицы.* Встану не благословясь, пойду не перекрестясь в чистое поле. В чистом поле стоит тернов куст; а в том кусту сидит толстая баба, сатанина угодница. Поклонюсь я тебе, толстой бабе, сатаниной угоднице и отступлюсь от отца, и от матеря, от роду и племени. Поди, толстая баба, разожги у красной девицы сердце по мне, рабе (имя рек).

20. *Напустить тоску парню (по девице).* Пойти в баню, после паренья стать на тот веник, которым парились, и говорить:

Выйду из парной байны, стану своим белым бумажным телом на шелков веник; дуну и плюну в четыре ветра буйных. Попрошу из чиста поля четырех братьев, — четыре птицы востроносы и долгоносы, окованы носы. Лети из чистаго поля белый кречет, вострый нож и востро копье; садись белый кречет рабу Божию (имя рек) на белы груди, на ретиво сердце, реж же его белы груди тем же вострым ножом, коли же его ретиво сердце тем же вострым копьем; вынимай из его ретива сердца, из черной печени, и из всей крови горячей еще тоску и кручину. Полети белый кречет, понеси белый кречет, всю тоску и кручину, на воду не опусти, на землю не урони, на стуже не позноби, на ветре не посуши, на солнце не повянь; донеси всю тоску-кручину, всю сухоту, чахоту и юноту вели-

ку до раба Божия (имя рек), где бы его завидеть, где бы его заслышать, хошь бы в чистом поле, хошь бы при разстанье великом, хошь бы при путях-дорогах, хошь бы в парной байне, хошь бы в светлой светлице, хошь бы за столами дубовыми, хошь бы за скатертями перчатными, хошь бы за кушаньями сахарными, хошь при мягкой постели, при высоком столловье, хошь при крепком сну. Садись белый кречет на рабу Божию (имя рек), на белы груди, на ретиво сердце, реж его белы груди, тем же вострым ножом, коли его ретиво сердце тем же вострым копьем, клади в его белы груди, в ретиво сердце, в кровь кипучую всю тоску кручину, всю сухоту, всю чахоту, всю вяноту великую во всю силу его могучую, в хоть и плоть его в семдесят семь жил, в семдесят семь суставов, в становой его сустав, во всю буйную голову, в лицо его белое, в брови черныя, в уста сахарныя, во всю красоту молодецкую. Рабе бы Божий (имя рек) чах бы чахотой, сох сухотой, вял вялотой, в день по солнцу, в ночь по месяцу на полну и на ветху, в перекрой месяцу, во все межные дни, в утречни и вечерни зори, на всякий час и минуту. Как май месяц мается, так бы раб Божий (имя рек) за рабой Божией ходил да маялся. Не мог бы ее ходить и переходить, никаким словом обходить, век по веки, и раб Божий (имя рек) по рабе Божией (имя рек) не мог бы ни жить, ни быть, ни пить, ни есть, ни на новцу, ни на полну, ни на ветху, ни на перекрой месяца, во все межны дни. Как май месяц мается, так же бы раб Божий (имя рек) за **рабой Божией** (имя рек) ходил и маялся, и не мог бы он ее ни коим словом ходить и переходить, и не мог бы без ее ни пить, ни есть, ни жить, ни быть. Эти мои наговорны слова, которы договорены, которы переговорены, которы назади остались, — берите мои слова вострее востраго ножа, вострее копья, вострей сабли, ярей ключевой воды. И этим моим наговорным словом заключенныя слова ключ и замок, ключ щуке, замок в зубы, — щука в море. **Ныне и при-сно, и во веки веков, аминь.**

21. *На людскую любовь (чтобы приобрести общую любовь).* Стану я раб Божий по утру, благословясь и перекрестясь; выйду я в чистое поле, погляжу на все четыре стороны: на восточной стороне стоит святая церковь. Как на эту церковь смотрят

и зарятся, так бы на раба Божия смотрели и зарились старья старушки, старые старики, маленькие ребята, красныя девицы, молодья молодичи, смотрели и зарились на раба Бония (имя рек), будьте слова мои крепки и емки, как ключи подземельные, **аминь**.

Это заклинание употребляется для привлечения любви, как девушек, так и всех вообще людей.

ОСТУДНЫЕ, ПРОТИВУЛЮБОВНЫЕ ЗАГОВОРЫ

1. *На остуду между молодцом и девицей.* Как мать быстра река Волга течет, как пески со песками споласкиваются, как кусты со кустами свиваются, так бы раб (такой-то) не водился с рабой (такой-то) ни в плоть, ни в любовь, ни в юность, ни ярость; как в темной темнице и в клевнице, есть нежить простоволоса, и долговолоса, и глаза выпучивши; так бы раба (такая-то) казалась ему (такому-то) простоволосой и долговолосой и глаза выпучивши; как у кошки с собакой, у собаки с росомахой, так бы и у раба (такого-то) с рабой (такой-то) не было согласия ни днем, ни ночью, ни утром, ни в полдень, ни в набедок. Слово мое крепко.

2. *Остудныя слова.* Эти слова употребляются для того, чтобы сделать немилым кого-либо или разлучить с другим. Обыкновенно (в Мезени) они наговариваются на землю, взятую между двух гор, или на воду взятую, тогда оба берега считаются горами. Эту землю дают в каком-либо кушанье. Для большей действительности прибавляют в нее мелко изрубленные медвежьи когти. Вот на этот случай заговор:

"Стану не благословясь, выйду не перекрестясь, из избы не дверьми, из двора не воротами, — мышьей норой, собачьей тропой, окладным бревном; выйду на широку улицу, спущусь под круту гору, возьму от двух гор земельки; как гора с горой не сходится, гора с горой не сдвигается, так же бы раб Божий (имя рек) с р. Б. (имя рек) не сходился, не сдвигался. Гора на гору глядит, ничего не говорит, так же бы р. Б. (имя рек) с р. Б. (имя рек) ничего бы не говорил. Чур от девки, от простоволоски, от жонки, от белоголовки, чур от старого ста-

рика, чур от еретиков, чур от еретич, чур от ящер-ящерице".

3. *Заговор на остуду между мужем и женой.* Стану я не благословясь, пойду я не перекрестясь не дверьми, не воротами, а дымным окном, да подвальным бревном, положу шапку под пята, под пята, не на сыру землю, да в черный чобот; а в том чоботе побегу я в темный лес, на большо озериче; в том озериче плывет челнище, в том челнище сидит черт с чертищей; швырну я с под пята шапку в чертища. Что ты чертище, сидишь в челнище с своей чертищей? Сидишь ты чертище прочь лицом от своей чертищи; поди ты чертище к людям в пепелище, посели чертище свою чертище к такому-то в избиче, не как ты, чертище с своей чертищей живут людища мирно любовно, друг друга любят, чужих ненавидят. Ты чертище вели чертище, чтоб она чертища распустила волосища; как жила она с тобою в челнище, так жил бы (такой-то) со своей женой в избиче. Чтоб он ее ненавидел. Не похода, не подступа, разлилась бы его ненависть по всему сердцу, а у ней по телу, на рожество, не могла бы ему ни в чем угождать и опротивела бы ему своей красотой, омерзела бы ему всем телом. Как легко мне будет (отступить) от тебя, как легко достать шапку из озерича тебе чертищу, хранить шапку в озериче, от рыбы, от рыбака, от злаго колдуна, чтобы не могли ее ни рыбы съесть, ни рыбака достать, ни злой колдун отколдовать на мир и на лад. И вместо рукописи кровной отдаю тебе я слюну.

4. *На остуду.* Ручей с ручьем сбегается, гора с горой не сходится, лес с лесом сростается, цвет с цветом слипается, трава развивается. От той травы цвет сорву, с собой возьму, выйду на долину, на такую большу тропину, возьму себе землицу, сяду под лесину, выйду на широкий луг, посмотрю на все четыре стороны, нейдет ли р. Б. (имя рек) и кину, и брошу я в чисто поле; и как гора с горой не сходится, так бы и р. Б. (имя рек) не сходился и не сдвигался.

5. *На разлучение.* Зайду я во широкий двор, во высокий дом, запишу я (имя рек) остуду велику, остудился бы р. Б. (имя рек) от р. Б. (имя рек), чтоб он был ей ни на глаза, ни днем ни ночью, ни утром, ни вечером; чтобы он в покой, она из покоя, он бы на улицу, она бы с улицы, так бы она ему

казалась, как люта медведица. И в каком бы она ни была платье, хоть в цветном, хоть в держимом (будничном, рабочем), все бы он не мог ее терпеть и кажинный бы раз не сносил бы с ее зубов своих кулаков. Хоть бы ладно она делала, а ему все бы казалось не ладно, и хошь бы по уму делала, а ему бы казалось не по мыслям. Пошел бы он по улице, разогнал бы грусть тоску кручину с чужими людьми, и пошел бы он домой и повалился бы на место (на постель) и есть у него подружка, ночная подушка и разогнал бы он с ней грусть, тоску.

ЗАГОВОРЫ ДЛЯ ИЗБАВЛЕНИЯ ОТ НЕЧИСТОЙ СИЛЫ

1. *Заговор на отгнате черных муриев.* За морем за синим, за морем Хвалынским, по середине Окиане-моря лежит остров Буян, на том острове Буяне стоит дуб, под тем дубом живут седмерицею семь старцев, ни скованных, ни свазанных. Приходил к ним старец, приводил к ним тму тем черных муриев. Возьмите вы, старцы, по три железных рожна, колите, рубите черных муриев на семьдесят семь частей.

За морем за синим, за морем за Хвалынским, посреди Окиана-моря, лежит остров Буян, на том острове Буяне стоит дом, а в том доме стоят кади железныя, а в тех кадах лежат тенета шелковыя. Вы старцы ни скованные, ни связанные, соберите черных муриев в кади железныя, в тенета шелковыя, от раба (такого то).

За морем за синим, за морем за Хвалынским, посреди Окиан-моря, лежит остров Буян, на том острове Буяне сидит птица Гагана, с железным носом, с медными когтями. Ты птица Гагана сядь у дома, где стоят кади железныя, а в кадах лежат черныя мурж, в шелковых тенетах; сиди дружно и крепко, никого не подпускай, всех отгоняй, всех кусай. Заговаривая я симь заговором раба (такого то) от черных муриев, по сей день. по сей час, по его век, а будь мой заговор долог и крепок. Кто его нарушит, того черныя мурии съедят. Слово мое крепко!

2. *Заговор от змея к жене летающего в доме.* Во всем домегилло магал-сидела Солнцева дева. Не терем златой-шингафа,

искала дева; не богатырь могучь из Ноугорода подлетал; подлетал огненный змий лиф, лиф, зауцапа калапуда. А броня не медяна, но злата; а ширинки на нем не жемчужены; а шлем на нем не из красного уклада; а калена стрела не из дедовского ларца. Пицапо фукадалимо коройталима канафо. Полкан, Полкан! разбей ты огненного змея; ты соблюди девичью красу Солнцевоу девы. Вихадимо гилло могол-дираф. Из-за Хвалынского моря летел огненный змей по синему небу во дальнюю деревушку, во тереме к деве: Могучь богатырь Шнялда-Шибулла качилла баран-чихо дойцофо караиха дина. Во малиновом саду камка волжская, а на камке дева мертвая, со живую водою, со лютою свекровью, со злым свекром. Убить огненный змий, разсыпаны перья по Хвалынскому морю, по сырому бору муромскому, по медвяной росе, по утренней заре. Яниха-шойдега бираха вилдо. А наехал злой татарин и узьял во полон Солнцеву деву, во золотую орду, ко лютому Мамаю, ко нехристу басурманскому, ко проклятому барходею. Вахама широфо.

3. *Заговор от бесов.* Плакун! плакун! плакал ты долго и много, а выплакал мало. Не катись твои слезы по чистому полю, не разносись твой вой по синему морю, будь ты страшен бесам и полубесам, старым ведьмам Киевским; а не дадут тебе покорища, утопи их в слезах, да убегут от твоего позорища; замкни в ямы преисподния. Будь мое слово при тебе крепко и твердо век веком, аминь.

4. *Против черта (О Святках).* В Святки отправляются на розстань, очертываются три раза, приговаривая за каждым разом: "За три черты, черт, не ходи!" — потом слушают, что чудится.

5. *Призывание домового на новоселье.* При переходе на житье в нововыстроенный дом семейные хозяева приходят в старый дом и, раскланиваясь во все четыре угла избы, говорят: "Хозяинушка господин! пойдём в новый дом на богатый двор, на житье, на бытье, на богатчество".

6. *К домовому.* При переходе в новый дом или на новую квартиру прежде всего вносят образ, квашню с растворенным тестом, а потом кошку, собственно для домового, приговаривая: "Вот Тебе, хозяин, мохнатый зверь на богатый двор".

7. *К домовому при покупке скота.* Купивши скотинку, крестянин молится вместе с продавцем Богу, творит молитву Иисусову, три раза обводит вокруг себя коня, не смея держать узды голыми руками, и говорит: "Вот тебе, хозяйнушко, мохнатый зверь на богатый двор, пой, корми, рукавичкой гладь!"

8. *К домовому, при вводе в стойло скотины.* Вводя вновь купленную скотинку в стойло, строго соблюдают следующий обряд: низко кланяются в каждый из четырех углов хлева, или стойла, и приговаривают: "Вот тебе, хозяин, мохнатый зверь, моего (или "мого такого-то" кличка скотины) любви, пой да корми".

9. *То же.* Когда приводят купленную скотину в хлев, тогда употребляют следующее воззвание к домовому: "Дедушка, отаманушко, полуби моего чернекушка, или пестрекушка, (смотря по шерсти) пой, корми сыто, гладь гладко, сам не шути, и женой не спущай, а детей укликай".

10. *К банному.* При выходе из бани благодарят банного словами: "Спасибо те, байнушко, на парной байнечке".

ОХОТНИЦКИЕ ЗАГОВОРЫ И МОЛИТВЫ

1. *Для удачи на охоте.* **Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного** (имя рек), **аминь.** Ложусь я, **раб Божий** (имя рек) ввечеру, поздно на поздно благословись и перекрестясь; встаю, **раб Божия**, раным на рано, и умываюсь триденной водой, и утираюсь шитым, браным, тонким полотнцем; пойду, **раб Божий** (имя рек), из избы дверями, из двора воротами; пойду во чисто поле, в широко раздолье, в зеленую дубраву, и стану я вту збрую ставить на белых и на ярых зайцев. Как же катятся ключи, притоки во единый ключ, так бы катились и бежали всякие мои драгоценные звери: серые, ушастые, долгохвостые волки и черные медведи и красные брунастые лисицы, и белые и ярые зайцы и зайни (зайчихи); назад бы они не ворочались, а посторонних бы не бегал. **Позади носят Михаил архангел и Гавриил архангел св. своею небесною силою. Во веки, веков, аминь. Создай, Господи, благополучие.** Сей заговор глаголи трижды.

2. *Заговор охотника на постановных клетках для зайцев.* Встану я, раб (такой-то), засветло, умываюсь ни било, ни черно, утираюсь ни сухо, ни мокро. Иду я из дверей в двери, из ворот в ворота, в чисто поле, к лесу дремучему; а из леса дремучаго бегут ко мне на встречу двадцать сатанаилов, двадцать дьяволов, двадцать леших, двадцать полканов – все пешие, все конные, все черные, все белые, все высокие, все низкие, все страшные, все робкие. Стали предо мной те сатанаилы, те дьяволы, те лешие, те полканы, стали на мою услугу и подмогу. Подите вы сатанаилы, дьяволы, лешие и полканы, в (такой-то) остров, пригоните русаков и беляков на мои клетки поставные: сумеречныя, вечерние, ночныя, утренния, полуденныя, пригоните, остановите и в моих клетях примкните.

3. *Для успеха на охоте.* Нужно взять с собою кусок хлеба или мяса, на который наговаривать:

В чистом поле, в темном лесе, в тумане превеликом есть птица полетуша, есть серые гуси, сизыя утки. У них бы крылья подломилась, сами бы опустились, перье оборвалось и сели бы на бугор высокий, чтобы меня, **раба Божия** (имя рек) не видели и стрельбы моей не слышали, и долетела бы до них дробь, как вольное перо.

4. *На птичью охоту.* Пойду я, **раб Божий** (имя рек), к церкви, погляжу, как православные собираются и празднуют, и радуются; так радуйся, веселися и летай ко мне всякая живущая птица, которая **Богом, Иисусом Христом**, создана нам на жертву; так не убойся и не утрашися ни меня, раба Божия (имя рек), ни лакшек моих, кобелей; не моги ты ногой переступить, ни крылом встрепенуться до выстрела моего. Как изпод Ивановской росы человек на коне не выезжает, пеший не уходит, так не улетай от меня, никакая благословенная птица. Слово мое крепко. К тем словам небо и земля – ключ и замок. **Аминь.**

5. *Охотничьи слова.* Так бы у меня, раба Божия (имя рек), собака не отбегала, птица не улетала, всякая живущая, которая создана у **Господа Бога, Иисуса Христа, Царя небеснаго**, нам на жертву благословенная всякая птица: рябь и рябушка, копала и тетерка, и косачушка, серая, малая утица, как птица не может летать от гнезда своего, от детей своих, так не

бойся и не страшись лаушек кобелей моих, и меня, раба Божия (имя рек), не бойся и не страшись, ни юку оружейного, ни дыму порохового, ни боя огненного. Радуйся птица и веселися по всяк день, по всяк час и по всякое время: утром рано, вечера поздно, в ветхъ месяц, в новий месяц и в меженных днях перекройных. К тем моим словам небо и земля, ключ и камень, аминь.

6. *От ворона, мешающего охотнику. Господи Боже, благослови!* Стану я, **раб Божий** (имя рек), благословясь; пойду перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротами; выйду на широкую улицу, с широкой улицы в чистое поле, с чистаго поля в широкое лукоморье; пойду на свою милую тропу, на свой заводь. Стану я, **раб Божий** (имя рек), становить ласточки, и слышки на благословенную птицу, которая создана нам на жертву, на ряба и рябушку, копалу и тетеру, косача и косачушку. Проклятая птица, поганый черный ворон, полети с моей тропы, с моего стодья, за синее море ко **Ироду** царю; там **Ирод** царь бьется, дерется, кровь проливаетъ. Тут тебе черный ворон столы разставлены, явства, сподоблены. На моем лесе, на моей тропе на моем заводе, смоливая спица в глаз. К тем моим словам небо и земля, ключ и замок. **Аминь**.

7. *Чтобы ворон не ел попавших в ловушку птиц.* Стану я, **раб Божий** (имя рек), благословясь, пойду перекрестясь, в темные леса по своему путику, по своему ухожью. Воззрю я, раб Божий (имя рек), черного ворона и вороницу и слепых его родителей; как ты, черный ворон и вороница, не выдаешь в июль месяце воды в реках, ручьях и озерах закланием Ноя праведнаго, так бы ты не видел у меня, **раба Божия** (имя рек), на моем путике, на моем ухожье, уловных моих тетерь, рябов, и куроптей, в моих пастях, в моих слопцах, в моем силе, ни сверж, ни с испода. Полети ты, черный ворон и вороница с моего путика, с моего ухожья за синее Окиан-море, тамо царь Соломон сына женит и дочь замуж дает, убил на свадьбу 300 гусей, 300 лебедей, 300 яловичь, 300 утей; там тебе, черный ворон с воронию, много будетъ питенья и яденья; а на моем путике, на моем угодь, нет тебе ни спить, ни сьись, ни сверж, ни с испода, ни в день, ни в ночь, ни на утренней заре, ни на вечерней заре, млада и ветха месяца, ни в пол-

дни, ни в перекрое и в меженные дни, ни в ночные часы, во всех месяцах и во все 24 часа всегда, **ныне и присно, и во веки веков, аминь**. (Трижды читается). Есть у меня, у **раба Божия** (имя рек), генеральный стрелец, **Сам Иисус Христос; у Господа нашего Иисуса Христа** солнце-лук, месяц-стрела стреляет, излучает тебя, черного ворона и вороницу и слепых твоих родителей и в ночь, и по всяку пору. И где я, раб Божий (имя рек), тебя черного ворона и вороницу, на своем путике и на своем уголье, увижу, тут тебя и подстрелю и ухода своего лишу, всегда, ныне и присно, и во веки веков, аминь.

8. *Против злого человека на охоте.* Стану я, **раб Божий**, благословясь и пойду перекрестясь, пойду по матери по сырой земли, небом покроюсь, зарею подпояшусь, звездами обтышусь; злой, лихой человек не может неба покрыти и зари потушити, и звезд сосчитати, и на меня, **раба Божия**, ни зла подумать и лиха помыслить. Злой лихой человек зло подумать, поворотись к нему на корень, положи между язык и щеки железна спица: которое слово забыто назади, будь на переди в лучшем метсте, которое слово прибавлено, то бы к ним пристало; и берите мои слова, вострее востраго ножа, вострее булатнаго копья, век по веки. **Аминь, аминь, аминь**.

9. *Слова утечи.* **Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа**. Как есть Окиан-море, белой камень, на белом камени сам **Иисус Христос**, сам бел и рукавицы белья, и кнут белый, загоняет и залучает всякую птицу. Стань и не усypай по утренней заре, по вечерней заре, святой Лука залучи, изгони, святой Матвей замани и залучи, святой Еремей закрепи от всякаго зла и лиха человека, от зуба и от когтя, и от всякаго греха человека. Вся крепость **Святаго Духа, аминь, аминь, аминь**.

10. *Охотничьи заклинания на горностаев.* Господи **Боже благослови!** Стану я, **раб Божий** (имя рек), благословясь, пойду перекрестясь, из избы дверьми, из дверей воротами, в чистое поле за воротами, из чистаго поля во темный лес. В темном лесу стоит кипарис древо; под тем кипарисом сидит сама **Мать Пресвятая Богородица**. Держит она во своей десной руки три прута: прут железный, прут медный, прут серебряный. Ударю я первым прутом по сырым лесам, ударю я другим прутом по мхам, по болотам: сырые леса сшатаются, мхи-болота ско-

леблются; разбежались белые звери, горностаи на все четыре стороны; побегите вы кривоноги, чернохвосты! Ударю я третьим прутом белого мужа, жубрила. Ай, ты бел муж, жубрило, сам ты бел и конь под тобой бел; заезжай и залучай со всех четырех сторон, со стока и запада, и с лета и с севера: идите со всех четырех сторон белые звери горностаи, как идет солнце и месяц и частыя мелкия звезды и вся луна поднебесная, идет неотпратно, так идите на мой завод, на мои стодья к моим плашкам, белые звери горностаи, а минуйте, проходите мои силья пасти; они не по вас излажены. Кушайте по плашкам мои ествы; те мои ествы слаще матернаго молока. К этому моему слову ключ и замок, отношу я к Окиан-морею. Есть на Окиан-море остров велик, к берегу лежит бел горючъ камень Алатырь; под камнем стоит живая щука, пожрет тот мой ключ и замок. Кто кругом Окиан-море обойдет, кто около Окиан-моря песок вызолет, кто из Окиан-моря воду выпьет, кто ту живую щуку добудет, ключ и замок мой достанет — тот мой промысел попортит.

12. *На беличью ловлю. Господи Боже благослови, Отче. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь.* Как родился сей раб младенец, не знает себе ни имени, ни вотчины, ни отца, ни матери, ни роду, ни племени; и ни страсти, ни боязни, не имеет в себе ни ума, ни разума, ни на ногах скорога и тихаго хождения, ставания, скакания, и ни пути, и ни дороги, ни днины (дня) ни ночи, и тако же бы меня, раба Божия, ни огненнаго моего оружия, и свинцовой пули, ни пороху, ни моей промышленной собаки, белые звери, белки и всякия поголовныя птицы не знали бы и не имел о себе ни ума, ни разума, в ногах скаканья, в крылах маханья, и ни страсти, ни боязни в день, под красным солнцем, в ночь и под младым светлым месяцем, и находи на их на ум великой, на древах и будьте вы, мои слова, пушкой, белой зверю и белой голубой белке и всякой поголовной птице, будьте крепки лепче клею, крепче синяго булату **Святым Духом, Божиим изволением, Господним благословением, всегда, и ныне и присно и во веки веков, аминь;** и не пути, и не дороги, и не дни, не ночи, всегда бы были тихи, кротки и смиренны, тако-б передо мною, р. В., белые звери и всякия поголовныя птицы кротки и смиренны.

ЗАГОВОРЫ И ОБЕРЕГИ ОТ ПЬЯНСТВА

1. *От запоя.* Чтобы пьющий запоем уснул и после этого перестал пьянствовать, нужно взять у него воск, на который наговаривать:

Заря зарница, красная девица, сама мати и царица: светел месяц, ясныя звезды. возьмите у меня безсонницу, бездремотницу, полуношницу, среди ночи приди ко мне хоть красной девицей, хоть матерью царицей и сложи с меня и отведи от меня окаянную силу, и дай мне Спасову руку, Богородицын замок. **Ангел мой, архангел мой, сохрани душу мою, скрепи мое сердце, враг сатана откажись от меня. Крестом крещуся, крестом ограждаюсь, крестом ангела призываю, крестом лукаваго отгоняю. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Аминь. Знаю Святых знаменья!**

2. *От похмелья.* Господине еси хмель, буйная голова! не вейся вниз головою, вейся по солонь аз тебя не знаю, где ты живешь, вверх сыра древа влезти к своему господину в медныя бочки и пивныя; как не жить на огне, так на семь человек лихия словеса (имя рек), аще изопьешь чашу сию, доколь мои словесе из меня сии изошли, из его, раба Божия (имя рек), похмелье, господине хмель, как царь сядет во царствии своем: тако и ты сиди на месте своем, где родился!

3. *Человеку похмелье умолвить.* Господи хмель, буйная голова, не вейся вниз головою, вейся в посон (посонь, то есть по направлению движения солнца), под воргою, а яж тебя не знаю, где живешь, в верх сыра древа, лезь к своему государю, в медвяныя бочки и пивныя, как не лежит на огне и так на семь человек лихая словеса (у имя рек): аще испиеш чашу сию, доколе из меня словеси сии изошли, а из сего раба Божия (имя рек) похмелье. Господи хмель, как царь сидит на царствии своем, так и ты сиди на месте своем, государь родись.

4. *Заговор от пьянства.* Явился еси рабу своему непорочне, самоволне тебе превел еси от пьянства, раба Божия (имя) иже от девы тебе ради родитесь хотящему, святе венценосце, премудре мученице Вонифатие, избави, установи, и укрепи **раба Божия** (имя рек) от всякаго хмельнаго пития, и запойства, воздержи его от всех худых дел и обстояний и ныне, и

присно, и во веки веков, аминь. Пустынный житель, и в теле-
си ангел и чудотворец явился еси и богоносец, преподобие
отче наш, Мурин, постом, бдением и молитвою небесных
дарования прием, исцеляюще скорбных и печальных, избав-
ляюще пьющих и запойных, и души верою приходях ти. Слава
давшему тебе крепость и терпение, слава венчавшему тя, сла-
ва действующе тобою всем исцеление. Избави, устрани, уста-
нови и укрепи раба Божия (имя) от хмельного запойства и
пьянства. Мурины зашив и лица демонов поплевав, мыслен-
ный приял еси, якоже солнце светло светом жития своего и
учением, наставляя душу раба Божия (имя рек) избави, уста-
нови, и укрепи от всякаго хмельного пьянства, и запойства,
от сего часа по вись его век, до гробовой доски, во имя Отца,
и Сына, и Святаго Духа, аминь.

4. *Заговор от запоя.* Ты небо слышишь, ты небо видишь,
что я хочу делать над телом раба (такого-то). Тело Маерена
печень тезе. Звезды вы ясныя, сойдите в чашу брачную; а в
моей чанге вода из-за горного студенца. Месяц ты красный,
зайди в мою клеть; а в моей клетке ни дна, ни покрывки.
Солнышко ты привольное, взойди на мой двор; а на моем
дворе ни людей, ни зверей. Звезды уймите раба Божия (тако-
го-то) от вина, месяц отврати раба такого-то от вина; сол-
нышко усмири раба такого-то от вина. Слово мое крепко!

ЗАГОВОРЫ ОТ ЛИХОРАДОК

1. *От трясы.* Писать по ровну на бумаге три имени:

Анфака, Иугалы, Оатулей.

2. *От лихорадки или дрожжалки.* Больной, если хватит силы,
идет в лес, находит осину, кланяется ей и говорит:

"Осина, осина, возьми мою тресину, дай мне леготу!" —
после того перевязывает осину своим поясом.

3. *То же.* Мать ты моя вечерняя звезда, жалуюсь я тебе на
двенадцать девиц, Иродовых дочерей.

Заговаривают по вечерним зарям, заговор читают по три
раза, отплевывая после каждого в левую сторону с словами:
"Покуда я плюю, потуда б рабу (имя рек) хворать".

4. *От лихорадки.* На горах аеонских стоит дуб мокрецкой,
под тем дубом стоят тринадцать старцев со старцем Пафну-
тием. Идут к ним двенадцать девиц простоволосых, просто-
поясых, и рече старец Пафнутий с тремя надесять старцами:
кто сии к нам идоша? И рече ему двенадцать девицы. Есть мы
царя Ирода дщери, идем на весь мир кости знобить, тело
мучить. И рече старец Пафнутий своим старцам: зломите по
три прута, тем станем их бити по три зари утренних, по три
зари вечерних. Взмолились двенадцать дев к тринадцать стар-
цам с старцем Пафнутием. И не почто же бысть их мольба. И
начаша их старцы, глаголя: ой, вы еси двенадцать девицы!
будьте вы трясуницы, водяницы, расслабленные, и живите
на воде студенице, в мир не ходите, кости не знобите, тела не
мучьте. Побегоша двенадцать девиц к воде студениц, тресуни-
цами, водяницами, расслабленными.

Заговариваю я раба (такого-то) от изсушения лихорадки.
Будьте вы прокляти двенадцать девиц в тар-тарары! отидите
от раба, такого-то, в леса темные, да древа сужия.

5. *От лихорадки.* На море на Окиане, на острове на Буяне,
лежит камень Алатьрь, на том камне сидят три старца с же-
лезными прутьями; идуць к ним навстречу 12 сестер лихора-
док. Вы куда идете грешныя, окаянныя, проклятыя? "Идем в
мир, у людей кости ломать, да силу вынимать". Воротитесь
грешныя, проклятыя, окаянныя. "Мы тогда воротимся, когда
эти слова будут все знать да по три раза читать".

6. *От трясовицы.* Напиши на служащей просфоре, дай ясти
больному сию молитву:

а) **Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.** Якоже Святой
Аркадий укроти львы в пустыни, тако и ты, Господи, укроти
Трясовицу сию в **рабе Божиим** (имя рек), всегда, ныне и при-
сно, и во веки веков, аминь.

б) Молитву вторую напиши на бумаге, которую когда
болящий выносит три дня, сжечь и тот пепел выпить, раство-
ря святою водою: (Молитва следующая):

Шедшему святому Сисению от горы Симоийския обрете
бесица, имуща очи разжены и руц железны, и власы верблю-
жие, и рече ей Святой Сисиний. Где идешь нечистая душе и
откуда еси? Она же отвеща ему и рече: Азь иду кнось женску

изсушити, млеко остановить, а младенцы погубити, очи возвратит, а другие родят глухи и немые, и погублю во чреве материнном. Тогда помолися святой Сисений Господу Богу, и предста ему святой **архангел Михаил**, ухвати ея векова десной рукою своею, и рече ей: Аще ми не кленешися, не отидеши от руки моея, она же клянется ему и рече тако:

"Мышца великого Бога и непоколебленная, яко не имать ти солгати, да аще кто может начитатя, двенадцать имен моих, не имам приблизитись к тому человеку, ни к дому его, а имена мои: 1-е Вящепца, 2-е Бясица, 3-е Преображница, 4-е Убийца, 5-е Едина, 6-е Полобляющая, 7-е Ииарто, 8-е Урия, 9-е Изъедущая, 10-е Негризущая, 11-е Голяда, 12-е Налукия. И рече ей архангел Михаил: Заклинаю, проклятая сатана, **Иисусом Христом, Сыном Марииным**, той изгонит Трясовицу от раба Божия (имя рек) и от дому его, молитвами и заступлешем честных, небесных сил безплотных, и святитя причастия преблагословенных Владычицы нашей Богородицы, и присно Девы Марии, и святого великомученика и победоносца Георгия, и всех святых молитвами; оставися трясавица от раба Божия (имя рек). **Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь.**

Общее заключение о лихорадках и заговорах на эту болезнь. Лихорадки, действительно, как это известно и в медицине, очень близки к горячкам. Та и другия по большей части происходят от простуды или появляются в человеке во время расстройства здоровья. Часто раненый, от потери крови, получает лихорадку. Лихорадки вообще господствуют между жителями ириморских стран, а также в странах обилующих болотами, от того то, может быть, народная поэзия создала миф лихорадки, непременно возникающая или из Чернаго моря, или из моря Окиана. Кроме разнообразных названий, встречающихся в разных предложенных читателю заговорах, встречается множество других, как например встречаем в заговоре (его не помещено здесь) заимствованном г. Батраковым, помощником мясскюнера из старинной рукописи в с. Ухтоостров, Холмог. уезда, следующие имена лихорадок: Тресея, Огния, Недра, Ломея, Усма, Оглухица, Томея, Пухлея, Желтея, Окоркуша и Гладея.

Кроме упомянутых заговоров на лихорадку есть еще множество других примет и заговоров. Но мы должны напомнить читателям, что все внутренние болезни, какими в старину страдали наши предки, по их понятию и по смыслу заговоров, считались лихорадками, и по смыслу некоторых заговоров можно заключить, что лихорадки, по мнению народному, были то же, что демоны, а болезненные действия сравнивались с порчею и часто эти болезни перемешивались и отчитывались безразлично.

ЗАГОВОРЫ ПРОТИВ ЗУБНОЙ БОЛИ

1. **Господи, Иисусе Христе, Сыне Божия, помилуй нас!** Господня Храмина тебе не гарывать, у раба Божия (имя рек) зубам не болевать от ныне и до веку, во веке, аминь. (Сей заговор от зубов проговори трижды. Которая изба на другое место переставлена, приди и отковырь щепочку, и положи на большой зуб как раз проговоришь, избе поклонись).

2 Матушка крапивишка, святое деревцо! Есть у меня раб Божий (имя рек), есть у него на зубах черви, а ты оных выведи; а ежели не выведешь, то я тебя высушу; а ежели выведешь, то я тебя в третий день отпущу. (Проговоривши, крапивицу растущую на свободе, привязать к низу, то есть, преклонив к земли, а на третий день отвязать).

3. В полночь, когда часы начнут бить 12-ть, в то время сходи к церкви, и укуси трижды коренную паперть (у главного входа) и три раза скажи: как камень сей крепок, так закаменей зубы мои крепче камня. При семъ три раза плюнь и поди прочь, и не оглядывайся, и прочти три раза "Верую".

4. На море на Океане, на острове на Буяне, стоит соборная апостольская церковь, стоит Мать Пресвятая Богородица, и преподобный Антипий, зубной исцелитель. Он просит и молит угодников Божиих, о рабе Божиим (имя рек), как бы у вас, угодники Божии, зубы не болели, так бы у р. Б. (имя рек) зубы не болели. **Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь, амянъ, аминь.** (Наговори на сучок, или редьку, или на сучок ели).

5. Каин! Каин! Каин! вели спросить брата своего Авеля: не болят ли у него зубы? Нет. Так бы у раба Божия (имя рек), нет. **Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа.** Аминь, аминь, аминь. (Наговори на соль и кладь на зубы.)

6. Если пойдешь случайно улицей и найдешь кость бараньей челюсти, то перекрестись три раза и говори три раза: **"Отче наш"**. Потом скажи еще три раза: "Кость ты моя, кость зубная! избави меня от зубной ломовой болезни, а я тебя избавлю от мокроты". И взяв эту кость подоткни ее в горнице, где в сухое место, и будешь здоров.

7. Заря зарница, красная девица, полуношница! в поле заяц, в море камень, на дне Лимарь. Покрой ты зарница мои зубы скорбны, своею Фатой от проклятого Лимаря; за твоим покровом уцелеют мои зубы. Враг Лимарь, откачнись от меня, а если будешь грысть мои белые зубы, сокрою тебя в бездны преисподния. Слово мое крепко!

8. Месяц ты, месяц, серебряны рожки, златья твои ножки. Сойди ты месяц, сними мою зубную скорбь, унеси боль под облака, моя скорбь не мала, не тяжка, а твоя сила могуча. Мне скорби не перенести. Вот зубы, вот два, вот три; все твои; возьми мою скорбь. Месяц ты, Месяц, сокрой от меня свою скорбь.

9. Иду я не улицею, не дорогою, а по пустым переулкам, по оврагам, по каналам. На встречу мне заяц. Заяц, ты заяц: где твои зубы? отдай мне свои, возьми мои. Иду я не путем дорогою, а сырм бором темным лесом. На встречу мне серый волк. Волк, ты серый волк, где твои зубы? Вот тебе мои зубы, отдай мне свои. Иду я не землею, не водою, а чистым полем, цвельм лугом. На встречу мне старая баба. Старая ты баба, где твои зубы? возьми ты волчьи зубы, отдай свои выпалье. Заговариваю я зубы крепко на крепко у раба (такого-то), по сей день, по сей час, на веки веков.

10. Марфа, Мария и Пелагея, три сестры Лазаревы, пойдите к своему брату Лазарю, спросите у своего брата Лазаря: не ломают ли у него кости? Нет, сестрицы! не болят у меня зубы, не ломают у меня кости. Заговариваю я раба (такого-то), чтобы у него не болели кости, не ломали зубы по сей час, по сей день, по всю жизнь. Чудо водяной! возьми зуб ломовой у

раба (такого-то). Не болят у раба (такого-то) зубы. Болят зубы у кошки, у собаки, у лисицы, у волка, у зайца, у крота, у быка, у коровы, у свиньи, у лошади, у козла, у барана, у овцы, по вся дни, во все часы, по всю их жизнь, злым мученьем и сокрушеньем.

11. Говорить три раза на вино:

Яость есть остров, Яость полон людей, вень при своей простоте, и хвалитца Архан на Русь побывать и Гусь (воевать?) и молюся я, раб Божий (имя рек), Пречистой Богородицы, чтобы Архану Царю на Руси не бывать, Русь не воевать; так бы у меня, раба Божия (имя рек), зубному недугу не бывать, щекам не пухнет, зубам не болеть, в полне месяци в ущерби месяце. Моим словам небо и земля – ключ и замок. **Аминь, аминь, аминь.**

ЗАГОВОРЫ ОТ БОЛЕЗНИ ГЛАЗ

1. *От ячменя.* Господи, благослови! Солнце на запад, день на исход, сучек на глазу на изводе, сам пропадет, как чело почернеет. Ключ и замок словам моим. Смачивают указательный палец слюною и мажут им больной глаз, приговаривая на палец три раза слова заговора.

2. *От сучьяго сучка.* (Воспаление глазного века). Лечат искрами, высекаемыми из огнива прямо в больной глаз. Искры высекают на вечерней заре старший или младший в семействе. Больной спрашивает: "что сечешь?" Ему отвечают: огонь огнем заскаю раб Б. Н. Больной опять говорит: "секи горазне, чтобы в век не было". Это повторяется три раза.

ЗАГОВОРЫ ПРОТИВ МУЖСКОГО БЕССИЛИЯ

1. *Против бессилия.* **Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь.** Есть святое Окиан-море, на том святом Окиан-море есть стоит остров, на том острове стоит дуб булатной, у того дуба булатного корени булатные, сучье булатное, вершина булатная. Круг того дубу булатного ветром не согнет, вихорем не

сломить, так бы у меня, **раба Божия** (имя рек), стояли семдесятъ жил и единая жила... на женской лик красныя девицы, на старый бабы, на молодыя молодичицы, на сивыя кобылицы. Еще же под тем булатным дубом кузов ярости и юности, и азъ, раб Б. (имя рек) возьму кузов ярости и юности, распушу ярость и юность на раба Божия (имя рек) в ретивое сердце в 77 жил и в едину жилу сердечную и в едину жилу... Еще же на верху булатнаго дуба сидит веселая птица петух, ставает рано, голову дымает и поет весело, столь же бы стояли у раба Божия (имя рек) 77 жил и единая жила... Ставали бы у раба Божия (имя рек) 77 жил и одна жила... ставали бы рано на женский полк и на мужской, на молодыя молодичицы, на красныя девицы, на старыя бабы; и злаго человека порчельника, кто на меня зло думает и мыслит, ударь его коленки о камень, убей его; у меня, раба Божия (имя рек), стали 70 жил и одна жила... стали лучше стараго, хоробрее прежняго, что турей рог, что еловой сук, толь бы тот раб Божий (имя рек) пылок и ярк на женскую похоть, на полое место, во веки веков, аминь.

2. *То же. Господи Боже, благослови Отче. Во имя Отца, и Сына и Святаго Духа, аминь.* И пойду в чистое поле, и помолюся истинному **Христу Царю Небесному**, и как стоит путь железный жерновной, не тряхнетя, не ворохнется, не шатается, так бы у раба Божия (имя рек) стояли семдесятъ жил и одна жила... 70 суставов против полага места, против женския, не погнулся бы, не ворохнулся бы, не пошатался бы. Всегда, ныне и присно и во веки веков, аминь. (Говорить трижды на воду чистую, испить не много и достальною обкатиться в бане на парное тело).

3. *То же. Во имя Отца, и Сына и Св. Духа, аминь.* Есть Окиан-море, на пуповине морской лежит Латырь камень, на том Латыре камени стоит булатной дуб, и ветвие и корень булатной, коль тот булатной дуб стоит крепко и плотно, столь бы крепко и плотно стоял белой... ярой... и... жила на женскую похоть, на полое место. Из-под того камени выходит бык порозъ, булатны рога, и копыта булатныя и ходит около дуба булатнаго, и тот дуб бодеть и толкаетъ и не может того дуба сломить и повалить. Сколь тот крепко булатной дуб стоит, и сколько крепко рога у пороза, столь бы крепко стояла ярая п...

жила на женскую похоть, на полое место. Из-под того Латыри камени вылетает петух, с ним вылетает тридевять куриц, и он петух на тридевять куриц топчет и скачет пылко и ярко, столь бы (имя рек) был пылок и арок на женскую похоть, на полое место, во веки веков аминь.

4. *То же. Возстани и възграйся оный, у раба Божия* (имя) *и унеси на синее море, моему слову аминь, трижды.* (Пропустити три раза мочу чрез венчальное кольцо).

ЗАГОВОРЫ ОТ ГРЫЖИ И СГЛАЗУ, И БАЕННОЙ НЕЧИСТИ

1. *От грыжи, а также сглазу и баенной нечисти. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь.* Сходить Егорий с небес, по золотой лестнице, сносит Егорий с небес триста луков златополосных, триста стрел златоперых и триста тетив златополосных, и стреляетъ и отстреливает у раба Б. Н. уроки, прикосы, грыжи, баенной нечисти, и отдавает черному зверю, медведю, на хребет: и понеси чернй зверь медведь в темные леса. и затопчи чернй зверь, медведь, в зыбучия болота, чтобы век не бывала, ни в день, ни в ночь... во веки веков, аминь. Три раза произносить и за каждым разом трижды сплевывают.

2. *От грыжи.* (Говорить на теплую воду обданную на дресве). **Господи Боже, благослови.** Стану я, раб Божий Иоанн, благословясь, пойду перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротами, пойду в чистое поле; есть в чистом поле океан-море и есть на океан-море белый камень, есть под белым каменем щука золотая и перезолотая, и кости золотыя, и приди щука к рабу Божию (имя рек) и выгрызи у раба Божия (имя рек) своими золотыми зубами грыжу ветрянную, грыжу напущенную, грыжу жильную, грыжу костяную, сосновую грыжу, красную грыжу, мокрую грыжу, от отца грыжу, от матери грыжу, всякую бывающую, и спустись грыжа к поясу и выйди ночью и шулятами на дресвяна камень, и поживи три часа денных; и пойди грыжа с дресвяна камени на пустое место, в темное место, где солнце не огревает, где люди не ходят и не бывают, где птицы не летают, где звери не захо-

дят, и пойдти грьжа за быстрая реки, и пойдти грьжа за гре-мучие ручьи, и когда будетъ **Христово второе пришествие**, обратишь грьжа вспять; тем словам во веки веков, аминь.

3. *От детской грьжи.* Повивальная бабка приговаривает: "Бабушка Соломонидушка **у Пресвятой Богородицы** грьжу заговаривала (или заедала) медными щеками, железными зубами, так и я заговариваю у раб. Б. Н."

4. *От грьжи.* **Господи Боже, благослови. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа.** Есть море Окиан; в том море Окиане есть белый камень Латырь, высота его 60 сажень. На том на камени Латыре стоит хрустальный терем, в том хрустальном терему стоит золотой стул, на том стуле сидит красная девица, подпоясалась золотым поясом, подперлась золотым посохом. Государыня ты, красная девица, дай ты мне р. Б. грьжных слов добрых. Грызет и меня р. Б. вотчину золотая грьжа, истовая грьжа, пуповая грьжа, мокрая грьжа, белая грьжа, красная грьжа, родимая грьжа, привязанная грьжа, кила грьжа, та затеченная грьжа, строчная грьжа, сердечная грьжа, десная грьжа, поясовая грьжа, водяная грьжа, кровавая грьжа, пригнонная грьжа, суставная грьжа, нутренная грьжа, верхняя грьжа, ручная грьжа, и ножная грьжа. Грызет та грьжа ветха месяца, и молода месяца, и в перекрой месяца, по утренним зарям и по вечерним зарям, и по всяк день и по всякой час, и по всякое время. И возговорит красна девица: "ой еси грьжа, вошла еси ты в р. Б. Н. в вотчину шукою, и ты выйди из него окунем, и пойдти к белому камению, буди тамо до скончания века, да свей себе, грьжа, в камени гнездо круглое, а не грызи ты у меня р. Б. Н. ни крови, ни тела, ни костей, ни мозгов, грызи себя злая грьжа у тридевять рек, головы, и не ешь ты, злая грьжа, у меня раб. Б. Н. ни крови, ни тела, ни костей, ни мозгов, грызи себе злая грьжа у тридевять гор головы, а не ешь ты у меня, р. Б. Н. ни крови, ни тела, ни костей, ни мозгов, грызи себъ злая грьжа у тридевять древ головы, а не ешь у меня р. Б. Н. ни крови, ни тела, ни кости, ни мозгов, грызи себе злая грьжа, горькое древо осину, а не ешь у меня р. Б. Н. ни крови, ни тела, ни костей, ни мозгов от нынъ и до веку, и до гробовой доски, в день и в ночь по всякий час, аминь".

Указ: говори трижды на сало ворванное, или на кисляши, или на матерно млеко, или на щучьи зубы, и мазать безьянным перстом против того места, где грызет.

ЗАГОВОРЫ ПЧЕЛИНЫЕ

1. *Заговор на посадение пчелы в улей.* Пчелы роятся, пчелы плодятся, пчелы смиряются. Стану я на восток против дальней стороны, и слышу шум и гул пчел. Беру я пчелу роя, окарая сажу в улей. Не я тебя сажаю, сажают тебя белья звезды, рогоногий месяц, красное солнышко, сажают тебя и укорачивают. Ты, пчела, ройся у (такого-то), на округ садись. Замыкаю я тебе, матка, все пути дороги ключем, замком; а бросаю свои ключи в Окиан-море, под зеленый куст; а в зеленом кусте сидит матка, всем маткам старшая, сидит и держит семьдесят семь жал, а жалит непокорных пчел. А буде вы, пчелы, моим словам не покоритесь, сошлю я вас в Окиан-море, под зеленый куст, где сидит матка всем маткам старшая, и будет за ваше непокорие жалить вас матка, в семьдесят семь жал. Слово мое крепко!

2. *Пчелиныя слова.* Изосим и Саватий Соловецкие, которые, по преданию первые ввели пчеловодство, даже на Соловецком острове признаны были распространителями и покровителями пчел и бортей во всей русской земле. В народе составилась особый молитвенник, вроде целого молебна, об изобилии и сохранении пчел, в ульях пчеловеда.

ЗАГОВОРЫ ОТ ВСЯКОЙ БОЛЕЗНИ

1. *Заговор от болезни.* Господи Боже, благослови! **Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь.** Как Господь Бог небо и землю, и воду, и звезды и сыро-матерной земли, твердо утвердил и крепко укрепил, и как на той сырматерной земле, нет ни которой болезни, ни кровных раны, ни шипоты, ни ломоты, ни опухоли, так же сотворил Господь меня, раба Божия (имя рек), как сотворил Господь, твердо утвердил и креп-

ко укрепил жилы мои, и кости мои, и белое тело мое, также у меня, раба Божия (имя рек), не было бы на белом теле, на ретивом сердце, ни на костях моих, ни которой болезни, ни крови, и ни раны, и ни шипоты, ни ломоты, ни опухоли. Един архангельский ключ; во веки веков, аминь.

3. *Заговор от недугов.* Заговариваю я у раба Божия (такого-то) двенадцать скорбных недугов: от трясовицы, от колючки, от свербежа, от стрельбы, от огневицы, от колотья, от дерганья, от морганья, от слепоты, от глухоты, от черной немочи. Ты, злая трясовица уймись, а не то проклянута тар-тарары; ты неугомонная колючка остановись, а не то сошлю тебя в преисподняя земли; ты, свербежь, прекратись, а не то утоплю тебя, в горячей воде: ты стрельба, а не то засмолю тебя в смоле кипучей; ты, огневица охладись, а не то заморожу тебя крещенскими морозами; ты, ломотье сожмись, а не то сокрушу тебя о камень; ты колотье притупись, а не то распилю тебя на мелкия частички; ты, дерганье воротись, а не то запружу тобою плотину на мельнице; ты, морганье округись, а не то в печи банной засушу; ты слепота скорчись, а не то утоплю тебя в дегтю; ты, глухота исчезни, а не то засмолю в бочку, и по морю пушу; ты черная немочь отвяжись, а не то заставлю воду толочь.

Все недуги откачнитесь, отвяжитесь, удалитесь от раба, (такого-то), по сей час, по сей день, по его жизнь, моим крепким словом.

ЗАГОВОР ОТ ЗЛОБЫ ЛИХИХ ЛЮДЕЙ И О СПАСЕНИИ

1. *Заговор от лихаго человека.* Иду я по чистому полю, на встречу мне семь бесов с полудухами, все черные, все злые, все нелюдимые. Идите вы духи с полудухами, к лихим людям. Держите их на привязи, чтобы я от них был цел и невредим по пути и дороге, во дому, и лесу, в чужих и родных, во земле и на води, во обед и на пиру, в свадьбе и на беде. Мой заговор долог, слова мои крепки, кто слово испровержет, ино быть во всем наивно, по худу, по добру, как во преди сказано.

2. *Заговор о спасении.* Пойду, благословясь из избы дверями в сени, из сеней во двор, из двора в ворота, под красное солнышко, под чистое поле, в чистом поле стоит святая Божия церковь, сами царския двери растворяются, сам, раб Божия (имя) заговаривается от •е- колдунов, от о. ведунов, от •о' колдуньев, от •(с)• ведуньев, кто на меня лиху думает, тот, считай в лесе лесок, в море песок, а на небе звезды, во веки, веков, аминь (трижды) до солнышка прочись.

3. *Заговор от злобы.* Не велик я день родился, тыном железным я оградился, пошел я к своей родимой матушке, к родному батюшке, и ко всему роду и племени, загнувалась моя родимая родушка, ломали мои кости, щипали мое тело, топтали меня в ногах, пили мою кровь. Солнце мое ясное, звезды светлыя, небо чистое, море тихое, поля желтыя, все вы желтыя, все вы стойте тихо и кротко, и смирно, так бы были тихи и смирны, и кротки моя родимая матушка, родимый батюшка вись род и племя, во вся дни, во вся часы, в нощи и полунощи; как пчела поноску носить, так бы родимая матушка, родимый батюшка, вись род и племя плодили добрыя словеса за меня роднова раба (имя рек); как воск горит и тает от лица огня, так бы таяло и горело сердце у родных моих; как лебедь по лебедке тоскует, так бы мой род и племя вись тосковал по мне, своем родном рабе (имя рек); как студенец льет воду по вся дни, так бы текло сердце роду и племени у всех по мне, по рабе (имя рек), как дверь к косяку притворяется, так бы мои словеса к роду и племени притворялись, по вся дни, по вся часы, во дни и в нощи, в полдень и полночь.

МОЛИТВЫ, ЗАГОВОРЫ И ОБЕРЕГИ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К СКОТОВОДСТВУ

1. *Правила пастуху.* (Заговор от нападетя зверей). **Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Сам Господь Иисус Христос, Сын Божия, помози мне р. Б. Н., и постави Господи** около моего скота, милаго моего живота, Власьева рода кругом, со всех четырех сторон черного, и белаго, и краснаго, и пестра-

го, и бурога, и седоватаго, и рогатаго, и комолага, железный тын от земли и до неба, от неба и до земли. И обыди, Господи, около того тына железнаго. Ты, еще реку огненную от востока и до запада, и от запада и до севера, от севера и до лета; и со всех четырех сторон, от земли и до небеси; от небеси и до земли. Кабы не приходил серый волк и сира волчица и рыскуша и лютый зверь и люта волчица, и люта черная медведица. Кабы не обходили всякие звери мимо моего живота, Власьева рода, всякаго чернаго, и белаго, и краснаго, и седатаго и чермнаго, рогатаго, комолага, быков, коров, и телят, и подтелков, и повредили бы зубом, и ногтем и ничем его не вреждал по всякой час, и по всякой день и по всякую ночь, во веки веков, аминь.

2. *Заговор от болезней скота.* **Владыко Господи Боже** наш власть имея всякой твари, Тебе молим, Тебе просим, якоже благоволил и умножил еси стада **патриарха Иакова** благослови и стада скот сих (такого-то) и умножи, и укрепил сотвори его в тысячу крат и избави его от насилия диавола и от иноплеменического ношества, от пленения и зверя, и от всякаго навета врагов, и от воздуха смертнаго, и губительнаго недуга, и поветреннаго падежа, и от зверя хищнаго, и от гадины ядовитой, огради его ангелы Твоими святыми, всякую немощь, всякую зависть и искушение, чаровства же и волшебства от действия находящийся диавольскаго отгоняй от него, **яко Твое есть царство, сила и слава, Отца и Сына, и Св. Духа, и ныне, и присно, и во веки веков, аминь.**

3. *От недугов скота.* Святые мученики и чудотворцы великие: Медосте, Флора и Лавр, Власий и Харлампий, Николай Чудотворец и Георгий Победоносец, вашими всеильными мольбами ко Господу, Спасу Всемиловитому, исцелите и избавите скота сего (такого-то) от поветрия, от падежа, от тлетворнаго воздуха, от смертоноснаго недуга, от смертоносной язвы, от всякой немощи, хвори, скорби и болезни, и от всякаго зла, спасите, сохраните и помилуйте с Матерью Божиею Пречистою Владычицею Богородицею, и приснодевой Мариею, сотворите и явите милость, купно же воздвигните с собою святых безсребренников и чудотворцев Козму и Дамиана, Кира, Иоанна, вись скот помилуйте и сохраните со От-

цем, и Сыном, и Святым Духом, и ныне присно, и во веки веков, аминь.

4. *От ляганья коровы во время доения.* **Господи, Боже, благослови!** Как основана земля на трех китах и на трех китицах, как с места на место земля не шевелится, так бы любимая скотинка (чернушка, пеструшка и пр.) с места не шевелилась. Не дай ей, Господи, ни ножнаго ляганья и хвостоваго маханья, ни роговаго боданья. Стой горой, дои рекой, озеро сметаны, река молока, ключ и замок словам моим.

Наговаривают на воду, которою потом обмывают вымя коровы.

5. *При лечении лошади.* Стану поутру, по раннему, по вечеру по позднему, выйду на сильный ветер, на легкий воздух, возьму я осинову вичку (ветку), пойду я к доброму хозяину на честень пир. Из-под левой ноги, из-под праваго копыта обложу и обвяжу – кругом обнесу, чтобы был по старому, по прежнему, чище и лучше, чтобы более не чула, куда бы ни поехали.

ЗАГОВОР ОТ БЕШЕНОЙ СОБАКИ

На море на Океане, на острове на Буяне стоит дом, а в том дом сидит старица, а держит она жало. Ты старица возьми свое жало и приди к рабу (такому-то), вынь из раба (такого-то) жало смертное. Заговариваю раны колочия на руках, на ногах, на голове, во лбу, на затылке, на бровях и подбородке. Будьте во веки веков на собаке черной, серой, красной, седой, рыжей, белой; сидите, во веке не сходите.

ЗАГОВОР НА ТОРГОВЛЮ

Дела, Господи, рек еси пречистыми усты Своими, яко без меня не можете творити ничто же. Господи мой, Господи, верою объем, души нашей, помози мне грешному, рабу Божию (имя рек), сию нашу жизнь торговлею в купле продаже и меняльстве и во всем. Ты владыко, Господи, сам ее соверши

во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Св. Архангел Михаил во твое святое имя торгуем, спаси, сохрани и благослови своими святыми молитвами раба Божия (имя рек) начати и совершит счастливую и благополучную торговлю. **Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, и ныне, и присно, и во веки веков, аминь.**

ГАДАНИЯ

Гадание в язычестве составляло одно из главных обрядов, которое никак не противоречило богослужению. Наоборот, гадание составляло одно из главных обрядов богослужения. Отцы церкви пытались искоренить гадание, применяя самые разные методы и приемы. Но главным образом старались опорочить, называя гадание ворожбой и бесовским делом.

Гадание на вещах. Молодые люди обоего пола собираются на вечер, берут кольца, перстни, запонки, сережки и другие мелкие вещи. Их кладут под миску вместе с кусочком хлеба. Все сверху покрывают чистым полотенцем, салфеткой и т.п. После этого гадающие поют песню, посвященную хлебу и соли, а затем и другие подобные песни. По окончании каждой песни, запустив руку в миску и отвернувшись от миски, вынимают оттуда какой-нибудь один предмет, попавшийся первым под руку. Это что-то вроде лотереи. К этому применялось содержание песни. Из этого содержания выводили предвещание.

Но поскольку из миски не каждый вынимает свою собственную вещь, то предусматривается выкуп вещей. Тому, кто достал последнюю вещь, поют песню обыкновенно свадебную, предвещая скорый брак. Затем кольцо катят по полу, наблюдая, в какую сторону оно покатится. Если кольцо катится к дверям, то для девушки — близость брака, для мужчины — отъезд.

Был особый обряд хоронить золото. Суть его состояла в следующем. В собрании сидящих девушек, дам и мужчин тихонько дают оставшееся от "подблюдной" песни кольцо. Оно передается тайком от одного к другому из сидящих рядом и смежно между собою. Поручают кому-нибудь из мужчин или девушек искать это кольцо в то время, когда поют обрядовую песню. Ищут до тех пор, пока в чьей-либо руке не найдут кольцо, которое ищут. Дальше все повторяется. Тот, у кого нашли кольцо, становится ищущим и т.д.

Гадали и путем оклика прохожих или проезжающих. Так гадали вечером или ночью. Для этого выходят из дому и останавливаются у калитки. Здесь девушки спрашивают у мужчин: "Кои ваше имя?" При этом надеются, что их будущий жених будет иметь то же имя и ту же внешность, что и опрашиваемый мужчина. В Ярославской губернии окликали с блином на голове.

Гадали и путем подслушивания. Гадатели и гадательницы ходят под окна чужих домов и подслушивают обрывки каких-либо разговоров. В зависимости от характера разговора (веселого или неприятного) и предрекали себе будущее, приятную или скучную жизнь, бранящегося или ласкового мужа. Сняв с насеста курицу, чаще петуха, приносят в ту комнату, где заранее приготовлены на полу в трех местах вода, хлеб и золотые, серебряные и даже медные кольца. В этом, третьем, месте складывают также серьги и другие мелкие драгоценные вещи. Курицу (или петуха) пускают на пол и наблюдают, какую вещь он клюнет или за что примется прежде всего. Здесь дело случая, поскольку птица ночью слепая. Но она по привычке клюет что придется, независимо от того, хлеб это или золотое кольцо.

Здесь имеются разные варианты. Если гадает одна девушка, то она может гадать (загадывать) по своему усмотрению. Если же гадающих много, то сценарий иной. Курицу или петуха пускают в середину круга, который составлен из колец и перстней. Кольца и перстни принадлежат разным девушкам. Чье кольцо петух клюнет, та девушка выйдет замуж в этом году.

Гадали и о том, что же их ждет после замужества. При этом начало такое же – вода, хлеб, уголь и кольца. Если курица или петух станет пить воду, то будущий ее муж будет пья-

ницей. Если курица первым делом будет есть хлеб, то муж будет с достатком. Если курица вначале примется за уголь, то муж будет бедняком. Если курица клюнет золотое кольцо, то муж будет богачом, если серебряное – то он будет в достатке, если она клюнет медное кольцо, то муж будет скудный по труду. В этом случае он может оказаться волокитю.

Если девушек-гадательниц несколько, то каждая может гадать индивидуально. Каждая гадательница делает свой круг, у нее своя курица – из своего дома. А дальше все как по нотам.

В Костромской губернии было принято ходить по птичьим закускам или дворам и, закрыв глаза, наугад снимать курицу с насеста. Далее по цвету курицы судили о цвете волос суженого или суженой.

Такие же гадания были и в Сибири. Но сценарий здесь был иным. На середину комнаты впускали и курицу и петуха. За ними внимательно наблюдали. Если петух гордо расхаживал и шипал курицу, то муж будет сердитый (петух имитировал мужа). Если курица сопротивляется, храбрится, это свидетельствует о том, что жена будет "одерживать верх над мужем".

Гадание на лошадях. Для этого из конюшни выводят лошадей, но обязательно через оглоблю или же через какую-либо жердь. А дальше внимательно наблюдали. Если лошадь зацепляла за оглоблю или жердь ногами, то у девушки ожидался муж сердитый, а жизнь девушки могла случиться несчастной. Если же лошадь удобно перешагивала, не зацепив жердь или оглоблю, то девушке предстояло счастливо прожить свою жизнь со своим смирным ласковым мужем. Это древнее гадание сохранилось до последнего времени. Иногда все происходит по модифицированному сценарию. Так, иногда садятся верхом на лошадь, у которой завязаны глаза. Лошадь пускают из ворот по ее воле. В какую сторону лошадь пойдет, туда девушка выйдет замуж.

Гадание у ворот. Для гадания выходят к забору или же, просто стоя за воротами, ночью говорят: "залай, залай, собаченька! залай, серый волчок!" Далее говорят: "где залает собаченька, там живет мой суженый!" Откуда девушка услышит

лай, туда она будет отдана замуж. Чем дальше и глуше слышится собачий лай, тем дальше девушка будет выдана замуж. Если лай собаки хриплый, то девушка выйдет замуж за старика. Если лай собаки звонкий и тонкий, то у девушки будет молодой жених.

Гадание башмачком. Девушки снимают с левой ноги башмачок и кидают их за ворота. При этом наблюдают, в каком направлении башмак ляжет носком. В том направлении (туда) будет отдана замуж девушка, которая кидала башмачок. Если же носок башмачка направлен к воротам, то девушке в этот год жить дома и замуж она в этом году не выйдет.

Гадание топором. Это древнее гадание. Еще при Ксерксе I таким путем определяли виновного. Гадание проходило так. В топор вбивали деревянный кол и держали его обеими руками так, чтобы кол было легко вращать. При вращении топора произносили имена подозреваемых. На чьем имени он "покривится", тот и оказывался виновным. При Ксерксе I такой человек лишался жизни. На Руси это гадание не угрожало жизни. Гадали на замужество. При верчении топора называют имена девушек. Та из них выйдет замуж в этом году, на имени которой топор "покривится".

Гадание на луковицах. Берут несколько луковиц и помечают каждую из них. Затем луковицы кладут на землю и ждут. Чья луковица ранее даст росток, та из девушек раньше других выйдет замуж.

Гадание яйцом. В стакан наливают чистую воду. В нее очень осторожно выпускают свежее яйцо. Дают ему несколько отстояться. А затем изучают расположение белка в жидкости. По нему и судят о будущем.

Гадание на поленьях. К поленице девушки подходят задом. Совершенно случайно, не глядя, берут полено, которое попадается. Затем каждая девушка осматривает свое полено. Если полено гладкое, то будущий муж будет хорошим и красивым. Если же полено с шероховатой корою, то муж будет некрасивым. Если полено в хорошей коре, но толстое, то муж будет богатым. Если полено местами ободранное, то муж будет нуждающимся. Если полено вообще без коры, то муж будет бедным. Если полено толстое, то и муж будет толстым.

Если полено с сучком, то будет большая семья. Сколько сучков, столько будет членов семьи. Если полено кривое, то муж будет уродливым или иметь какие-нибудь физические недостатки.

Гадание воском, оловом или свинцом. Выливают воск или олово в воду. По вылитым фигурам судят о происшедшем или о том, что будет происходить. Так предсказывают судьбу или узнают, что произошло. Можно гадать о счастье, несчастье, неудаче или удаче, урожае или голоде.

Гадание на головной убор. Девушка берет головной убор, кусок хлеба и кусок дерева. Эти три вещи она кладет в пустой чистый горшок. Все это девушка сопровождает "приличными наговорами". Затем ей завязывают глаза. В таком состоянии она подходит к горшку и берет то, что ей попадется. Если она возьмет головной убор, то она в этом году выйдет замуж. Если она возьмет хлеб, то она останется девушкой. Если она возьмет кусок дерева, то это уж совсем плохо — ее ожидает смерть, гроб.

Гадание лучиной. Гадают на то, кто сколько проживет. Девушка берет в руку березовую лучину, бежит к роднику, реке или к колодцу. Затем она окунает эту лучину в воду. Вернувшись домой, она зажигает эту же лучину на огне. Если лучина снова загорится быстро, то жизнь будет долгой. Если лучина и вовсе не загорится, то девушку ждет в этом году смерть. Если лучина горит с треском и горит не особенно ровно, то в продолжение этого года девушка будет хворать.

Гадание на коровьей или воловьей коже. Гадают на снятой с крупного рогатого скота коже. Несколько девушек берут столешник, хлеб, ножик и коровью сырую кожу. Со всем этим они идут на перекресток или на прорубь. Там они расстилают кожу, кладут на нее хлеб и ножиком очерчивают круг. Садятся внутри этого круга. Закрывают себя столешником или скатертью. Девушки берут друг друга за мизинец и делают завещание, чтобы судьба известила их, что случится им в нынешнем году. В таинственной тишине ночи они прислушиваются к каждому шороху. Одной из девушек слышится, что едут женихи большим поездом. Другой чудится, что на поле большое собрание народа, знак обильной жатвы и т.п. Кстати, Вальтер

Скотт описывает подобные гадания в Шотландии. Там также гадают ночью. Сидят, завернувшись в сырую коровью или воловью кожу, и ждут ответов на заданные вопросы. Некоторые при этом имеют видения, которые открывают им будущее.

Гадание на сковороде. Хотят узнать имя будущего жениха. Для этого кладут на стол солому, сбитую в ком. На этот ком соломы ставят сковороду. На сковороду кладут камень и льют немного воды. Затем каждая из девушек потихоньку, осторожно вынимает по соломинке из-под сковороды. При этом неизбежно возникают разные колебания, равновесие нарушается, камень начинает в ту или иную сторону смещаться. Возникают некоторые звуки. В этих звуках надо постараться услышать имя будущего жениха.

Был и другой сценарий. В сковороду наливали воду и клали камни. Сверху клали растрепанные хлопья льна или пеньки. Все это зажигали и накрывали горшком. Если вода сильно заклокочет, то у девушки будет сварливая свекровь.

Гадание на кольце, хлебе и крючке. На пол кладут кольцо, крючок из соломы и кусочек хлеба. Все эти три предмета покрывают платком. Затем из-под платка вынимают наугад одну из этих трех вещей. Если достанется кольцо, то жених будет щеголь, если достанется хлеб, жених будет богач, а если достанется крючок, то жених будет бедняк. Бедняк всегда горбится от труда и всем кланяется. Поэтому кржк.

Гадание у омета соломы. Подходят к омету соломы, закинув голову назад. Ртом берут соломинку. Если соломинка окажется с колоском, то вышедшая замуж девушка будет богатой. Если же соломинка попадет без колоса, то жизнь у девушки будет бедная.

Гадание на перекрестке в полночь. Для гадания девушки выходят в полночь на перекресток. Там каждая из них загадывает желание — о своем будущем женихе. Затем очерчивают круг и стоят в нем, прислушиваясь к каждому шороху. Если им (одной из них) причудится звон колокольчиков или смех или веселое пение, то услышавшая это девушка выйдет замуж. Если какой-либо из девушек послышится плач или унылое пение, то впереди девушку ждет смерть. На перекрестке также смотрят в зеркало и видят в нем своего суженого и ряженого.

Гадание под окном. В полночь гадающие девушки садятся у окон. Каждая из девушек приговаривает: "суженый, ряженный, поезжай мимо окна!" Если после этого кто-либо из них услышит движение с криком и свистом, то жизнь девушки будет веселой и счастливой. Естественно, она будет замужем. Если движение будет тихое, то девушка, которая это услышит, будет жить в бедности.

Гадание на бобах. Известна пословица: "Чужую беду руками разведу, а к своей-то беде и ума не приложу". Эта пословица родилась из другой, истинной, пословицы: "Чужую беду бобами разведу, а к своей беде и ума не приложу". Именно бобами, а не руками! В начале XVII века в "Потребнике мирском" запрещалось верить бобам. Речь идет о гадании на бобах.

Гадание на бобах проводилось так. Брали 41 боб и раскладывали на 9 кучек по столу в три линии следующим образом. В начале делают только три кучки из 41 боба без счета, а только по внешнему виду. Затем из первой кучки отсчитывают четыре боба, которые кладут в сторону следующим образом: из первой кучки откладывают 4, 3, 2 и 1 боб. Последний будет для образования первой кучки второго ряда.

Затем принимают за вторую кучку (из трех первоначальных). Здесь поступают точно так же, как и с первой кучкой. Остаток бобов присоединяют ко второй линии для того, чтобы во второй линии образовать вторую кучку. После этого точно так же поступают с третьей кучкой в первом ряду. В итоге получают в первом ряду 3 кучки, в каждой из которых будет не более чем по 4 боба.

Второй ряд кучек бобов формируется следующим образом. Его формируют из тех кучек, где бобы были отсчитаны по 4. Все эти бобы необходимо также разложить на произвольные три кучки.

После этого формируют третий ряд. Этот ряд не отсчитывается, а просто делится весь остаток от первых двух линий на произвольные последние три кучки. При этом нужно иметь в памяти слова: желаю, надеюсь, исполнится.

В первом ряду средняя из трех кучек у гадающих названа головой, третья кучка — рукою, средняя со второй — серд-

цем. В третьем ряду третья кучка называется ногою в походе. Эти кучки считаются главными. При гадании выбирают ту кучку, которая по указанной символике ближе к решаемому вопросу. Например:

Голова содержит ответы на вопрос об уме, о способностях и о характере.

Рука ассоциируется с именем, хозяйством, богатством или бедностью.

Сердце ассоциируется с печалью, радостью, чувством, любовью.

Нога в походе ассоциируется с путешествием, дорогой, письмами, отъездом, отправкой.

Далее поступают так. Если решаемая проблема подходит к одной из четырех кучек, то надо посмотреть, сколько будет в ней бобов. Если бобов четное число, то исход неблагоприятен. Если зерен нечетное число, то исход будет благоприятным. Но надо принимать во внимание и положение первой кучки той же линии или ряда, где мы ищем ответ на наш вопрос. Так, если мы видим нечет в нашей кучке (которую мы вопрошаем), а в первой кучке того же ряда – чет, то это надо понимать так: все разрешится благополучно (нечет), но через преодоление препятствий (чет).

Гадание ключом. Берут какой-нибудь ключ, желательнее старый. Его закладывают бородкой между листов переплетенной книги. Книгу крепко перевязывают. В результате ключ крепко держится между страницами книги. Затем за кольцо или на душку ключа вешают книгу на веревку к потолку и загадывают, кто из числа находящихся здесь девушек выйдет замуж. Признаки такие. Если книга, висевшая до этого неподвижно, при названии данной фамилии перевернется, то это значит, что эта девушка в этом году выйдет замуж.

Такое гадание применяли и для того, чтобы определить из многих людей одного виновного.

Гадание на священной книге. Для этого берут книгу духовного содержания. Не раскрывая книги, задумывают себе номер страницы и номер строчки (сверху или снизу). Затем открывают книгу и читают свою строку. В прочитанных словах находят ответ на поставленный вопрос. Правда, ответ

далеко не всегда является прямым. Надо еще применить искусство толкования.

Гадание на зеркалах. Такое гадание проводят только самые смелые девушки. Должна быть абсолютная тишина и полное молчание. Естественно, не должно быть никаких посторонних. Поэтому гадают ночью.

Имеются разные сценарии гадания на зеркалах. Мы приведем только некоторые.

На стол в темной комнате ставят зеркало. Перед зеркалом зажигают свечу. Девушка, которая гадает на свою судьбу, входит в комнату с зеркалом и свечой. Она смотрит на зеркало через свечу. Это длится определенное время, но ни в коем случае нельзя отвлекаться ни мысленно, ни физически. В конце концов она должна увидеть в зеркале своего суженого. Когда же она скажет "чур меня", то видение непременно исчезнет.

Другой сценарий известен в Сибири. Там ставят два зеркала одно против другого. Перед одним зеркалом девушка ставит две свечи на стол. Другое зеркало она ставит за собою таким образом, чтобы она стояла между двух зеркал. Девушка зажженной лучиной очерчивает круг. Но лучинка не простая. Этой лучиной в сочельник был зажжен огонь. Дальше как обычно – девушка внимательно смотрит в зеркало, которое стоит перед нею (через свечи). Она должна увидеть своего жениха. Но жениха девушка увидит в особом ракурсе, он будет глядеть на девушку через плечо из заднего зеркала. Оглядываться ни в коем случае нельзя. И надо вовремя сказать "чур меня", а то могут быть нежелательные последствия.

В древних источниках описан и еще один вариант гадания на зеркалах. Берут два зеркала (вечером), желательнее одинаковые по размеру и достаточно большие и устанавливают их друг против друга. Освещают зеркала с помощью двух свеч с того и другого края. Удобно использовать настенное зеркало. Другое зеркало надо взять в руки так, чтобы из направленных зеркал в настенном зеркале образовался длинный коридор, освещенный огнем. Ясно, что зеркала должны быть не только чистыми, но и качественными (без пузырей и других изъянов). Когда зеркала установлены одно против другого и освещены

щены свечами одинаковой высоты, то девушка (или кто-то другой) должна удалить из комнаты кошек, собак, птиц и вообще посторонних лиц. Может присутствовать только один или два ассистента. Но ассистенты не должны смотреть в зеркало, не подходить к тому, кто гадает, и ни в коем случае не разговаривать.

Девушка, которая села гадать, должна смотреть в зеркало пристально и неподвижно. Взгляд она должна направить на конец зеркального коридора, который образуется от двух зеркал, направленных друг против друга.

В этом гадании надо проявить терпение. Можно просидеть далеко за полночь и ничего не увидеть. Можно даже вздремнуть и во сне увидеть кое-что интересное. Но вообще говорят, что зеркало перед началом видения тускнеет. Свечи также теряют свой первоначальный свет. Если такое происходит, то надо быть начеку — скоро появится видение.

М. Забелин в книге "Русский народ" (1880 г.) описал такой случай гадания с зеркалом. Приводим его описание дословно:

"Приведем один случай, описанный покойным профессором Русской истории М. П. Погодиным, почерпнутый им из записок одной известной графини В. Д. Б., которая, в свою очередь, получила этот рассказ от Е. О.

В 1807 г. в обществе подруг Е. О. в доме помещика зашел разговор об опасностях и трудах близких сердцу отсутствующих, бывших в армии. Известий никаких в деревне. Между молодыми девушками зашла речь о гадании в зеркало: одни не верили, другие сомневались в способе гадания, а некоторые верили, и одна из подруг обратилась к хозяйской дочери, чтобы та погадала в зеркало.

"Посмотри-ка, где теперь мой брат и что с ним теперь? — просила подруга.

Хозяйская дочь установила зеркала и села при известной обстановке, прочие подруги расположились поодаль...

Долго молча сидела гадалыщица, и все было бесплодно, некоторым это стало надоедать, как вдруг она заговорила:

Вот, вот туман сходит со стекла, вот лесок, песчаный берег, река, большая быстрая река! Господи, сколько народу!

Все войска... лагерь, солдаты, пушки, кони на обоих берегах. Что это так суетятся у подошвы горы, на самом берегу? Кажется, все штабные тут... А, отчалила лодка с того берега. В ней маленького роста генерал сидит; вот плот по середине реки. Другая лодка причалила, смотри! Е. О. подошла и стала за стулом подруги: посмотрела в зеркало и увидела то же самое. Вот и другой генерал взошел на плот. Он повернулся... Государь! — вскричала хозяйская дочь и сама вскочила, пораженная удивлением.

Это событие было 13 июня в день Тильзитского свидания двух императоров: Александра I и Наполеона I, о котором никто не думал, не гадал, а тем более эти молодые девушки".

Приглашение ужинать. Приглашают ужинать будущего жениха. Для этого накрывают для суженого стол, ставят два прибора, хлеб, соль ложки. Вилки и ножи не кладут. Около полуночи девушка, которая приглашает своего жениха, садится за стол одна. Она очерчивает круг и говорит: "Суженый, ряженный! Приходи ко мне ужинать". Точно в полночь должен явиться жених в том самом одеянии, в котором он должен быть при бракосочетании. Жених садится за стол.

Чтобы видение исчезло, девушка должна сказать "чур меня". Но для страховки, если зачурание не поможет или если гость засидится, то берут с собой петуха. В нужную минуту петуха надо "давнуть" и он запоет. Видение должно будет исчезнуть. Если видение вынет из карманов какой-либо предмет (ножик, портсигар и т. п.), а исчезнет скорострительно, то предмет останется. Надо обратить внимание на то, что перед появлением видения слышится вой и свист ветра, а также чувствуется серный или даже смрадный запах.

Гадание на полотенце. На ночь из окошечка вывешивают белое полотенце. При этом приговаривают: "суженый, ряженный, приди и утрися". Если вскоре после этого полотенце окажется влажным или мокрым, то в этот год девушка выйдет замуж. Если к утру полотенце останется сухим, то в этом году мечты девушки не сбудутся.

Гадание у бани. Это гадание в старину было в большом ходу. Бани всегда располагались на краю селений. Когда там банились девушки, то они (по отдельности) подходили к при-

открытой двери и, обнажив определенную женскую часть тела говорили под прикрытием сумрака ночи несвойственную для девушек и тем более девственниц фразу, в которой они предлагали домовому прикоснуться рукой к этой части тела. Если девушка почувствовала руку мохнатую, то у нее будет богатый жених, и она выйдет замуж в этом году. Если рука холодная и голая, то жених будет бедным. Если рука домового шершавая, то жених будет со скверным характером.

Гадание на петухе и курице. Связывают хвостами вместе петуха и курицу. Их сажают под решето и наблюдают, которая из птиц потянет за собой другую. Если потянет петух, то у девушки будет такой муж, который будет верховодить во всем и держать ее в ежовых рукавицах. Если курица потащит петуха, то жена будет властвовать над мужем.

Мостик. От веника собирают прутики. Их кладут сложенными в виде мостика под подушку. Это делает девушка. Ложась спать, она приговаривает: "Кто мой суженый, кто мой ряженный, тот переведет меня через мост". Во сне должен явиться суженый и перевести свою будущую жену через мост.

Пересол. Специально пересаливают пищу, которую едят перед сном. Затем, ложась спать, приговаривают: "Кто мой суженый, кто мой ряженный, тот пить мне подаст". Во сне появится суженый и напоит свою будущую жену.

Гребень. Кладут под голову гребень. При этом говорят: "Суженый, ряженный, причеши мне голову..." Явится во сне и причешет.

Снег. Ложатся на снег навзничь. Остается фигура на снегу. Поутру идут смотреть, как она изменилась. Если след остался гладким, то будущий муж будет смирным и спокойным. Если эта фигура окажется иссеченной, то с мужем не повезет, он окажется драчливым и вздорным.

Карта. На ночь кладут бубнового или другого короля под изголовье. Загадывают на суженого-ряженого или на то лицо, которым девушка увлечена. Во сне все прояснится.

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ

Кажется, нет в мире ни одного более торжественного пиршества, которое можно сравнить со свадебным обрядом, началом и совершением брака, началом и венцом любви, о котором молодые головы поэтизируют за несколько лет прежде, избирая в своей фантазии подходящий идеал, пока не находят его.

Каждый народ имеет свои взгляды и обычаи на обряд брака. Но как молодые мужчины, так и женщины у нас на Руси (из простонародья), несмотря на всю простоту их незатейливого быта жизни, понимают, что значит вечная связь, даруемая венцом: связь с лицом неузнанным, часто порочным, законченная венцом – неразрывно до конца жизни того или другого. Все девушки это понимают ранее супружества, но рассчитывают на брак как на лотерею, как известно, не всегда надежную.

Девушки иногда прибегают к гаданиям весьма неблагоприятным: сироты в Радоницы ходят на могилки своих родителей прощаться и просить себе благословения на судьбу свою. *Покров* и *Пятница Прасковья* считаются покровительницами невест в простом народе. Невесты, заботясь о своей будущности и об хорошем житье-бытье (худого никто не желает), во время праздника Покрова молятся: "*Батюшка Покрово, мою голову покрой!*"

В разных регионах северной России свадебные обряды весьма разнообразны и многочисленны до того, что представляют вообще картины чрезвычайно живые вообще, и весьма разнообразные по своей характерности. Здесь представляется самая полная этнографическая картина с ее поверьями и обрядами, и что главное, здесь – то и отсвечивается символ и та аллегория обрядов, которые уже потеряны в смысле народном и существуют только по исполнению, как обычаи.

Эта народная пиеса, ежедневно повторяемая, вообще интересна, так как нигде она не характеризуется лучше всего, как в свадьбах; здесь вы слышите и видите жизнь и веселье, умилительные и трогающие душу черты из народного быта и те религиозные обычаи, с которыми слиты все эти обряды. Здесь сливается старое с новым, религиозное с народным, а печальное с веселым.

Обычай похищать девиц. Этот обычай, по словам Нестора, существовал у русских славян, так например: у радомичей, вятичей, северян: были *игры межи* селы, то есть между полей, а не между сел. Здесь во время игр, песен и плясок мужчины выбирали себе невест и уводили к себе в дома.

В воспоминание этого дохристианского обычая древней Руси у нас осталась древняя песня прососеяния, начинающаяся так: "А мы просо сеяли, сеяли"... Древляне уводили к себе девиц, как в древности римляне сабинянок. Самое выражение "играть свадьбу" напоминает древние игры, чем начиналось приобретение невест.

Преследование обычаев духовенством. Во время свадеб в старину всегда присутствовали глумотворцы (шутники), органики, гусельники (гусяры). Обычай этот существует и поныне; не раз церковь восставала против таких порядков, которые суть прямо следы язычества, и хотела отделить все обычаи пред венчанием и по венчании, но этого было нельзя искоренить, так как самый акт, основанный в своем будущем на любви и согласии, на семейном счастье вызывал веселье.

Кроме языческой стихии, оставшейся в свадебных обрядах, сюда же вошли обычаи и от других народов во времена позднейшие.

Покупка девиц. Геродот упоминает о древнем обычае енотов, пришедших из Иллирии. Здесь, говорит этот историк, в известное время девушки, достигшие совершеннолетия, сходились, в сопровождении своих родителей, в одно место, туда же стекались молодые люди и вообще мужчины и покупали девиц. Не отсюда ли и мы заимствовали до сих пор существующий обряд покупать невест или выкупать, причем жених дарит девушек?

Снимание сапога. В русском коренном обычае водилось и посейчас местами водится, что новобрачная должна разувать своего супруга. Этот обычай в древности, вообще говоря, изображал покорность, рабское отношение, даже унижение (кто же снимает другому сапоги, если не человек вполне подчинившийся). Из истории мы знаем, что этот обычай был даже во времена Владимира и то, что дочь Полоцкого князя не захотела его разуть.

В Германии во времена Лютера был тот же обычай, чтобы в первую ночь брака снимала молодая супруга сапог и клала его на небо постели (в изголовье) как знак господства супруга над женою, мужчины над женщиной (порабощенной).

Омарий и Гербенштейн говорят о том, что в их пребывание в Москве даже на княжеских и боярских браках совершался обычай разувания и троекратное ударение плеткою, которую вместе с гостинцем клали в ларчик. Обряд этот продолжался в Литве до Ягеллона и доныне сохраняется в крестьянском быту.

Куничное на свадьбе. В старых свадебных обычаях упоминается должно быть тоже какое-нибудь языческое предание. Куница в свадебных обычаях есть памятник норманских народов. Если сказать куна, кона (kona, kuno), что значит — женщина, это высказывается по истории, сбор новобрачных крестьян и вообще — простолюдинов. Куница, как мы увидим, осталась существенной единицей в наших простонародных песнях свадебного характера. В южно-русских песнях невеста уподобляется иногда *черной кунице*, а жених — *черну собою*.

Мы должны припомнить из истории, что в России до введения монеты металлической предметом денег были преимущественно меха; отсюда возникают слова: куна, пол-куны, пол ушка (полушка, медная мелкая монета). Если впоследствии явился металлический чекан, то, разумеется, была произведена и сравнительная оценка и, как должно думать, нарицание счета удержалось то же, которое существовало при кожаных деньгах.

Отсюда возникает сравнение молодых людей то с куницей, то с сободем как оценка достоинств, и сейчас у нас существует поговорка: "*взглянет — рублем подарит*".

Было известно не в одной России, но во всей Европе, *девичье куничное, свадебная кунница* — выражение, согласованное с значением окупа за невесту, выражение, равняющееся смыслу крепостного права и порабощения женщины. Что существует и по сей час в некоторых губерниях России.

Свадебные птицы. Еще в язычестве у литовцев в первый день бракосочетания муж раздирал принесенную ему на постель жареную куропатку, часть которой давал есть своей супруге. У немцев в средние века давали новобрачным жареную курицу, которая называлась: *брачною* или *любною*. Жареную курицу (куря вечерняя) в первый день подносили новобрачным и в России, как то видно из описания старинных свадеб XV столетия. В Москве и по сие время дарят молодых парой живых гусей в ленточках, а даже иногда и лебедей, а в старину на столах княжеских молодым подавали жареных лебедей. Есть поверье в народе, что только и можно есть лебедей новобрачным.

Головной убор новобрачной. Известно, что в России новобрачной надевают на голову кокошник, кокуй или кичу, расплетают косу на двое, с известными при этом песнями. Обычай этот, по видимому, перенят у татар, как думают Плено Карпин и Вруина; но Грим говорит, что и у немцев было обыкновение: у новобрачной не распускать волос, а связывать их на голове и прикрывать чепцом. Тертулиан говорит, что у язычников было обыкновение женщинам являться покрытыми, у евреев — тот же обычай, у русских фата изображает, и до днесь, символ стыдливости и скромности. Поэтому можно заключить, что все наши старинные обряды, отчасти исчезнувшие, отчасти существующие и поныне, не имеют полного характера новости, или своеобразности, но скорее заимствовало путем влияния от других народов.

Баня, мех и солома брачной ночи. К числу народных обычаев, существовавших даже в царских и боярских домах, принадлежали: мытье в бане накануне свадьбы и после ея, также постилка ржаных снопов вместо постели и усаживание молодых на меха. Мытье в бане выражало чистоту брачного ложа и вообще чистоплотность, спанье на снопах — прибиток в доме, а на мехах сидение — богатство. Таковые обычаи существуют и поныне.

Вскрывание молодых. Со введением некоторых европейских обычаев Петром Первым многие старинные обычаи были воспрещены и между прочим *вскрывание молодых* запрещено указом. Петр Первый старинную свадьбу с ее причудами обратил в шутку, что видно из свадьбы папы и шута Шанскаго.

Предосторожности и приметы свадебные. Свадьбы обыкновенно чаще всего бывают или о святках или близ Семика. Так, по крайней мере, объясняется Красная горка по весне и рождественские праздники (купальские гадания). Нужно заметить, что все свадебные обряды сопровождалось да и по сей час сопровождаются различного рода предосторожностями от лихого глаза или от лихого человека. Мы найдем место поговорить от этом впоследствии, а сейчас скажем, что описания могли быть и справедливыми при том складе дела и при том воззрении на предмет, в каком он находится.

Свадебные песни в отношении их значения. Кто не знает, кто не слышал свадебных песен? Кто не понимает их значения? Все это очень просто до наивности. У римлян девицы пели песни до полуночи у спальни новобрачных. А у русских весь свадебный обряд сопровождается песнопением, как то видно из величаний и песней во время стовора, девичника и т. п.

В характере этих песен вообще высказывается приготовление к обязанностям жены и хозяйки, изображение замужней жизни; иногда выражение тоски девицей при воспоминании о том, как волей-неволей она должна оставить дом родителей. Вообще так называемые "свадебные песни" содержат в себе отметки старинных обычаев, а в некоторых припевах упоминаются Ладо, Тур и Леля как Славянские боги любви и радостей. В них встречаются: синее море, горюч камень, терема и светлицы, скатерти бранья, караваи, перепечи, сахарные явства, тривны и проч. — и тем указывают на свое старинное происхождение.

Суженый. Происхождение этого слова надобно производить от "судьбы", которая посылает невесте жениха. Самое слово "невеста" (означает неизвестная, неведомая) указывает уже на тот русский обычай, когда девушку жених мог видеть только после венца, в качестве новобрачной, точно так

же и невеста своего суженого, так как оба молодые сочетались браком по воле не своей, а родительской. Отсюда понятно, что называя в старину венчание "*Судом Божиим*", видели в этом обряде заведомо сочетание молодых людей на веки, до могилы, возлагая свои надежды на Бога, который Сам в этом случае *присуждает* им брачный венец.

Свадебное причитание, голосование. Есть суеверие, что будто бы невесте необходимо в девичнике и перед свадьбой плакать, основываясь на старинной поговорке: "*Не плачешь за столом, будешь плакать за столбом*".

В некоторых местностях и по сие время существуют причитания или голосования, так например, по словам профессора Снегирева, в Верховолжском посаде. Сватаньем невеста, накрытая фатою, среди подруг-девиц садится на возвышенное место с искусною причитальщицей и начинает *причитать*, то есть говорить наивным голосом приличное слово или привет отцу и матери, братьям, сестрам и всем родственникам, прощается со своим домом, и если ее выдают на чужбину, то и с подругами.

Свадьба с трубами. На свадьбах русских царей и важных бояр кроме песен играли в трубы зурны, как то известно из описания свадеб в XVII веке. Подобные свадьбы так и назывались *свадьбы с трубами*. Царь Алексей Михайлович, во время бракосочетания своего с Натальей Кирилловной, велел вместо труб и органов петь своим государевым певчим, дьякам, всем станицам попеременно строчные и демественные большие стихи из праздников и триодей хорошие стихи со всяким благочинием. Совершением церковного обряда окончились песни и главные обряды свадьбы.

Деревенские обычаи. Из всех лиц, участвовавших в свадьбе, самым деятельным лицом по возложенной на него обязанности это — дружка. Он распоряжается всем, что только принадлежит свадьбе и свойственным свадьбе обычаям. Каждая местность имеет свои особенности и оттенки и дружке (шаферу) эти обычаи должны быть известны как свои пять пальцев; он должен быть и знаток в обычаях, и песенник и весельчак, и плясун, вообще ловок, смьшлен, а также и не дурен собою и в обращении.

Вот как описывают свадебный обряд, записанный в селе Бурщев на Волге в Нерехотском уезде Костромской губернии.

Когда все готово, дружка едет ко всем родным и знакомым с той и другой стороны бракосочетающихся и от имени жениха и невесты зовет всех в гости, приветствуя при этом обычным рифмованным наговором:

Бью челом бачко... (имя отчество).
 Бью челом мачка... (имя отчество).
 К новобрачному князю,
 К молодой княгине,
 Хлеба кушати.

Когда дружка объедет всех и приготовит весь поезд со стороны жениха к невесте собранный, то первоначально обращается к отцу и матери, говоря:

Еста! сватушка коренной и сваханька коренная,
 Вы сродников созывали,
 Харобрый поезд собирали,
 Новобрачного князя снаряжали,
 В цветно платье одевали,
 За столы дубовые сажали:
 За столами за дубовыми,
 Сидят гости собранные,
 Пьют, прохлаждаются,
 Храбрым поступком похваляются:
 У тебя де, сватушка, на дворах на широких
 Стоят кони запряженные,
 Во дороженьку припасенные,
 Стоят кони поминаются,
 С широка двора порываются,
 Новобрачного князя дожидаются.
 Новобрачный князь собирается,
 Во цветно платье наряжается,
 Стоит на резвых ногах,
 Просит родительского благословения:
 Благословите, сватушко, свое дитя,
 Из места статью,
 Святым помолитесь!
 Благословляйте!
 Из за столов идти из за дубовых,
 Из за скатертей из за браных,
 Из за ествицев из за сахарных,
 Из за питьецов из за медвяных,
 Через порог переступить,
 По мосту по колоновому,

По лестнице по брусчатой,
Широким двором идти,
Ко добру коню придти,
На добра коня садиться,
С широка двора съезжат,
Гладкой улицей проезжать,
В чисто поле въезжать;
По лугам ехать по зеленым.
По цветам по лазоревым
Цветки разцветали,
Поднебесный пташки распевали,
Новобрачного князя увеселяли;
Едет де наш новобрачный князь
По свою новобрачну княгиню,
Сужену взять, ряжену взять,
По Божьему велению –
По царскому уложению
По господскому приказанью
По мирскому приговору.
Благословляйте!

Дружко, покончив эту стихотворную речь, обращается к гостям:

Еста добрые люди!
Гости полюбовные!
Званые и незваные!
Усатые и бородастые!
Холостые не женатые!
У воров приворотнички!
У дверей притворнички!
По полу ходючи,
По середь стючи,
Из кута по лавке,
По кривой, по скамейки!
Благословляйте!

Потом, увидя молодых женщин, говорит им:

Молоды молодки!
Хорошия походки,
Куньи шубы,
Соболиные пухи,
С поволоками глаза,
С помали голова.
Золоты кокошки,
Серебряны сережки,
Дочери отецки,
Жены молодецки!
Благословляйте!

После сего дружко, встав, приветствует девиц:

Красныя девицы!
Пирожныя мастерицы.
Чесаныя головы,
Обутыя голени
Криночныя блудницы
Сметанку снимали,
Кокурки месили
Под застрех хоронили.
Пастушков дарили.
Благословляйте!

Наконец дружко обращается к малым ребятам, говорит:

Еста! малые ребята
Свиные!..
Кривые желудки,
Жимолостныя ноги
Броховичныя рожи,
...
...
Благословляйте!

Потом дружко едет с женихом к невесте. Не доехав до селения, в котором живет она, оставляет поезд в поле, а сам с подружием приезжает на двор к свату. Сват встречает их с пивом в руках, дружко, приняв пиво, говорит такого рода прибаутку:

Еста! сватушка коренной.
Я иду сам – третий с ковшом.
Резвы ноги с подходом,
Белы руки с подносом,
Ковшик с питьем, Голова с челобитьем;
Ковшик тебе принять да пить,
После того здоровью быть
В ручки, в ножки,
В буйну голову,
В ретиво сердечко.
Ковшик прими и вкушай,
А меня там в горница
Выслушай!

Затем, входя в горницу, дружко говорит:

Еста! сватушка и свахонька коренные,
Нам сват и сваха приказали про вас распросить.

Про свое рассказать:
 Наш сват и сваха добры и здоровы
 По сяков день и по сяков час.
 Как вас Бог несет?

Потом дружка присядет на несколько минут за стол. Вставши, берет пиво и потчует свата, повторяя сказанный предсим приговор и прибавя к нему просьбу, чтобы поскорее собраться невесту. После сего, по соизволению отца, сажает невесту за стол и, поднося свату пива, просит, чтобы он дал невесте стража. Этот страж сидит близ невесты до самого приезда жениха. Коль скоро такое распоряжение исполнилось, дружка говорит:

Еста! сватушка, я дружка с поддрузьем
 Приехал к тебе на широкий двор,
 Широки двory осматривал,
 Новы стойницы опрастывал,
 Доброго коня в путь поворачивал,
 За точеные столбы привязывал.
 Ваша милость встречали,
 В нову горницу звали.
 Я ходил в нову горницу,
 Богу помолился, с вашей милостью поклонился,
 Ваша милость встречали,
 За дубовые столы сажали,
 Посидел, погостил,
 Что надо себе получил.
 Новобрачну княгиню за стол посадил.
 Не так просто уезжал,
 А сторожа оставлял,
 Богу помолился,
 С вашей милостью простился,
 Из новы горницы выходил.
 На новой двор выступал,
 К добру коню приходил,
 На добра коня садился,
 С широка двора съезжал,
 Широкия улицы проезжал.
 В чисто поле заезжал,
 Храбрый поезд свой искал,
 Мой храбрый поезд
 Стоит в чистом поле за далече,
 За темными лесами,
 За зелеными лугами,
 За черными грязями,
 За быстрыми реками,
 Под ходячими облаками.

Под чистыми звездами,
 Под красным солнышком.
 Под светлым месяцем,
 Под лебединым крылышком,
 Под полотняным шатерком.
 Пьют, едят из чаши медвяной,
 И хваля, про свата спрашивают:
 Если-ста двory широкие?
 На дворах столбы точеные?
 Кольца золоченые?
 Ясли крашеные?
 Ковры шелковые?
 Ну, сватушка! у меня едет велик поезд.
 Сто вершников
 Пятьдесят толешников...

А рюмочку поднесешь, так и убавлю; а другую поднесешь, так и вполовину убавлю; а третью поднесешь, так и сам по себе приеду.

Сват приветствует, говоря, что он всех рад принять. После сего, отправив дружка за женихом, привозит его к невесте. Сват встречает, сажает за стол. После дружка вставши, говорит тоже какой-нибудь соответствующий приговор, расположенный стихами, как например:

Еста, сватушка, коренной!
 И сватушка коренная!
 Благословляйте новобрачна князя —
 С новобрачной княгиней.
 Из места встать,
 Богу помолиться,
 Добрым людям поклониться,
 У отца и матери благословиться,
 Из-за столов идти из-за дубовых,
 Из-за скатертей из-за браных,
 Из-за ествецев медвяных.
 По горенки итти по новой,
 Чрез порог переступить,
 По мосту по калиновому,
 По лесенке по брусчатой,
 Широким двором идти,
 К добрым коням придти,
 На добрых коней садиться,
 С широка двора съезжать,
 Гладкой улицей приезжать.
 Ехать по чистым полям.
 По зеленым по лугам,
 По лазоревым цветам;

Цветки расцветали.
 Поднебесныя пташки распевали.
 Новобрачных увеселяли,
 Едет новобрачный князь,
 С новобрачной княгиней,
 Ко венчанию:
 Под венцом стоять,
 Закон Божий принять,
 Суженую взять,
 Ряженую взять,
 По Божью повелению.
 По Царскому уложению,
 По господскому приказанию,
 По мирскому приговору
 Благословляйте!

Те же наговоры или песни повторяет дружка пред каждым лицом прежде, чем должно ехать к невесте. Когда же возвратятся от венчанья в дом, посидев за столом и кончив его, дружка встает и говорит:

Еста, сватушка коренной
 И свахонька коренная!
 Благословляйте своих детей
 На подклеть идти,
 Под шубой спать,
 Под куньей спать,
 Кунью шубу в ногах топтать
 -
 Здоровенько спать,
 Веселенько встать.

Потом, приветствовав всех гостей и близких, дружка оканчивает всю церемонию свадебного обряда.

Пермские свадьбы. Пермьки женят сыновей очень рано. "Едва минет зонк, то есть когда парню будет восемнадцать лет, то уже отец и мать помышляют о том, чтобы дать ему помощницу. Поэтому редко пермяк достигает 25 лет в холостом состоянии и разве от того, что живет в крайней бедности, в сиротстве, или уже слишком некрасив собою. Ранняя женитьба — непрямый произвол родителей и желание иметь в доме работницу, а иногда удержать шалуна сына от противозаконных шалостей.

Сватовство пермяков. Пермькам свадьба представляет сложность в разного рода предварительных операциях; нужно

испросить дозволения у своего начальства и у приходского священника, когда отец приискивает своему сыну невесту. Подобного рода свадьба всегда решается без участия жениха, стало быть, по старинному обычаю, и ограничивается только советом родственников и близких знакомых, с которыми и совершается совет и судьба будущего благосостояния ближайшего их родственника.

Случается, что жених узнает свою суженую только на рукобитье, а иногда и в день свадьбы; редко случается, чтобы молодой пермяк сам подговаривал себе невесту. Отец жениха сам подговаривает себе девушку с богатым приданым, причем ищет характера и благонравия в подмеченной им девице.

После окончательного решения, какую девушку сватать, начинается самое сватовство (корасем). Это дело всегда принадлежит старшему в семействе или, за неимением, крестному отцу, а то и одному из старших родственников и вообще человеку, опытному в подобных делах.

Принявший на себя обязанность свата наряжается в праздничное платье и едет в дом невесты, летом верхом, а зимой в санях, и непременно покрытых рогожей.

Сват, или по пермяцки сватовщик, при входе в дом отворяет двери избы в три приема. Сначала, отворив немного, снова затворяет дверь наглухо, потом отворяет вторично и опять тотчас затворяет, наконец, в третий раз уже отворяет дверь совсем.

Во время входа в избу, перенеся через порог правую ногу, сват пристукивает о порог пятой и потом уже ступает на пол комнаты. Это пристукивание, по суеверному понятию пермяков, нужно для успеха дела. Выйдя из-под полатей, которые, как обыкновенно, высятся близ входа, сват молится Богу, став под матицу, молча кланяется хозяевам и садится на лавку и до тех пор молчит, пока хозяин не спросит его о причине прихода, и тут уже в ответ на вопрос его начинает по-русски либо по-пермяцки говорить о деле, предлагает жениха, которого, как и водится, расхваливает донельзя. Отец или мать на эти слова отговариваются сколько могут тем, что и девка молодая, и выдать рано, пусть поробит дома и пр.

— Коли-нибудь отдавать жо; девка родилась — век держать не будешь... Жених нашелся стокий, лучше не найдет-

ся; у него всякой скот, пакота (пашня) добра, хлеб из сусека не выводитца.

— Да она не приготовила ишшо ни подарков, ни лопоти (верхней одежды), нет у нее ни каптана, ни сарапана.

— Для че нам каптан, для че сарапан?.. Нам нужна короша работнича.

— Как же, без каптана нельзя; год, другой понаровим, все же зделаем; сево годы (в этот год) нам не год отдавать.

Так начинается первое сватовство, почин делу. Но если отец невесты окончательно почему-либо не захочет отдавать невесты, то говорит свату: У меня нет невесты; ишши ее в другом доме, а ко мне с этим делом (сватаньем) не приходи. А если хошь, приходи за просто за бражкой.

Вообще отец невесты на первых порах бывает в ответах уклончив, и свату нужно не один раз приехать, как говорится, с добрым словом, чтобы получить окончательное согласие и согласиться с отцом насчет рукобитья и стовора.

Если же невеста не желает выдти за предложенного жениха, то отец отказывает во второй или третий раз.

Замечательно, что сватов не угощают у невесты, несмотря на то, что сваты сидят там от 3 до 5 часов.

Пермячки редко сохраняют девство, но женихи на это не обращают особенного внимания и не обегают, а напротив, берут с охотой и даже беременных, рассчитывая, что мирен, скоро работник будет. Рассказывают и такие вещи, что отцы основали такое убеждение: в семье, считая дочерей своих невинными, оскорбляются сватовством, бранят и даже выпгоняют сватов, иногда даже колотят, говоря: "Что раз дичь моя пенна?" то есть виновная (от слова пеня, вина).

В день, назначенный для рукобитья, сватовщик берет у жениха вина, пива, рыбный пирог и с этими дарами является в дом невесты, в сопровождении одного из родственников или родственницы. Но сам жених редко бывает на рукобитье и входит в дом только по желанию невесты.

И тут уже, после полного изъявления согласия, в день, назначенный для рукобитья, отец притворно отнекивается. И только родственники невесты напоминают ему о данном слове, заставляют тем как будто удержаться от отказа и дать согласие.

Тут сват ставит с вином посуду кроме одной, которую оставляют на нужды невесты! Отец ее приказывает зачесть свечу пред иконою и принести хлеб и соль на стол. Затем все в избе молятся с минуту времени. Затем отец заходит за стол, к столу, подходит сватовщик и берутся правыми руками и проговорив: "Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас" сватовщик говорит отцу:

"Смотри сват, ней — мей другаго слова! попятисья — отдашь безчестие, я отступлюсь — я плачу".

С одной стороны товарищ сватовщика, а с другой — мать невесты, разнимают руки; это служит как бы поручительством в том, что между сватами дело начато и утверждено при свидетелях.

После того сват угощает всех присутствующих водкою; а отец, выйдя из за стола, просит садиться. Потом появляется нарядная невеста и обносит всех водкою, принесенною на нужды сватом и дарит всех подарками: преимущественно своего рукоделья, и не дорогими. А гости отдаривают за то деньгами. Если тут присутствует жених, то он тоже получает подарок.

После даров сватовщика и сопровождающего (или сопровождающую) его угощают нарочно приготовленным для них праздничным обедом, состоящим преимущественно из рыбного пирога, студени, щей, двух трех жарких, иногда меда. Во время обеда угощают всех, безразлично званых и незваных, пивом и вином, привезенным сватом, причем напитков не жалеют, а богатый отец невесты иногда расходится до того, что и своим вином угощает. Разъезжаются уже поздно ночью.

Когда на рукобитье бывает жених, то во время даров и столоватя соблюдаются обрядности, поются песни, так же, как и в день свадьбы.

Это рукобитье у пермяков заменяет просватанье. С начала его, по день пирожного стола включительно, в домах жениха и невесты никому не дают денег взаймы и даже вещей и предметов, и невеста считается просватанною. Начиная с этого дня в дом приглашается вытница (плакальщица, причитальщица) и подруги.

Вытница — лицо очень важное в свадебном деле. Обычно в эту должность идут: или старые девушки или замуж-

ние женщины, хорошо знающие пять свадебные песни и руководить хором девушек, разумеется, она должна обладать приятным голосом и манерою петь.

Вытницей она называется не потому, что сама плачет, а потому, что во время ея пения невеста "воет", то есть плачет.

Хорошие вытницы очень редки, и потому у пермяков они в большом уважении.

В течение времени, начиная с рукобитья до венца, как вытница так и девушки, если не постоянно, то все таки и не редко, посещают невесту и помогают ей приготовить подарки, — как невесте, так и самой родне жениха.

В первые дни после рукобитья все родственники, начиная с сторонних и ближних, приглашают поочередно невесту с вытницей и с подругами к себе в гости, для чего присылается так называемый "зватый". Невеста угощает этого зватого вином и дарит его тельником (крестом) и двумя поясками. Для выхода в гости она одевается по-праздничному и вплетает в косу разноцветные ленточки. Став среди избы с подругами и запевалой (вытницей), они поют песню отцу, в которой спрашивают его благословения в дорогу, куда они приглашаются, причем невеста кланяется отцу в ноги. Отец дает благословение и затем тоже — с приличными изменениями песня обращается к матери и к другим старшим в доме.

Получив от всех благословение, невеста отправляется в гости в сопровождении всех своих подруг, если близко — то пешком, а если далеко и зимою — в санях, а летом — верхом. При этом подруги берут с собой сиденье невесты — войлок и подушку и дорогой распевают разные проголосные песни.

Если невеста едет к тетке, то подойдя к переднему крыльцу, девушки ее сопровождающие стелют войлок перед избными дверями и, ставши на него вместе с невестой, поют:

Не хотела ты, матушка,
На мосту меня заморозить.
Прищипало мои ноженьки резвья
К мосту, да к калиновому;
Прищипало мои ручки белья
Ко скобе да ко железною.

Тетка между тем, постлавши в избе к порогу войлок, выходит в сени с туясом теплой браги для невесты и сопровождающих ее подруг. Невеста при этом падает тетке в ноги, а девушки поют краткую песню о кручине невесты, что она в последний, хоть и не в первый раз к ней приходит. Мысль песни понятна — выражает тоску о девической жизни.

Поднесенную брагу, разумеется, пьют все; войлок и подушку вносят в избу. Молятся, кланяются, с женским полом целуются и садятся. Хозяйка с своей стороны дорогих гостей угощает брагой, пивом, вином, пельменями и другими кушаньями. В холодное время, чтобы скорее разогреть невесту, подносят ей теплое пиво с перцем. Коль скоро девицы будут угощены всем до сыта, то они поют песню, в которой от лица невесты славят тетку, благодарят за угощение и выхваляют ея кушанья до нельзя, и не только одной тетки, но каждому порознь члену в доме. За это чествование каждый в доме дарит невесту деньгами от 1 копейки даже до 20 копеек, кроме тетки, которая дарит невесту шамшурю.

Затем поются песни разного рода, и тетка получает от невесты холст на рукава, тельник и два пояска, а хозяин — порты или опояску с тельником и двумя поясками и другие предметы. Все дело в том, что вся пиеса посещения тетки или даже других родственников состояла в прославлении песнями.

В один из последних дней перед свадьбою отец жениха, или за смертью отца старый и ближний его родственник — сватовщик приезжает в дом невесты условиться о дне свадьбы, что значит по-пермяцки — *держать совет*.

Он опять привозит с собою вина, пива, рыбный пирог и челпан, завернутые в платок и обвитые тельником и двумя поясками. Вино поступает к отцу, а пирог с платком, тельником и поясками — матери невесты. За эти подарки мать посылает такие же гостинцы от лица невесты к жениху. Невеста угощает дорогого гостя вином, которое получила при рукобитье, а также пивом, брагой и обедом.

За день или за два до свадьбы отец жениха совещается с семьей, кого поставить в поезжане и особливо в вежливы.

Поезд составляется таким образом: крестный отец, старший брат или дядья жениха — тысяцкие или бояре. Крестная

мать, или старуха тетка, замужняя сестра в – свахи. Младшие братья и знакомые жениха – в дружки и подружки; а какой-нибудь колдун, знахарь – в вежливы. "Присутствие колдуна или вежливыца, по мнению пермяков, отвращает от поезда великой злой умысел или злаго врага" и т. п.

В это время суеверные пермяки особенно опасаются, не оборотил бы кто свадебжан – в зверей или птиц. Поэтому вежливек должен быть силен в колдовстве; оттого людей, годных для этой должности, весьма мало, и вежливек становится чрезвычайно важным лицом на свадьбе – его почитают больше всех поезжан.

Избранные в поезд приглашаются накануне свадьбы в дом жениха. Приглашение это делается со стороны отца, брата или дяди жениха, получающих по этому случаю название "зватых".

Каждому приглашаемому "зватый" привозит в подарок челпан хлеба и кусок говядины, но чаще сырую баранью лопатку. В то же время своего рода приготовления происходят в доме невесты.

В последний день перед свадьбой (в девишник) невесте расплетают косу и водят ее в нарочно истопленную баню, а перед тем как ее вести, поют песни, испрашивая родительского благословения и тоже благословения братьев, сестер и всех других членов семейства.

При всем этом невеста кланяется всем в ноги безразлично, начиная со старших.

В баню отправляются с песнями, точно так же, как и возвращаясь из бани. При встрече мать возвращающихся из бани невесту и подруг потчует брагою и благословляет словом, а затем следует ужин, после которого девушки опять поют благодарственную песню от имени невесты, и, выйдя из за стола и став среди избы, все поют с невестой опять песню, содержание которой заключает в себе просьбу к отцу о даровании благословения на житье в дальней сторонешке. Отец благословляет дочь; она при этом дарит ему что-нибудь из белья с новым приговором, а затем всем родным в доме. Эту песню повторяют матери, дядьям, теткам, братьям, сестрам и другим взрослым домочадцам, а затем невеста делает всем

подарки. Когда же песня кончается, невеста кланяется в ноги вытнице и дарит ее холстом или рукавами.

Вслед за этим девушки садят невесту на лавку и в последний раз заплетают ей косу с ленточками, сопровождая это припевами, сообразными времени.

Потом, с одной или с двумя подругами, невеста ложится за стол на лавку, противоположную дверям, к которой на этот раз приставляется скамейка; прочие девушки, если они одной деревни с невестой, уходят домой, – если же дальние, то ложатся на пол и на полати.

Между тем у жениха накануне свадьбы в избе моют пол и застилают его соломой с тем понятием, чтобы молодой не бедно жил с женой и не "голо", а богато, или, по народному выражению, "толсто". По вечеру жених ходит в баню, впрочем, без всяких обрядностей.

В день свадьбы, лишь только проснет невеста, как девушки опять начинают от лица невесты петь песню, в которой говорится, что: "будто бы постель невесты уплыла по синю морю, что она не могла ее поймать, а что поймал ее один удалый добрый молодец и положил на свою кроватушку". А потом поют девицы, каждому из членов семейства невесты, тоже от ее имени, где высказывается сожаление, что не она им стлала постель в горе и кручинушке, и сомневаются, хорошо ли спали-ночевали тот или другой член семейства. Затем невеста встает и опять просит благословения умываться, снарядиться, под золотым венцом стояти, закон Божий прияти, с чуже-чуженином, и опять падает в ноги отцу и матери, которые, по обыкновению, опять благословляют невесту словами: "Бог благословит!" После того невеста вместе с девушками спускается в подполищу – в голбец – одеваться. Сначала она умывается с мылом, потом она надевает чистую рубашку, новую и лучшую с бельми рукавами, китайник, на плечи шаль или ситцевый платок, на голову – ленту и сверху фату, на ноги чулки и коты. Но прежде всего этого, по народному суеверью, опоясывается по голому телу льком, под пазуху правой руки кладет понемногу льна, шерсти, мыла и на грудь три кренделя или три пряничка. По мнению пермяков, лько – защита от колдунов и уроков припадков; лен, шерсть и мыло

выражают желание молодой носить всегда льняную и шерстяную одежду и ходить чисто и богато; кренделями "выражается" та мысль, чтобы у мужа никогда не переводился хлеб и сытая жизнь. Таким образом, одевши невесту, девушки вместе с нею поют выходя из подполицы песню, где от лица невесты выражают сребра и здоровья Царю и Царице и его малым детушкам, а потом родимым отцу и матери, потом за себя молодешеньку с желанием счастья великого; при этом на самом деле кладут по земному поклону пред образами.

Окончив это моление, девушки с невестою садятся на лавки и поют:

Наглядись-ка родимый батюшка
На меня, на молодешеньку.
Хорошо ли я снарядилась
По Божьи в церковь ехать.
Под златой венец ставати,
Закон Божий принять
Со чужим-то со чуженином?

Эту песню повторяют матери, родным братьям и сестрам, а также и присутствующим родственникам. Затем продолжают:

Я тебе, батюшка,
Бью челом, низко кланяюсь.
Я была у тебя, батюшка,
Малым-то малешенька,
Возле лавочки ходила,
Со по стульчикам бегала,
Брал ты меня, батюшка,
На свои ручки белья:
Поднимал ты меня, батюшка,
Выше буйной головушки;
Говорил ты мне, батюшка:
"Не отдам я тебя, мила дочь,
Ни за князя, ни за боярина;
Посажу я тебя, мила дочь,
Во сады, во зеленые;
Обтыню я тебя, мила дочь,
Тынинами железными;
Покрою тебя, мила дочь,
Камкою трубчатую;
Осыплю тебя, мила дочь,
Мелким частым жемчугом".
Вот сию я у тебя, батюшка,

Во кути, за занавесой:
Обтынил ты меня, батюшка,
Кумушками да подружками:
Покрыл ты меня, батюшка,
Тоскою да кручинушкой;
Обсыпал ты меня, батюшка,
Слезами, да горючими.

В продолжение этой песни невеста плачет не шутя. По окончании этой песни девушки расплетают невесте косу и вновь поют песню, где говорится, между прочим, о том, что невесту берет раздумье: "Кому оставить свою русу косу и девичью красоту?". Оставить ли родимому батюшке, — тот пропьет все это во царевом кабаке за едину чарочку, оставить ли родимой матушке, — та охоча ходити и гуляти; а потому обронит в черную грязь, и, наконец, решается оставить русу косу в церкви Божией, за престолом Богородицы, где ей будет "место и местичко, и житье и красованьицо".

После такой песни начинается ожидание жениха с поездом. Поезжане приезжают к жениху, смотря по времени года, верхом, в санях или на телегах и всегда с большим звоном. К приезду поезжан жених бывает уже одет. Белье его бывает белое, зипун черный и сапоги. В первый сапог жених кладет копейки три медных, и всегда полушками. Ко времени отпуски жениха мать или старшая в доме родственница приносят на стол, накрытый скатертью, челпан хлеба, назначенный для благословения жениха, соль, пиво и брагу и зажигает пред иконами свечи. Жених молится, кланяется отцу и матери в ноги, испрашивая благословения, и, прочитав **Иисусову** молитву, становится за стол, к которому с той же молитвой подходят все поезжане и отдают, один за другим, жениху чрез стол обеими руками принесенные подарки или гостинцы. Они состоят из печеной лопатки или куска сырой свинины, и всегда на хлеб, причем, каждый говорит: "Прими-ко князь молодой, дорогие подарки", и сопровождает, молитвой: "**Господи Иисусе Христе**" и прочее. На это жених отвечает каждому: "аминь — твоей молитве", затем принимает тоже обеими руками гостинцы, кладет их сначала на голову, потом на стол и потчует каждого поезжанина пивом и брагой, редко вином, творя **Иисусову молитву** и приговаривая: "Пей-ка на здоровье

(такой-то). На это, конечно, отзывается каждый поезжанин, к которому обращается жених, словом: "Аминь — твоей молитве" и, приняв стакан, кланяется жениху, приговаривая: "Дай тебе, Господи, долги века, счастье великое, жить да быть, да счастья нажить, скота, живота, хлеба-соли, княгиню-молодицу получить, с княгиней в церковь ехати, под златыми венцами стояти, закон Божий принять!", и затем каждый угощаемый пьет. Мать или старшая родственница жениха уносит со стола гостинцы в куть.

По приглашению хозяина все поезжане, долженствующие его сопровождать, садятся за стол и по обе стороны жениха. Тысяцкий справа, а слева сваха, впрочем, это зависит от расположения избы, но вообще свахам дают одно из мест с краю стола, поближе к кути. Жених во все время сидит или на войлоке, или на подушке. Прежде чем отправить жениха с поезжанами к невесте, поезжан угощают рыбным пирогом, затем ухю, в скоромные дни — бараньей лопаткою, а после всего, как знак окончания закуски — приносят каравай. Что касается до жениха, то он по обычаю в это время ничего не ест, хотя поезжане улаждают во время закуски то пивом, то брагой. После закуски поезжане приготавливаются к невесте, причем дружка, опять-таки благословясь, говорит: "Садитесь отец на отцово, мать на материно". По его предложению родители жениха заходят за стол тоже с молитвой, и дружка начинает, благословясь, говорить:

"Отец родимый! мать родимая! у вас в дому, во светлой светлице, во новой горнице, за новым столом, за скатертью шитой-бранюю, князь молодой сидел с полком — с поездом, с тысяцким, с боярами, с дружкой и с подружкой; не просит у вас князь молодой ни злата ни серебра, а просит вашего благословения — к княгине-молодице ехати, княгиню-молодицу получить, с княгиней-молодицей до Божьей церкви доехати, под златым венцом стояти, закон Божий принять. Чем его благословите? ласковым словом, или низким поклоном, или Божьим образом, или хлебом с солью?"

Отец и мать в это время выходят из-за стола; отец берет икону из переднего угла, а мать — челпан хлеба со стола, и становятся пред столом спинами к переднему углу; жених кла-

дет пред образами три поясных поклона, да два земных, потом падает в ноги отцу и матери. Родители благословляют жениха-сына то образом, то хлебом попеременно, говоря: "Дай Господи тебе княгиню-молодицу получить — закон Божий принять!"

Такой же обряд и тот же порядок исполняют над женихом старшие в доме после отца с матерью, братья и сестры жениха, иногда старшие в семействе и тысяцкий как почетный член жениха и чаще всего родственник.

Но вот далее: Образ кладут за пазуху жениха, а челпан берет дружка. Затем все поезжане и жених, в сопровождении своих родителей, родственников и гостей выходят задним крыльцом во двор, где опять с молитвой садятся, каждый на свое место, кто на чем приехал, кроме дружек, которые всегда бывают верхами. Колдун, или вежливец, между тем ворчит про себя заговор, обходит всех лошадей, передвигает экипажи, потрясывает колокольцы и бубенчики (шаркунцы). Хотя и глупо, с одной стороны, верить вежливым, но, с другой стороны, нельзя и не приглашать простым людям таких знатоков дела в предохранение могущего произойти несчастья от простых причин.

Отец жениха угощает поезжан вином, в случае состоятельности обходя "подачей" всех три раза. Вслед за отцом мать и брат жениха подносят пиво и брату. Дружка творит молитву и говорит: "Тысяцкий воевода! Приготовился ехать или не приготовился". Тысяцкий отвечает: "да или нет", в последнем, случае значит, что он ждет подачи, которая и повторяется. В продолжение этого дружки, обращаясь к жениху, поют песни, вопрошая жениха: "Куда ты, молодец, снаряжаешься со полком, со поездом" и пр. По окончании песни дружка опять спрашивает тысяцкого: "приготовился или не приготовился?" тысяцкий отвечает на это — приготовился. Тогда дружка, как и прежде, сотворив молитву: "Господи Иисусе", говорит: "отец родимый, милые братья, милые сестры, гости званье и незванье! благословите нашего князя молодого, ясна сокола, со всем полком, с поездом и пр. к княгине-молодице ехати и пр.". Приглашаемые все отвечают: "Бог благословит!" После благословения дружки поют: "Соколы вы, соколы, соколы перелетные!

и пр." А потом: "Бояре, вы бояре, бояре приезжие и пр.", и поезд отправляется к невесте, причем дружка везет к невесте подарки. Некоторые подарки весьма оригинальны по назначению — вино для отпирателя ворот у невесты, и для угощения отца и прочих. Пиво — в лагуне, рыбный пирог, обвязанный поясками, для матери невесты и для сестер; ячные пироги или тоже рыбные — для вытницы с девушками, и наконец челпан хлеба, свой или чужой, китайник, фаты, коты, чулки и мыло со вдавленной в него монетой для невесты.

Свадебный поезд обыкновенно составляется из нечетного числа поезжан большею частью из 7 или 9 человек: жениха, тысяцкого, двух, трех бояр, одного или двух дружек, поддрузья, свахи и вежлива. Тронувшись с места, поют: "Как по морю, морю синему, по синему, по хвалынскому, плыл селезень и пр.". Подъезжая к дому невесты, поют: "У нашего добра молодца, черны кудри увиваются, увиваются, завиваются на три сторонушки и пр.". В доме же невесты в это время поют: "Погляжу я молодешенька, вдаль да во чистое поле и пр.".

В этой песне высказывается и похвала поезжан в отношении их богатства, и в то же время — близкая тоска о разлуке с родным домом, о жизни с чуже-чуженином и просьба невесты охранить дом от нашествия супостатов — разлучников.

В это время обыкновенно поезд уже у ворот дома. Девушки прячутся в кути. Невеста садится против печи на лачку, покрытую войлоком или подушкой. Это служит приметой или желанием жить не бедно.

Дружки жениха, подойдя к окну, читают три раза "Господи Иисусе". Невеста отвечает: "Аминь".

— Отец родимый! мать родимая! звали ли гостей? ждали ли гостей? — спрашивает дружка.

— Звали, звали! — отвечает хозяин.

— Бьем челом, — снова говорит дружка.

— Было ли сватовство? было ли любовство? было ли обручете?

— Было, — отвечает хозяин.

— Отец родимый! мать родимая! у нас князь молодой, ясный сокол со всем полком, со всем поездом, тысяцкий с боярами, дружка с поддрузьем, сваха с проводничком стоят

под окном, под небесным облаком, — дозволили нам, дружкам, спроситься: вовремя ли или не вовремя мы приехали?

— Вовремя, — отвечает хозяин.

— Будет ли приказано нам — к золотому вашему столбу, к серебряному кольцу — коней привязать, али во двор заезжать?

— Во двор заезжать.

— Будет ли довольно у ворот воротников, у дверей придверников?

— Будет.

— Будет ли коням сна до ушей, овса до копыт?

— Будет.

— Нет ли на дворе свиньи горласты, собаки кусасты? гуся зубаста? Свиной во хлев загоните, собак на цепь привяжите, гусей в стало заприте. Нам прикажите али сами исполните?

— Сами.

— Нет ли в доме курицы летучей? заприте в шесток, чтобы она по избе не летала, сажи не спускала, цветно платье не марала.

— Нет.

— Кто будет ворота отворять? отец или мать, братья али сестры, али гости званые, али не званые, али люди прихожие, али нам, дружкам, прикажете?

— Брат отворит, — отвечает хозяин.

Это поручение падает на дядю или на других мужчин — родственников.

Когда посланный отправится отворять ворота, то в избе, пред образами зажигают одну или две свечи, и девицы в это время поют небольшой куплет, выражающий упрек отцу за то, что он, не послушавшись ее, молодой девушки, отворил ворота и впустил ее разлучников и супостатчиков.

Некоторые из веселых и богатых отцов нарочно в начале или в конце разговора с дружкой стреляют по поезду холостым зарядом, причем иногда лошади пугаются и сбрасывают седоков, к общему удовольствию и смеху.

Потом поезд заезжает во двор, к заднему крыльцу. Отпиравшему ворота дружка дает в особой посуде вино с косушку и с Иисусовой молитвой кладет нагайкой крест на воротах и

на ближнем к нему углу дома. Поезжане и жених выходят из повозок или спешиваются, снимают верхнюю одежду и складывают ее в повозки или на седла.

Дружка кладет за пазуху восковую свечку, а на особое блюдо для отца невесты ставит вино. Для матери кладет пирог с рыбой, для невесты – челпан, и один, а иногда вместе с подружьем, идет в избу. Здесь он молится Богу, произносит Иисусову молитву и говорит: “Становитесь – отец на отцово место, мать на материно” – и, когда отец и мать станут рядом за стол, продолжает: “Руки с подносом, ноги с подходом, головы с поклоном, язык с приговором. Идут от нашего князя молодого, яснаго сокола, дорогие гостиночки, честны – не малы примете, аль не примете?”

– Примем, – отвечают отец и мать.

Дружка снимает с блюда следующий им подарок, кладет его на стол, потом продолжает: “Идут к княгине-молодице от нашего князя молодого, яснаго сокола, дорогие гостиночки, честны – не малы: как прикажете – на стол положить, али нам поднести?”

– Ты, дружка, сам поднеси, – говорит отец.

– Со светом или без свету?

– Со светом, обыкновенно, – отвечает отец.

– “Свечи воску яраго от нас, а свет летучи от отца и материной душе”, – говорит дружка и вынимает из за пазухи свечку, зажигает ее от свечей пред иконами и идет в куть к невесте, говоря: “Девицы – певицы, пирожныя мастерицы, старья старушки, молодья молодки! подвиньтесь, отсторонитесь от княгини-молодицы, чтобы мне на праву ножку не наступить, чулок не замарать, башмак не разорвать, в белу грудь не толкнуть, безчестия не хватить”.

Невеста с девушками встает на ноги; дружка, сотворив Иисусову молитву, продолжает: “Княгиня-молодица! станю-вись-ко ты на резвы ножки, на куньи лапки; прими-ка ты от нашего князя молодого, яснаго сокола, дорогие подарочки, добрые гостиночки”.

В ответ на это девушки поют от лица невесты: “Не приму я без роднаго батюшки от чуже-чуженина дорогие подарочки, которые разлучат меня из дома родительскаго”.

Дружка опять творит молитву и просит отца благословить невесту на принятие даров от жениха. Отец из-за стола дает благословение. Затем точно так же песня повторяется матери невесты и прочим ее родственникам, каждому особенно и по старшинству. Все родственники благословляют невесту на принятие подарков, и тогда уже невеста принимает подарок ей следуемый – челпан. Она поднимает челпан на голову, потом, отломив от него кусочек, дает матери, а затем помещает в близ стоящую коробку; на блюдо дружке для передачи кладет свой челпан для жениха.

Загасив свечу и положив ее на грядку с отдарками невесты, дружка возвращается во двор. Невестин челпан бывает черствый и мягкий. От черстваго жених также отламывает небольшой кусок и съедает его. Взаимное отдаривание челпанами имеет свой тайный смысл. Жених дает понять невесте, что у него будет достаточно хлеба для прокормления жены и семейства. А невеста своим подарком показывает, целомудрена ли она? Целомудренная посылает жениху самый черствый хлеб, а нарушившая девство – мягкий. С какою целью обнаруживается такой порядок – объяснить можно только тем развее, что у пермяков нарушенное девство не означает особенного проступка или падения чести девушки, как и у японцев.

Отдав жениху невестин челпан, дружка кладет на блюдо другие подарки невесте: китайник, фату, коты, чулки, мыло и вместе с женихом и другими поезжанами входит в сени, отворяет двери в три приема и, прочитав молитву, говорит через порог невестиной свахе: “Свашенька, ты матушка! приступись поближе, поклонись пониже, не будь ты драчлива, не будь ломлива, будь жалостлива, будь приступлива!” Невестина сваха тихонько подходит к дверям со стаканом вина или пива; из сеней низко кланяется ей женихова сваха, тоже со стаканом пива. Когда невестина сваха подойдет к порогу и перенесет через него одну ногу, дружки выводят ее в сени и запирают двери. Здесь свахи меняются стаканами и, поцеловавшись, выпивают пиво. Тогда жених с поездом входят в избу. Дружка, прочитав обычную молитву, говорит: “У нас князь молодой, ясный сокол, стоит среди пола, среди дубоваго, просит места. Благословите-ка отец и мать ему место!” “Вот

место здесь", — говорит отец, указывая на лавку в переднем углу, а сам выходит из-за стола.

Тысяцкий окупает место, оплачивая его деньгами от 3 до 20 копеек серебром. Жених садится. Дружка берет с грядок свою свечку, зажигает ее и, прочитав молитву, говорит: "Идет от нашего князя молодого, яснаго сокола к княгине молодой, бело мыло, злато серебро, цветно платье, сини чулочки, красные башмачки. Бело мыло — на умыванье, злато серебро — на уживанье, цветно платье — на одеванье, сини чулочки, красные башмачки — на обуванье, кому прикажете поднести?"

— Невесте поднесите, — отвечает отец.

Дружка читает молитву, входит в куть вместе с вежливецом и обращается с такими словами к невесте: "Княгиня ты, молодица! ты прими от нашего князя молодого, яснаго сокола, бело мыло, злато серебро, цветно платье, сини чулочки, красные башмачки".

Во время этих слов вежливец или знахарь берет с полу солону и подкидывает ее под ноги невесте с ограждением от уроков и призоров.

Невеста принимает дары, так же как прежде, испрашивая благословения всех домашних, как выше было сказано.

После поднесения даров дружка говорит: "У меня от свечки руки горят"; на это ему отвечают подарком от невесты, то есть ширинкой, платком или поясками, с которыми он выходит от невесты и присоединяется к поезду. Невеста, как и прежде, садится в кути против печи на лавку. Вежливец, почерпнув ковшем воды из кадки, дает ей умыться в устранение уроков и призоров, а иногда даже и сам ее умывает. Женихова сваха покупает невесту у девушек за гривенник, потом одевает ее в платье и обувь, привезенные от жениха, и, сотворив молитву, берет обеими руками фату, обносит ее по солнцу вокруг головы, относит на сторону и встряхивает; повторяет это три раза и наконец поднимает фату на голову. Это делается для зашщения головы от всего худого, напушенного. Нужно заметить, что невеста с утра в платье, но было в обязанности ее надеть подарок жениха сверх своего собственного, даже если женихово будет короче, кроме платья необходимо надеть все подарки жениха. При таком обыкновении на невесте кроме

двух платьев в день свадьбы надето две фаты, две рубашки и двое чулков, а башмаки всегда подарок жениха. Теперь двойное одевание выводится.

Если жених издалека, то невеста венчается в своем платье.

После одевания мать невесты дает невесте подаренный ей пирог с рыбой и невеста кладет его за пазуху.

Лишь оденется невеста, как дружка, после обычной молитвы, спрашивает отца:

— Будет ли поезд стоять или за стол сядет?

— За стол сядет, — говорит отец.

— Есть ли у вас столы дубовы, столешники кедровы, ска-терти — шиты — браны?

— Есть.

— Есть ли нашему князю молодому, ясному соколу, с полком, с поездом, тысяцкому с боярами, свахе с проводничком, чего-нибудь закусить?

— Будет.

— Есть ли у вас на дубовых лавках войлоки валены, подушки пуховы, на столе пироги рыбны?

— Есть.

— Где обручаться: в кути за занавеской али за столом?

— За столом.

— Сколько денег за обручение?

— Сколько положите.

При этом тысяцкий кладет, смотря по состоянию жениха — от двадцати копеек до рубля. Эти деньги поступают в пользу невесты. Где сидеть жениху и невесте, на то место кладут войлок и на него подушку. Исключая дружек, поезжане заходят за стол, но не садятся; садится только вежливец в углу стола и молчит.

Дружка продолжает спрашивать:

— Наш князь молодой, ясный сокол стоит за столом на резвых ножках, на кунных лапках, бьет челом, низко кланяется; ему ни пьется, ни естся, он тоскует, горюет о своей княгине-молодице. Батюшка родимый! из кути из-за занавесы вывести княгиню-молодицу время или не время?

— Время, — отвечает отец.

— Кому прикажете?

Порученье выводить невесту возлагается на брата, если у ней есть, а нет, то на дядю, отец сообразно с тем и отвечает дружке.

Выводящий невесту, помолясь Богу и вслух прочитав молитву, просит благословения выводить невесту у каждого из родственников невесты, начиная по старшинству. Получив благословение, берет от икон свечку и идет в куть, где девушки от лица невесты поют каждому члену семейства песню, где та отказывается выйти без родимого батюшки или матушки без родительского благословения и тот, кто был назван в песне, обязан подходить к невесте, принять земной поклон от невесты и дать благословение. Тогда только избранный выводит невесту за конец платка, называемого "выкупом", который держит невеста в руках; подводит ее к столу, вместе с ней молится Богу, обводит вокруг стола, нарочно отодвинутого от лавок, ставит возле жениха со стороны кути и, передавая ему конец платка, говорит: "У меня невеста была послушна и почетна, держи ее так, чтобы она и тебя слушала и у тебя была честна".

В это время женихова сваха иногда заходит в куть и, ударив поднятыми вверх руками, говорит три раза: "обманули — провели!"

Девушки просят у дружки рыбный пирог, называемые (юр — кучик), который он и отдает с головы, ставши на стул так, что девушки принуждены бывали подпрыгивать; затем поют песню:

Ох, ты утка, ты уточка,
Сера мала перепелица!
Ты зачем рано выходила
Из тепла гнезда утичьа,
На луга на зеленые и проч. и затем:
Ох, ты девка, ты девица,
Ты к чему рано во замуж пошла?

И затем в этой песне излагается весь вышеописанный обряд и что отдал ее братец маленький, на веки на долгие, на годы несчетные.

Когда жених получит невесту, тысяцкий угощает всех вином и первую рюмку подносит выводящему невесту, по-

том подносит по рюмке отцу и матери и затем всем остальным, конечно, взрослым членам семейства и родственникам невесты, причем дружка называет по имени и отчеству каждого, кому подносится вино, и говорит молитву "Господи Иисусе".

После этого угощения весь поезд садится, и тут начинается закуска, состоящая из трех блюд: рыбного пирога, какой-нибудь похлебки, в скоромные дни — шей, и в постные — уши, и из челпана; иногда же — у зажиточных — в скоромные дни подают: пироги, студень, щи, три жарких и в заключение челпан. Всякое кушанье подают под прикрытием деревянным блюдом, по требованию дружки, который при этом подсказывает разные прибаутки. Снимает покрывку с каждого блюда тысяцкий, а потом хозяйка уже без требования дружки приносит челпан в знак того, что пора окончить закуску. При этом едят только поезжане, но прежде ели и жених с невестой.

Пока продолжается закуска, дружки угощают всех родных невесты, девушек и вытницу пивом, которое они привезли с собою от жениха.

Пред окончанием закуски девушки поют песню для жениха, бояр, свахи и для каждого поезжанина особенно, кроме тысяцкого, конечно, с переменою в словах. Эта песня содержит так называемое величание, где выхваляют гостей. Тысяцкому же особенно, как воеводе, причем говорят, что "ныне он воюет с головою со невестиною, со буйною". Когда окончится закуска, девушки целуют поезжан; за песни и поцелуи поезжане дарят девушек от гроша до 3 копеек. Конечно, тот поезжанин, который поцелует девушек и не подарит, как и везде, вознаграждается насмешкою.

Пермячки в этом случае поют:

Создай тебе Господи
Дочерей, сорок-вещиц,
Сыновей, черных воронов!

Поезжане, покончив закуску, выходят из-за стола и становятся среди избы; а вместо жениха и невесты на те же места садятся отец и мать невесты. Посидев немного, они выходят

из-за стола. Дружка читает Иисусову молитву, потом говорит: "Отец родимый! Мать родимая! Приступите, благословите своих чад – во Божью церковь ехать, закон Божий принять, под златыми венцами стояти, чуден крест целовати".

После этого предложения немедленно начинается благословение иконой, которую отец снимает с божницы, и – хлебом, который мать берет со стола. Икона и хлеб передаются невестиной свахе. Дружки берут из переднего угла войлок или подушку, на которой жених с невестой сидели за столом. К этому времени женихово пиво обыкновенно выпивается. Родители невесты в пустую посуду наливают свое пиво, чтобы им угостить поезжан после венца у церкви.

Здесь, как в прочих губерниях России, делают подруги так: садятся, которая из них успеет, на подушку или войлок и не трогаются с места, требуя выкупа.

От имени жениха тысяцкий выкупает захваченную вещь, для чего обладательнице ее дают один или два медных гривенника. Затем жених, невеста и поезжане выходят из избы на двор в сопровождении родителей, гостей и девушек, последние поют:

Жарко камню в горе лежучи,
Тошно сердцу батюшкину:
Милу дочь со двора повели.
За ней коробья понесли;
Конь говорит: не свезу,
Земля говорит: не здыну (не подниму).
Вода говорит: утоплю.
А выйдя на двор:
Кругом, кругом солнышко обошло,
Рядом, рядом бояре ахали,
Со березы вершины вершиночку сломили;
Стой-ко, стой, береза без вершины,
Живи, живи, батюшка, без дочери.

Ту же песню поют матери, сестрам, братьям и другим родственникам.

На дворе жених берет в охалку невесту и сам усаживает ее в сани вместе со свахой, вдвоем, а сам верхом едет вместе с невестой, или вместе с тысяцким в санях, тут под жениха укладывают войлок и перину для сидения, а под невесту по-

душку. Если летом, то привязывают войлоки и подушки к седлам, для чего эти вещи укладывают в мешки и привязывают к седлам в торока.

Но не сейчас еще трогается поезд в дорогу. Поезжане выходят на двор и усаживаются, как-то было, и на двор жениха. Их нужно угостить; в это время девушки поют трогательные песни, окружив жениха и невесту,

Между тем вежливец обходит кругом все сани, телеги, верховых лошадей, экипажи, и все до мелочей отчетливо в том предположении, нет ли где колдовства, и в то же время нашептывает тот или другой заговор. Наконец, брат или дядя невесты отворяет ворота и поезд отправляется в церковь в том же порядке, как от жениха. При выезде из двора дружки крестообразно хлещут нагайкой ворота невесты и ближайший угол дома; хозяин в след поезду иногда стреляет.

После того девушки в сопровождении вытницы возвращаются в опустелую избу невесты и, усевшись на то место, где только что сидела невеста, закусьвают пирогом, полученным от дружек, и расходятся по домам, если церковь далеко, а если близко, то бегают смотреть на венчанье.

Но вот уж и поезд тронулся; однако не проходит трех минут, как дружки возвращаются к дому и под окном отца невесты спрашивают:

– Нет ли у вас от нас обиды, все ли чашки-ложки целы?
– Обиды нет, все цело, – отвечает отец.

Тогда один из дружек, сотворив молитву, говорит: "Нас желаешь или не желаешь?" Если отец на этот вопрос ответить – "не желаю", то дружки возвращаются к поезду; а если скажет – "желаю", то входят в дом, где их угощают пивом или брагой. После двух, трех стаканов дружки уезжают, сказав на прощанье: "спасибо! прощай!"

Если дом жениха далеко, то отец с матерью отправляют с братом или дядей ее вещи для подарков новой родне в большой стол.

Пермяки очень суеверны, и потому в обычае осталось во время свадебного поезда каждому встречному кланяться всем поездом, разумеется, с тою мыслью, чтобы того не оскорбить, а умиловить и расположить в свою пользу.

Когда поезд приближается к церкви, свахи ставят жениха и невесту рядом и дают им держаться руками за концы ширинки и в этом положении ведут их в церковь.

Тысяцкий на данные женихом деньги покупает, как для бракосочетающихся, так и для поезжан, свечи, кроме вежливец, который стоит у дверей без свечи.

Когда надлежит священнику подвести бракосочетающихся к аналою, невестина сваха кладет ей под ноги пару поясков, а поезжане окружают молодых, причем каждый держит свечку, обернувши нижний конец ее кто в кусок холстины, кто в платок, чтобы не капать на пол воска.

По окончании венчанья свахи покрывают голову молодой или молодухи фатами, поэтому она, как нужно полагать, венчается без фаты, и уводят ее с женихом в сторону или в угол церкви, где надевают на нее шемшуру (женский головной убор), не заплетая кос, а молодая, вынужденная из-за пазухи спрятанный рыбный пирог, ест его с мужем, если только не помешает им священник с крестом для сопровождения их из церкви. В последнем случае молодые едят пирог за оградой, где тоже распивают пиво и поезжане.

После свадьбы поезд отправляется в дом жениха; вежливец точно так же следит за порядком и спокойствием, стараясь исследовать, нет ли где препятствия для вверенного его попечению поезда. Но если по дороге встретится кабак, то поезд непременно остановится и тысяцкий, купив водки, угощает всех поезжан, не исключая молодых.

Поезд, въехав во двор жениха, принимается родителями и родственниками жениха; последний встречает молодых с образом, мать — с хлебом-солью, братья и сестры — с пивом и брагой, причем родню молодого встречают на заднем крыльце очень много посторонних лиц. Все чинно и хорошо, только является при этом иногда один выходящий из ряда обычай: мать жениха часто встречает молодых в вывороченной мехом наизнанку шубе, повязав голову грязными тряпичками и лохмотьями с единственной целью показаться молодой страшною и тем внушить к себе боязнь, возбудить послушание или же беспрекословное рабство. По приказанию отца молодым и поезжанам подают по стакану пива и браги, а иногда вина.

Все заходят в избу. Отец с матерью остановятся близ стола лицом к дверям, когда нужно всем входить в избу. Молодые, не доходя до отца с матерью двух шагов, молятся на образ, который держит отец, и после трех земных поклонов подходят под благословение отца и матери с образом и хлебом. Отец ставит образ в божницу, а мать хлеб на покрытый скатертью стол. Образа, которые были и с молодыми, тоже уставляются в божницу, а челпаны ставят на стол. Вскоре затем свахи уводят молодых (зимой на печь, летом в куть), где и окручивают молодых, то есть расплетают ей косу на две и надевают на голову шамшуру, повязывая ее, как должно, платком. Потом уже вводят молодых в избу и ставят перед столом. Потом отец распоряжается всем, начиная с молодых, последнего гостя садит за стол, и молодые садятся так, чтобы были лицом к дверям, на войлок и подушку. Подле жениха сажают тысяцкого, рядом с невестой ее сваха. Дружка произносит обычную молитву и требует подачи кушаньев, и начинается ужин. Молодые в знак единодушия едят одной вилкой и одной ложкой попеременно, пьют вино и брагу из одного стакана, вино из одной рюмки пополам. У богатых за каждым кушаньем бывает круговая подача вина всем застольникам, у людей среднего состояния — через кушанье, а у бедных только три раза: в начале, в середине и в конце стола. Но пиво и брага непременно подаются дружками всем за каждым кушаньем. Вином всегда угощают сами молодые; для этого они за каждой круговой встают на ноги: молодой наливает рюмку вина из штофа, а молодая подносит ее на тарелке. За каждой новой круговой гости не пьют до тех пор, пока молодые не изопьют сами вина. При каждой подаче гости поздравляют с законным браком, желая счастливой согласной жизни, целуя и даря их деньгами каждый раз от 3 до 20 коп. сер. каждый. Ужин состоит в скоромные дни из рыбного пирога, студени, шей, трех жарких (бараньей лопатки, утки и индейки) и челпана. В постные дни — из пирога, судачины с уксусом, ухи из свежей рыбы, сига, киселя, меду и челпана.

Замечательно требование дружки следующего кушанья по окончании прежде поданного: "Отец родимый! Мать родимая! У нас князь молодой, сокол ясный, с княгиней-молоди-

цей, сидят за столом дубовым и скатертью шитой — браню и тысяцкий воевода — просят перемену. Поднашивай! Нет перемены — челпан на стол, поклон воздай! Мы от хлеба-соли сыты, от пива и браги пьяны и веселы. Что в руках вожено, во двор пущено, во хлев рощено, что есть в печи, все носи на плече. Вы не сможете, мы дружки подскочим и поможем”.

К концу ужина все поезжане напиваются и наедаются до последней крайности. Молодые пьют и едят весьма умеренно, сохраняют непоколебимое спокойствие, молчат, скромничают, сидят степенно и важно. По окончании ужина гости пляшут и поют.

Спустя какой-нибудь час молодых ведут спать в подклеть в сопровождении отца, матери, свахи и всех поезжан, включительно с вежливецом и дружкой; последние приносят в подклеть рыбный пирог, пиво, брагу, иногда вино. Отец и мать называют молодую “хозяйкою”, предоставляя ей право угощать всех свадебжан питьем и пирогами, а вежливец подает свой собственный пирог с рыбой, который они едят вместе, в знак того, что они муж и жена с этого времени, есть общий хлеб и жить в единомыслии. Поезжане пьют и закусывают от дружек и целуют молодых по три раза, даря каждый раз медным пятакон или гривенником. Молодая по просьбе поезжан, произнеся Иисусову молитву, разувает мужа, сначала с правой ноги, и вынутый из сапога пятак или другую какую монету берет себе. Этим выражается начало повинования и покорности мужу, а со стороны мужа будущее расположение к подруге жизни, которую он надеется не оставить безбедною и содержать достаточно. Верхнее платье молодой снимает сам. Затем гости из подклети уходят. Остаются только вежливец и свахи. Раздетую до рубашки невесту сваха и вежливец просят обнять и поцеловать мужа и уложить его в постель, потом по их же предложению молодая ложится рядом. Когда это исполнится, свахи от радости пляшут. Вежливец поправляет и укладывает молодых в постель, обходит вокруг постели с нашептыванием. И в заключение говорит молодым: “Слово мое крепко! Дай Бог совет и любовь, да великаго счастья!” Затем все молодых оставляют до утра. Между тем пирование гостей идет далеко за полночь. Здесь все пляшут, поют, кричат, целуют-

ся, даже сам важный вежливец предается общему веселью. Потом ближние отъезжают, а дальние остаются у жениха ночевать.

Утром к молодым отправляется вежливец будить их; а потом свахи, чтобы удостовериться, справедливо ли то в действительности, если молодой получил черствый хлеб от невесты; но когда невеста накануне дарила мягким хлебом, то свахи не ходят. Молодая одевается и одевает молодого в чистое белое, привезенное ею в подарок молодому; затем умываются.

В этот день бывает большой стол. Часов в девять, время крестьянского обеда, молодые, все семьяне, поезжане здесь оставшиеся и дружки обедают запросто и без вина. Кушаньев немного, вина нет; здесь опять молодые едят одною ложкою, вилкою, и кушанья по-прежнему подают закрытыми. Этим кончается малый стол; в это время дружка, приняв приданое невесты, если его не принимал накануне, берет к стати подарки от родителей жениха на подарки в большой стол и затем едет приглашать всех ближних накануне бывших поезжан. Тестя и тещу весьма редко приглашают; к столованью бывает человек до тридцати, так как тут приглашаются и не бывшие на свадьбе гости, но это у богатых.

Коль скоро соберутся к большому столу, молодая ставит среди комнаты лохань или другую нечистую посуду, берет в ковш воды, полотенце и мыло и приглашает чрез дружку всех умыть руки, начиная со свекра и свекрови и кончая последним гостем. В этом простом обряде таится тот смысл: новобрачная выражает готовность на покорность, услуги и смирение не только перед мужем, но и пред всеми его родственниками. После того как все после умывания рук стоят, молодая, прибрав ковш, ведро, полотенце и мыло, становится рядом с молодым, среди избы и дарит свекра, свекровь и всех присутствующих. В то время когда молодая изъявляет намерение подарить тестя, дружка от ее имени говорит после обычной молитвы: “Отец родимый! Мать родимая! Приступись поближе, поклонись пониже! Будь ты не криклив, будь ты не ломлив, а будь жалостлив, будь милостив, будь приступчив. Прими-ко от нашего князя молодого, новобрачного яснаго сокола и княгини-молодицы дорогие подарки. Княгиня-молодица по чис-

тому полю бы гуляла, куниц бы имала, лисиц бы ловила, тебя бы шелком подарила. Она по чистому полю не гуляла, куниц не имала, лисиц не ловила, — что напярла, что выткала, тем тебя и дарит. Не осуди за малые подарочки!”

Молодые подходят к отцу и матери и кланяются по череду в ноги. В это время сваха подает молодой, а дружка — молодому на блюдах, первая — дары, последний вино в рюмки, пиво и брагу в стаканах домашнего дела (приготовления), сыр в кусочках, каравай (привезенные вместе с приданым) и медную монету. Дружка при этом говорит: “Князь молодой ново-брачный, ясный сокол, и княгиня-молодица просят тебя сыр крохаль покусать, стакан пива, стакан браги, рюмку пива испить, усы утереть златом-серебром, да рубль платить”. Отец принимает дары, пьет вино, пиво, брагу, закусывает сыром и караваем, трет усы и бороду медною монетою и, поцеловав молодых, отдаривает деньгами, которые кладет на блюдо. Затем получает дары мать, а потом и домочадцы, родственницы, поезжане и все званые гости. Отдарочные деньги молодая берет себе. Окончив раздачу подарков, молодые отправляются в куть. Награды эти раздаются более или менее ценные, но ограничиваются рубашками, штанами, платками, опоясками, холстом на рукава, тельниками, полотенцами, не более, даже у богатых невест, притом награды эти соответствуют важности значения родства награждаемого лица.

Затем накрывают обеденный стол, который по продолжительности обряда раздачу подарков начинается около трех часов. Часу в четвертом отец молодого приглашает молодых и гостей садиться за стол.

Большой стол бывает такой же, как и накануне, и вся обрядность та же, с тою только разницей, что гости не целуют и не дарят молодых. Столование продолжается от 4 до 6 часов. Этот обед зависит от частого повторения подачи пива, вина и браги и также от многих перемен кушаньев разного рода, но в заключение всего, как и накануне — челпан.

В конце обеда дружка замечает отцу и матери молодого: “Не пора ли молодых спать уложить?” Отец говорит: “Не пора”. Только после третьего вопроса дружки в этом же роде отец изъявляет свое согласие, и тогда столованье оканчивается. Мо-

лодые поклоняясь трижды в пояс, трижды в землю, и потом опять трижды в пояс, падают отцу и матери в ноги и просят благословения. Вежливее ведет молодых спать в подклеть, куда вносит рюмку вина или стакан пива и, нашептав в напиток и отплюнув в сторону, дает им пить; потом, как и вчера, уложив молодых спать, уходит. Гости между тем продолжают по-прежнему пирушку и разъезжаются по своим домам, кроме вежливица и дружки, которые остаются. Через полчаса или через час дружка, по поручению отца и матери, отправляется в подклеть и зовет молодую в избу, где по приказанию свекрови заводит хлеб или брагу к завтрашнему дню и опять отправляется спать.

На третий день свадьбы бывает *пирожный стол*, где молодые потчуют гостей пирогами своего изделия в знак того, что она желает с новой родней водить хлеб-соль и в то же время свое искусство. Но пироги только — слава, на самом же деле она участвует также в приготовлении прочих блюд. Для этой цели молодые встают рано, оба ходят за водою, за дровами, и если время зимою, то молодой прорубает новую прорубь на реке. Молодая кладет дрова в печь, затапливает и затем занимается важным блюдом обеда — приготовлением пирога или хлеба на ячных сочнях и метет избу, выбрасывая из избы солому, а прочие домашние опять забрасывают избу соломой, с целью испытать терпение молодой.

Утром, в 9 часов, домашние обедают запросто, а через несколько времени в доме молодого собираются родные, знакомые и соседи. Всех приглашают за стол, в это время молодые не садятся, так как обязаны подавать гостям кушанья, а молодой — угощать разного рода напитками. Блюда приготавливаются почти столько же, что и накануне: студень, щи, одно или два жарких, сыр с караваем и пироги. Питья: брага, пиво, иногда вино. При первой чарке вина гости поздравляют молодого с молодой доброй хозяйкой, *пирожной мастерицей*, а отца и мать с невесткой — с верной заменой. Пьют много и все бывают очень веселы.

В продолжение обеда прибывают и новые гости. Отпочивавших первых, молодые собирают стол для вновь прибывших, потом третьих и так далее и нередко продолжают обед до вечера.

С окончанием пирожного жизнь молодых вступает в свои права обиденной жизни до так называемых *хлебин*. Так называемые *хлебины* бывают в разные сроки, но преимущественно исполняют в день масленицы или Рождества. До этого времени зять не бывает у тестя. *Хлебины* справляют в обоих породнившихся домах. Прежде они исполняются у родителей невесты, которые зовут к себе молодых, а потом отправляются к ним и сами. Как и в день свадьбы, тесть и теща встречаются на дворе молодых с хлебом-солью, пивом и брагой.

В обоих домах угощаются обедом или ужином по праздничному — с пивом, брагой и вином. Но у тещи существует еще обычай угощать зятя блинами, *блины для зятя*, от чего у нас до сих пор осталась шуточная песня: "*Теща для зятя блины лепла и пр.*". Дело происходит так: теща подает на стол блины, покрытые блюдом и платком. Молодой снимает платок и берет себе, а вместо него кладет деньги, копеек 30, потом снимает и блюдо. Поцеловав тестя и тещу, молодые едят блины. В доказательство любви к теще, по ее просьбе, после первых двух блинов молодой должен съесть нижний блин, не трогая верхних и не пролив масла, для этого молодой накрывает блины блюдом и быстро повертывает кверху нижнее блюдо. В этом искусстве теща усматривает степень ловкости молодого.

Что касается до значения угощения блинами, то пермяки объясняют так: платок — ее девство, блины — дочь. Взятие платка и раскрытие блинов — удостоверено в сохранении девства до замужества. Деньги — окуп за девство, целование — благодарность за соблюдение дочери. Если молодой недоволен своей женой, то он не снимает платка и блюда, не ест блинов и не целует родителей жены. Но это у пермяков бывает, как говорят, редко.

Белые свадьбы. Тайные свадьбы. Самокрутка. Подобные свадьбы вообще совершаются без согласия родителей, так сказать по тайной любви и соглашению молодых людей, когда на это нет, и даже не ожидают, родительского благословения. Есть несколько предлогов к такому венчанью: любовь между неравными по состоянию или богатству; хитрость жениха, задумавшего воспользоваться приданым невесты, а часто и ее капиталом, долгое безбрачие девушки, скучная жизнь

между золовок, преследование мачехи, а часто — прикритый беременность. Впрочем — бывает и так, что часто родители сами потворствуют белым свадьбам во избежание расходов.

Во всяком случае девушка сама принимает участие в поезде и даже, если может, то даже предварительно препроводит чрез верного человека к жениху свое приданое, а потом уже сама убежит. В доме жениха свадьба эта считается формальной.

После такого венчания молодые отправляются к родителям невесты, кланяются в ноги и просят прощения. В некоторых приволжских губерниях отец ударяет молодых по спине плетью и приказывает встать, затем прощает и благословляет образом и хлебом-солью. Даже если молодая беглянка не взяла ничего из своего приданого, то родители невесты отдают при этом все. Впрочем, есть и характерные отцы, но и те со временем отдают назначенную долю дочери, венчавшейся самокруткой.

Свадьба великорусская. Старинные свадьбы в коренной Руси совершались при следующих условиях: перед поездом в церковь жениха и невесту сажали рядом на соболий или вообще на мех какой-либо, и затем свахи чесали им обоим волосы, обмакивая гребень в вине или в меду (крепком для питья), для чего то или другое питье держал в ковше нарочный. Потом их осыпали хмелем или зернистым хлебом вместе с деньгами, затем зажигали брачные свечи, которые бывали слишком по пуду у богатых и полегче у менее зажиточных. Свечи эти зажигали богоявленскую свечью. В церкви, во время венчанья, жениху и невесте стелили под ноги камку или другую материю, или другую мягкую рухлядь. В церковь возили с собою посудину с хлебным вином, из которой священник давал пить жениху и невесте три раза. При третьем разе жених бросал склянку с вином на пол и топтал ее ногами. Затем, слепивши обе брачные свечи, ставили в кадку со пшеницей в сеник, в головах постели новобрачных, на целый год.

Сеник, где молодые спали, убирался таким образом: по всем четырем стенам этого помещения ставили иконы, во всех четырех углах втыкали по стреле, а на каждой из них по собою, или по куннице с калачем. На лавках по углам ставили по

сосуду (оловянному) с медом. Самый брачный одр (постелю) делали на двадцать одном снопе. (Как и у пермяков, нечет уважался.)

Как только подадут на стол последнее кушанье, то есть жаркое, то дружка, обернув блюдо с жарким, а также калач и солонку скатертью, относил в сенник к постели, куда вслед за ними отводили и молодых. В дверях сенника посаженный отец, сдав с рук на руки новобрачную мужу ее, делал ей пристойное нравоучение и давал советы, как жить в супружестве. По прибыли молодых к постели жена тысяцкого, одетая в то время в две шубы, одна как следует, другая навыворот, осыпала их осыпалом (зерном, деньгами и хмелем), кормила молодых на постели.

На другой день поутру члены свадьбы являлись в сенник, стрелюю поднимали одеяло новобрачных и осматривали по известным признакам непорочность новобрачной.

Совершив глупое наблюдение, разумеется, из простого любопытства и ради сплетней, которые есть всегда в народной среде, скоро они угасают, хотя живо возгораются, предмет которых никого притом не интересует, кроме новобрачного; свахи водили молодых в баню, куда теща зятю присылала платье, нужное для того, чтобы достигнуть до покоев, а потом кормила их кашею. Со стороны молодой следовало всех собравшихся гостей кормить овощами и разными предметами. В порядке церемоний брачного торжества было, чтобы жених держал за руку невесту, где бы только ни приходилось ему представляться вместе с нею во время брачного торжества, иначе все предрекали неприятный брак и несогласие в супружестве.

Старые обряды, как и ранее видели, существуют, но уже изменены во многом. Накануне дня брака призывают в дом жениха шести или семи лет мальчика, который укладывает в ларчик, для подарка невесты, все галантерейные предметы, как то: румяна, белила, духи, опахало, перчатки и проч. Этот ларчик, заперев, отвозит в тот же вечер жених вместе с ключом к невесте, и оба они сидят потом в шубах — в знак благополучия.

Но вот наступает другой день, день поезда в церковь; избранный со стороны невесты мальчик обувает невесту в но-

вую обувь и продает ее косу за гривну, за полтину или за рубль, словом торгуется, сколько может выторговать и побольше дать цены.

Новобрачных укладывают спать в пустой хоромине, притом в удаленной и в нетопленной, несмотря на холод. Говорят даже, что для новобрачных строили такие покои, на потолки которых и земли не клали.

Под постелю клали ржаные снопы или солому, примета или обычай, сказанный нами выше. Молодая должна разувать молодого в первую ночь свадьбы и у него под пятой правой ноги всегда бывало несколько медных денег, а в левом сапоге плетка. От молодой зависело взяться за правую или за левую ногу, так как мужа необходимо требовалось разувать. И вот, ежели она по своей оплошности, застенчивости или робости хваталась за левую ногу, то молодой, вынув из-за сапога плетку, хлестал ее. Но если она бралась за правую ногу, то деньги, которые были в сапоге, она брала себе.

На другой день бракосочетания, ежели молодая не была целомудренна, то дружка, взяв стакан с дыркой на дне, зажимал его пальцем, и, налив его каким-либо напитком подносила ее матери; коль скоро мать брала стакан, он отнимал палец, и напиток вытекал.

Такая укоризна матерям и сейчас идет к лицу. Старина наша была не глупа. Если женихи брезгают недостойными девушками, а особенно если по неосторожности один такой вступил с упавшей девушкой в брак, то конечно вся вина падает на мать, и стакан с дыркой — укоризна слабым родителям. Из этого можно заключить хоть немного, но верно то, что для воспитания дочери — прежде всего внушение веры и что нет лучшего качества в замужестве, как ее непорочность, которой не брезгают ни князья, ни бояре, ни ученые люди. Отсутствие девства для жениха внушает на всю жизнь ревность, и это рождает много неприятностей в жизни, которая тянется до пятидесятих годов, то есть до времени привычки, когда угасает любовь; но согласие супружеское необходимо для поддержания семейных выгод, интересов и для воспитания детей. Вот тут и нужна школа жизни, но мудрая. Воспитывать детей — дело важное. Нужно их воспитать, нужно их учить. Воспитать — направить, учить

науке, развить разум, дать светское понятие или цель в жизни. Про мальчика говорить нечего.

Вот цель родителей, и преимущественно матери, так как муж чаще занят пропитанием, а не воспитанием семьи.

В наше время, если дали девушкам свободу, позволили им являться в свет, романсами великих поэтов внушили им великое значение любви, нам нечего удивляться, что они, читая какого-нибудь заграничного нового философа, начинающего страдать ипохондрией, сумасшествием или какою-нибудь овладевающею его идеею, врет с три короба и смущает прочих, а девушки читают и на ус мотают, а из этого извлекают свои теории и путают все системы.

Свадьбы в Малороссии. У малороссов свадьбы происходят так: сын, пришедший в возраст, объявляет своему отцу под веселую руку, что такая-то девушка недурна, ему нравится и охотно бы женился, если она пойдет за него.

Тогда отец приглашает двоих своих родственников уже пожилых, а иногда соседей, и предлагает им намерение сына. Сын им низко кланяется и вместе с отцом просит их, чтобы они приняли на себя труд сходить к отцу избранной девушки, посватать дочь за него. А получив от них согласие, вручает каждому из них по посоху в знак полномочия их и посольства, и нарочно приготовленный хлеб, и провожает их за ворота. Такие сваты называются *старостами*.

Старосты, явсь в дом невесты, кладут этот хлеб на стол и потом приветствуют хозяина. Хозяин приглашает их сесть, заводит о чем-либо разговор; они, отвечая на все, крепко постукивают посохами, напоминая тем как бы нетерпеливое желание спрашивать о причине их прихода, причем стараются объяснить с ним кратко и прямо, если хозяин нарочно медлит с таким вопросом. Хозяин, выслушав предложение, если оно ему нравится, отправляется в хижку (клеть) к жене своей, объясняется с ней об этом предмете, и, призвав дочь свою, родители спрашивают ее, нравится ли ей жених?

Узнав от дочери, что жених нравится, вводят ее к сватам; тут она каждому из сватов подносит по рушнику или полотенцу на деревянной тарелке в знак того, что она принимает их предложение. Старосты, приняв дары, перевязывают их через

плечи и, оставив хозяину в залог своего посольства хлеб и получив взамен его другой, отправляются в дом жениха с радостною вестью.

Жених, видя своих возвращающихся посланников, со знаком согласия через плечо, встречает их у ворот и вводит к отцу, где, по общему с невестинными родителями согласию, назначается день бракосочетания. С этого дня жених ежедневно посещает невесту, к которой во все эти дни ходят ея подруги; но во все время до свадьбы песен не поют, да и даров до этого времени жених невесте не возит. Жених имеет позволение, если желает с невестой быть на едино и даже ночевать, причем строго воспрещено предпринимать что-либо противное целомудрию невесты.

В Малороссии также существует прекрасный обычай не помогать приданого. Жених в этом случае предоставляет все это на волю будущего тестя.

Бракосочетание у них бывает обыкновенно в воскресенье, по сему накануне, в субботу, бывает у невесты девичник, приглашаются подружки или дружки, из которых одна называется на всю свадьбу *светилкою*. Ее обязанность во время стола сидеть в большом углу и держать на сабле, увитой калинными ветвями с ягодами, восковую свечу *тройчатку*.

Вечером, к ужину, приезжает жених с *боярами* (молодыми товарищами) к невесте, где против их сажают за стол подружки невесты. В это время жених раздает дары родителям и сродникам невесты, а дружки поют свадебные песни. После ужина начинается пляска под скрипку и пляшут до полуночи.

Бояре и подружки отправляются в воскресенье с женихом и невестой к утрени, а после обедни венчаются. После венца жених с боярами и с поезжанами (с беседою) едет к себе в дом, тогда как молодая с своими подружками отправляется к своему отцу в дом.

У жениха обедают все бояре с светилкою, свахою, старостами и маршалками, причем сваха и светилка, в знак особенного почета, пришивают боярам, старостам и скрипачу к шапкам из красных лент цветки (цветки), за что получают от них по копейке или по две. После обеда родители жениха садятся на шубу, кверху шерстью, и держат в руках каравай

хлеба; сын кланяется в ноги сперва отцу, а потом матери и просит позволения ехать к невесте; благословив хлебом и солью, родители его отпускают, и молодой со всеми своими гостями отправляется к невесте.

По приближении к дому дружка и поддрузий, дав знать о сем отцу и матери невесты, кладут на стол хлеб и склянку водки. Мать, подарив им по ручнику, велит въезжать во двор, среди которого всегда ставится стол, накрытый скатертью, а на нем квашню, хлеб и посуду с водкой. Выходит теща встречать жениха в вывороченной шубе, сидя на вилах или кочерге и держа в руках горшок с водою и овсом, который после обыкновенных приветствий подает она зятю, а сей, не сходя с лошади, выливает все на гриву лошади и потом отдает пустой горшок старшему боярину, который по принятии бросает его в сторону, причем ежели горшок разобьется, то родится сын, а если уцелеет — то дочь.

Как только жених сойдет с лошади, то брат невесты или какой-либо близкий и молодой родственник, сев на лошадь жениха, рыщет по улице во всю конскую прыть; за ним гонятся на лошадях бояре, а настигши, ведут лошадь на тот двор, где потчуют его на коне вином, причем подносивший говорит ему: *прошу выкушать!* а тот, не принимая чарки с вином, только кланяется. Дружко выпивает эту чарку сам, и налив другую, снова подносит; но он опять не берет; дружко потом спрашивает: что ему надобно? "Денег" — отвечает он, тогда дружко подает ему на тарелке несколько копеек; невестин брат, приняв деньги, выпивает вино и сходит с лошади. Тут его слегка стегают прутиком, но брат невесты успевает убежать к сенным дверям и, взяв обнаженную саблю или палку, садится рядом с невестою.

Между тем жених со свахою и светилкою стоят в сенях за порогом. Невестина мать, выйдя с зажженной восковой свечою, зажигает ею свечу в руках у светилки, потом целуются через порог с нею. Тогда дружко, с позволения старосты, вводит жениха в избу, где сидит со своими подругами невеста и ее брат с обнаженной саблей.

- Ты зачем здесь? — Дружко спрашивает брата жениха.
- Сестру берегу, — отвечает тот.

— Она не твоя, а наша, — говорит дружко.

— А если она ваша, — говорит брат, — то заплати за нее то, что я на нее употребил.

— А что ты на нее употребил?

— Весьма много, отвечает брат, а именно: в пятнадцать лет пребывания ее в нашем доме она съела и выпила: пять бочек бураков (свеклы), три бочки капусты, четыре вола (быка), шесть кабанов (откормленных баранов), десять овец, сто гусей, двести кур, семьдесят пять уток, двадцать кулей хлеба, пять бочек пива, две бочки меда, пять бочек горилки и пр.

Дружко, выслушав все это, вынимает из кармана две или три копейки и, положив их на деревянную тарелку, на которой уже стоит налитая чарка вина, подносит ее продавцу, а этот видя мало денег не уступает и продолжает торговаться до пяти, а иногда до десяти копеек. Получив то, чего желал, выходит из-за стола, за который на его место садится жених, до того времени безмолвно стоявший посреди комнаты и смотревший на сцену торговли.

Невеста бывает в это время одета в шитую узорами белую холстинную сорочку, поверх которой пестрая шерстяная плахта (юбка), красная запаска (передник, фартук), сверх всего суконный, смурый или белый кафтан. Козловые, красные с железными подковками или высокими ободками сапоги, подбитые гвоздями. На голове две завитыя из природных волос косы, около которой повязаны шелковый разных цветов ленты с висящими по спине длинными концами. На шею обыкновенно надевают красную монисту (несколько коралловых ниток) и медный или серебряный крест; на руках кольца. Костюм жениха — суконный, смурый кафтан, того же цвета шаровары, шерстяной пестрый пояс, суконная с околышком черной овчины шапка, и на ногах сапоги, сильно смазанные смальцом (салом) или дегтем. В одном сапоге лежит медная или серебряная монета, на руке перстень или кольцо. По кафтану красный кушак, за которым заткнут красивый шитый платок.

После описанной купли невесты как новобрачные, так и его поезжане сидят за столом. Вскоре отец и мать невесты, также и родственники невесты, войдя к ним с налитыми ви-

ном стаканами, потчуют их и всю беседу. Потом дружка испрашивает позволения у старосты на раздачу подарков отцу, матери и всем родственникам невесты. И таким образом отцу дается хлеб, матери сапоги, родственникам хлеба и платки, а дружкам (подругам) по горсти орехов и по два бублика (кренделя).

Равным образом жених и невеста дарят всех родственников хлебами и платками, а бояр — каждого по шитому или тканому бумагою платку. Потом дружка просит позволения у старосты или посаженого отца на то, чтобы поплясать новобрачным и прочим на дворе, и получив разрешение после троекратной просьбы, пляшут под звуки скрипки до времени обеда, к которому также являются с позволения старосты или посаженого отца.

Стол покрывается сверх *кылима* (ковра) скатертью. На нем ставятся деревянные белые или красные тарелки и ложки с несколькими ножами, но без вилок. Перед женихом и невестой ставится одна тарелка, положены крестообразно две ложки и целый ржаной осыпанный солью хлеб. Посреди стола лежит кулич — (каравай), который накрыт крестообразно же двумя утиральниками с вышитыми по концам красною бумагою и который осеняется еловою веткою, в него воткнута. Позади новобрачных, в углу, где иконы, стоит сабля с зажженными восковыми свечами — принадлежность светелки.

Как только принесут первое кушанье, состоящее из лапши со свиной и курицей, отец и мать невесты потчуют гостей и сами пьют за здоровье молодых, которые во весь обед не пьют и не едят. Таким же образом при борще, жарком и при других кушаньях повторяют пить. В продолжение обеда невестина сестра или родственница, сняв с жениха шапку, пришивает к ней сделанный из розовой ленты цветок, а между тем поет приличную по сему предмету песню, за что получает в награду несколько копеек. Пред концом обеда дружка по благословению старосты, прочитав "Отче наш" и сняв с кулича ручки, берет один себе, а другой отдает подружжю. Потом, перевязавшись своим через плечо, разрезает кулич по частям и рассыпает куски всем присутствующим за столом. Каждый, получив кусок, должен за него дать какую-нибудь

мелкую монету на разживу новобрачной. После обеда начинается пляска и продолжается до вечера.

В сумерки входят в избу и начинают ужинать, который идет тем же порядком, как и обед. После ужина подружки невесты, простясь с нею и откланявшись всей веселой беседе, расходятся по своим домам, получив притом в подарок по горсти орехов и несколько бубликов каждая. Старшую же подружку провожают молодые люди (бояре) при пении, пляске и мурзыки, до самого двора. Когда подружки удалятся, собирают ужин для молодых в особенном уединенном месте, иногда и в чулане. В это время дружки и свахи собирают невестино приданое и укладывают, смотря по времени года, в телегу или сани, и посадя потом туда невесту с светилкою и свахою, везут в дом жениха; сам жених едет по правую сторону верхом, сопровождаемый боярами. Жених, вскоре по отъезде из дома тестя, ударяет новобрачную несколько раз плетью по спине, говоря: "Покидай нравы отца и матери, а привыкай к моим".

При самом отъезде в дом жениха среди ворот зажигается куль соломы, чрез огонь которого провозят повозку невесты и все следующие верхами за нею. Потом новобрачные входят в избу, кланяются отцу и матери и опять садятся за ужинный стол, со всеми гостями и тем же порядком, как в доме невесты. После ужина дружка со свахой и родственниками ведет их в подклеть, где оставляют их одних. Здесь невеста разувает жениха и берет деньги из сапога себе, а муж в это время бьет ее голенищем по спине. Потом ложатся они на постланной на полу соломе, покрытой килимом или войлоком, который служит им вместо одеяла. После некоторого времени молодой призывает дружку и объявляет ему, что жена его сохранила девство до сегодня, а этот последний объявляет это всей беседе с вещественными доказательствами. Затем ей тотчас подадут дружку сорочку. Тут происходит новое веселье, пляска и пение; потом гости жениха отправляются в дом родителей невесты — бьют посуду, окна, ломают столы, лавки, причем родители жениха вместо того, чтобы обижаться, награждают полотенцами и платками гостей за радостную весть о благополучии дочери. Получивши дары, гости отправляются опять в дом жениха и там шумно проводят день до рассвета.

На другой день снова собираются к жениху гости. Поутру рано приходит старший боярин к новобрачной и, взяв у нея красную запаску, то есть передник, выставляет его высоко на шесте, как флаг, над домом молодого, в знак целомудрия новобрачной.

Потом дружки, свахи, бояре, родственники, соседи и проч., под предводительством одного дружки, отправляются в дом старшей подружки новобрачной и ставят на стол хлеб и посуду с водкой, та со своей стороны ставит на стол кушанье и потчует посетителей им и водкою; поивши и выпив, гости выходят на двор, пляшут и поют, и так повторяется тоже у всех подруг невесты. Отпраздновав у всех по порядку, гости возвращаются в дом жениха и просят у отца позволения вести молодых в церковь. Отец надевает на молодую кибалку (наметка). Коль скоро достигнут они церкви, то дружка, подружий и другие, оставя их на *цвентарь* (монастыре), все без исключения поют песни и идут в дом священника, где поставя на стол хлеб и водку просят его, чтобы он ввел молодых в церковь. Священник, получа надлежащую за то плату, склоняется на их просьбу, вводит с молитвою в церковь, читает молитву, благословляет молодых и надевает после того на голову молодой серпанку (фату), потом, окропя того и другого св. водою, отпускает с миром.

Гости возвращаются в дом отца жениха. Там сажают молодых за стол, туда является и свекор и, тыча палкою в глаза, спрашивает: "не слепа ли она", но потом, сняв с нее серпанок, потчует ее вином. Затем дружка угощает молодых хлебом, намазанным сотовым медом, а потом всех гостей.

После обеда с позволения старосты выходят все на двор, для пения и пляски, которую начинает дружка. Потом старший боярин, положив на тарелку несколько денег и поставя чарку вина, подносит молодой, которая, приняв деньги и выпив вино, начинает с ним плясать; таким образом она перепляшет со всеми. Потом гости, войдя в избу, садятся за стол, где отец и мать их потчуют; потом дружка, испрося благословение у старосты и прочитав "Отче наш", разрезывает кулич и подносит куски отцу и матери, родственникам и вообще всем гостям, которые с своей стороны, для обзаведения

молодых хозяйством, дарят их разного рода скотом, птицей и другими предметами домашнего хозяйства.

По окончании этого угощения дружка, взяв *стульни* (пирог без начинки, лепешки), также вареную, а иногда и не вареную курицу, и обложив ее ветвистою калиною и красными бумажными нитями, идет с молодым и со всею свадебною беседою с пением и музыкой к тестю; а по прибытии туда ставит курицу и пироги на стол.

Тесть и теща угощают зятя и всех его сопровождавших чем Бог послал. В это время дружка, разрезав курицу, подает: тестю пару пирогов и куриную головку, теще столько же пирогов и гузку, то есть заднюю часть, а прочим гостям по ломтю пирога и по куску курицы. После сего теща отправляется со всеми гостями к отцу ее зятя, и там все, поужинав, веселятся всю ночь.

Во вторник собираются все гости, исключая бояр (бывших товарищей молодого) и подруг невесты, к обоим сватам; и ходя компаниями из дому в дом, потчуют друг друга кушаньями и вообще шумно веселятся.

Такое свадебное пирование продолжается целую неделю. Несмотря, по-видимому, на большие расходы, вся свадебная пирушка в течение недели в старину обходилась с обеих сторон в 34 рубля 20 коп. ассигнациями.

Свадьбы на Урале. У уральских казаков в обыкновении у стоворенной невесты, с начала стовора до самой свадьбы, гостить всем ее подругам, где сходятся молодые люди, поют и пляшут с девушками. В девичник жених приносит своей невесте в подарок платье и весь женский убор, а невеста отдаривает эти подарки шапкою, сапогами, рубашкою и шароварами.

После венчания невесту везут в телеге, сзади ее сидит мать и сваха, пальцы которой унизаны бывають кольцами. Обе они прикрывают невесту полотенцем, чтобы никто не видал ее. Пред телегою идет жених с отцом и дружкой, а позади ее едут верхом на лошадях приятели и родные жениха. Один из них на шесте, подобно знамени, несет полосатую плахту (*кбку*).

Свадьба у донских казаков. У донских казаков за невестою не бывает никакого приданого, напротив жених обязан одеть невесту с головы до ног.

Свадьбы у камчадалов. Камчадалы — древние обитатели обширного полуострова Камчатки. Образ женитьбы у камчадалов слишком странен и дик. Когда камчадал захочет жениться, то ищет себе невесты в чужом острожке и, высмотрев по своему характеру девушку, приходит к ее родителям, изъясняется пред ними в своем сердечном расположении к их дочери и просит их пожить у них несколько времени, на что те легко соглашаются. Иногда даже не объясняется с родителями, а просто так поступает, и прослужив несколько времени, просит за услугу — дочь.

Во время службы, чтобы понравиться родителям девушки, он показывает необыкновенное усердие, ловкость и проворство, даже удалство. По истечении условленного срока молодой камчадал добивается позволения хватать невесту. Если поведение его будет хорошо и он понравится родителям, сродникам и невесте, то ему позволено хватать, если же нет, то труды его вознаграждаются какою-либо вещью и он должен оставить их острожек (селение). случается, что он остается и без всякого вознаграждения.

Камчадал, получивший позволение хватать невесту, всеми силами старается улучшить время, подстеречь невесту одну или с немногими женщинами; между тем как со стороны женщин и девушек селения принимаются все меры к тому, чтобы сохранить невесту от нападения, так что редко ее оставляют.

К тому же ее в это время одевают в две, три хоньбы (одежда из собачьей шкуры), потом опутывают от колен до мышек рыболовными сетями, по которой увивают ремнями так крепко, что она решительно лишена всякого свободного движения. Опутывание и укучивание невесты служит к тому, чтобы защитить девушку от молодого человека, которому необходимо для получения ее в жены прикоснуться к голому ее телу, а для того разрушить своею ловкостью все преграды к тому. Если только представится к тому возможность, он стремительно кидается к девушке, старается разорвать ремни и сетку, но тут невеста и девки поднимают крик, визг, схватывают его за волосы, царапают его лицо, бьют и всеми силами стараются отбить невесту, хотя сама невеста окончательно не

делает при этом никакого сопротивления. Если жених, преодолев все препятствия, успел коснуться рукою до голого тела, с него этого довольно, он победитель и сам отходит от нее, а затем все бабы и девушки разбегаются, между тем невеста умильным голосом говорит своему жениху "ни, ни!", чем и заключается весь брак у камчадал.

Редко случается, чтобы камчадал сразу достиг своей цели. Бывали случаи, что ему приходилось пробовать свою ловкость несколько раз, и каждый раз получать ушибы и царапины, для излечения которых требовалось время. Бывали случаи, что бедняк семь лет добивался своей невесты и во все это время служил безвозмездно, а бывали такие примеры, что после неудачных попыток бедный жених был поруган своей невестой и бабы, овладев им, сбрасывали с балаганов.

Кто схватит свою невесту, тот получает все права мужа и на другой или на третий день увозит ее в свое селение. Для празднования же брака он возвращается, спустя несколько времени, к родным жены.

Что касается до женитьбы на вдовах, то здесь не встречается никаких препятствий, кроме одного согласия с той или другой стороны.

Мордовские и чувашские языческие свадьбы. Когда отец хочет женить своего сына, то посылает к отцу невесты посторонних людей, чтобы спросить: желает ли он выдать дочь свою за такую-то? И если последует благоприятный ответ, то родители жениха и невесты договаривались о *кальме* (выкупе), также — кому держать первую попойку и сколько чего употребить при ней. Кальм полагался смотря по состоянию 8, 9 или 10 рублей ассигнациями. Потом отец и мать жениха просят невестину родню в гости в дом ее; а из своей родни никого не принимают.

В назначенный для того день званые гости собираются, причем их угощают.

Только в самый день бракосочетания объявляют жениху и невесте о том.

Родители жениха приезжают в дом невесты, которая в то время уже совсем одета по-праздничному и приготовлена к браку. Вся церемония и важность ее заключается един-

ственно в том, что отец, взяв за руку дочь свою, а мать — в руки хлеб и соль, вручают дочь свою с хлебом-солью свекру и свекрови.

Невеста, поблагодарив родителей своих за понесенные ими труды и хлопоты о воспитании ее и притом заплакав о родительском доме и родственниках, покрывается белым холстом до пояса и в этом виде выводится своим братом из отеческого дома до саней или телеги. Прочая родня ее, проводив ее до половины дороги и встретив родню женихову, возвращается, так как на брачном пиру с невестинной стороны родни не бывает.

Как только приедут в дом жениха, то его брат или ближайший сродник, взяв невесту за руку, вводит в избу и сажает за стол. Потом зовут жениха, который, нахлобучив шапку, садится подле нее. Отец его, при собрании всех сродников и других гостей, взяв поставленный на стол пирог аршина в полтора, поднимает его и концом его поднимает покрывало у невесты, говоря между тем: "Вот тебе свет! Будь счастлива к хлебу, животу и размножению семьи". Потом переменяет он ей имя: Мезява, большая, Сернява, средняя, Вежава, меньшая, и так далее по старшинству сочетающихся сыновей своих. Тогда жених и сродники увидят невесту, так как и она их всех. После сего начинается пирушка, которая продолжается, смотря по средствам. В этом состоит весь обряд их таинства брака.

Ныне их браки, как христианские, сопровождаются новыми обычаями, близкими к нашим. Обыкновенно в день свадьбы надевают на невесту красное платье или кумашник, красную рубашку и красные сапоги. На все пальцы обеих рук надевают разноцветные перстни с привешенными к ним небольшими цепочками, к которым привешены серебряные или медные копейки. Голову ее прикрывают красною фатою так, чтобы видеть лица ее нельзя было. Пред нею ставят скамейку, на которую ставят хлеб, соль и ведро пива; подле ее садится пожилой мужчина с иконою, пред которою мальчик держит свечу. Между тем все сродники ее, подходя к ней один по одному, подклоняют головы свои под фату ее, которых она порознь оплакивает. В продолжение сей церемонии один игра-

ет на гудке; а прочие, по своему обыкновению приплясывая, поют: *вой! вой!* При этом потчуют пивом или медом всех без изъятия предстоящих, и всяк в честь себе вменяет быть при этом пьяным. Со стороны здесь не бывает гостей, кроме отца и брата, свахи и двух дружек. Должность свахи и одного дружки состоит в том, чтобы подносить напитки.

Другой дружка, стоя пред невестою в безмолвии, держит в правой руке обнаженную саблю, которою время от времени махая, ударяет в потолок или матицу.

Между тем у печки на стол кладут постелю и все прочее приданое, на котором садится невестина сестра или иная ее подруга, у которой дружка должен выкупать приданое.

Коль скоро невеста оплатит всех своих сродников, то немедленно начинается церемониальное шествие к венцу. Во первых идет дружка с саблею, потом невестина мать или бабушка со свечою, а за нею отец или ближайший сродник с иконою.

Тут берут невесту кто за пояс, кто за ноги и выносят из избы на двор. Между тем она, как бы неохотно оставляя дом своих родителей, старается всеми силами противиться этому выходу из дома. То схватится за матицу, то за косяк дверей, то за скобу, и с такою силою, что окружающие ее должны бываю употребить все силы для того, чтобы раздвинуть руки. Коль скоро вынесут ее во двор, то дружка, вооруженный саблею, кричит, чтобы все зрители стояли рядом и чтобы никто не выходил ей навстречу, что принимается за дурной знак.

Между тем у избы запирают двери и никого оттуда не выпускают, пока не посадят невесту в сани или в повозку и покрывают белою скатертью с бахромою. Поезд следует так: сперва отец или брат женихов, потом невеста со свахою и дружкой, в одной повозке, затем подруги ее и вся свита едет только до половины дороги; а отсюда сопровождает ее поезд жениха до самой церкви, где дожидается жених.

Когда окончится венчание, впереди всех едет жених, а за ним невеста, после того и весь поезд. По прибытии домой жених тотчас, приняв невесту, ведет в избу; но прежде, нежели входят в нее, становятся оба одною ногою на порог избы,

где ставят горячую с хмелем сковороду на ногу сперва жениху, а потом невесте. Жених сбрасывает ее ногой, потом то же делает и невеста. За отбрасыванием ногою сковороды с хмелем тщательно наблюдают все домашние и выводят свои заключения о будущем новобрачных. Чем далее отлетит сковорода от ноги невесты, тем она будет сердитее и сварливее; а чем ближе, тем смиреннее и добрее. Если сковорода упадет вверх дном, то думают, что новобрачные будут несчастливы, а наоборот — дном к низу — полное благополучие.

Затем жених, невеста и все гости входят в избу; садятся за стол и пируют; но при этом пиршестве никого из родни новобрачной не бывает. Сама же невеста тотчас убирает голову по девичьи, как до сего ходила, и потом ходит так до того времени, пока не увидится с отцом или матерью, или вообще с тем, кто ее выдавал замуж, а затем уж лишается всех девичьих украшений.

У некоторых мордовцев есть обычай раздавать крутую кашу всем сбежавшимся с деревни смотреть молодых, по чумичке на человека, кому в шапку, кому в полу, а иному и за пазуху.

У чуваш, живущих по Волге, если кто вздумает жениться, должен послать свата в дом невесты и торговаться с отцом на счет выкупа. Не знаем как теперь, но лет 90 тому назад цена тамошним невестам простиралась от двадцати до пятидесяти рублей ассигнациями. Бедняки покупали в то время жен, платя десять, пять рублей, а богатые платили до семидесяти рублей на ассигнации. Приданое невесты обыкновенно состоит из разного скота, домашней утвари и одежды, соразмерно или почти соразмерно с выкупом. Впрочем, это в других местах называется кальмом (выкупом, а у чуваш называется *Хота*, сватовство).

По заключении торгового бывает поезд с дарами. Жених, приезжая с родителями к невесте, представляет договорную сумму денег, причем дарит новых родственников рубахами, платками или холстом; а для благополучия в сочетании, хозяевам — пшеничный хлеб и небольшое количество меду-сырца, которое, поднося, держит против солнца и творит молитву. В этот же день после веселой пирушки условятся на счет дня брака.

В этот день невеста сидит в гостеприимной избе за отгородкою с закрытым лицом. Но в известное время выходит оттуда и ходит вокруг избы с печальным выражением лица, между тем как ее подружки носят пред нею пиво, хлеб и мед-сырец. Когда таким образом она обойдет три раза вокруг избы, то жених, сорвав с нея покрывало, целует ее и меняется с нею перстнями. И с того времени она называется обрученною. После того невеста, угостивши гостей хлебом, пивом и медом, уходит опять за перегородку, где женщины, сняв с нее худую девичью шапку, надевают бабью, поновее, называемую хуциу.

При раздевании, как и у других русских племен, невеста должна разувать жениха. На следующий день происходит дознание, сохранила ли молодая свое девство, если не сохранила, то стыдят молодую стаканом с продырявленным дном, как уже ранее было описано, и все кончается смехом, без неприятных для молодой последствий.

В этот день молодая принимает гостей как хозяйка, и день проводится в песнях и плясках под музыку, веселее первого.

Свадьбу играют по большей части у жениховых родителей. Гости, со своей стороны, никогда не ходят без съестного и напитков, а кроме того кладут на поставленный на столе хлеб с воткнутой в него стрелюю кто что может из денег, на раззавод молодых.

В прежнее время чуваш — христиане венчались спустя долгое время после этих обрядов.

Черемисская языческая свадьба. Когда черемисы были идолопоклонники, то в той избе, где предположено было свадебное торжество, на столе домашнего своего идола, *Карт* совершал моление. Потом делали обед, а за окончанием его предавались веселью, состоящему в пляске, песнях и музыке на гусях, или на вольнке. В то время как *Карт* читал свою молитву, в другой избе невесту наряжали в замужнее женское одеяние, сняв покрывало, надевали на нее нарядную женскую шапку или повязку. Затем жених, взяв ее за руку, отводил ее в гостеприимную избу, где она во все время моления *Карта* стояла на коленях, а затем, вставши, раздавала дары и подносила всем гостям

пиво или мед. По окончании всего этого она отправлялась опять в ту избу, где была.

Вечеру невеста раздевалась сама, но ложилась как-то не добровольно и по принуждению. Уложив молодых, бабы за-пирали подклеть.

На другой день, поутру, в сопровождении женщин входил в подклеть один из пожилых мужчин, избранный вместо отца молодой, держа в руке предобрую плеть. И если он усматривал в молодой что-либо противное доброй чести до ее замужества, то поднимал плеть и обещал ей вознаградить на другой день, и конечно, это наказание исполнялось. Так же поступали и молодые, только позднее, по окончании всех свадебных обрядностей.

Третий день препровождали они также в пирушках и веселье. Пред удалением всех каждый, выпив стакан пива или водки, бросал в него какую-либо монету, в подарок молодым.

Мало бывает и ныне между черемисами браков, где бы не примешивались эти языческие обряды.

Татарская свадьба. У татар русских существует в основе одно и то же, согласно религии, но встречаются некоторые различия в частности их обрядности. У татар по реке Черемхану, которая впадает в Волгу при Сингелееве, существует такой обычай при свадьбах: когда жених или его родители выберут невесту, то сватают ее тоже, как и прочие, чрез посторонних лиц и после согласия с той и другой стороны начинают толковать о калыме. У них даже бедняки должны платить довольно тяжелый калым. И женскому полу нет принуждения выходить замуж, а потому невестин отец при начале сватовства спрашивает дочь, охотно ли она идет, нравится ли ей жених? Только ее согласие решает дело. Затем приглашают муллу, который, прочитав молитву, разрешает ей сидеть с женихом за занавесой, потом гости пьют и веселятся. Но только тогда жених волен взять свою невесту, когда заплатит ее отцу калым сполна. Между тем жених волен тайно, время от времени, посещать невесту, повольничать немного, но в права мужа вступать ни под каким предлогом не допускается.

По уплате полного калыма невестин отец приглашает гостей на пир, и погуляв до пьяна, они разъезжаются по домам; а жених с невестой и другими сродниками, взяв все приданое невесты, уезжает в свой дом. Потом призывается мулла, и начинается брак. Брак их очень краток и прост. Молодые сидят или в другой избе, или тут же за занавесом. А мулла, не видя новобрачных, спрашивает трижды у присутствующих: "женился ли такой-то?" Ему отвечает дружка: "женился!" — тоже троекратно называя по имени жениха.

Потом мулла спрашивает о невесте троекратно: "вышла ли такая-то замуж за такого-то?" Дружка тоже на каждый его вопрос — что вышла такая-то? Наконец, мулла читает молитву, и тем кончается процесс брака.

По прошествии двух или трех дней зять приглашает к себе в дом тестя и всю родню молодой жены для пиროвания; гости собираются, и каждый из них приносит что-либо в подарок новобрачным.

Свадьбы у казанских и кренбургских татар совершаются так же почти, как выше сказано. Так же поступает и мулла при совершении брака. Замечательно то, что у них существует девичник, куда собираются подруги и родные, поют песни и оплакивают перемену состояния невесты, которая в это время сидит с закрытым лицом. Между тем двое мужчин от лица невесты поют песню, содержанием которой то, что "она перемены этой желает". Накануне брачного дня к вечеру, посадив невесту на ковер, относят невесту в тот дом, где должна быть свадьба, и тут она видится с новыми своими родственниками.

У этих татар потеря девства до замужества считается величайшим бесчестьем. Гневного характера жених имеет право во время самой свадьбы сорвать с своего тестя и тещи свои подарки.

Свадьба сибирских (чульмских) татар. Эти татары также посылают свата. Сват, отправляясь по делу сватовства, берет с собою новую трубку (китайскую), набивает ее китайским табаком, а придя туда, объявляет причину прихода и тотчас оставляет там свою трубку и табак, сам удаляется куда-то на короткое время. По возвращении, если он заметит, что трубка

не была в употреблении, то считает это за отказ, а если усмотрено, что курено, то принимается торговать невесту на платье, мягкую рухлядь, скот и на проч.

Свадьба совершается в новой юрте, брачное ложе молодых — войлок. Если новобрачная виновата пред своим мужем, то она никакой обиды от мужа не терпит, но молодой украдкой уходит и не ранее возвращается, как разделавшись добрым порядком с похитителем ее чести. Потом все предается забвению.

В день свадьбы у них тоже происходят пирушки и веселье с песнями, пляскою и музыкой. Кроме того, жених занимается борьбою с родственниками невесты и если успеет всех их побороть без посторонней помощи, то заслуживает огромное общее одобрение.

Калмыцкая свадьба. У этого народа, исповедующего ламайскую веру, женитьба детей совершается по воли родителей. Но прежде, чем принимаются за сватовство, обращаются к Гелюну (своему жрецу), объявляют ему имена жениха и невесты, год, месяц и число рождения каждого из них, и гелюнь справляется в книге судеб (сударь), а потом им объявляет соизволение Бурханов, их богов, успех или не успех брака. В последнем случае брак никогда не состоится. Разве только задарят гелюна, тогда он постарается умилишить своих богов.

Таким образом, получив соизволение своего жреца, договариваются при свидетелях обеих сторон о кольме, который состоит из выкупа со стороны невесты. Она должна привезти за собою: новую кибитку, по несколько всякого скота и ясырь (прислугу).

Брак гелюнь совершает во время нового месяца с обыкновенными своими обрядами: сперва приводит жениха и невесту к бурханской присяге во взаимной верности; потом, выведя их из кибитки, приказывает им глядеть на солнце, а сам читает молитву; причем жених и невеста кладут земные поклоны.

Наконец — гелюнь, по совершении надлежащих молитв, возлагает на жениха и невесту руки, тем и кончается вся церемония. Потом сажают невесту в кибитку за занавес; а жених садится впереди.

Родственники обеих сторон, взявшись за сырую овчину с двух сторон, начинают что есть силы тянуться между собою, и чья сторона перетянет, значит, та должна угощаться на счет противоположной побежденной стороны. Обыкновенно с одной стороны тянутся одни жениховы родственники, а с другой — невестины.

При начале пирушки вводят невесту в ее кибитку, где она с прочими женщинами и девушками при игре на чебыдзе, вольнке и гудках веселится. В это время воспрещается видеться со свекором и старшею жениховой родней, а отца своего не прежде посетить, как по прошествии года, и тогда уже получает она от него надлежащий свой пай (удел или участие) в верблюдах, разном скоте и прочем.

У калмыков уральских часто стоваривают детей не только младенцами, но даже тогда, когда жены их беременны, если только родятся у одного сын, а у другого — дочь.

Сочетаются браком еще по четырнадцатому году. За два года до свадьбы позволено жениху ходить играть с невестой. Но ежели она до свадьбы забеременеет, то жених или его отец должен удабривать родителей невесты подарками, несмотря даже что последовало обручение.

Договоры с невестиным отцом и матерью насчет выкупа за нее производятся до свадьбы. Со своей стороны ее родители приготавливают в приданое платье, разные домашние вещи, постелю, войлоки, одеяла и кибитку из белого войлока.

Пред браком справляются у гелюна насчет благополучного для брака дня, когда и совершают потом брак. Пред началом брака, когда невеста в сопровождении родителей и родственников приезжает к жениху и ставит новую кибитку, то прибывший в дом гелюнь, при всем поезде, читает некоторые молитвы; невесте, по его приказанию, расплетают косы, а волосы заплетают только на две. Затем гелюнь берет шапки у жениха и у невесты, отходит в поле и окуривает их ладаном, при чтении ему известных молитв, возвратясь, отдает дружке женихову, а сваху — невестину шапку и приказывает надеть молодым.

После этого брака начинается пирушка, на которую мясо для пира жертвует отец невесты. Затем невесту оставляют в

кибитке у жениха, в которую некоторое время не допускается вход никому с ее стороны, кроме матери и сродниц.

Многоженство и развод калмыкам возбранен, хотя бывали примеры и нарушения этих правил. В последнем случае развод по неудовольствию того или другого супруга между знатными калмыками. Говорят, что если желание развода следовало со стороны жены, то муж раздевал жену донага и гнал со двора плетью. Но более благоразумные калмыки отпускали жену не только с честью, но даже делали для ее родственников пирушку и награждали скотом и лошадьми.

НАРОДНЫЕ ПРИМЕТЫ

Храм трещит (дом трещит, стены) – выживает из дома. *Ухозвон, кости под колпиками свербят* – путь будет. *Длани свербят* (ладони чешутся) – деньги иметь; *очи свербят* – плакать. *Воронограй, куроклик* (пение курицы) – худо будет. *Утица крикнет, гусь гогочет* – око-миг (дрожь в ресницах). *Огонь бучит* (треск дров), *пес воет, мышеписк* (писк мышей), *мышь порты грызет* (вообще платье); *кошка в окне мышца устранил* – сон страшен. *Слепца встретить* – взгорит нечто; *огонь пищит, искра из огня, кошка мяукнет* – падет человек; *свеща угаснет, конь ржет, вол ревет, трава шумит, древо скрипит, сорока поцекоцет, дятел желна* (долбит дерево); *стенощелк* (черви в стенах); *жаба воркует*.

Эти последние приметы служили или предвестниками перемены погоды, или удачи охоты.

Дым в избе высоко ходит (в курной) – к погоде.

Мышь в жиле высоко гнездо совет – снег велик будет и погода будет.

Берег подымается, и море дичится, и ветры, сухие и мокрые, тянут, и облака дождевые, снежные и ветреные, и гром гремит, и буря веет, и лес шумит, и древо о древо скрипает, и волки воют, и белки скачут – море будет и война возстанет, и вода прибудет, и плодов в лете в коем не будет, или умалится.

Суеверие беременных женщин. Смелая и суеверная женщина, будучи беременна и желая узнать, кого она родит, давала

из рук своих медведю, конечно медведю ручному, таких встарь водили скоморохи на потеху, — хлеб, мед, водку, и ожидала, какой голос или звук издает медведь: если он рыкнет — женщина родит девицу, а если замычит, то — мальчика.

Об образовании младенца тоже образовались полужыческие, полухристианские убеждения. Одно описание говорит, что человек состоит из восьми частей: сердце от камня, тело от персти, кости от облак, жилы от мглы, кровь от черного моря, теплота от огня, очи от солнца, дух от Святого Духа.

Зарождение в младенце духа. Говорится, будто бы во время беременности женщины ее Ангел Хранитель берет части: у земли, или у воды, или у железа, или у камня, или у дерева, или у огня, или у всякия вещи смертныя, и возьмет от того камень материн и кинет на отроча то, и от того зарождается в нем дух.

О человеческих свойствах. (Темперамент.) Человеческие свойства зависят (былое уверение), от преобладания какой-нибудь из восьми частей состава его тела: от земли тело: тот человек темен и не говорлив; от моря — кровь в человеце, и тот человек прохладен; от огня — жар: тот человек сердит; от камня — кость: тот человек скуп, не милостив; от солнца очи: тот человек богатыват и безстрашен; от ветра дыхание: тот человек легкоумен; от облака мысль: тот человек похотлив; от света — свет: тот человек свят, не мыслит земного, но мыслит небесное.

Хозяйственные приметы против червя. Возьми веник, которым от оводов отмахивались, покрапливай капусту и — червь выйдет.

Для удачи в пчеловодстве. Возьми осетровую кость и воткни в улей к пчелам и больше пчелы водятся и пасут (несут) мед из чужих улей и бортей.

Хозяйственная примета против падежа скота. А коли скот умрет, и ты с умершаго скота съми кожу, продай, да на те пенязи купи сковроду железную, да ешь сам с нее всякую явству — скот твой не станет мереть.

Хозяйственная примета на счет купли коня. А коли купишь коня и ты, или выменяешь, и дай ему из решета ясти в ступу, — будет добра.

Камень против отравления. Есть камень синь, в жабе — черепах, а носит она у себя в голове, и кто тот камень вымет из жабы и держит у себя во устах, и не боится человек никакого окорму, а коли окормят и тот камень подержи во устах.

Для успеха в работе. Время пред восходом солнца считалось особенно знаменательным: тогда ходили купаться, мыли платье, ткали и пряли, вертели масло и делали другие домашние работы, думая, что деланное до солнечного восхода имеет что-то особенно важное.

Орлов камень, змеиные рожки, рога единорога. К симпатическим средствам принадлежали (в XVII веке) орлов камень, рога единорога и змеиные рожки. Орлову камню, по современному суеверию, Бог дал дивныя угоды таковы, что не сведущим людям нельзя про него и веры взять. "Воображали", что этот камень находят в орловом гнезде. А держит орел тот камень в своем гнезде будто бы для оберегания детей своих, потому что тот камень оберегает от всяких притчей, от поветрия и от всяких зол. Рог единорога считался редким и драгоценным средством не только для исцеления от тяжелых болезней, но и для поддержания цветущего здоровья вообще на всю жизнь. Это верование о роге единорога распространили иностранцы в XVII веке, и сам Царь Алексей Михайлович в 655 г. соглашался за три такие рога заплатить десять тысяч рублей соболями и мягкою рухлядью. Рассказывали, что они длиною до шести пядей и светел. Небогатые не могли иметь таких дорогих средств и употребляли так называемые змеиные рожки. Их толкли в порошок и давали пить в случае какой-нибудь внутренней болезни. Эти змеиные рожки очень часто (и вероятно всегда) были не что иное, как простые кости.

Приметы для воду скота. Если хочет скота много держать, то медвежью голову пронеси сквозь скот, на Иванов день до солнца, и вкопай среди двора и скот будет вестись.

То же. Аще кто животину купит приводную, мерина или корову, и приведши ко двору велит растянуть пояс женский от верей до верей, да замок положит к верее, а колоду замочную к другой верее, и проведши животину сквозь замок, замкнуть и пояс взять, опоясаться и через мужской пояс, животину водить же от верей до верей растянувши.

Отчего в деревне не едят телятину. Во многих городах и деревнях суеверы почитают грехом есть телятину. Смысл этого понятия происходит, с одной стороны, от того, что новотельные коровы, лишась своих ососков, теряют молоко, из чего и явствует, что воздержание от ядения телятины в сельских жителях происходит не от суеверия, но от доброй экономии. Но можно считать еще и ту причину отчего не едят телят, потому что теленок – бычок или телка – предмет будущих выгод; между тем как крестьянин может довольствоваться в скоромные дни мясом свиней и баранов, и то по праздникам, которых в году не особенно много, благодаря постам.

Мщение за неопрятность. Кто, не соблюдая чистоты в доме или во дворе, кладет свой помет где попало, и особа та неизвестна, то берут из печи раскаленное уголье и сыплут на тот помет, веря точно, что все седалище опаршивет.

Приметы и обряды при родах. Когда женщине наступит время родин, то час рождения стараются утаить, веря, что от того женщина родит легко, а в противном случае тяжело. Родильную молитву, в тех местностях, где деревни от церквей отдалены, давали в шапку; посланный, возвратясь в избу к родильнице, вытрясает из шапки, и тем очистит. Кормят за столом отца новорожденного кашею кума и другие женщины: таким образом, отец высылается на сие время вон; потом, взяв столовую ложку, кладут в нее по пропорции: горчицы, перцу, хрену, соли, уксусу, сорочинского пшена, то есть каши бабкиной, и обсыпают сахаром, принудят это съесть хозяина, знаменуя тем, чтобы и оный что-нибудь при сих родах претерпел болезненного, так, как и роженица. Но многим городам родня посылает к роженице так называемую *порушку*; она делается из сухой разваренной малины, подслащенной сахаром или медом: сей порушки посылается всегда по кружке от всякого родственника и по большому круглому пирогу.

В Мордве существует обычай беременным женщинам рожать в бане, под предлогом, что в натопленной бане рожать легче. В баню эту, кроме бабушки, никто не входит. После благополучного исхода бабушка оповещает отца и родственников о рождении младенца, но не допускает до свидания с новорожденным до тех пор, пока бабушка не напечет блинов, не

сварит крутой каши. Таким образом приготовив стол, приглашает отца и родственников младенца, и тут назначается имя ребенку бабушкой, часто по имени первого встречного или встречной.

У калмыков, когда приходится женщине быть на сносях, тогда избирают здорового мощного калмыка, которого чествуют каждый день, хорошею по их обыкновению пищею, о которой выше сказано: и как скоро начнутся у роженицы потуги, тогда дюжий угощенный калмык садится на пол среди кибитки и, роженицу посадив на колени, жмет ее обхватом своих рук, начиная от грудей и опуская их до самого лона. Это давление продолжает до тех пор, пока младенец начнет показываться, которого калмыцкая бабушка, сидя перед роженицею на цыпочках, караулит и, как скоро покажется младенец, то дает знать около стоящим, которые палят из пистолетов, дабы нечаянным выстрелом испугать роженицу, и тем споспешествовать к рождению. Дюжего калмыка за труды гостят, дня два или три и, подарив овцою или жеребенком, отпускают; бедные, которые не в силах нанять дюжего калмыка, двоякое имеют средство: первое состоит в том: у роженицы в то время, когда начинаются потуги, утробу перетягивают широким ремнем и давят сверху вниз; через что бывает им облегчение; последнее средство кажется им значительным облегчением, третье средство состоит в том, что роженица берет палку, к которой приделана широкая развилина: роженица ложится животом, и давит оной, сколько достанет сил до тех пор, пока не разрешится от бремени; при всех сих способах к облегчению родов случается, что роженицы после родов долгое время бывают без чувств, а иные и долго страждут разными от того болезнями, но крепкая их природа все преодолевает: и редко между ними слышать можно, чтобы женщина замучилась родами. Впрочем, никаких увеселений, пиршеств при родах не бывает, как например, при родах русских женщин и других народов Европы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данной книгой мы хотели обратить внимание на проблему нашего истока, на вопрос — кто мы есть. Все рассуждения о национальной идее беспочвенны, если они не основываются на понимании фундамента, сути нашего этноса. Именно этноса, а не нации. В истории действуют этносы, а не нации. Советский народ был таким этносом. Чем больше в этнос входит национальностей, тем лучше. Но входит не формально, а органически. Советский народ был уникальным этносом: по духовности, интеллекту, стойкости, доброте, чувстве братства и взаимовыручки, милосердности. И распался не этнос, разделились не отдельные национальности. Все зло совершили отдельные особи — националисты с одной-единственной целью — получить власть. А сами народы от этого пострадали, все, в том числе и российский народ. В книге пишется о русских сейчас и в прошлом. Но не надо это воспринимать как национализм, шовинизм. Наоборот.

В книге мы только затронули проблему, очень важную для России в данное время. Ее надо решать. Те, кто это понимает, должны объединиться, и так будет легче ее поднять. Сейчас же отдельные исследователи и просто честные люди делают, что могут. Но этого мало. Им надо помочь. И тогда сделанное нами всеми дело даст свои плоды и Русь, объединив другие народы, повернет мировую цивилизацию на стезю Правы, высокой морали и достойной Человека жизни. Жизни в согласии с Природой, Богом.

* * *

Авторам можно написать по адресу: 142190, г. Троицк Московской области, а/я 26. Авторам можно написать и по всем их книгам, изданным "ВЕЧЕ": "Тайны мирового разума и ясновидение", "Тайны богов и религий", "Разумная жизнь во Вселенной", "Озонные дыры и гибель человечества?", "Апостол Павел и тайны первых христиан", "Тайны будущего. Прогнозы на XXI век", "Космос и здоровье".

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
НАШИ ПРЕДКИ — СКИФЫ	9
ГОРОДА ВЕЛИКОЙ СКИФИИ	29
НАЧАЛО РУССКИХ	52
СЛАВЯНЕ В ЕВРОПЕ	60
ИСТОРИЯ СЛАВЯН	83
ХРОНОЛОГИЯ ПРАСЛАВЯН	90
РЕЛИГИЯ СЛАВЯН — ДУША НАРОДА	117
ЯЗЫЧЕСТВО —	
РЕЛИГИЯ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ	121
БОГИ СЛАВЯН	150
Небесные боги славян	162
Земные боги славян	200
Подземные (преисподние) боги славян	212
Водные боги славян	213
Полудухи	214
Богатыри	216
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СЛАВЯН	
О ЗАГРОВНОЙ ЖИЗНИ	217
Смерть	217
Душа	222
Бессмертие души	229
Душа после смерти человека	230

ДУШИ УМЕРШИХ В НЕВЕДОМОЙ СТРАНЕ	240
Жизнь души в загробном мире	254
ЗАГРОБНАЯ ЖИЗНЬ ПО-ХРИСТИАНСКИ	264
ЯЗЫЧЕСКИЕ (НАРОДНЫЕ) ПРАЗДНИКИ	291
ЗАГОВОРЫ	317
Заговоры от истечения крови	318
Заговоры от тоски	319
Заговоры воинские	322
Заговоры любовные	327
Остудные, противулюбвные заговоры	338
Заговоры для избавления от нечистой силы	340
Охотничьи заговоры и молитвы	342
Заговоры и обереги от пьянства	347
Заговоры от лихорадок	348
Заговоры против зубной боли	351
Заговоры от болезни глаз	353
Заговоры против мужского бессилия	353
Заговоры от грыжи и сглазу, и баенной нечисти	355
Заговоры пчелиные	357
Заговоры от всякой болезни	357
Заговор от злобы лихих людей и о спасении	358
Молитвы, заговоры и обереги, относящиеся к скотоводству	359
Заговор от бешеной собаки	361
Заговор на торговлю	361
ГАДАНИЯ	363
СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ	375
НАРОДНЫЕ ПРИМЕТЫ	437
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	442

Мизун Ю. В., Мизун Ю. Г.

М 58 **Тайны языческой Руси.** — М.: Вече, 2000. — 448 с.
(«Великие тайны»)

ISBN 5-7838-0734-6

Русь языческая... Действительно ли до христианства на Руси существовала стройная, высокоморальная, опирающаяся на цельное мировоззрение религия? Ю.В. Мизун и Ю.Г. Мизун, исследуя дохристианскую историю наших предков, на основе анализа Русских Вед и «Велесовой Книги» пришли к выводу, что еще за тысячи лет до основания Киева и крещения Русь была православной, славяне были монотеистами, верили в Единого Бога, Богородицу и Сына Божьего. Правь — откуда и произошло название «православие» — это Небесная Мать, покровительница России. Таким образом, утверждают авторы, русский ведизм является древнейшей монотеистической верой, которая дошла до нас лишь в виде устных преданий и священных текстов. «У нас было прекрасное прошлое, которому может позавидовать любой народ», — доказывают авторы.

Юлия Владиславовна МИЗУН
Юрий Гаврилович МИЗУН

ТАЙНЫ ЯЗЫЧЕСКОЙ РУСИ

Генеральный директор *Л. Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В. П. Еленский*
Главный редактор *С. Н. Дмитриев*
Редактор *В. В. Михеева*
Корректор *Б. С. Тумян*
Верстка *Г. Н. Фадеев*
Разработка и подготовка к печати
художественного оформления – «Вече-графика»
Д. В. Грушин

ЛР № 064614 от 03.06.96
Издательство «Вече», 129348 Москва, ул. Красной сосны, 24.
Наши электронные адреса:
WWW.VECHE.RU
E-mail: veche@mail.sitek.net

Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 – книги, брошюры
Гигиенический сертификат № 77.ЦС.01.952.П.01757.Т.98 от 07.09.98

Подписано в печать 20.11.2000. Формат 84S108 1/2.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ. л. 14.
Тираж 10 000 экз. Заказ .